

ПОЛЕСОВКИ

УГОЖЕЕ ПОМЕСТЬЕ

Интерес к лесным богатствам – нескончаем, ибо нескончаема сама таинственная чаща, что протянулась через всю нашу необъятную землю: ни конца ей, ни края! И так же нескончаемы вести в лесу, что исправно, как по заказу, случаются в природе. Вестей этих, самых расчудесных, как ни старайся, не перечесать, чем и славен наш лес, и от того радостно становится на душе, привольно. Хочешь – ступай в ту сторону, пожелаешь в другую – сам себе голова, но куда бы ни обратилась твоя душа - повсюду тебя встречают чудесные лесные вести, я их называю «полесовки», и лес с ними – к селу крест, а безлесье – не угожее поместье!

Чего только не происходит с человеком в лесу, если он поистине привержен к его тайнам, и не представляет без него своей жизни. Лес преподносит ему множество чудесных загадок, раскрыть которые – страсть, как хочется, но без вдумчивого отношения к природе тут никак не обойтись, иначе клад лесной никому не даётся. И человек отправляется на свидание с батюшкой-лесом, и благодарит его за оказанное доверие и ласку, ведь без леса – ни прута, ни лесинки, ни барабанной палочки!

Шёл однажды по берегу реки человек с ружьём, увидел рябчика и выстрелил. Рябчик упал, а вместе с ним куница, притаившаяся на растущем позади дереве, но невидимая охотнику, и скопа, что только прилетела в гнездо со щукой в когтях, и расположилась чуть поодаль. Один удачный выстрел, и вот тебе нежное боровое мясо, драгоценная шкурка, хищная птица в придачу, да ещё и уха!

Мы все, кто любит и понимает лес, конечно, скажем, что выстрел оказался на удивление метким, и случается подобное везение крайне редко, наверное, на чей-то взгляд, его можно даже назвать чудом, а всё же - жалко становится и рябчика, и куницу, и скопу с выловленной рыбиной. Сразу приходит на ум такое соображение, что лучше бы человеку вовсе избавиться от пустой стрельбы по живому, и направить всё своё воображение на созидание, на помощь лесу, тогда он ещё большими чудесами тебя одарит. Аль человеку в лесу лесу мало?!

Или такое тоже бывало... Охотник, на привале, заметил двух летящих над ним, на небольшой высоте, тетеревов, и выстрелил дуплетом. Первый косач свалился чуть ли ни к ногам охотника, прямо в лежащий открытый рюкзак, а другой угодил в кипящий на костре котелок. Если слово «чудо» существует в человеческом языке, значит, за ним скрывается удивительная действительность, которой, чаще всего, присуща простота, и где, как ни в нашем чудесном лесу, она может ещё проявиться?!

Слышал я не раз небезызвестную историю о том, что будто бы вальдшнеп, эта изумительная по красоте птица, в отличие от других куликов живущая в лесу, во время вечерней тяги иногда присаживается прямо на голову охотнику, на какую-нибудь его замысловатую кепку или шляпу. В её необычной форме, а может — и цвете, он, якобы, обнаруживает для себя предполагаемую и желанную самку. Или, ещё издавна, бытует среди охотников такое поверье: если во время тяги, когда птицы с особым оживлением устремляются за самкой, подбросить шапку или фуражку, то самец, приняв её за самку, может резко снизить полёт, и опустится на то место, где упадёт брошенная вещь, чем охотник и не преминёт воспользоваться.

Стоя на тяге, мне самому подобный фокус приходилось проделывать не раз, но никогда вальдшнеп не реагировал на него, спокойно пролетая мимо, и потому я воспринимаю бытующее поверье за обыкновенную охотничью байку, тем не менее, привносящую свою обаятельную лепту во все истории, связанные с лесом. Даже удостоверившись, что способ с подбрасыванием шапки никогда не срабатывает, охотники всё же не перестают в него верить, и нет-нет, да воспользуются им, когда их никто не видит. И каждый, наверняка, думает про себя: а вдруг вальдшнеп купится на мою проделку, и опустится на землю?!

Случается в лесу и такая, почти неправдоподобная история, когда уже рябчик, а не вальдшнеп, садится на голову подманивающего его, на манок, охотника. По объяснениям такого охотника можно лишь понять, что он сначала очень напугался, но потом обрадовался, якобы даже попытаться ухватить рябчика рукой. Иной же охотник уверял, будто у него была какая-то необычная по форме и расцветке шляпа, которая понравилась петушку, и он выбрал её в качестве присадки. Порой находились и вовсе безудержные болтуны, что усматривали в посадке рябчика на голову охотника озорство, кураж, который петушок, оказывается, позволяет себе в пору ухаживания за самкой.

Совсем не казалось необычным, когда на ничего не подозревающего охотника, подманивающего рябчика пищиком, неожиданно нападает ястреб-тетеревятник, до такой степени воспроизведённый свист оказывается верным. В самый последний момент хищник понимает свою ошибку, и бросается наутёк, оставляя незадачливого охотника в диком изумлении. Хорошо, если ястреб не успел воспользоваться своими страшными когтями!

Со мной подобное случалось раз-другой, и в этом нет ничего удивительного, поскольку ястреб обладает отменным слухом, и камнем падает именно в ту точку, откуда доносится призывная песня рябчика. Однажды я чуть было не поплатился глазом, и спасли меня лишь широкие поля ковбойки, которую хищник сбил с головы, напугав меня при этом до смерти. С тех пор, прежде, чем подманить рябчика, я тщательно выбираю место, откуда бы открывался хороший простор, а сам бы я был никому не

видим. Ведь рябчики, обладая короткими крепкими крыльями, ловко лавируют среди частых ветвей.

Вообще, трудно себе вообразить, что на рябчиковой охоте, такой спокойной и размеренной, казалось бы, лишённой каких-либо неожиданностей, порой случается и непредвиденное. Ведь само существование рябчика в лесу представляется неприхотливым и хорошо знакомым: пробуждение, звонкая песенка, возвещающая о начале нового дня, а затем размеренная кормёжка у реки, в густом черёмушнике или ольховнике. Днём птицы примолкают, как бы затаиваясь, но под вечер вновь оживляются, и опять звонко пересвистываются, кормятся, и с сумерками умолкают.

На первый взгляд, эта осёдлая жизнь ничего необычного в себе не содержит, но, тем не менее, рябчик не так прост, как принято о нём думать. Как ни странно, по большей части именно с ним, а не с какими-либо другими лесными птицами связано множество самых невероятных случаев и историй.

Среди знатоков существует мнение, что птицы разной породы никогда не слетаются в одно место, и уж, конечно, не летают в одной стае. В народе по этому поводу есть такая поговорка: «Знай сорока сороку, а ворона ворону». И действительно, какая корысть соединяться птицам, друг на друга совсем не похожим, да ещё порой и враждующим между собой?!

Но вот однажды, возвращаясь с охоты, я вдруг поднял неподалёку от реки, в маленькой ложбинке, вальдшнепа и ... рябчика, которые сидели на земле рядом. За долгие годы моего общения с лесом это случилось впервые, причём, именно с рябчиком. Птиц разделяла какая-нибудь пара метров, и они явно видели друг друга, хотя не тревожились, и ничего не предпринимали. Им, кажется, было даже хорошо вдвоём. Но что могло их соединять?

Это соседство разных птиц так и осталось для меня загадкой, и какие бы предположения я ни строил, ответа не находилось. То ли птицы случайно оказались вместе и просто не выказывали друг другу недовольства, то ли их всё-таки что-то заинтересовало, но дальше того, что они уже позволили себе, птицы не шли. Не могли они, по-видимому, и совокупляться, поскольку стояла глубокая осень, и всякая любовная страсть среди птиц давно отсутствовала. В природе, впрочем, известны случаи соединения глухаря с тетеревом, и тетерева с рябчиком, именуемые «межняком», но допустимо ли подобное в отношении рябчика с вальдшнепом?!

Рябчик сидит, вглядывается в окружающую его осеннюю жизнь, и чего-то ждёт, не улетает. Рядом находится вальдшнеп, по осени обычно предпочитающий одиночество. Причём, такое замкнутое и отрешённое, что подпускает к себе вплотную и человека, и зверя, как будто надеясь, что его не заметят, ждёт до самого конца. А тут рядом птица, и именно рябчик, на соседство которого вальдшнеп никак не реагирует!

В охотничьей литературе много хвалебных слов уделено в адрес особо сообразительных зайцев, что называют в народе «профессорами», но вот года

три назад, осенью, я удостоверился в наличии удивительной сметливости и у рябчика.

Сентябрьский день, помнится, выдался на редкость ясным и безоблачным, рябчик с самого утра очень охотно откликался и шёл на манок. Был уже полдень, когда в прорехе ветвей, метрах в пятидесяти, я углядел сидящего на ёлочке рябка, который тотчас отозвался на голос самочки и, ударив в свою лесную дудочку раз-другой, нырнул вниз. Это могло лишь означать, что рябчик прибежит ко мне по полу и нужно приготовиться и ждать его с минуты на минуту.

Обычно рябчик устремляется на зов рябушки молча, но с точным расчётом: у рябчика удивительный слух. Если ты просвистел ему голоском самочки, с нежным, чуть глуховатым придыханием, а затем неслышно перебежал, да ещё похлопал себя по бокам шапкой, изображая перелетевшую рябчиху, рябок непременно отзовётся и устремится тебе навстречу. Причём, окажется в точности на том месте, откуда прозвучала её песня, и будет в нетерпении выглядывать свою подружку, чуть слышно стрекоча, и время от времени раздувая шейку. Но даже когда он бежит к самочке полom, то ни за что не ошибётся и очутится прямо перед ней.

Изготовившись к стрельбе, я стоял, не шелохнувшись, ибо рябчик необыкновенно зорек и, углядев малейшее движение, мгновенно улетает. Но всё было тихо, а петушок почему-то не появлялся. Выждав с минуту, я ещё раз нежно поманил курочкой, и опять тишина. Рябчик или увидел меня, или что-то заподозрил.

Слегка переступив и немного поменяв позу, я тотчас пожалел об этом, услышав за спиной шорох. А обернувшись, вдруг увидел крупного, нахохлившегося рябчика, который стоял в трёх метрах позади, чуть наклонив голову и скосив на меня востренький глазок. Он вот-вот готов был сорваться, но почему-то медлил, и я попытался осторожно повернуться к нему.

Тут уж рябчик не стерпел, стремглав бросился в заросли папоротника и исчез. Я же разочарованно присел на корточки и, улыбнувшись, наконец, облегчённо вздохнул: петушок обставил меня по всем статьям, да к тому же, кажется, посмеялся надо мной.

Выходило так, что рябчик сразу заподозрил неладное и, не желая рисковать, решил меня обойти. Либо он был достаточно старым и опытным, либо я, подманивая его, где-то сфальшивил. Рябчик не рискнул идти напрямик, пусть даже соблюдая осторожность, а заложил в обход такой круг, чтобы я его не услышал. Причём, он точно знал, где я стою, и обошёл с запасом, чтобы посмотреть, кто это свистит.

Но больше всего поразило то, как рябчик смотрел на меня, подобравшись с самого тыла. Он, судя по всему, совершенно точно представлял, с кем имеет дело, и лишь удовлетворил свой интерес. В каком-нибудь километре от деревни рябчик чувствовал себя полным хозяином, и перехитрить его, похоже, было невозможно.

Вообще, рядом с деревней подманить рябчика на пищик может далеко не каждый охотник, поскольку птица здесь пуганая и ведёт себя очень осторожно. А вот в отдалении, где рябчика много и он не так внимателен, манить его способен даже неопытный охотник, без особого слуха. Рябчик тогда доверчиво реагирует на манок, и скоро подлетает.

В азарте охоты очень легко и обознаться, приняв за рябчика человека. Со мной случалось такое, и я, помнится, получал огромное удовлетворение от того, что меня принимали за озабоченного страстью петушка. Когда я наблюдал из укрытия за тем, как ко мне крадётся обвешанный охотничьей амуницией мужичок, то больше всего поражало его лицо, а не собственное мастерство подражания. Лицо человека совершенно очевидно отражало менее притягивающие тайны, чем замечательная тайна птицы.

Но может ли что-либо в природе тронуть человеческое сердце более, чем калека, когда птица или зверь, несмотря на несчастный случай, всё же отстаивает своё право на жизнь?! Таких обычно подбирают хищники, незамедлительно пользуясь их слабостью и подтверждая, тем самым, незыблемый закон природы о поддержании её чистоты и здоровья. Правда, некоторым обитателям леса удаётся избежать этой участи, и нередко человеку попадается хромой кабан, трёхпалый колонок или канюк с переломленным и неправильно сросшимся крылом.

В дореволюционном журнале «Природа и охота» за 1881 год приводится рассказ неизвестного Н.Н.Е. о трёхногом перепелке, более двух пудов весом, с целыми зубами, которого еле-еле загнали собаки и охотник на лошади. Мне однажды попались глухарь с огромным жилистым яйцом под крылом, образовавшимся, по-видимому, в результате вонзившегося в него сучка, и одноногий рябчик, которого подстрелил мой приятель.

Глухаря этого я слышал издали, благодаря сильному ветру, поднявшемуся перед самым рассветом. Не будь ветра, я бы вряд ли различил вкрадчивый шелест глухариного щебетания даже в ночи, но мощный ветряной порыв донёс до меня отголоски песни, и, под шум ветра, я беспрепятственно, и довольно скоро, оказался прямо под птицей. Глухарь устроился на самой вершине высоченной ели, так что ветер бросал отрывки скриканий, а потом – точения, то в одну, то в другую сторону. Несмотря на непогоду, птица вела себя очень оживлённо, и никак нельзя было предположить, что она в чём-либо ущербна.

Когда, после выстрела, ломая сухие еловые ветки, птица рухнула прямо под ноги, в мох, то в сумерках я не разглядел под крылом большого кожистого яйца, величиною почти с кулак. И только в избушке, укладывая глухаря в рюкзак, обнаружил это абсолютно голое жёсткое вздутие, что умещалось под левым крылом, у самого тулова. Судя по всему, образовалось оно у птицы уже давно, было только непонятно – как она с ним уживалась? Вскрыв же нарост ножом, я извлёк из него на свет толстый обломок елового сука, положив на ладонь, тщательно рассмотрел, и опять поразились: каких

усилий стоило глухарю терпеть эту внушительных размеров шишку у себя под крылом?

Уже дома я обратил внимание на то, что борода у глухаря пышная, большая, перламутровая зелень пера на груди достигает в ширину двух ладоней, а хвост, с исподу, весь усыпан крупными белыми пятнами, что могло свидетельствовать лишь о том, что птица достаточно зрелая, даже – старая, но в размерах сильно уступает своему действительному возрасту... По-видимому, это кожистое яйцо затормаживало развитие птицы, что в испуге однажды напоролась на еловый сук.

Что же касается рябчика, то с ним вышла совсем невероятная история. Мы с приятелем шли по склону лога, поглядывали по сторонам, и одновременно заметили рябчика, который как-то странно и коротко перелетал, в тоже время, не исчезая из поля зрения. Что-то будто держало его на одном месте, и не позволяло в полной мере насладиться свободой. Подстреленный, он неловко, комом свалился под ёлку.

Спустившись вниз, я, к своему удивлению, не увидел там птицы, а обнаружил на снегу след, направляющийся прямо к ручью. Рябчик плавал в нём рывками, и сквозь прозрачную воду я вдруг отчётливо разглядел у него только одну лапку. Затем опять рассмотрел след – он оказался одноногий...

Рябчик, видимо, допрыгал до ручья на одной лапке, плюхнулся туда обессиленный, и теперь плавал совершенно беззащитным серым комочком в холодной ноябрьской воде, и мне его было очень жалко. Не знаю, если бы он не был калекой, переживал бы я так из-за него? И ещё: до сих пор для меня остаётся загадкой: каким образом этому рябку удавалось выживать в лесу?!

Когда петушок оказался у нас в руках, мы рассмотрели его культу, что зарубцевалась, по-видимому, совсем недавно. Нас поразила способность птицы, каким-то образом, удерживаться одной лапкой на ветке... Обратив внимание на то, что по всему склону лога в обилии произрастала черёмуха с рябиной, мы с товарищем решили, что наличие корма в одном месте и выручило покалеченную птицу, иначе бы ей невозможно было долго продержаться.

Выше мною уже упоминалось, что в охоте на рябчика случается и такое, что невозможно даже предположить. Пример тому – рябчик-калека. Но вот, скажем, ты просто манишь петушка, он тебе с желанием откликается, а поодаль отзывается ещё один, но как-то нехотя, без всякой надежды на то, что ему захочется подлететь.

Ты терпеливо переговариваешься с тем, который поблизости, и думаешь: вот сейчас он, наконец-то, припорхнёт на соседнее дерево, не вытерпит, и тут вдруг заслышишь, совсем с другой стороны, подозрительный шум, будто кто крадётся, время от времени замирая. Оттуда нет-нет, да раздаётся слабое посвистывание, скорее – неумелое, чем его можно было бы принять за робкое приглашение курочки. И у тебя сразу закрадывается сомнение, а вскоре ты замечаешь среди деревьев того самого, осторожно

пробирающегося ... охотника с ружьём, что поддался на твои призывные «уговоры».

Весь его вид необыкновенно сосредоточен на происходящем таинстве, на лице — выражение, с каким мы, наверное, заглядываем ночью в холодильник, ещё толком не отойдя ото сна. С улыбкой окликаешь незадачливого охотника, им оказывается деревенский житель, с манком из глухариной косточки, и он не в силах сдержать своего разочарования, даже — смущения: ведь он подкрадывался к тебе, будучи полностью уверенным, что ты — рябчик!

В не меньшее изумление повергает человека горноста́й, небольшой зверёк, если он, ни с того ни с сего, разъярённо вгрызается в каблук сапога охотника, когда тот находится в засидке на какого-либо зверя. Мой старший товарищ, с кем мы часто бывали в лесу, пережил подобный случай.

Он подкарауливал у норы барсука, что возвращался с охоты, и был поражён, с каким остервенением горноста́й впился зубами в его сапог, причём, совершенно не опасаясь человека, кажется, получая необъяснимое удовлетворение от борьбы с неведомым для него противником. Приятель мой поначалу опешил от происходящего, а потом даже затеял игру с забавным зверьком, да и напугал, тем самым, барсука, что пробирался по лесу, отчего тот сиганул со всех ног вглубь чащи. Окажись барсук возле своей норы, горноста́й, чего доброго, ринулся бы и на него. Ну, как тут не рассмеяться!

Озёрные и речные чайки, то ли от жадности, то ли от присущего им стадного инстинкта, порой, всем своим невообразимо крикливым скопищем, обрушиваются на человека, когда он потрошит на берегу реки или озера пойманную рыбу, что, вообще-то, дело для них вполне привычное. Но вот случается и такое, когда налетают на тебя чёрной тучей наши обыкновенные серые вороны, раздосадованные тем, что ты подстрелил одну из наиболее надоедливых, неистово прижимают к земле, истошно галдят, и не дают выпрямиться, отчего готов бежать без оглядки, так молниеносно охватывает и тебя всеобщее птичье безумие!

Однажды, возвращаясь с охоты, мне довелось выстрелить по воронам в открытом поле. Слишком уж надоедливymi казались они, досажая неприятным кружением над самой головой и пронзительным вскрикиванием. Но это, как ни странно, не отпугнуло птиц, а только ещё более раззадорило. К тому же, одну из них дробь изрядно зацепила, и она с хрипом грохнулась на спину, привлекая тем самым своих собратьев.

Ворона, остервенело, хлопала крыльями, шипела, и через минуту над мной образовалась чёрная туча. Что-то невообразимое творилось в воздухе. И без того пасмурный осенний день сгустился до неузнаваемости, а мне вдруг стало жутко.

Птицы налетали со всех сторон, касались одежды клювом и крыльями, и, кажется, ничего не боялись. Они гнали меня так до самого леса, неистово прижимая к земле. Помнится, я тогда не на шутку был перепуган.

Мир природы многолик, и отдельным видам животных и птиц присуще необычное поведение, о котором многие люди и не подозревают. Даже узнав о каких-то необыкновенных проявлениях характера птицы или зверя, что вызывают их недоверие, люди ничего не принимают на веру, не в силах предположить, что птицы способны на подобное.

У той же вороньей породы, скажем, заведено такое своеобразное поведение, как «общественный суд», и об этом необычном явлении в жизни природы у меня тоже есть рассказ, но что касается птиц, то, по-видимому, нужно очень провиниться по вороньим понятиям, чтобы тебя осудили свои же собратья. Перед тем, как вынести «приговор», все вороны рассаживаются на большом дереве, а «подсудимый» остаётся на земле, как бы подвергаясь всеобщему осуждению. При этом одна из ворон, вероятно, выбранная «палачом», приводит «приговор» в исполнение, теребя несчастную ворону, нанося ей удары клювом и крыльями. Остальные птицы смотрят на происходящее сверху, истошно каркают, и если ворона, что проштрафилась, ведёт себя неправильно, или за ней числится большая вина, все вороны, в конце концов, набрасываются на неё и заклёвывают до смерти. Мне самому пришлось однажды быть тому свидетелем...

Случается это, правда, крайне редко, вороны, скорее, дадут отпор какому угодно хищнику, чем подвергнут наказанию кого-нибудь из собратьев, но ведь подобное всё-таки пусть и изредка, да происходит, хотя о какой большой вине у этих птиц можно говорить, учитывая вороватый характер у всех представителей враного семейства? И, тем не менее, ворона, как ни вертись, и спереди карга, и сзади карга!

Всех случаев, что удаётся подсмотреть в лесу, не перечесть, и многие из них кажутся неправдоподобными, если они произошли не с тобой, а с кем-то, как бы правдоподобно не рассказывал об этом удачливый свидетель. Но именно глухариные тока, с их неведомой ночной жизнью, могут подарить порой совершенно невероятные ситуации, которые бы никогда не пережил в менее богатом на впечатления дневном лесу. Где, как не на них, ещё можно открывать самые невообразимые лесные чудеса?!

Тут тебе и таинственные птицы с их потаённым от глаз человека существованием, и дикая природа с самыми глухими таёжными уголками, и разное зверьё, под покровом ночи ведущее себя более открыто, и неведомые существа, что оживляются с наступлением тёмной поры... Имей только терпение, неудержимое стремление к познанию и волю, и непременно будешь вознаграждён в своих лесных исканиях, потому как совесть твоя чиста, ты никого в лесу не обидел, а среди людей ищешь настоящую жизнь, что обязательно приведёт к правде, потому как волшебного края нашего русского леса ты уже достиг: и этот край, действительно, переполнен истинным волшебством, оно здесь повсюду.

Вот кто-то прокрадывается сквозь чащу, кажется, что прямо к тебе, и сердце заходится в сладостной истоме от предвкушения чего-то необычайного, что вот-вот случится и околдует своей тайной. Ночь только

прибавляет в этом уверенности, и за неоднократное хождение ночами по глухариным токам, я давно уверился в том, что она благотворно влияет на мою душу. Именно ночью, находясь в одиночестве среди дремучего леса, вдали от человеческого жилья, я обретал спокойствие духа, а одинокие тревожные думы покидали моё сердце.

Что-то ненужное, мешающее разглядывать в жизни только удивительное, утекало из него, и на душе становилось легко и просто. Ночной лес вселял в меня веру в чудесную крепость жизни, в то, что в любом живом существе горит неистребимая жажда к чудесному существованию на земле, и всё это можно почувствовать и увидеть, только соприкоснувшись с ним, сделав его своим.

В ночном лесу душа твоя, как и мысли, начинает растекаться повсюду, обо всём догадывается, осторожно прикасаясь к шероховатым стволам великанов-деревьев, их могучим ветвям, замшелым пням... Звёздное небо окутывает тебя своим бархатистым одеялом, и ты словно растворяешься в его необъятном уюте, и вовсе перестаёшь чувствовать, что ты – человек. В какой-то миг тебе начинает казаться, что ты исчезаешь, но зато появляешься в чём-то другом, наиболее целостном и важном.

Ночной лес что-то отнимает у тебя, но и забирает с собой, чему ты, впрочем, рад, поскольку оставляешь ему ненужное, что уже отжило. Правда, пока не можешь выразить это ощущение словами, несёшь его в душе и не знаешь – куда применить. Постепенно оно становится самим собой, тем, без чего ты себя уже не мыслишь, зная: полной тьме в твоей душе уже никогда не бывать.

О глухарях уже столько написано и говорено, что ничего нового, кажется, сказать невозможно. Многим бывалым охотникам всё это даже порядком приелось, ничем их, вроде бы, уже не проймёшь. Но вот удастся тебе, благодаря собственной неустойчивости и терпению, а вернее – неувядающему интересу к лесной чаще, подглядеть нечто необычное в поведении глухаря, и ты в который раз поражаешься многоликости природы, её неповторимости и глубине, скрытом ото всех обаянии.

Чему бы, казалось, тут удивляться, другой бы, на твоём месте, так-таки ничего бы и не заметил. Но нет, для тебя всё увиденное выглядит не таким, как есть, а чем-то совершенно необыкновенным, даже порой – небывалым.

Привелось мне как-то отыскать глухариный ток неподалёку от деревни, в каких-нибудь двух-трёх верстах. В отличие от токов, когда до них нужно было добираться по разъезженной раскисшей дороге, утопая по колено в снежной каше или преодолевая сплошной бурелом, к моему току выводила чистая просека – старый волок. Волок скоро упирался в широкий покос, с трёх сторон окружённый сосновым бором, а за ним располагалась укромная полянка, где обычно и происходило токовое таинство.

Чудеса бывают, я это знаю, большие и маленькие, и вот одно из таких, на первый взгляд – совсем незначительное, мне и удалось подглядеть на этом глухарином току. К слову заметить, назван он был мною Пасхальным,

поскольку отыскал я его много лет назад именно на Светлый праздник Пасхи, рано поутру...

Когда-то, давно, я вдруг твёрдо решил, что непременно найду глухариный ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашёл: старинный, всеми в деревне забытый и истреблённый, на нём токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался – и подстрелил своего первого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и немного переместился.

Я потом долго наблюдал за этим током, из весны в весну удивлялся всему, что происходило на нём, и, наконец, дал ему имя – Дикий. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил на память в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский – по имени хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний – ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним вёрст, Новосёловский – по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Берёзовский – потому что раскинулся на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный – уже упомянутый мной, и был так счастлив, что даже позабыл о Боге... Впрочем, Он всегда оставался со мной. Потом ещё были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный. Да будут они живы!

Но вернёмся к глухарю, что удивил меня своим поведением. Когда я подходил к нему под песню, то отчётливо слышалось тьяканье деревенских собак. Но глухарь никак не реагировал на звуки, что, по-видимому, уже не раз слышал.

Скорее всего, он уже успел привыкнуть к ним, родившись неподалёку от людей, а будучи достаточно молодым, это было заметно по его размерам, ещё не укоренился в своих годах. И вот, когда от деревни вдруг доносилось петушиное кукареканье, глухарь, примолкнув, замирал на ветке, забавно приподняв лапу, и, настороженно повернув голову, будто бы прислушивался к своему деревенскому собрату...

По всему было видно, что пение петуха его всё-таки озадачило, хотя тьяканье собак, вероятно, ему приходилось слышать гораздо чаще, и глухарь, выдержав долгую паузу, опять запел, правда, уже не так активно, как-то нехотя. После того, как петух в деревне вновь огласил всю округу своим хриплым «ку-ка-ре-ку-у!», он переменил лапу, и осторожно приподнял другую. Теперь глухарь повернул голову уже в противоположную сторону, и, как-то подсев, попытался, мне показалось, повторить только что услышанное, отчего вышло и вовсе вялое кудахтанье, что совсем обескуражило его, если можно так сказать, и глухарь притих.

Всё-таки, ему не суждено было стать похожим на деревенского петуха, и, оставаясь лесным, он сейчас выглядел очень забавно. Глухарь был молод, как-то по-детски наклонив голову, настороженно вслушивался, переминался на суку, не зная – что предпринять, и молчал. Хлопком в ладоши я привёл глухаря в себя, он в мгновение подобрался, взмахнул крыльями, и улетел.

Однажды, на этом же Пасхальном току, чёрный большой глухарь пробежал у меня за спиной, словно какое-то загадочное лесное существо. У края поляны большая коренастая ель распростёрла над землёй разлапистые нижние ветви, образовав уютный шалаш, откуда я и наблюдал за тем, как этот глухарь сначала слетел на пол, осмотрелся, и чутко вслушался в предрассветную тишину.

Затем, гордо выпятив грудь, прошёлся «барином», после чего опять замер, и вдруг рассыпался возбуждённым стрекотанием и шипением, страстно вздрагивая мохнатой бородой. Проделав подобные песенные «колена» неоднократно, он вдруг взмахнул мощными крыльями, подпрыгнул на добрый метр, и тотчас, вперевалочку, забегал по полянке, как будто чуть присаживаясь, и опять невысоко взлетая. Продолжая то и дело подскакивать, он отрешённо заходил в прославляющем весну песенном переживании, позабыв, наверное, и о весне, и о своей страсти, и даже о копалухах, что уже давно поджидали у края полянки, когда петух обратит на них внимание.

Пара глухарок, незаметно подобравшись к токующему мошнику, подобострастно припадали к земле, распростёрши крылья, ластились, выражая свою полную преданность ему, и глухарь, наконец, заметив их присутствие, принялся топтать то одну, то другую, беспрестанно взмахивая мощными крыльями... На моих глазах свершалось обычно скрытое ото всех таинство, и я сам, без оглядки захваченный всем увиденным, забылся на какое-то время, и не заметил, как глухарь куда-то пропал. Глухарки сидели притихшие, вскоре они снялись с места, и улетели, но я не слышал громкого хлопанья крыльев петуха, что всегда сопровождает его взлёт: его нигде не было видно.

Я даже не услышал, а скорее почувствовал, что кто-то находится у меня за спиной, и обернулся. Лёгким сосновым ветерком что-то мягко прянуло в лицо, силуэт глухаря в рассветных сумерках показался неестественно большим, расплывчатым, и как-то молниеносно опять исчез. Раздалось лишь еле слышное хлопанье крыльев, будто обозначив таинственное присутствие неведомой лесной души, что вдруг насторожило и заставило оглянуться. Словно лес зачем-то напомнил мне о своей силе, но получилось это у него ненавязчиво, вскользь.

Только как глухарю удалось незаметно очутиться позади меня?! Сначала он пропал, затем неожиданно появился возле меня, вновь испарился, и всем будто руководила какая-то непонятная сила.

Помню, нечто бесовское тогда коснулось меня, я тотчас ощутил его присутствие где-то рядом, и всё время, пока это таинство происходило, не покидало ощущение, что кто-то неотступно наблюдает за моими действиями. Становилось и страшно, и хорошо от этой мысли, и я почему-то почувствовал себя счастливым.

Вроде, как тебя пропустили в невидимые врата закрытой для других лесной обители, и что-то захлопнулось за тобой навсегда, но тебе не стало от этого плохо. В тебя вошло то, что ты смог сам открыть, так как очень этого

желал, и ещё почувствовал, что оно уже никогда тебя не покинет. И всё только благодаря глухарям, своей любви к ним.

Случалось, что лес дарил и просто нечто забавное, связанное с глухарями. Например, то, как один петух, заприметив токующего неподалёку соперника, в возбуждении побежал к нему навстречу, и, не удержавшись на скользком апрельском насте, покатился, как на коньках, совершенно опешив при этом. Забавно было наблюдать его случившуюся растерянность, и даже лес, кажется, в тот миг засмеялся вместе со мной.

Подстывшая глянцева корочка сказочно отливала розовато-перламутровым блеском, и на горизонте так загадочно чернел волшебный лес, что всё увиденное воспринималось как в театре, когда занавес вдруг не вовремя раскрывается, и взору предстаёт нечто невообразимое, и от этого – радостное, чего зрители не должны видеть. От неожиданно охватившего счастья хочется захлопать в ладоши и, не переставая, удивляться: как пленителен бывает лес, когда ты не стремишься его завоевать, и только забываешься в нём от неопишуемого восторга!

Всё, связанное и с глухарями, и с весной необычно, таинственно и удивительно. Это постигаешь именно ночами, когда все ещё спят, а глухарь уже вознамерился провозгласить невидимому солнцу о своём нестерпимом желании любить. Чуткая птица в нетерпении предугадывает его появление задолго до всех, и только рыси, волки, барсуки и медведи встречают солнце со сдержанно-молчаливым недружелюбием. Недолгая весенняя ночь им в обрез, и они не успевают насладиться ею до дна.

Рыскают и бродят звери всю короткую ночь напролёт и, конечно, натываются в лесу на человека, что приготовился к встрече с дорогим его сердцу древним гостем. В своём терпеливом ожидании, человек, ещё более, чем зверь вкрадчив, нетороплив, и первым угадывает чужое присутствие. Лось, медведь или волк, наверное, даже не гадают встретить в ночном лесу человека, но не теряют при этом бдительности.

И всё же, человек застигает их врасплох, когда стоит в ожидании пробуждения глухаря, не шелохнувшись, цепко всматриваясь и вслушиваясь в насыщенную движением весеннюю тишину. Хрустнет вдруг слабо ветка, пробудится на мгновение дрозд, и опять всё стихнет, но ты уже знаешь: кто-то бредёт в темноте мимо и, может быть, пока не замечает тебя. От такого неведомого присутствия всё внутри подожмётся, тело сладко напряжётся, и сердце готово вот-вот сорваться в неистовом восторге...

И страшно тебе вдруг станет, и до жути интересно: кто это к тебе пожаловал в гости или ты кому нечаянно перешёл дорогу своим молчаливым присутствием? А невидимый зверь опять напомнит о себе чуть слышным шорохом, ещё ближе подобрался он и, наверное, уже чувствует твоё напряжённое внимание. Нелегко становится в такой миг сдержать в груди разошедшееся сердце и, кажется, даже ночь дрожит над твоей головой, готовая закричать несслыханными голосами, захлопать мохнатыми и необъятными крыльями.

Это может быть, и, конечно, был когда-то медведь, что размеренно обследовал свой лесной участок. Зверь намеревался спуститься в небольшой ложок, перейти дамбу и следовать далее, навстречу дремучей лесной судьбе, но на его пути появился я, и медведь тотчас встревожился. Он не хотел уступать, а идти напролом не решался. Ему необходимо было принять какое-то решение, и медведь стал мучительно его искать.

Сначала он попытался обойти расположенную справа от меня мочажину, поросшую по берегам частым березняком, но что-то у него не получилось. Медведь вынужден был вернуться и, недовольно рыкнув себе под нос, замер на какое-то время. Он не знал – что делать, а дороги своей бросать не желал: видно, что-то важное влекло его по ней, то, чего он неукоснительно и упрямо себе наметил.

Постояв так немного, медведь начал перетаптываться на месте, а затем вдруг ринулся налево, вниз, по склону убегающего вглубь леса широкого распадка. По дну его неслышно струился полноводный ручей, и зверь решился его перейти. Всем весом своего грузного тела медведь ухнул в талую воду, но она его так обожгла, что зверь, тут же, выскочил обратно. Он даже взревел от непривычного для него бессилия, и ещё несколько раз потом безуспешно пробовал лапой ледяные струи: эта студёная вода явно была медведю не по нутру.

Я же стоял какой-то занемелый и отрешённый в ожидании того, что ещё предпримет не на шутку раздосадованный медведь? О глухаре я уже не помышлял, и только вслушивался произвольно в отдалённо доносящийся голос кукушки. Размеренно, она проповедовала кому-то нескончаемые года и, обрадованный её неожиданной поддержкой, я начинал принимать их на свой счёт.

А медведь, между тем, выбрался из лога и в который раз возвестил недовольным рыканьем о себе. Силуэт его к этому времени стал довольно отчётливо просматриваться на розово-лимонном фоне высоко взошедшей луны, и страх от ощущения близости зверя ещё более увеличился. Медведь, казалось, вот-вот сметёт свою преграду одним броском, и я не знал – как мне предстоит вести себя, что делать. Я сидел на корточках у края просеки, напряжённо всматривался в мятущиеся очертания зверя и ждал чего-то непоправимого и страшного, но ... манящего.

Потом медведь всё-таки удалился, так и не решившись выйти на меня, а я ещё долго сидел под ёлкой, судорожно сжимая в руке небольшой охотничий нож, прислушивался к гулким ударам крови в висках и не верил, что зверь оставил попытки пройти через дамбу, и больше не вернётся. Ушёл он, как ни странно, почти неслышно, видимо, отступившись от своего маршрута.

Медведю, наверное, было досадно отказаться от того, что он наметил, и у него, должно быть, испортилось настроение. У меня же ещё долго стояли перед глазами его всклокоченный загривок, кудлатая голова и покатые плечи. Это была та редкая и в глубине души остро желаемая встреча, когда

неподдельный интерес и жажда знания, несмотря ни на что, перебарывают животный страх.

Приходил ко мне и серый волк, что обычно хитрее и коварнее всех зверей. Не я почувствовал его, а он крался за мной по пятам, и когда я останавливался, пытаюсь различить глухариное пощёлкивание, он тоже замирал. Я обязательно бы заметил отчётливое изображение крупных лап на зернистом снегу, медленно передвигаясь вдоль укромной просеки, но ничего ещё не было видно. Наверное, волк сам охотился за глухарями, и моё присутствие вызывало в нём недоумение. Волк не предпринимал ничего, чтобы могло нарушить недолгий ночной покой.

Волк, наверное, злился и никак не мог постичь: что влечёт человека в такой пропащий час в лес, когда только звери обращаются к своей темноте, и нет им в этом, среди всех живущих, равных. Волк злобился, и в тоже время остерегался, потому что крадущийся человек был чем-то под стать ему, лесному зверю. Человек, пожалуй, был даже опаснее его, поскольку хранил в себе ещё более непостижимую для зверя тайну.

Волка мучило любопытство, и он подстраивался под окружающую тишину и мрак, наверное, чутко вслушивался в каждый мой шаг. Зверь хотел проследить до самого конца моё поведение, но я лишь пристально вглядывался в чуть светлеющее небо, так же, как зверь, замирал на неопределённое мгновение и, кажется, ничего более не желал. По понятиям волка я вёл себя очень странно, но оставить меня без своего внимания зверь отчего-то не мог. Видимо, я завораживал волка своим поведением, и он продолжал неслышно следовать за мной.

Волк не покидал меня целое утро, пока я случайно не согнал единственного в тот раз глухаря. Глухарь ещё с вечера уселся на непривычном для него месте, и очень испугал меня, когда неожиданно сорвался с худенькой берёзки. Вместе с ним в морозных сумерках растворилась слабая надежда на соприкосновение в это утро с глухариной тайной.

Я ещё отрешённо постоял тогда, врасплох застигнутый такой откровенной неудачей, и в сердцах повернул назад. Вот тогда-то, тотчас за моей спиной, мне и попались на глаза свежие волчьи отпечатки, что он оставил, устремившись в укромный ложок. Может быть, глухариный слёт так напугал зверя, что вывел его из оцепенения этой своеобразной охоты, а может - волк угадал моё намерение вернуться. Так или иначе, зверь предпочёл остаться неузнанным, и поспешил неслышно раствориться в лесной чаще, как и появился.

Неудача с глухарём сразу показалась незначительной, как только я убедился в изворотливости скрытного зверя. Воображение скоро нарисовало этого одинокого волка и то пристальное внимание, которое зверь проявил по отношению ко мне. Сладостно переживая произошедшее, я ещё долго не отпускал зверя от себя, и всё думал о том, какой он, наверное, необыкновенный, дикий и мой.

Вполне возможно, что именно этот волк пришёл ко мне на следующий год, когда я забылся тревожным сном у потухающего костра. Ожидание глухариного пробуждения было так утомительно в непогодливую весеннюю ночь, что вялая дремота одолела-таки меня. Я спал без сновидений и не ведал, что прямо у моего изголовья, в каких-нибудь трёх-четырёх метрах стоит хищный лесной зверь и, может быть, смотрит в чуть белеющее лицо.

Лицо, наверное, было осунувшимся от усталости, но и покойным в перебегающих по нему огненных бликах. Волк смотрел на огонь, на меня, осторожно втягивая носом непривычные для себя запахи, и не решался что-либо предпринять. Он ровно угадывал нечто знакомое для себя, и вспоминал: когда-то подобное уже тревожило его чуткое восприятие, а волк так и не постигнул его до конца. Ему было только отчего-то приятно стоять вот так, рядом с этой неодолимой для него человеческой тайной, и волк не торопился исчезать.

Я опять ничего этого не увидел, а только угадал с рассветом по следам, которые волк оставил у края раскисшей тропинки. Вечером их не было, я хорошо это запомнил, потому, что собирал для костра хворост и, конечно, отметил бы такую важную подробность. Волк появился, как и тогда, ночью, разделил её на какое-то время со мной, но ничего не забрал. Скорее, он ещё раз одарил меня своим неуловимым присутствием, пытаюсь в чём-то разобраться, и мне нисколько не стало от этого хуже.

Не жуть, а тихая радость охватила меня, и я был за что-то признателен этому вкрадчивому зверю. Я был благодарен ему за нечто очень важное, что не присутствует в обыденной человеческой жизни, но всегда неотступно привлекает. Моих неясных устремлений, должно быть, касалась лесная душа, что чаще всего приходила именно в облике зверей, и могла быть не только медведем или волком, но и неторопливым лосем, сосредоточенным в себе барсуком и лукавой рысью.

Рысь, правда, ожидалась менее других и, если честно, я о ней даже не думал. Слишком редка и осторожна была лесная кошка. Но и она порой появлялась близ глухариных токов, дабы потешить исстрадавшуюся за зиму алчность. Кровожадно ухмыляясь своими косматыми бакенами, рысь навевалась к глухарям как будто невзначай, исподтишка поглядывая по сторонам и чутко поводя кисточками на ушах. Поступь её была мягка и бесшумна, помыслы не ясны.

Человеку всё это хорошо может быть видно, когда он преисполнен терпения и воли. Сидишь на глухарином подслухе, никто тебя не видит, а сам ты всё примечаешь. Пара ли дятлов затеяла брачную игру над молодыми ёлочками, протянул ли над головой, утробно хоркая, длинноносый вальдшнеп или с шипением пронесли над головой взбудораженные чем-то утки, - ничто не минует твоего встревоженного весной сердца. Но как забьётся оно в груди, если вдруг заметит нечто необыкновенное, ещё никогда в лесу не виданное?!

Так однажды, неподалёку от меня, вышла на просеку хозяйка-рысь: я скорее почувствовал её, нежели увидел. Словно львица, выпирая угловато перекатывающимися лопатками, она поначалу показала из-за кустов только свой рыжий загривок. Затем появились вздрагивающие кисточки ушей, небольшая, чуть наклонённая вперёд голова и, наконец, мощные лапы. Лапы неловко, как у щенка, вываливались на тропинку, но улыбаться почему-то не хотелось: милая черта зверя может в мгновение обернуться беспощадным оружием и, понимая это, я весь был неестественно напряжён и собран.

Сквозь напряжение мне очень хотелось заглянуть в глаза хищника. Трудно представить, что можно увидеть в них за короткое мгновение! Ведь зверь, наверняка, не допустит сближения, и попытается тотчас уйти, как только почувствует на себе малейшее внимание человека. Но, может быть, рысь не отвернёт взгляд, и я успею обрести недостающий для себя смысл её скрытной звериной жизни?!

Помогла мне в этом ворона, взбалмошно перелетевшая за спиной у рыси через просеку. Рысь неожиданно ощерилась, обернулась, и я, не ведая, что творю, вмиг очутился на тропе, успев поднять к глазам бинокль. Так я и замер, ошарашено обнаружив прямо перед собой зелёно-золотистые, пронизывающие глаза.

Они смотрели холодно, будто проникая в меня, но равнодушно. Стоило, кажется, протянуть руку – и я коснусь этого ворсистого, в крапинку, лба, а зверь не ринется на тебя, и только мягко отпрянет. Словно ему будет интересно показать свою грациозность и силу, и тут же исчезнуть, как будто его и не было. Я, помнится, был уже близок к тому, чтобы поверить в это.

А взгляд зверя как-то незаметно растворился во мне затвердевшей дикой желтизной, заморозил бездонностью животной природы, и пропал. Рысь плавно повернулась рыжим боком, вытянула заднюю ногу, и ещё раз поглядела в мою сторону. Но теперь уже мимо, как будто решив всё про меня для себя.

Рысь, по-прежнему, готова была, также покойно, брести своей потаённой лесной жизнью. И я её понял, и попрощался с этой очаровательной тайной, и мне несколько не стало грустно. Так же тихо, как рысь ушла, я почувствовал себя настоящим человеком.

Часто по ночам, в ожидании глухариного пробуждения, это ощущение мимолётной слитности со звериным существованием замирало во мне от переполняющих впечатлений. Потаённые запахи, неведомые шорохи и звуки рождали в душе неизъяснимые чувства. Волнительный воздух весенней ночи душными волнами подкатывал к горлу и не давал перевести дыхание. Всё в лесу говорило на своём языке, ухало, шептало и бесчинствовало, так что нельзя было ничего разобрать, и я только зачарованно прислушивался к биению своего сердца, а потом вдруг замирал от собственной настороженности.

Всегда кто-нибудь выводил меня из неё, и я с ещё большим трепетом вникал в непроглядную тьму, ожидая чего-то непоправимого, но

прекрасного. Порой это ожидание было невообразимой мукой: в расступающейся передо мной чаще нарастал какой-то лохматый ужас... Вот-вот он готов был навалиться на меня и поглотить, и тогда всё звериное закипало в моей душе, и я жаждал с ним встречи.

Как-то раз кто-то шумно вывалился через кустарник прямо передо мной, и я, не в силах сдерживать себя, высветил его фонариком. Зверь ещё какое-то время не прекращал своего увлечённого продвижения, но в нескольких метрах от меня, отупело, застыл. К своему великому удивлению, я вдруг узнал в нём обыкновенного ... барсука, этого обаятельного и неказистого зверька, неудержимого нарушителя ночного покоя.

Радостная улыбка тотчас сменила тогда моё неприятное оцепенение, и я уже с восхищением всматривался в ослеплённого зверя, смешно притаившегося в самом себе. Барсук, помнится, зажмурился, прижав голову к земле, и так, сквозь полужакрытые веки, пытался разглядеть источник своего беспокойства. Был он похож на подслеповатого крота, и я выключил свет, чтобы барсук мог успокоиться.

Некоторое время зверь сидел тихо, никак себя не выдавая, и я вновь осветил его, желая посмотреть – чем он занят. Барсук, оказывается, немножко перебрался в сторону и, когда почувствовал свет, вновь затих, теперь уже забавно выпятив круглый зад. Это был небольшой, симпатичный зверёк, по-видимому, возвращающийся с ночной охоты.

А я стоял, не шелохнувшись, и наслаждался беспомощностью зверя. Мне было приятно его живое присутствие, барсук же пока никак не мог разобраться: стоит ли ему опасаться возникшей преграды или надлежит, не обращая внимания, продолжить свой путь. По всему, он чувствовал себя неуютно, и я, не желая ему мешать, решил на прощание подпугнуть незадачливого зверя, чуть притопнув ногой. Результат такой попытки оказался самый неожиданный...

С невероятной для него быстротой, барсук перевернулся вокруг себя и высоко подпрыгнул на месте. Коротенькие лапы его беспомощно вытянулись в воздухе, а зад как-то задрожал и выгнулся. При этом барсук хрюкнул, как поросёнок и, приземлившись, издал такой душераздирающий вопль, что можно было достаточно напугаться за его потревоженный рассудок. В следующий миг было только слышно пощёлкивание веток, как барсук улепётывает без задних ног, и недовольное пыхтение, коим не на шутку раздосадованный зверь оглашал ещё не пробудившийся лес.

И всё же, что-то нарушилось в нём с исчезновением барсука. То ли зашевелились слабые сумерки, оживив линию ветвей, то ли птичьи сновидения увлекли за собой сладостные ночные превращения, но в лесу вдруг почувствовалось неясное копошение, предполагающее скорый рассвет. Тягостное ожидание его было приятно, и я боготворил в душе лес, что ещё до встречи с глухарями оделил меня таким замечательным подарком.

Поблагодарил за солнечную нежность весеннего восхода, аромат берёзового сока и клёкот дикой птицы в бездонном небе... За всю тревогу,

радость и смятение, принесённые весною, за моё прозрение, сладостную боль и разнеженную слабость во всех членах. И ещё я был признателен самому себе, другому, истинному, что отважился соприкоснуться с тайной леса, и не отказался от неё.

Наверное, я был просто переполнен счастьем, что заслуженно досталось мне без какого-либо завещания от леса, жадно им не хранимое, вольное. Всё, связанное с глухарями по весне, хотелось разделить с чужим вниманием, не обуреваемым только пустою заботою. Так было предугадано мне, должно быть, лесной душой, что, я верил, жива, и будет вечна.

И коли следовать уже упомянутой поговорке, что лес – к селу крест, а безлесье – не угоднее поместье, то лес должен стать для человека именно угодим поместьем, если только относиться к нему с любовью, как он того заслуживает, и потому русский человек его всегда чтит, принимая как самую дорогую для себя ценность. И не ладно, говорят, да угодно, а по-настоящему заботливому человеку в лесу и лад, и польза.

Надобно человеку дорогому батюшке-лесу угождать, без такой заботы жизнь его по-доброму никак сложиться не сможет. В угодность лесу человек всё для него сделает, и тут без радушия не обойтись. Служить лесу для него – отрада, и как тут не вспомнишь святого Николая-Угодника, которому добрый человек тоже завсегда угождает, выявляя почтение и любовь.

Угождать – его исконная черта, ради чего он готов делиться самым ценным, хотя на всех и сам Господь не угодит, да только без любовного отношения к окружающему его миру человеку никак: сделай так, как другому любо, вот тебе и пригодное обхождение! Так и к родимому лесу душа человека должна быть распахнута, тогда и собственное поместье всегда будет справным, полное добрых плодов.

Как в старину давалось поместье в пожизненное владение или наследство с бессрочным владением землёй и угодьями, так и ОТЕЦ-ЛЕС дан Природой человеку на насущную и добрую потребу, для вещественной и душевной пользы, отчего ему и следует проявлять к нему исконное уважение. В этом угожем поместье чего только нет: и леса, и поля, и пажити с лугами, и реки с озёрами, и потаённые сказочные сузёмки, и до всего в нём человеку необходимо иметь интерес.

Но не дорога забота, без которой плохо жить, а дорого доброе лесное угодьё, ибо лес – неистощимый природный колодезь. Он, конечно, по дереву не тужит, но если Бог вырастил лес, так выросло, говорят, и топориче, и хорошо, что всё это богатство людям в угоду!

ЗНАМЕНΙΑ

Каких только чудес не бывает на свете, а лесные - всегда стоят особняком. Знай, успевай, живи, да мотай на ус, если есть к тому желание и

воля. Принимать жизнь такой, какой она есть, может только любознательный человек, и тогда чудеса для него открываются на каждом шагу.

Кто-то живёт так, будто чудес не существует, а для кого-то – кругом одни чудеса. Такой человек, даже когда у него всё идёт наперекос, и тогда пытается найти в происходящем чудесное, ибо верит в волшебство мира. Кто не верит в него, тот и чудес не обнаружит. Чудеса там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они встречаются, особенно – в лесу.

Даже у взрослого человека, когда он постоянно связан с лесом, возникает порой совершенно детская мысль о том, что он в лесу должен обязательно открыть какое-то неповторимое, не сравнимое ни с чем чудо. И чтобы ни у кого такого чуда не было, только у него, и вот как он намерится самым серьёзным образом это чудо разузнать, почувствует его приближение, так и отправится в лес. Разве не чудо, когда вдруг что-то неизведанное влечёт тебя в дорогу, а потом всё складывается так удачно, что о нём даже и не мечтаешь?

Я уже давно заметил, что удачному походу на глухариный ток обязательно предшествует какое-нибудь замечательное предзнаменование... Ласковая тихая погода, что установилась с самого утра, порождает в душе удивительное спокойствие и радость, даже какое-то необыкновенное оживление в природе. Или торопливо просыплется над землёй пахучий шаловливый дождик, после чего, знаешь, радостно выглянет и засияет во все глаза ослепительное солнце. А то, в небесной вышине, будто кто ударит горстью гороха, так оглушительно и весело раскатится где-то вдалеке весенний гром, тучи вдруг растают, и всё живое вокруг засветится счастливой улыбкой.

Моему успешному току сопутствовала радуга во всё небо, сменившая разыгравшуюся было непогоду. Но непродолжительно пасмурное настроение природы весной, долго она в эту пору хмуриться не в силах.

День, помнится, с самого утра не задался: некоторое время я даже сомневался – стоит ли отправляться в такую хмарь, но что-то повлекло в дорогу. Шёл сквозь непогоду, а в душе рождалась крепнувшая с каждым шагом убеждённость: всё будет замечательно! Душа, несмотря ни на что, пела, и дождь начинал казаться незначительным, пустяковым.

Ветер стремительно гнал свинцовые тучи на север, всё быстрее очищая небо на юго-востоке, дождик из холодного, пронизывающего стал оборачиваться в мелкий ласковый ситничек. Неожиданно показалось из-за туч солнце, и озарило теплом весенний день. Над посвежевшими полями закружили белокрылые луни. А ещё выше, от одного края горизонта до другого, торжествуя, и в тоже время умиротворённо, выгнулась огромная радуга, сияющая умытыми красками.

Эта восхитительная небесная дуга, будто созданная именно для меня, для моего радостного восприятия чудесной Матери-Природы, пролегла божественным мостом от моей сокровенной сердечной мечты - к её чудесному осуществлению. Выходило так, что ты будто заслужил это

волшебное семицветное явление, что изящно выгнулось над нашей прекрасной землёй, и если оно взметается в вышине высоко, задиристо, то всегда к вёдру, к доброму удачливому дню, когда же случается низко, да полого – к ненастью.

Радуга – это истинное чудо, то счастье, ради которого стоит жить, радея всей душой, она дана небом для того, чтобы земля становилась краше, а мы все оказывались причастны к Господним делам, преподаваемым для осознания нами самих себя, и созидания всеобщего блага. Радуга всегда будто восклицает: будьте же рачительными людьми, достойными небесной чистоты, она – божественна!

А между тем, по мере приближения к току, с обочины дороги начали взлетать копалухи, земля незаметно подсыхала, а воздух становился тёпел и мягок. Не верилось, что совсем недавно всё было охвачено удручающим ненастьем. Размышляя о том, где лучше всего устроить подслух подлетающих на ток глухарей, я терялся в догадках и, наконец, решил остановиться в небольшом сосняке, за болотом, где располагалась укромная полянка, что впоследствии и оказалась центром тока.

Посреди поляны стояла маленькая избушка. В ней отсутствовала печка, зато имелись нары и стол, над ним – крохотное окошко, но вечер выдался погожим, и я решил обосноваться неподалёку от входа в избушку, раскинув плащ-палатку на молодой шелковистой травке. Только и хватило у меня времени, чтобы приготовиться к полёту птиц, я улёгся на спину, и стал вглядываться в подёрнутое розоватой пеленой высокое весеннее небо...

В предночной час, весной, нужно очень пристально смотреть на небо, чтобы заметить даже очень яркие звёзды. Но как я не напрягал глаза, звёзд ещё не было видно. Стоял тот час, что отпущен только для одной, самой главной звезды, по которой путешественники всегда определяли для себя единственно верный путь, и она, действительно, вскоре загорелась. Это была Полярная звезда, а потом, постепенно, над самой крышей избушки засветился весь ковш Большой Медведицы.

Вокруг то и дело слышалось хлопанье крыльев, свойственное глухарям в момент их присадки на деревья. Смеркалось, и глухари не могли меня видеть, к тому же, я оставался неподвижен, а птицы всё подлетали и подлетали, изредка производя гортанный, очень хорошо слышимый в замершем вечернем воздухе звук: «Кхеэ-кхеэ-уоок!» Сам же полёт птицы, исключая присадку на дерево, обычно не разобрать, и как бы ни старался не пропустить его – всегда он доносится до тебя неожиданно.

Всё обещало быть под утро доброму току, и так оно и случилось. По насыщенности от впечатлений его можно было считать одним из самых запомнившихся, что мне привелось увидеть за долгие годы посещения любовных игрищ этих великолепных древних птиц, и позже я написал об этом токе большой рассказ. А пока, не отрываясь, я продолжал всматриваться в тускнеющее небо, думая о жизни леса, весне и глухарях. К майскому небу была обращена вся моя душа.

Дрозды вокруг постепенно смолкали, глухари засыпали, земля притихала ненадолго, чтобы через три-четыре часа вновь пробудиться, и я лежал, слившись со всем, что меня окружало, и смотрел на Полярную звезду. Она тоже была добрым знамением, и я был уверен, что вот именно сейчас она горит для меня.

Всё остальное в тот миг отошло куда-то... Вернее, оно было со мной, но этот текущий миг с Полярной звездой, спящими глухарями, проистекающими отовсюду запахами земли, пробуждал в душе восхитительное счастье, что сладко сдавливало сердце и не отпускало. В нём всплывало что-то из моего далёкого прошлого, и я вдруг ощутил себя его частицей, где было всё так непревзойдённо красиво для несовершенного человеческого мира.

Ещё одним из предвестий, сопутствующих такому событию, как удачно проистекающий глухариный ток, могли быть и зарницы, случившиеся однажды. Зарницы эти, вспыхивающие во всё небо, были молчаливы, и тем удивительно завораживали всё моё внимание. Ночь от них становилась светлой, они зажигали собой всё окружающее пространство, наполненное неясной тревогой.

Устоявшаяся было в тишине весенняя ночь, будто сразу пробуждалась, хотя, казалось, ей и не хотелось этого делать, и когда зарницы заполоняли собой всё небо, вдруг, неизвестно откуда, взвивался свирепый ветер, начинал гнуть великие ели, как прутья, лес наполнялся ослепительными вспышками, и небо раскалывал оглушительный сухой гром...

Обхватив колени, и прижав их к груди, я, помнится, сидел, весь сжавшись, под берёзкой, у края лесной дороги, и думал о том, что началось какое-то светопредставление, совершенно позабыв при этом о глухарях. Подобное явление природы мне приходилось наблюдать впервые, и если бы не поход ночью на глухариный ток, я бы его так никогда и не увидел. К слову сказать, зарницы оказались добрым знамением, и через какой-нибудь час всё в природе неожиданно успокоилось, вокруг меня токовало полдюжины петухов, и я подходил под песню то к одному, то к другому, и не мог нарадоваться.

А как-то глухариному току предшествовало, вернее, даже сопутствовало совершенно невероятное явление – сильнейший снегопад! Сам по себе снежный заряд, даже в мае месяце, когда уже снег сошёл, ничего особенного собой не представляет: весна, как и осень, когда на ту приходится погод восемь, мало от неё отличается, и способна на свои сюрпризы. Известно, что в холодные ветреные дни любовная страсть птиц заметно спадает, ну, а уж если зарядит стылый пронизывающий дождь, то они и вовсе замолкают. Такая погода только ещё более усугубляет нежелание глухарей токовать, это верно.

Петухи как будто замыкаются в себе, и всё больше молчат. Чего уж тут говорить про снегопад: не могут такие чуткие птицы превозносить весну в подобную непогодицу, заверяют бывалые охотники. Этот, известный всем,

постулат, по их убеждению, такой же подлинный, как и разумение, что глухари никогда не меняют место своего токовища!

Любые противоположные мнения всегда воспринимаются этими «знатоками» в штыки, бурно и не без злорадства осуждаются, а тот, кто осмелится предположить иную точку зрения – дружно изгоняется из рядов «самых завзятых глухарятников». Его, вообще, никто серьёзно не воспринимает!

Сейчас, по прошествии многих лет, когда мною было найдено несколько глухариних токов, и я достаточно хорошо изучил образ жизни этих замечательных птиц, мне становится совершенно очевидно, как невероятно велика зависимость очень увлечённых чем-либо людей от устоявшегося, но не проверенного мнения. Как несправедливо мала тяга человека к истинному устремлению раскрытия не дающей покоя лесной загадки, даже если для этого ему приходится поступиться своими неверными убеждениями...

Ведь истинность этих устремлений подтверждается бесконечными походами в лес, в любую погоду, бессонными ночами у костров и в избушках, горячим желанием, несмотря ни на что, досмотреть и понять ускользающую от тебя тайну. Почему-то всегда твёрдо верится: нет в природе ничего невозможного, когда ты любишь лес, дорогу и весну, что открывают тебе чудесных глухарей в их скрытом от глаз людей, восхитительном таинстве.

И вот, оказалось, что непогода не всегда действует на птиц столь удручающе. Порой, предчувствуя её скорое окончание, глухари не прекращают своих восторженных песен и поют в дождь, сильный ветер, а в то незабываемое утро я стал свидетелем, как петух токовал в обильный снегопад, причём, очень активно, почти без перерывов, даже – самозабвенно! Что могло быть тому причиной?

Неужели подобное могло произойти случайно, ведь в природе ничего просто так, без веской причины, не случается. Если глухарь, а это был взрослый, на редкость очень крупный мошник, всё-таки прилетел с вечера на ток, тревожно забывшись в преддверии своего потаённого священнодействия на часок-другой, весь сосредоточенный на дорогой своему таинственному существу песне, провозглашающей любовь, то это что-либо, да значит. Подобное поведение глухаря, скорее всего, не являлось причудой, глухарь этот просто любил жизнь, весну, и не представлял себя без глухой лесной стороны, где он из века в век переживал свою сокровенную судьбу, неведомую многим людям, но им видимую, наверное, в алмазах.

Я стоял прямо под глухарём, он в то утро облюбовал для себя такую же старую, как и он сам, ель, но птица вела себя спокойно. Глухарь дважды перелетел с дерева на дерево, отчего я опасался, что мошник почувствовал неладное, и вот-вот покинет токовище, но он, по-видимому, подыскивал наиболее удобную для себя ель или сосну, и когда выбрал, усевшись чуть ли не на самой верхушке, тотчас запел.

А погода, между тем, быстро портилась. Небо затянуло тучами, и всё вокруг вмиг изменилось: не весна, как будто, а настоящая осень. Неведомо откуда налетевший ветер, что было сил, гнул деревья, но глухарь, это было удивительно, не улетал, ещё пуще продолжая своё сбивчивое стрекотание. И вот тут вдруг повалил снег, да не какая-то хилая позёмка, настоящая снежная круговерть!

Снеговая завеса застилала всё вокруг, так что невозможно было разглядеть что-либо в нескольких шагах, но глухарь ещё только более страстно учащал пение, словно боялся не успеть выговориться до завершения снегопада. Вскоре он совсем пропал из виду, сквозь снежную бурю слышалось только его возбуждённое скирканье и учащённое точение: глухарь, кажется, абсолютно ошалел от всего происходящего, и мне было жаль, что я его не вижу. Снег залеплял глаза и уши, а я не переставал всматриваться в окружающую, невероятную для этой поры серовато-белёсую муть, и, улыбаясь, чувствовал себя счастливым.

А потом вдруг выглянуло солнце, в считанные минуты растопив рыхлый, какой-то ненастоящий снег, и к глухарю, полом, прибежала копалуха. По всей видимости, она терпеливо ждала этого мига.

Глухарь слетел к ней, удостоив своим царственным вниманием, прошёлся рядышком барином, и они тотчас удалились в чащу. Остающиеся островки снега ярко переливались в лучах молодого весеннего светила, где-то совсем рядом происходило скрытое от моих глаз таинство неотступно притягивающей к себе лесной жизни, и я не мыслил без неё своей.

Но знамения случаются не только в связи с глухариными токами, они в лесу повсюду, особенно весною, если ты способен видеть, чувствовать и понимать. Чувство единения с природой, когда она тебе отвечает взаимностью, тоже знак, что Существование отметило тебя, и помогает встретиться с лесными обитателями.

Я как-то очень просто открыл для себя, что в отношении к лесу, к разным природным стихиям, нельзя оставаться одинаковым. Если ты попал в пургу, почувствуй себя таким же напористым и собранным, но не жестоким, а когда окажешься посреди расцветающей весны, то должен стать пластичен и мягок, но и не уступчив, волен душой.

Наблюдай за собой и тем, что тебя окружает в лесу: всё способно тебя здесь воспитывать, дарить свои знаки, а ты обязан у всего учиться. Если не будешь прислушиваться к тому, что происходит вокруг, к лучшему не изменишься.

И лес, и лёд, и ветер, и огонь передают своё отношение к тебе в звуках, запахах и знаках, и их следует угадать. Чем больше будешь находиться среди этих природных стихий, тем лучше для тебя: тело и дух станут незаметно

мужать, и вместе с ними начнёт расти сознание. Когда оно растёт, твой поиск сосредоточен на жизни всего Мироздания.

Лес, со всеми его тайнами, и есть центр удивительного Существования, и его хочется познавать. А помогают тебе в этом знаки природы, которые активизируются, когда в них возникает потребность. В природе существует намного больше того, что можно увидеть невооружённым глазом, и если ты будешь проявлять чуткость к окружающему миру, он отзовётся тебе таким же трогательным вниманием. Невидимое и неслышимое существует, оно огромно, и при всём том, что диапазон звуков и запахов, коим мы располагаем, очень мал, на деле он бесконечен, и всё то, что мы имеем – несомненное богатство, и его необходимо использовать, проникая всё глубже и глубже в тайны природы.

Мы не способны воспринимать звуки выше или ниже диапазона восприятия органов нашего слуха, но чувствительность к восприятию звуков удивительным образом обостряется в лесу, вообще, всегда, когда напрямую взаимодействуешь с природой. И потому - не ограничивайте себя, отправляйтесь под покровы таинственной лесной чащи, и при частом общении с ней вы познаете то, что до сих пор оказывалось за пределами вашего понимания.

То же скирканье и точение глухаря вы научитесь угадывать не за семьдесят-восемьдесят шагов, а за двести-триста. Мало того, для вас станет возможным усваивать малейшие оттенки природных звучаний: и песню зимы, с её необыкновенной музыкальностью, и волчий вой – знак причащения зверя к его будущей неутомимой жизни, кажущейся людям совершенно неустроенной, но для самого волка остающейся единственно доступной и по-звериному святой, и вольный ветер, что всегда непостоянен, но вряд ли сыщешь что-либо более надёжное в своей свободе... Ну и, конечно, странно было бы не услышать в погожий апрельский вечер, во время вальдшнепиной тяги или на глухаринном подслухе, дружного квохтания лягушек...

Почти всю зиму проводят под снегом глухари, и всю эту пору длится в человеческой душе её знаковая песня, что убаюкивает и пеленает. Выводя морозами и метелями мелодию без слов, зима обращается к человеку, когда белое безмолвие будто бы сковывает его восприятие, и кажется, что оно умирает. Ветер в зимнюю пору восполняет пение птиц, что ещё не прилетели, и иногда дуновения его удивительно схожи с их переливами: так же, как и они, ветер трогателен и настойчив в достижении своих непревзойденно чистых желаний.

Сладостны песни зимы, что рождаются, кажется, под сказку... И ветер поёт, и птица, и человек, но у зимы это получается по-особенному уютно, в её песне слышится грудной голос, похожий на бабушкин. Глаза слипаются в тёплом сне, и мысли незаметно превращаются в сновидения...

Песню эту слушаешь все зимние месяцы, и бережно несёшь в себе. Она уравнивает твои разбушевавшиеся за год настроения, и в тоже время

окрыляет. Вроде бы, и нет у зимы какого-то стройного голоса, но душа поёт, а поётся, как известно, там, где воля: зимняя, бескрайняя и родная.

Ведь песню петь не тот мастер, у кого голос хорош, а кто душой красив. Зима её человеку незаметно отбеливает, и тем самым чудную сказку свою вершит. Ей, видать, от того легче становится, когда она душу свою изливает: про свои непроходимые снега и заносы, про невыразимую тоску в обретении ею вечной жизни, про наши беспредельные просторы. Напевы эти приятны человеку, и благодаря им он незаметно обнаруживает в себе окрыляющую чистоту и правду русской жизни, что тоже необыкновенно певуча.

Ветер в природе, наверное, самая знаковая и мелодичная стихия: он дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться. В разные времена года он неодинаков, отчего весна - краше, лето - ароматней, осень - утончённей, а зиму отличает глубина и умудрённость.

Ветер, несомненно, хорош собой, и когда он с силой гнёт деревья, чувствуется, какими они тоже становятся сильными и солидарными, даже самые разобщённые. Не сдаваясь перед его мощью, они словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди. Правда, от холодного северного ветра крепкие ели иногда опускают свои нижние лапы к самой земле, но от этого образуется еловый шатёр - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека. А вот если такой ветер дует со снегом, хоть и колючим, это как чьё-то неясное душевное обращение, которое он доносит откуда-то сверху, с небес, и оно только радует и умиротворяет.

Когда начинает задуть весенний ветер, он проносит по небу лёгкие облака, и тогда такими же вольными рождаются в тебе мысли. Задорный мартовский ветер и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь! Лишь ненароком коснётся он твоей головы, как бы невзначай, но будь уверен: весенней порой этот ветер никогда не бывает случаен.

Благодаря именно весеннему ветру, солнцу и поблескивающему насту молодой березняк будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком. Все приключения души по весне никогда не воспринимаются тяжкими, потому что всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским ветром. Перед скорым рассветом он мягко, по-кошачьи, прокрадывается над макушками деревьев, и одну за другой задует на небе зелёные, синие и оранжевые звёзды.

В начале лета вдруг уверуешь, что нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру, но выдастся затишье, предшествующее ветру, и всё в душе смутится от нерастратченного чувства к нему и тому, что его порождает. Преисполненный довольства августовский ветер, может быть, уже от переизбытка радостных ощущений, сам однажды заводит с человеком тихую,

задушевную беседу, в которой человеку достаточно просто слушать и мысленно отвечать ветру. Вот когда почувствуешь, как дорог тебе ветер, из всех стихий, пожалуй, самый любимый: это – его добрый знак человеку.

Осенний ветер необыкновенно музыкален. Выводя мелодию без слов, он, как и человек, поёт давно известную им обоим песню: про возвышенные порывы живой души и переносимую ей тягость, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь её потерять и вновь в себе самом возродиться. На многое способен ветер, что гораздо до чудесных перевоплощений.

Из зимнего воздуха слагает ветер такие песни, что по силе своей бывают ни с чем несравнимы. Иногда их называют задушевными, дующими, кажется, из самой глубины России, и они всегда приносят собой душевное тепло. Хорошо внимать им посреди зимы, когда ни о чём другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене лесной избушки, и слушать, как не торопясь выводит ветер свои глубинные настроения. В этом – тоже его еле уловимый, но верный знак.

А вот в вое волков угадывается голос многочисленных предков зверей, это их знак вступления в нелёгкую звериную жизнь... Протяжно отзываясь в бесконечность ушедших времён, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе существование рода. Живя для природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем своё постоянное беспокойство, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума этого животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

Бывает, ещё в конце марта, с началом глухариных токов, вдруг заслышишь протяжное завывание волчьей стаи, собравшейся вокруг волчицы, и сердце сладко охватывает неясное смятение перед этим необыкновенным зверем. Вкрадчиво вслушиваешься, замираешь от необыкновенного ощущения, захватившего твою душу, отчего сразу забываешь и про весну, и про глухарей, и про то, как долго и неуклонно шёл к этому токовищу, терпеливо отыскивая его в потаённой лесной утробе, веря в свою звезду. Призывный вой зверей войдёт в твою душу, словно осиновый кол, и так разбередит её, что поверишь, будто волчья шкура и в городе воет. Господь с тобою!

Что же касается наших вездесущих лягушек, то молчание их в весеннюю пору послужило бы, скорее, дурным предзнаменованием, чем вызвало недоумение. Когда земля выпускает из своих нор лягушек, они радостно скачут и квакают: «Пор-ра, ква-ква-ква, сеять, пор-ра, ква-ква-ква, сеять», и в этом их жизнеутверждающем призыве, быть может, есть самое верное предвестие пробуждающейся земли. Предзнаменование того, что сама природа подсказывает: пришла, наконец, весна, и если есть доброе болото, то и лягушки никогда не переведутся, а вместе с ними – и добрые сердцу

глухари, и краснобровые тетерева, и восхитительные, подобно нежным облакам, белокрылые лебеди.

Лягушки «затурлыкали» по мочажинам, и это значит, что в самом разгаре глухариные и тетеревиные тока, началась богатая вальдшнепина тяга! Во множестве сидят они теперь по придорожным лужам, с любопытством высываясь из воды. Наступил невидимый поворот в природе к теплу, и легче всего угадать его по нашим лягушкам, что с удовольствием выказывают все свои музыкальные таланты.

Каким бы это ни казалось странным и неожиданным, но у многих лягушек голос по весне обладает неимоверной силой. Это звучит тем более неправдоподобно, поскольку тела у них тщедушные, и приходится лишь поражаться способности лягушек к громкому крику. Кваканье лягушек порою оглушает, и, бывает, проходит целая ночь, а тебе так и не удаётся сомкнуть глаз у костра, в ожидании глухариного тока.

Постепенно kloкочущие звуки сливаются в сплошной гул, что заряжает весь окружающий мир своей языческой энергией. Солнце уже давно опустилось, а гул над болотом только ещё более ширится, растёт, и к ночи уже течёт над землёй сплошным потоком, без перерывов. Так продолжается две, порой даже три майские недели, и это, несомненно, самые звучные дни в году, когда лягушки, кажется, способны перещеголять даже тетеревов.

Ночью, кроме лягушек, слышится так же бление долгоносика-бекаса, именуемого за это в народе «барашком», да редкое посвистывание мохноногих сычей, отстаивающих между собой свою территорию и призывающих самок, остальные лесные обитатели хотя бы ненадолго забываются, а оживляются только с рассветом. Правда, ещё по темноте вкрадчивым хорканьем возвещает о начале своей утренней тяги кулик-вальдшнеп, еле уловимым силуэтом промелькнув прямо над головой, уже слышится пощёлкивание глухаря, будто кто-то неведомый роняет таинственные капли в лесу, лягушки же продолжают свои песни бесперебойно, до самого утра. И даже утром слышится их неустанное бульканье, которое, между тем, никому не досаждало и воспринимается всеми как нечто обычное.

По-видимому, лягушки квакают от полноты чувств, и их песня – это древнейший призыв к поддержанию лягушачьего племени. Лягушки радуются именно происходящему с ними по весне событию, а не просто предупреждают о частной собственности на любимое болото, где собираются продлить свой род.

Конечно, лягушка поёт, что нищего за суму тянет, но, как говорится, голосу нет, а душа ликует. Именно о лягушках в весеннюю пору размножения можно сказать такое, потому как они не в силах сдерживать своих чувств. Всё, что дано лягушкам, это превозносить весну доступными им способами, и разве возможно отнять у них подобное стремление?!

Весной лягушкам самое раздолье, а главное, что их все слышат! Вот с ближнего болота доносится утробное: «ур-ур-ур-р, ур-ур-ур-р, ур-ур-ур-р»...

Это урчат в живот лягушки. Урчат, ворчат или бурчат, словом, издают глухой звук, напоминающий то, когда кто-нибудь засовывает трубочку в воду и начинает выдыхать через неё воздух: воздух превращается в большие пузыри, что с трудом выбиваются на поверхность и гулко лопаются. Ощущение, будто неведомо кто сердится, или, может быть, играет, но от этого совсем не страшно.

И разве скажешь, что грудное воркование лягушки надоедливо?! Нет, скорее, оно приятно слуху, и поначалу именно из-за этой ненавязчивости даже не воспринимается. Утробное лягушачье воркование незаметно вплетается в общий и радостный весенний гул, без него весна как будто ненастоящая, а радость неполная.

Весенняя ночь тепла, укромна, всё в ней ненадолго утомилось и замерло, не спят лишь лягушки, вышедшие из воды на дорогу: повсюду слышится их низко монотонное урчание. «Ур-ур-урррр, ур-ур-урррр, ур-ур-урррр...» - это голоса отдельных самцов, находящихся в непосредственной близости. Голоса доносятся как будто волнами, удивительно органично сочетаясь и дополняя иные весенние звучания. Например, отдалённое клокотание тетеревов, которое тоже наплывает отдельными, причём, неравномерными потоками.

То затухают бесследно, то неожиданно возгораются неугомонные весенние шарманки, и кажется, способны повергнуть своей неиссякаемой настойчивостью, поднять над землёй и унести в неведомые весенние дали: так безоглядно отдаёмся мы их околдовывающему звучанию!

Песня лягушек по весне, несомненно, их достоинство, что приносит особый колорит в зарождающуюся повсюду жизнь. Жизнь без лягушек была бы скучна, и они необыкновенно оживляют местность, когда начинают свои незабываемые концерты. Весна будто ждала, затаившись, в ней чего-то недоставало, и вот, с появлением лягушек, она, наконец, успокоилась и облегчённо вздохнула.

Не обойтись весной и без журавлиного курлыканья, что большая радость по нашим временам. Всегда почему-то оказываешься застигнутым врасплох, заслышав в вышине призывные вскрикивания этих не похожих ни на кого, трогательных птиц, и сердце отчего-то переворачивается в груди. Появление ни одних птиц по весне мы не воспринимаем так остро, как прилёт журавлей.

Завидев в небе торжественные ряды этих величественных птиц, подолгу всматриваешься в небесную высь и не можешь оторвать глаз. Чем-то необъяснимым приковывают журавли внимание людей, вынуждая позабыть суровую зиму. Своим неспешным полётом птицы будто возносят души людей, но не отнимают их, вынуждая тоже попробовать полететь, наслаждаясь силой свободного парения.

Великую радость приносят птицы в сердца людей, возвращаясь из тёплых стран на свою родину, и будто отогревают застывшие за зиму души. Журавли устали после дальнего пути, и, может быть, не все из них достигли

родимого дома, но прежде, чем сесть для отдыха где-нибудь на болоте или у реки, они обязательно немножко покружат над полем у деревни и прокричат своё приветственное «курлы-курла, курлы-курла, курлы-ы-ы!» Это – верный знак, что весна вступает в свои права, она слетела на землю вместе с нашими дорогими журавлями!

Для человека трубный журавлиный крик, может быть, самый желанный из всех природных звуков, потому что возбуждает радость близких русскому человеку переживаний. О том, что пришла, наконец-то, долгожданная весна, что всколыхнула в каждом равнодушном сердце внутренние силы и надоумила на настоящий душевный подвиг. Не устать творить его, если ты встречаешь весну с такими чудесными птицами, как журавли.

И негибкая сила в журавлином голосе, и сладостная грусть, всё, без чего немыслима наша жизнь. Журавли своим присутствием будто преподносят человеку великий подарок судьбы – предзнаменование, которым он должен благоразумно распорядиться, не разбазарив его понапрасну. Крик журавлей заключает в себе нечто необъяснимое и завораживающее, от чего всегда верится: эти чудесные птицы – провозвестники нескончаемо радостной и счастливой жизни.

А потрескивающий в ночи костёр?! Разве это не радостное знамение, что ночь приняла тебя в свои объятия, и неукротимая стихия огня тоже, наконец, проявила себя в полной мере? Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и время, кажется, останавливается.

Костёр необыкновенным образом озаряет внутреннюю жизнь леса, и становится видно то, чего ни за что не заметишь днём. Ночь в лесу долга и темна, а у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно.

В лесу, у костра, всегда укрепляется связь с родной землёй и пробуждается жажда путешествовать. Когда переживаешь ночь или непогоду, костёр навевает самые таинственные и сокровенные думы, строятся решительные планы. У лесного костра как нигде хочется мечтать.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костёр трепетен, он в тоже время неукротим: даже деревья уважительно склоняются над ним, и что-то вкрадчиво нашептывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, что смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты тоже начинаешь всматриваться в замерший лес, и вслушиваешься в не замечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра. Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далёких предков и всей природы.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории, и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костёр тонкие хворостинки,

ощущая его томный жар, и наблюдать, как их охватывают жадные языки пламени.

Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, уносящихся в чёрное небо: как они смешиваются со звёздами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках, восторженно шипит и взмывает к небу пляшущие отсветы, но при этом не ожидаешь утра, а всё больше думаешь, что ночь эта и костёр будут нескончаемы.

Случается, что костёр порой как будто отдыхает в себе самом, и горит как-то отрешённо, никуда не торопясь. Разожжёшь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней проталинке, когда на оттаивающих бугорках уже тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и поддерживаешь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полену, хворостинка к хворостинке слагается постепенно костёр твоего неугасимого чувства преданности лесу и родной природе.

Вообще, огонь – это чудесное явление неудержимого горения, знак наивысшей степени жизненного жара, проявляющийся в необычайно яркой сгущенности всей его сути. Природа огня, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способная обнять всё живое, божественна.

Знак огня – именно свет и тепло, что сопутствует человеку, всегда находится рядом, и если человек пожелает, то может взять его и владеть. Это – родной огонь, начало начал, суть зарождающейся жизни, ей без него не быть, он предназначен стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухала.

Человек во все времена желал огня, и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался, и в тоже время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал. Огонь и пугал, и манил человека своей вековой тайной, и человек тянулся к нему.

Костёр – это маленькое подобие солнца на земле, что человек способен разжечь сам: тому, кто связан с природой, всегда не хватает его тепла. И человек разводит огонь, и греется рядом с ним, не забывая, что он порождён Божественной Вселенной: огонь для человека – чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь.

Очень важно уметь приспособить окружающий мир себе на пользу, не принося ему никакого вреда. Для этого нужно научиться распознавать природные знаки воды, земли, огня, воздуха и звёзд, они очень просты, именно этими знаками изъясняется с нами Господь, и только по ним однажды приходят к каждому человеку повеления изменить свою собственную судьбу, но многие так ничего и не замечают.

Всем нам следует неукоснительно исправлять себя, совершая ответственные поступки на пути познания мира. И, совершив, не ставить их себе в заслугу. Человек должен оставаться отрешённым от своих побед, и в то же время находиться в мудрой взаимосвязи со всем, что его окружает.

Будет очень хорошо, если он не станет воевать с этой поразительной природой, а заинтересуется её загадками и неизмеримостью. Человеку надлежит быть ответственным за чудесный мир, в котором он живёт, несмотря на то, что он здесь не хозяин, а всего лишь гость, и, наверное, никогда не раскроет все его чудеса до конца, но обязан к этому стремиться.

Голос природы, его знаменательная и несравнимая ни с чем красота, это её язык, на каком она изъясняется со всем миром. Он многолик, необыкновенно значим во всех своих проявлениях, и полон самых невероятных примет, связанных с диким животным миром и его нескончаемыми чудесами. Всё это – неповторимые знаки природы, примеры чувственного изъяснения божественного мира, призванного Существованием ублажать наши, не распознавшие себя, души, чтобы они рано или поздно себя узнали, и стали знакомы всем, ибо что знато, то и свято, а если не свято, то и не угодно. На всё – Божья Воля, знамение Господне!

ОТЕЦ-ЛЕС

Лучшие минуты и часы своей жизни я провёл в лесу и море, переживая с ними нерасторжимую связь. Какие чудесные мысли и видения рождались в тайниках моего сознания, когда я соприкасался с лесными потаёнными просторами, отмечая в себе любимые уголки, что вспоминал потом в течение всей жизни! Сколько чудесных размышлений посетило меня, когда я проводил бессонные ночи весною, на глухариных токах, или переживал осеннюю непогодицу в уютной лесной избушке! ОТЕЦ-ЛЕС вошёл в меня всей своей необъятной и несравнимой ни с чем мощью, и остался там навсегда, отчего я непередаваемо счастлив.

Ведь если вышел из леса чуть умнее, чем был, значит, ты не зря провёл там время: ОТЕЦ-ЛЕС тебя почему-то отметил. Сразу, конечно, этого не почувствуешь, но понимание приходит скоро. А главное, ты постепенно осознаёшь, что чем дольше ты ходишь в лес, причём, постоянно, тем лучше становишься: начинаешь видеть и слышать то, чего раньше не замечал и не видел, и так, незаметно, постигаешь через лесную чащу самого себя, а потом и Бога. Но поначалу следует лучше узнать лесное божество – ОТЕЦ-ЛЕС...

Когда позабудешь себя в лесу – знай: твоё «я» целиком погружается в самую суть природы, в её истинную глубину, и если уж попал туда – возврата нет, сделался ты насквозь «лесным», то есть – «лесовиком». Нет большего счастья, чем переживать эту радость, и необыкновенно радостно счастье, что обретаешь в общении с ОТЕЦОМ-ЛЕСОМ. Ты здесь – свой, и лес это чувствует, а ты понимаешь, как велик он, как проникновенен в своей мудрости и чистоте: не нарушь её! В этом есть великое благо соединения многих энергий, в том числе – человека с миром природы, и человек обязан беречь эту связь как зеницу ока, ибо нет ничего её важнее.

Я как-то сразу понял, что всё самое интересное и лучшее в окружающем мире, к чему я в жизни стремился и пришёл, уже содержала моя душа, я лишь безотчётно двигался к нему, постепенно узнавая в своём обретении. А ведь мог и не пойти, отступить, даже пока не угадывая своё, родное, но и тогда, наверное, природа нашла бы способ открыть для меня возможность более достойной жизни, не представляя её без леса. Так сильна глубинная мощь ОТЦА-ЛЕСА, что от прикосновения к себе внимательного человека становится ещё более сказочной.

В глубине души надеясь всегда на то, что в завтрашнем походе в лес ты непременно встретишь нечто удивительное, но на деле, в ожидании этого завтра, всё время отчего-то сомневался, не верится тебе, что и в этот раз чудесное откроется твоему взору, и, конечно, поразит. Вспоминаешь, что уже не впервой тебе приходилось ошибаться в своих осторожных предположениях, и на самом деле всё оборачивалось наилучшим образом, как и представлялось в глубине души, но ты, тем не менее, опять почему-то не верил в поджидающее тебя чудесное, резонно полагая, что не может же тебе везти постоянно, а открытия всё равно не заставляли себя долго ждать, и в очередной раз поражали твоё восприятие. Так многообразна и глубока душа ОТЦА-ЛЕСА, так он великодушно, как солнце, являет нам свою прекрасную жизнь.

И приходит вдруг понимание, что эта глубина и неповторимость ОТЦА-ЛЕСА неисчерпаемы, как бы планомерно и бездушно не изводили его люди, и даже в измождённом вырубками лесу, несмотря ни на что, тебя неминуемо может ожидать незабываемое, именно в тех кусочках, что ещё остались, и если ты проявишь неутомимость, это обязательно произойдёт. Произойдёт просто потому, что ОТЕЦ-ЛЕС чувствует тебя, твою жаждущую открытий душу, и только ради этого он порадует человека чем-то необычным, подарив ему свою улыбку. Это может быть только что зацвётший, к концу апреля, оранжево-пунцовый куст волчьего лыка, издающий еле уловимый пряный запах, присущий только весне; глухариный ток, неожиданно найденный тобою неподалёку от деревни, из-за окруживших его вырубок почти недоступный, но тебе отчего-то открывшийся; лось-великан, что ничего не замечая, нежно, и в тоже время настойчиво обдирая чуткими губами молодую осинку, подпустит тебя на близкое расстояние, и ты разглядишь его пушистые ресницы и задумчивые глаза...

Бывает, в хмурое апрельское утро, когда ещё не оделся лес, робко прокукует кукушка... Сначала - раз-другой, пока нерешительно пытаюсь опробовать звучание своего голоса в чистом утреннем воздухе, а через какое-то время - более уверенно, будто очнувшись ото сна, и через мгновение – уже радостно, без остановки, отчего ты невольно собьёшься со счёта от мысли, что так много тебе жить вовсе и не обязательно. Что угодно можно встретить в весеннем лесу, если не представляешь без него своей жизни.

Случалось с вами подобное, были вы по-настоящему очарованы лесной тайной, этим потаённым, скрытым от глаз людей течением жизни, где всё

удивительно взаимосвязано, и так трепетно сосуществует одно с другим, но на удивление надёжно и радостно? Согласны и вы оказывать поддержку всему живому в этом лесном мире, не нарушая природной гармонии, воспринимая и себя частицей этого загадочного царства?

Не только во всё вглядываться и вслушиваться в нём, но и разговаривать с каждым живым существом, независимо – журавль это, потерявший по весне свою подругу, маленький ёжик, спрятавшийся ото всех в своей бесхитростной норке, так что виднеется только его кругленькая попка, или изодранная когтями медведицы ёлка, залечивающая раны смолистыми слезами. Все тебе в лесу дороги, а ты - дорог ОТЦУ-ЛЕСУ, и в этом единении смысл жизни, устроенной по божественным законам. Это - цель твоего собственного существования, что невозможно без единства птиц, зверей и растений, невозможного без содружества с человеком, когда мы все в ответе друг за друга, и как хорошо, если бы каждый почувствовал эту нерасторжимую связь, и уже никогда бы не смог без этого быть.

Да, человек бывает невообразимо силён, и пылкий дух его неукротим, но случись с ним какая беда – и идёт он за помощью к природе, в лес, как будто высокие травы, лесные озёра или осязаемое присутствие зверя смогут избавить его от отчаяния и непреодолимого нежелания жить. В такие минуты он уже не предполагает несовершенства среди лесных обитателей, убеждённо признавая, что звери страдают и мучаются точно так же, как и люди, а может быть, даже сильнее, и справляются со своей бедой нередко более достойно, чем человек.

Оглушённый болью, и в силу этого позабывший о её живительной сути, что поддерживает, так или иначе, красоту в душе, человек стремится найти опору собственному духу в лесу, и находит её. Тихий ли свет пасмурного осеннего дня поможет ему в этом, или перебежавшая дорогу огненная красавица-лисица, на мгновение настороженно замершая у самой её обочины, человек, вскоре, неминуемо для себя отметит, что жизнь удивительно полна, и ни на секунду не собирается утихать. Вновь обретя уверенность и желание жить, он вдруг незаметно почувствует в душе скрытую от него причину неведомого спокойствия и смысла именно в лесу.

Но, несказанно обрадовавшись этому, человек не в силах взять в толк, каким образом, одним своим видом, лес достигает такого счастливого поворота в его душе, и так легко справляется со всеми несчастьями? Что испытывают сами звери, когда беда настигает их в одночасье, неизъяснимым грузом ложится им на натруженные лопатки, и гибель неслышно стелется под их лапами сухим прошлогодним листом, либо замечает тропы непролазными предательскими сугробами? Как быть им, и надеяться ли сегодня на помощь других лесных обитателей, если вчера они были тебе непримиримыми врагами, только поджидающими твоей слабости, чтобы самим бойко продолжить свой бег?

Ждать такой поддержки, наверное, было бы ненадёжно, и потому сражённая молнией одинокая сосна, заяц, защебивший лапу в расколоте

пне, обессиливший сохатый, загнанный в глубокие снега волками, - все они предоставлены, скорее всего, самим себе. В необъятных лесных просторах гибель их незаметна, никак неощутима, и повлиять, в целом, на жизнь природы, конечно, не в состоянии, и всё же природа позаботилась о них.

Не в силах уберечь, природа наплатила плотью погибших зверей тех, кто остался жить, а значит, должен есть, выкармливать своих детёнышей, передавать им необходимый опыт. Останки ещё долгое время могли служить птицам лакомым кормом, а истлев, удобрили собой почву, на которой в густом влажном мху заалеет когда-нибудь глянцевыми боками клюква или брусника. Не в пример человеку, лес не оставляет без внимания ни одну былинку, мудро предоставив ей возможность благодарно воскреснуть в каком-либо ином обличье. Своим существованием лесные жители обязаны друг другу, и эта не нарушаемая взаимосвязь между ними помогает лесу преодолеть любую беду.

Придя в лес, человеку надо двигаться и дышать в такт его ритму, а не принесённому с собой. Это – не боязнь заслужить неодобрение, просто так удобнее найти с ним общий язык.

Лес обостряет чувства, и неопытный человек, быстро насыщаясь ими, постепенно начинает переносить весь интерес и обаяние леса на себя, воспринимая все его чудеса как собственную заслугу, и в результате попадает в плен разыгравшегося воображения.

Быть наедине с природой нелегко, и для этого необходимо войти в неё как можно раньше. Как примет тебя лес, зависит от тебя самого. Можно прожить рядом с ним целую жизнь – и так и не увидеть его. Можно подолгу находиться в его окружении, страстно и искренне желая раскрытия лесных тайн, но так и не добиться ничего на этом пути. Наконец, можно попытаться пробыть среди лесной тишины максимально продолжительное время, пристально наблюдая за происходящим вокруг, и всё же потерпеть неудачу.

Как бы ты ни был изощрён и настойчив в стремлении дотянуться до неизведанного в лесу, он без желания расстанется со своими секретами. Лес не прощает ни единой, допущенной тобой в жизни моральной ошибки, независимо от того, произошла она по недоразумению или из-за собственной духовной небрежности.

Последствия такой, допущенной тобой однажды небрежности, когда-нибудь неминуемо скажутся на твоём отношении к лесным жителям. Происходит это, по большей части, неосознанно, исподволь, а лес, конечно, всё чувствует, и по-своему мудро реагирует на это. Лес, скорее, допустит к себе человека, не обременённого жаждой познания, даже невежественного и глупого, чем того, кто, тайно вынашивая планы проникновения в его непревзойдённый разум, сам, в тоже время, его недостоин.

Извращённый человеческий ум может принести много вреда природе, и потому сложного человека лес не один раз пропустит через себя и

выслушает, прежде чем удостоверится в чистоте его намерений. Умный человек более опасен для него, нежели дикарь, в котором больше естества, и потому лес даже может его проглядеть. Но как только человек-злодей проявит себя, лес тотчас отлучит его от своих тайн, и станет вдруг недоступным и замкнутым. И нет ничего хуже, чем оказаться в лесу одному.

Человек – более способный ученик природы, нежели животные, но, тем не менее, ему приходится преодолевать, в сравнении с ними, ничуть не меньшие недостатки. Самое парадоксальное заключено в том, что, даже преодолев их, он оказывается, в итоге, перед суровыми реальностями того же мира, от которого когда-то оторвался в силу собственного развития. Только с большим пониманием происходящего вокруг и в себе самом. Наверное, именно поэтому человеку бесконечно интереснее жить на белом свете, в отличие от любого животного и птицы, искренне желая, хотя бы на время, побыть аистом, волком или только что родившимся жеребёнком.

Так поступил канадский писатель Эрнест Сетон-Томпсон, когда, оставаясь самим собой, представил себя по-человечески находчивым и умным лисом Домино, отчаянно свободным мустангом-иноходцем, царственным волком-великаном Лобо, и многими другими зверями. Обострённость и полнота восприятия окружающей лесной жизни была у него порой неизмеримо выше, чем у любого из описанных животных, несмотря на многообразную гамму чувств, какими они обладают, а происходило это по причине неудержимого стремления к познанию, способного преодолеть любые инстинкты, в том числе – страх. Неутомимому писателю это отчасти удалось, как удалось бы осуществить ещё талантливее более тонкому человеку, надолго очутившемуся однажды в лесу. Лес принял бы его под своей осеняющей тайной и укачал на еловых душистых лапах, вдохнув в сердце цепенящий восторг, силу и благодать.

Но прежде, чем войти в лес, ты должен обратиться к нему с приветствием. Войдя – следовать его законам. Открывая – познавать и радоваться. Прощаясь – благодарить, петь песню и никогда не прерывать с ним внутренней связи.

Приветственная

Здравствуй, ОТЕЦ-ЛЕС!

Здравствуйте, лесные обитатели, видимые и невидимые. Вступая в ваш дом, обращаюсь к вам с добрым сердцем и открытой душой, с желанием только смотреть, чувствовать и постигать лесную мудрость. Не присваивать слепо то, что ты, лес, можешь великодушно подарить, а быть терпеливым учеником, и брать только с твоего соизволения и с чувством искренней

благодарности. Прими меня в свои объятия, ОТЕЦ-ЛЕС, научи, сохрани и поддержи как в трудную минуту, так и в минуту радости. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Благодарственная

ОТЕЦ-ЛЕС!

Искренне произношу тебе слова благодарности и любви за то, что снял усталость с моей души, освободил от ненужной обузы моё тело, даровал истинную радость и ощущение слитности с твоим удивительным миром. Обещаю нести в своём сердце только любовь и преданность тебе, и как бы далеко ни занесла меня судьба, я не потеряю внутренней связи с тобой. Твоя необъятная лесная душа – это и моя душа, твои печали и радости – мои печали и радости. Наши жизни слиты воедино.

Как я привязан к тебе, ОТЕЦ-ЛЕС, как близка мне твоя величественная тишина! В разлуке с тобой я скучаю по твоим зелёным чертогам, а возвращаясь к ним – безумно радуюсь. ОТЕЦ-ЛЕС, прими и отпусти меня с пониманием и верой в то, как я искренне предан твоей непостижимой тайне, что притягивает к себе с такой силой.

Только ты, ОТЕЦ-ЛЕС, способен по-настоящему успокоить сердце и принести то ощущение радости жизни, что было утрачено в борьбе с её трудностями. Только твоя неиссякаемая мощь в состоянии снять с плеч и души усталость, давая возможность почувствовать себя обновлённым и чистым. Именно чуткая жизнь под твоим пологом, ОТЕЦ-ЛЕС, делает человека счастливым, и только в окружении дикой природы он начинает чувствовать себя человеком.

Благодарю тебя за подаренный день, за общение с тобой. Доброго здоровья и неисчерпаемой энергии тебе века веков!

Так, уже три десятка лет после того, как отказался от ружья, я всякий раз вхожу в лес и выхожу из него, но до сих пор не могу избавиться от чувства вины перед ним, и, наверное, вынужден нести её в себе вечно.

ДЕРЕВА

Вы когда-нибудь прикасались поутру щекой к нагретой коре сосны, осторожно обняв её руками, и всем телом прижавшись к монолитному корабельному стволу? И чтобы эта раскидистая высокая сосна шумела тихонечко в своей могучей верхушке, но стояла покойно, величаво, будто ожидая, что какой-нибудь человек, может, это будете вы, подойдёт к ней, с восхищением вглядываясь в её, словно отлитое из тёплого золота тело, и

позабудет обо всём на свете, прижавшись к ней. Если вы однажды подметили в своей жизни такую сосну, и обратили к ней всё внимание вашей души, сосна подарит вам уже свой внутренний свет, и обласканный им, вы теперь будете нести его в себе вечно.

С необыкновенной зоркостью вы подметите тогда и светлый берёзовый подлесок за околицей, на него вы совсем недавно не обращали внимания, и потаённую тень под яблонями в саду, чуть ли не по несколько раз в день проходя между ними, и всё же, не замечая, и косые лучи солнца, ласково пробивающиеся поутру сквозь еловые лапы, и золотистый пчелиный гул над распускающимися головки цветами, и пахучие заросли крапивы за баней в самый разгар роскошного июльского дня, и всё это – благодаря красавице-сосне, что щедро поделилась с вами своей внутренней силой. Прикоснувшись щекой к сосне, вы вдруг обязательно почувствуете, что скоро в вашей жизни случится нечто необыкновенное, может быть, оно уже происходит, и, утвердившись в этом происходящем с вами чуде, вы испытаете глубокую признательность и к лесу, и к своей судьбе, что связала вас однажды с родной нашему сердцу русской природой.

И действительно, одного прикосновения руки человека к взрослому дереву достаточно, чтобы оно вобрало в себя всю его духовную энергию и настроение. Дерево обязательно угадает человека, и поможет ему, если он того заслужил. Человеку же, даже обхватив ствол обеими руками, невероятно трудно хотя бы предположить, чем жило когда-то и что чувствует дерево сейчас. Человек должен быть готов к тому, чтобы понять дерево, причём, не всякое, а своё, которое ему необходимо определить самому, то есть, найти. И такое дерево я однажды обнаружил.

Поначалу я не обращал на него внимания, хотя место, где дерево росло – было одно из самых любимых, именно там я начинал искать своё первое глухариное токовище. Место очень укромное, я бы даже сказал дикое, несмотря на то, что несколько лет назад там работали лесозаготовители, они и оставили после себя маленький балок с печкой. Балок вмещал в себя максимум двух человек, зимой промерзал нещадно, так, что приходилось то и дело подтапливать печь, но по весне и осенью держал тепло, и был мне надёжным убежищем.

На его ступеньках, однажды, я впервые в жизни увидел прямо перед собой огромного медведя, зверь пришёл ко мне ночью на запах подпорченной колбасы, что я накануне выбросил прямо перед входом в балок. Наблюдал за таинственным существованием филина, что поселился неподалёку и постепенно изводил ток, подкарауливая глухарей во время их песни, когда они ничего не слышат. Забавлялся весенней кутерьмой кукушек в еловых ветвях, подглядывал заячьи свадьбы...

Так вот, не замечал я дерева, вероятно, потому, что не был к этому готов, а когда по-настоящему увидел, открыл для себя, очень удивился, что не обращал на него внимания раньше. Это была огромная, налитая природной силой, красивая сосна, величественно замершая почти на краю

лога, и возле неё тянулся почти заросший старый волок. Корни сосны мощными щупальцами выпирали из-под земли, закручивались тугими, розоватыми буграми, так что подойти к стволу не сразу и получилось.

Прежде я решил рассмотреть развесистую крону, будто подпирающую небесную твердь, и, прихватив рукой шапку, долго смотрел, закинув голову, вверх, пока она не закружилась. Я как-то сразу, очень чутко, ощутил, что это – необыкновенная и очень древняя сосна, и мне сейчас привелось увидеть её. В сосне чувствовалась великая сила, и я понял, что не должен никогда забывать и оставлять её, пока опять, когда-нибудь, не вернусь к ней. Ведь это было первое в моей жизни дерево, на которое я обратил своё внимание, ощутив, что оно мне родное.

Разглядывая мощный, чуть ли не в два обхвата ствол сосны, я не мог поверить, что это величественное древесное тело создавалось невидимым воздушным пространством. Удивительным покоем и душевным равновесием веяло от этого, словно светящегося изнутри дерева, что, кажется, останавливало время. Великое умиротворение снизошло тогда на меня... А какую энергию оно вокруг распространяло!

Да, из всех деревьев наиболее проникновенно и настойчиво заглядывают в вечность, быть может, только сосны: в отличие от мудрых елей они представляются святыми! Когда в ветреный день забредёшь под сень этих самых корабельных сосен, будто оказываешься на палубе величественного брига, где кроны деревьев наполняются, как паруса, ветром, и стволы гнутся подобно мачтам. А вот если вокруг спокойно, ощущаешь себя в уютной тихой гавани, где можно помечтать о предстоящих странствиях или вспомнить героическое былое. Только упавшая с дерева шишка выводит из этого сладостного оцепенения, но после её падения вновь хочется тотчас отправиться в увлекательное путешествие.

И все эти непередаваемые ощущения дарят именно сосны. Из всех деревьев только сосны, наверное, умеют перешёптываться между собою вершинами, и делают всегда это так вкрадчиво и трогательно, будто не виделись целую вечность. Сосны, вообще, выделяются в лесу среди всех деревьев какой-то своей воздушной обособленностью, не смотря на свои размеры.

Всё в природе находится в равном положении между собой, и каждое дерево, быть может, для того и простаивает терпеливо всю жизнь на одном месте, невидимо трудится и никого не обижает, чтобы помочь каждому человеку правильно выстроить свою судьбу. В лесу, не в пример обыденной человеческой жизни, человек может получить несравнимую ни с чем силу для творчества. Лес для пытливого наблюдателя – родина самых невообразимых талантов, и способность отличать их присуща далеко не каждому. Именно они, эти искатели в борьбе за счастье всех живущих, отказываются порой от собственного блага и ведут других к необходимому знанию, обретая в лесу необыкновенную энергию, а отдавая её людям, получают взамен ещё большую, и от кого: от обыкновенных деревьев!

Иногда однообразие безукоризненно вытянутых корабельных стволов сосен и их пышные кроны, в отличие от дремучих таинственных елей, со временем, почему-то утомляет, но моя сосна заметно выделялась своей обособленностью среди других деревьев. К ней хотелось подойти, дотронуться до ствола рукой и замереть, вслушиваясь в размеренную музыку еле покачивающейся густой верхушки, а ещё лучше – прижаться к телу этого величественного дерева, приложив к нему ухо... Просто – прильнуть!

Неподвижность лесного существования деревьев, на самом деле, их великое подвижничество. Постичь душу дерева легко, если самому всегда стоять на своём, утверждая необходимость неустанного устремления к небу. В понимании этого мне помогла моя сосна.

Вот такая величественная сосна, обычно, невидимая ни для кого, горделиво и в тоже время просто высится веками где-то в потаённой чаще, и кажется, не содержит в себе никакой тайны, не давая, между тем, угаснуть первозданному лесному духу... Но ближе к весне вдруг прилетит на неё большой пёстрый дятел, усядется поудобнее, упёршись о сухую кору упругим хвостом, да затеет свою монотонную стукотню, и если ты вдруг обнаружишь такое дерево в своих сокровенных блужданиях по лесу, подойдёшь к нему в такой миг и обнимешь, отрешённо прижавшись к стволу, то почувствуешь, что дерево будто бы ожило, зазвенело протяжно и гулко только ему дарованным природой голосом, и сразу стало загадочным. Оно, конечно, и до того было живо, неся в себе завораживающую тайну, ты этого просто не замечал, а вот теперь открыл её для себя и восхитился.

Дятел деловито настукивал на макушке этой огромной дремучей сосны, и дерево звонко и мелодично, подобно колоколу, стонало от переживания своей могучей зрелости. И так радостно, даже – восхищённо, что я вмиг совершенно ясно для себя осознал: сосна радуется тому, что человек обратил на неё внимание, пришёл к ней и проникся её невидимым для людей существованием.

Обняв шероховатый ствол дерева, я с замиранием сердца вскоре почувствовал этот сладостно музыкальный, скорее даже – божественный гул в самом себе, через меня стремительно ускользающий вглубь земли, что сначала совершенно обескуражило, а после необыкновенно обрадовало, и я вдруг пережил удивительную сопричастность всему происходящему в природе, поняв, что все мы – и земля, и я, и сосна, и небо едины... От осознания этой простой истины, что заключалась во взаимосвязи всего сущего, я ощутил в душе покой, какую-то удивительную уравновешенность, когда всё тебя в окружающей природе необычайно трогает, пусть это – неприхотливый цветок, пушистое облако или дерево, и ты, безо всякого ущерба для себя, не перестаёшь удивляться происходящему рядом торжеству жизни. Она, ты теперь это точно знаешь, создана для радости.

Потом, в разное время года, я ещё не раз бывал в этих местах, и всё время думалось: обязательно подойду к моей сосне, обниму её, как прежде, и, может быть, вновь услышу этот удивительный природный гул, кажется,

выражающий душу самой Природы. Но когда подходил и обнимал дорогое мне дерево, отчего-то возникала странная мысль: есть ли кому-нибудь дело до того, что я делаю?

И тут же приходило осознание: ведь я не иду туда, куда ведёт дорога, а иду туда, где её нет, оставляя свой след, и это не может не быть кому-либо не интересно. А значит, я не одинок, и нужно идти и дальше дорогами, которых нет на карте, так я и приду однажды к самому себе, и тогда у меня не возникнет потребности спрашивать о том – интересна ли кому-либо моя жизнь?

Испытывать радость, идя по дороге жизни, в этом, наверное, и есть единственно верный смысл. Ты должен делать то, чего тебе по-настоящему хочется, что подсказывает тебе твоё сердце. Ведь всё, что необходимо человеку, это ясное отношение именно к своей жизни и поступкам, ко всему, что тебя окружает, и потому следует постоянно изучать себя, чтобы, в конце концов, постигнуть свою сущность. Когда человек рассчитывает лишь на свои силы, перед ним открываются новые горизонты, зависимость же от других людей или каких-либо обстоятельств, как правило, сковывает, не даёт возможности раскрыться и следовать своим путём.

У каждого человека должно быть сокровенное пространство, созданное им самим и недоступное для других: это – его незамутнённый ничем внутренний источник, откуда он черпает для себя силы. Этим пространством может быть сад, который ты посадил на своём дачном участке и ухаживаешь за ним много лет. Земля, деревья и травы дарят тебе силы в благодарность за то, что ты благотворно участвуешь в их жизни, отдавая им свои чувства.

Этим дорогим для тебя пространством может быть и какое-то место в лесу, куда тебя неизменно притягивает каждый год неведомая сила, вполне возможно, связанная с определёнными деревьями, как эта сосна. Не нужно бояться, что кто-то воспримет тебя не так, как бы тебе этого хотелось: для человека важна внутренняя свобода, спокойная уверенность в себе, иначе он не выживет, обрекая свою жизнь на постепенное угасание. Быть в ладу с собой, значит, сохранить здоровье и приумножить его, и в этом помогают нам величественные деревья...

Когда я только начинал заниматься лесом, то как-то натолкнулся на старую ель, будто забывшуюся во времени среди своих собратьев, что почему-то представлялись не такими древними... Поражённый её ростом, внутренне даже робея и дивясь, помню, долго стоял перед ней, отрешённо воззрившись на могучий шероховатый ствол, теряющийся в вышине. С интересом разглядывал бесчисленные толстые ветви – сами, как деревья, и не мог наглядеться. Всё было в этом древнем старце – мудрость и красота, покой и непостижимое величие, а больше – какая-то невероятная негибаемость, так что казалось: это умудрённое временем дерево никогда не

умрёт, будет стоять вечно. Возле этой старой ели хотелось замереть душой и слиться с её неизведанным прошлым, уносящим тебя вглубь несказанных столетий!

Там удивительное место, и хотя бы раз в году я стараюсь в нём бывать. Когда в такие забытые всеми уголки заглядывает солнце, они превращаются в настоящую сказку! Юркие белки снуют тут повсюду, озорно перебегают с ветки на ветку, оживляя собой загадочную тень. Кажется, совсем дикие, ещё не ведающие в своей жизни человека рябчики пронизывают застоявшуюся тишину своим волшебным пересвистом. А то вдруг, в самой сокровенной еловой глуши, пугающе, так, что ухает в сладкой истоме сердце, взрываются красавцы-мошники: они особенно любят такие потаённые места, каких сейчас почти и не осталось.

Вот и могучие, недоступные взору человека медведи разлапистой походкою неслышно бродят здесь, оставляя после себя крепкий звериный дух. Воздух отсюда, кажется, никуда не уходит, а живёт вместе с деревьями, мхом, грибами, приумножая нескончаемое долголетие чащи, что незаметно преображается в сказочную быль. Устанешь, бывало, приляжешь отдохнуть под эту красивую древнюю ель, и она вдруг ненавязчиво овеет твой лёгкий сон несказанным покоем.

Вряд ли можно отыскать человека, равнодушного к такому чудесному дереву, как ель. Всякому оно известно с детства, что немыслимо без пушистой, дышащей хвойным жаром красавицы, празднично сверкающей волшебными огнями в углу дома. Только за ней, так сладко пахнувшей лесом, чудились сказочные волки с аметистовыми глазами, никогда не унывающие кроткие зайцы, и невероятно тревожащие синие тени, что зачарованно растворялись в таинственной и глубокой чаще. Всё это несла с собой именно ёлка, как никакое другое из деревьев располагая к лесному уюту.

Ель, пожалуй, самое обаятельное дерево на Руси. Оно - какое-то особенное, непохожее ни на какое другое, что более всех примечали люди. Словно живёт в нём лесной бог – старичок-еловичок, сказочник и затейник, что со зверями и птицами на их языке разговаривает, да про каждого вступающего в лес главную его правду знает. И хочется к нему поскорей в гости отправиться, а что-то не велит. Видно, не пришло ещё время, и ты ждёшь его в нетерпении, наслаждаясь рождественскими ночами сладким еловым духом.

Встреча с ёлкой должна непременно состояться в жизни всякого человека. Только не в ухоженном и обогретом доме со сверкающими бенгальскими огнями и в свете свечей, а в лесной чаще, той самой, что занимает с детства наше воображение, пугает и тешит, влечёт к себе непрестанно и чарует. Именно в ней должно состояться свидание человека и дерева, которому уготовано, быть может, что-то очень важное в нашей жизни.

Человеку надлежит туда отправиться одному. Не сразу, постепенно, как бы даже не думая об этом, но с затаенным от радости духом.

Может так получиться, что в лесу человека околдуют иные тайны... Захочется ему вдруг взметнуться над лесистыми гривами одиноким и гордым ястребом, притвориться каким-нибудь невиданным зверем или позабыть обо всём на свете перед бегущими по небу лебяжьими облаками. Ни за что не передать того ощущения, когда ты сталкиваешься с лесными чарами.

Когда я эту ёлку впервые увидел, то сразу понял, что не миновать мне было именно её прикосновения в своих лесных странствиях. Неизвестно сколько находясь на страже лесного мира, это неувядающее дерево как будто ждало меня, чтобы раскрыться, а я этого никак не мог не заметить. И вот я сейчас думаю: как так выходит, что определённые деревья, именно – эти, не какие-то другие, становятся тебе ближе иных людей?!

Тронув рукой пушистые веточки, ты вдруг ощутишь в душе какое-то особое чувство, за что тотчас поблаговаришь дерево, и как будто успокоишься душой. Взглянешь на его шероховатую кору – и не уколешься сердцем. Потом посмотришь на тугие сучья, густую хвойную бахрому на них – и разомлешь душой. Что-то необъяснимое воцарится в ней, и ещё очень хорошее и глубокое.

Захочется тебе разделить с деревом свою радость, а оно, оказывается, и по-человечески понимает: слушает внимательно, в такт твоим мыслям разлапистыми ветвями покачивает. Мол, высказывай всё, что на душе накопилось, и ни о чём не тревожься, я тебя терпеливо выслушаю. И такая в нём сразу мудрость откроется, что оцепенеет всё внутри от этого невероятного откровения. Неужели, думаешь, на подобное обыкновенное дерево гораздо?!

А оно не насмехается, прямо в тебя смотрит, и текут ещё дальше его еловые мысли. Ни уютным это дерево не назовёшь, ни укромным, разве - чуть притаившимся для какой-то внушительной лесной работы, что созидает неисчислимое лесное богатство. Еловые кряжи нестигаемо несут его на своих плечах, не ропщут.

Кажется, что ель бывает одинаковой во все времена года, как бы ни играли вокруг неё яркие краски осени, по-весеннему оживлённо не вспархивали в ветвях только что прилетевшие кукушки, ни окутывал твоего внимания душистый жар густого елового облака в летнюю пору, а зимнее безмолвие ни сковывало её в своих объятиях... Ель остаётся всегда одной и той же, полной мудрости и покоя, может быть, только ненадолго изменяя настроение.

Самозабвенно любим мы это дерево и, несмотря на его силу, трепетно к нему относимся. Пристально всматриваться в жизнь елового леса нам помогает его сказочность. Вот когда человек начинает понимать по-настоящему темноту ельников и их тайну. Только там находит он нужное ему успокоение.

Даже зимой солнечный свет залегает среди елей не так, как в других деревьях. Ёлки как будто привлекают его к себе, и в тоже время не пускают. Ветви их лишь ополаскиваются скупым прикосновением солнца, не забывая

охранять свою необыкновенную тайну. Они заботливо берегут её под своим покровом, а человек неудержимо стремится её познать.

Ближе к весне, когда солнце светит пристальней и ярче, и снег между мощных еловых стволов немножко осаживается, лучи начинают проникать туда не так осмотрительно. Ели словно отогреваются под их влиянием, и всё больше расступаются.

Солнце постепенно обнимает еловые стволы, закрадываясь в самую гущу, и тогда из них проявляется на свет невыразимая радость. Радость, способная осветить настроение любого человека. А может быть, это необъяснимый дух дерева, что открывается человеку для переживания им нескончаемого счастья.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ

Самый лучший день, конечно, всегда - весенний, а ещё пуще, если он – апрельский, с подмороженным с утра тоненьким черепком, с бодрящим солнышком, с переливчатым шипением дорогого скворушки. Выдаётся он, само собой, только раз, потому как заменить его в природе нечем: другой день может стать ещё лучше, и оттого пропустить его никак нельзя.

Вот я его и не пропустил, и шибанул он мне в голову спозаранку так ясно, как циперекает только что возвратившийся на родину соловей, с великой радости, разумеется, и с таким же восторгом пипикнуло и моё разбуженное весной сердце, так что, не удержавшись, чуть ли не зачирикал от восторга я сам. Вот как, бывает, тронет нас за душу весна, проверит, так сказать, на заркость, и готовы мы думать о каждой птахе или былинке, как о самой родной, встреченной единственный раз в жизни!

А этот самый лучший весенний день приключился со мной в ту пору, когда я шибко был охвачен какой-то неизъяснимо прекрасной любовью к глухарям, и до того я в этой любви был им предан, что не замечал более ровным счётом ничего. Скажете – чистое сумасшествие, и не ошибётесь, потому, как был я и на самом деле серьёзно сдвинут умом на этом захватывающем дух лесном увлечении, никого кроме глухарей не замечая.

И весна для меня ни весна, если я не отыщу новый глухариный ток, или, по крайней мере, не подберусь, хоть раз, к токующей птице, под её песню. Но не подстрелю, а только послушаю красавца-мошника, наслаждаясь его древним видом с косматой бородой и распущенным во всю мощь опахалом-хвостом, когда он возбуждённо роняет в рассветном апрельском лесу свои скиркающие волшебные звуки. Звуки эти необыкновенно завораживают и уносят в неизведанные давние времена, где ты, чудится тебе, когда-то уже был, до того они знакомо и трепетно трогают твоё сердце...

Такой день, конечно, забываем: жалко только, что никто, кроме тебя, не видит этой красоты. Эх, если бы пригласить всех друзей к лесным чудесам в гости, чтобы ещё лучше разглядеть их вместе, как и я сейчас, и может быть, мир людей стал бы немножко добрее, - думаю я. Иначе, зачем эта красота дана?

Но нет, и в этот день, и в другой, и в последующий рассматриваю я эту красоту один, и каждый из дней, сам по себе, прекрасен, но не так, как предыдущий, другой. И не вернуть его ничем, ни за что не остановить и не пережить с той же радостной печалью, как прежде, больше такого дня уж никогда не будет. А так хотелось показать и этот день, и следующий, хотя бы одному, хорошему человеку, чтобы и он тоже порадовался, и немножко покручинился, но только по-доброму. Что вокруг за чудо, особенно – весной, и умирать не надо!

И приходит постепенно понимание, что постоянное и честное общение с лесом, где всегда приходится совершать над собой усилия и чем-то жертвовать, желая открывать для себя удивительное, приучает к неминуемому одиночеству, иначе ничего не увидишь.

И вот, осуществляя задачи, казалось бы, самые невыполнимые, связанные с раскрытием лесных тайн, и добиваясь их разрешения во чтобы то ни стало, результат никогда не заставляет себя ждать: ты становишься мудрее, а значит – сильнее, чего невозможно было бы достичь, если находиться в лесу не одному, после чего уж никогда не станешь обременять себя вопросом – зачем тебе суждено прожить ещё один такой день в одиночестве?!

Ответ оказывается очевиден: этот день – самый лучший в твоей жизни, потому как неповторим, и он дарован судьбой именно тебе, и никому другому. Подарен Существованием для радостного постижения, благодаря которому ты открываешь в себе самого Господа и Его способность к удивительным деяниям. У Бога дней много, и все хороши!

ОДИНОЧЕСТВО

Срок жизни и её смысловую наполненность устанавливает для себя сам человек: если постоянно придумывать что-либо новое, как это происходит в детстве, ты будешь продолжать развиваться. Интерес к жизни подпитывает её энергию, и она не прекращает функционировать. Жизнь не останавливается, пока ты хочешь чего-нибудь достичь, а поддерживая в себе энтузиазм, ты, несомненно, продляешь её.

Сознание при этом никогда не угасает: только успевай жить, обретая не иссякающее желание это делать, и не бойся оставаться один. Ведь здоровье –

это способность организма максимально длительное время сохранять активность, не болея, а её ты сможешь накопить только в одиночестве, не расходуя понапрасну свою энергию, и если ты каждый день ставишь себе достойные цели и осуществляешь их, честь тебе и хвала.

Человек может стать самим собой, только когда проявит самостоятельность, не надеясь на других. Он должен ясно осознавать, что в принятии верных решений ему никто не нужен, он и сам способен на многое, если поверит в свои силы, что и является основополагающим в росте его сознания. Это движение к себе просто необходимо начать в молодые годы, когда физически человек ещё достаточно крепок.

Именно в молодости ты способен от многого отказаться, пожертвовать им, не боясь, что потеряешь его на век, с возрастом же такого рода «смелость» пропадает. Твоя свобода в принятии решений должна оставаться неприкосновенной, это – залог твоего неувядающего энтузиазма.

Правда, в жизни зачастую выходит так, что энергетические вибрации большинства людей выражаются в пустом напряжении, отнюдь – не созидательном, и человек интуитивно ищет спасения в одиночестве. Оттого и назначение таких состояний, как молчание и уединение, очень ценно, без них человеку пока невозможно сохранить спокойствие духа, и уж тем более – приблизиться к своему сознанию. Именно поэтому, наверное, некоторые люди устремляются на природу, желая соприкоснуться с неведомой лесной чащей, подсознательно угадывая в ней источник недостающей энергии.

Но тому, кто боится остаться наедине с собой, в лесу делать нечего, ибо общение с ним предполагает переживание одиночества. Ты лежишь на нарах лесной избушки и слушаешь, как за стеной подкрадывается вечер. Неимоверная тоска не одолевает твоё сердце, потому как ночь в лесу к тебе вовсе не равнодушна. Среди глухой неизбывности и темноты, она натягивает чёрные сумерки на синие ели, окружает совершенным покоем и тишиной, и оттого одиночество становится желанным и неуязвимым для всего неустроенного, дурного.

Кажется, что если ты уснёшь, ночь вместе с чем-то, что давно тебя ждёт, пропадёт бесследно, и больше никогда не вернётся. Тебе хочется, чтобы она всё время была с тобой, пела над твоей головой, убаюкивала своими тихими сновидениями, но в тоже время не давала забыться. Так всегда бывает в лесу: тебе кажется, будто ты оторван ото всех, долго не можешь уснуть, и всё о чём-то думаешь.

Ветер едва-едва трогает невидимые верхушки деревьев, и в такт их шуму рождаются твои неотступные спасительницы-мысли... Мысли о том, как прожить на земле так, чтобы не было пусто и стыдно, а только счастливо и хорошо.

Если кто-нибудь, кто не добился в жизни того, чего хотел, начинает говорить, что у него не было полной уверенности в своей правоте, когда он не решился следовать жизненному выбору и идти до конца, я почему-то всегда представляю жизнь одинокого дерева. Не обладая такими

возможностями, как человек, оно не перестаёт расти, изо дня в день, продолжая борьбу за то, чтобы оставаться самим собой, и, несмотря ни на что, становится мощнее стволем, раскидистой кроной. Происходит это по одной простой причине: помочь дереву в его одиноком труде никто не может, и дерево словно бы сознаёт это, и полагается только на себя.

Труд одиночки, несомненно, подвижнический труд, и дерево не способно в своей жизни обойтись без подвига, который оно неумоимо, каждый миг, совершает, как бы ему ни было тяжело и какие бы препятствия перед ним ни возникали. Всякое дерево мужественно только потому, что оно одно, дерево не способно переложить свою ответственность за собственную жизнь на кого-либо другого, и оно никогда не отказывается от дарованной ему свободы, в полной мере дорожа ей.

Каждый человек по сути своей одинок... Несмотря на то, что все мы – существа общественные и не можем себе представить своей жизни вне мира людей, душа наша, тем не менее, вынуждена принимать самые важные и ответственные для себя решения именно в состоянии одиночества, и это состояние необходимо принять, как вполне естественную данность, совсем, между тем, не предполагающую, чтобы человек замыкался. Быть среди людей, но при этом постоянно оставаться наедине со своими мыслями и уметь принимать решения – есть неотъемлемое условие жизни, и его следует просто принять. А жить полной жизнью – это значит максимально честно и строго использовать отпущенное тебе время, и большую его часть, как не крути, тебе приходится находиться именно один на один с собой.

Только в одиночестве, если оно воспринимается верно, мы растём и становимся сильнее, ничуть, при этом, не отдаляясь от других людей, и то, что человек ничего не может сделать один – неправда. Только один он и должен показать всем, и в первую очередь – себе, что способен на очень многое. Человек может всё, если не опустит руки, а наоборот – проявит отвагу и решимость именно тогда, когда ему одиноко. Человеку вообще не следует преодолевать своё одиночество, а нужно только правильно им распорядиться, и не нужно бежать от него, тогда как необходимо всего лишь научиться жить с ним, ибо одиночество даровано человеку Творцом, когда Он сам мужественно прошёл и проходит через него.

Только в одиночестве человеческая душа способна, наконец, осознать собственное достоинство и силу, и даже если ты упал, идя по дороге жизни, ты должен ясно отдавать себе отчёт в том, что подниматься тебе суждено самому, так же как и продолжать путь дальше. Ты обязан приучить себя к мысли, что более полезным положением для души будет непрекращающаяся возможность и желание преодоления препятствий, а не безоблачное переживание счастья, которое само по себе ничему не учит: оно – статично. Лишь находясь в состоянии постоянной борьбы, ты сможешь выработать необходимые навыки в овладении энергией, и она способна себя восстанавливать. Дальше всех по дороге постижения уходит тот, кто имеет мужество отправиться в путь один, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Одиночество не должно пугать человека своей видимой неестественностью или ущербностью, потому как все мы, по земным меркам, одиноки. Но это - не обречённое состояние, а необходимое для нашей души, чтобы она могла проявить себя с самой выгодной для неё стороны именно в некоей ограниченности, когда никто, кроме тебя, не в силах подтвердить собственную решимость и правоту.

А что же дерево? Представим себе его жизнь... Семя ели или сосны, однажды заронённое в почву, призвано тотчас, как и душа человека, с самого её рождения, бороться и расти. Уже тогда оно преодолевает в одиночку сопротивление заморозков и холодных дождей, неустойчивого ветра и засухи, семя может склевать птица, унести в свою норку какой-нибудь жучок или муравей, и даже когда оно выпростает из-под земли свой крохотный росток, а потом – робкий ствол, его может переломить всем своим весом лось-великан или человек. Сколько преград приходится претерпеть маленькому деревцу, пока оно хотя бы немного подрастёт!

Корни деревца без устали черпают из глубины земли недостающие для роста соки, гонят их к стволу и ветвям. Ствол и ветви, невидимо взаимодействуя с микроорганизмами воздуха, ежесекундно наращивают драгоценную древесную массу, тянутся к небу. Листья готовят пищу всему дереву, берут из воздуха невидимый углекислый газ и воду, с утра до вечера ловят солнечный свет, и с его помощью соединяют различные вещества в одно чудесное целое – живое. В густой кроне дерева находят себе приют птицы и звери, а уж о древесных плодах и говорить нечего, ибо дарят они пропитание многим живым существам, в том числе и человеку, и ещё собирают и рассеивают семена.

И вот, однажды, каждое дерево, совершив свой невидимый подвиг, наконец, созидает совместно с другими деревьями могущественный и прекрасный лес, наполненный зверьми и птицами, плодоносными кустами и цветами. Так и души человеческие, каждая в отдельности преодолевая все тяготы этого нелёгкого подвижнического пути, способны образовать сплочённый и развитый народ, и ему по силам решать самые высокие задачи, достигая для себя, в конце концов, великого блага.

А всего лишь каждое дерево и человек жили честно, в первую очередь, по отношению к себе, несмотря ни на что развивали в своём сердце самое лучшее, достигая гармонии души и тела, но, достигнув её, не останавливались и шли дальше, обретая гармонию со всем окружающим миром. Не зря в народе исстари ведётся пословица: «Тот и господин, кто всё может сделать один», и человек, способный развивать своё сознание, конечно, всегда учится у дерева, именно оно преподаёт ему урок истинного созидательного труда.

И, тем не менее, одиночество не устраивает большую часть людей, они боятся быть одинокими в своих верованиях, потому что это ко многому обязывает, а свои обязанности эти люди привыкли перекладывать на плечи других. Они не понимают, что чувствовать себя одиноким – это не значит

оставаться одному, а лишь только идти достойным путём к истинному объединению с теми, кто и сам в полной мере и с достоинством прошёл его.

Но человек одиночества не переносит, дичится его и не ведает своей сокровенной и радостной судьбы. Тогда как дерево свою судьбу ежеминутно, ни для кого неприметно, слагает, как берёза, что и детский крик утешает, и мир освещает, и больных исцеляет, и чистоту блюдёт!

ПЕРЕЛЕСКИ

Сколько переживаний, обычно, доставляет человеку непонимание им природы, когда лес изводится почём зря, бездумно, вместо того, чтобы вовремя выбирая спелые деревья, вместо них высаживать молодую поросль. Но пусто вокруг, и там, где когда-то стояла первозданная вековая чаща, теперь раскинулась пустота, затянутая иссохшим валёжником, сплошной бурелом. Вот почему хожу я по своим любимым местам в отрешённом забытии, и не могу избавиться от обезоруживающей горечи сожаления: уже порядком истреблены укромные и дорогие сердцу уголки, где я был когда-то счастлив.

Мощные старые ельники с деревьями в два-три обхвата можно сейчас пересчитать по пальцам. Сказочный мрак от их переплетённых, будто сросшихся крон остался больше в воспоминаниях. Теперь уже только перелески, а не исконный дремучий лес приносят удовлетворение, и эти перелески, совсем как настоящая нетронутая чаща, ещё очень остро будят воображение и щемят сердце.

Чем таким особенным отличаются они от других, почти таких же перелесков, просек, опушек и покосов, в изобилии разбросанных по нашей необъятной лесной стороне? Что в них неповторимого, глубоко скрытого от чужих глаз, а моему восприятию кажущегося самым сокровенным? Они – как отголоски былых переживаний, когда ты жил, должно быть, другой жизнью, было это давным-давно, и в той жизни все поклонялись лесу.

Наверное, я угадываю эти старинные, ещё оставшиеся лесные уголки каким-то необъяснимым чутьём. Жажда ощущать своё единение с ними ни с чем несравнима. Я ищу места далёкого прошлого в лесу и иногда нахожу их, но случается это всё реже и реже, а про себя думаю: как я люблю вас, древние, таинственные леса, уже пережившие целые века!

Сколько радости приносят эти маленькие лесочки, сколько неожиданных открытий и надежды, что не изведут леса навсегда, что наберётся у человека здравого смысла сохранить почти утраченное. «Не строй, говорят, семь церквей, а пристрой лучше семь детей», и это

выражение как нельзя лучше подходит к остаткам леса, оказавшимся без присмотра.

Все перелески, как дети малые, разбежались по нашим необъятным российским просторам, и от нас зависит сохранить их, ибо было когда-то добро, да давно, а если опять будет, нас уж, может, и не будет. Перелески – это те драгоценные отголоски, по которым можно восстановить давно минувшее, и что может быть привлекательнее этих остатков былого!

Неизъяснимое счастье – затеряться в дорогих сердцу лесах и перелесках, в этих оставшихся островках лесного уюта и покоя. Остановившись в таком леске, присядешь на пенёк, осмотришься, и по еле уловимым приметам вообразишь себе тот первобытный лес, что покрывал нашу землю давным-давно.

Старые ели, сосны и пихты растут так густо, что под ними всегда сыро и сумрачно. Многие деревья засохли на корню, им некуда упасть, и, навалившись друг на друга, они стоят мёртвые, покрытые вместо хвои косматыми клоками серого лишайника. Поваленные же ветром деревья образовали непроходимый валёжник, скопившийся за десятилетия, из которых слагаются нескончаемые лесные века.

Древние, давно упавшие колоды обросли сочным зелёным мхом, середина их давно сгнила, превратившись в труху. Нет ни кустов, ни цветов, ни даже травы в таком высокоствольном тёмном лесу. Лишь в отдельных сырых местах разросся огромный остролистный папоротник, а с деревьев свисают полуистлевшие, обломанные бурей ветви. Настоящее кладбище из чёрных стволов и сучьев!

Только пользуясь звериными, преимущественно медвежьими и лосиными тропами, может продвигаться человек в этом буреломе. Почти не проникают под тёмный полог ветвей солнечные лучи. Там, наверху, набежавший ветерок слегка колышет могучие вершины, раздаются нежные голоса крохотных синиц, внизу же – мёртво и тихо.

Необъятными тучами въётся в неподвижном воздухе мошकारа. Изредка, ошалело взмахивая крыльями, подлетит к старой ели дятел желна, посидит, осмотрится, а затем вопьётся в ствол когтями и начнёт скачками подниматься вверх. Или глухарь, нарушая тишину, с грохотом сорвётся с ветки, и на распростёртых крыльях скроется в непроходимой чаще.

Но всё это лишь иногда... Можно, наверное, пройти по такому лесу многие вёрсты, и никого не увидишь: ни синиц, ни дятла, ни глухаря. Редки здесь птицы и звери, величава и пустынна первобытная тайга!

Оставшийся после этой дремучей тайги перелесок – лишь небольшой лесок, отделённый полянами от других лесных уголков. Он как будто нечто обособленное, что живёт с каким-то тайным, никому неведомым умыслом.

Большой лес, говорят, - к селу крест, безлесье – неугожее поместье, а такой неприметный, вроде бы, перелесок – словно лесное дитя, что заплутало в необъятных лесных просторах, но до конца не затерялось. Перелесок живёт

своей маленькой жизнью, часто скрытой от глаз, но, даже обратив на него внимание, не всякий разберёт его укромную жизнь. Разве в лесу лесу мало?!

Перелески же будто ждут, когда на них обратят внимание, и, если это происходит, как малые дети, радуются, пытаются тотчас очаровать и увлечь за собой. Играют своими потаёнными тенями и редкими солнечными бликами, путают укромными тропками, привлекают неведомыми голосами. Не хочешь, а забредёшь в такой перелесок, невольно углубишься в него и обо всём позабудешь. Перелесок, как всякий озорной ребёнок, только этого и ждал!

На первый взгляд, перелески будто бы пусты, в отличие от большого леса, но чем дальше в лес, как говорится, тем больше дров. И невелик, вроде бы, перелесок, а как обухом бьёт. Словом, удивляет и всё норовит подножку поставить, отвлечь от одолевших тебя забот. Ты и сам не заметишь, как увлечёшься им, и про себя чему-то необыкновенно обрадуешься. И всё это благодаря маленькому перелеску.

Перелески в нашей лесной стороне стали привычны, и попадаются гораздо чаще, чем большие лесные массивы. Бывает, перелески соединяют их, служа непрерывающейся зелёной «пуповиной». Всегда приятно заглянуть в такие лесные перешейки в поисках грибов и обнаружить у самой опушки, под раскидистыми еловыми лапами, семейство боровиков.

Опустишься перед ними на колени, неспешно срезаешь, а сам нет-нет да поглядываешь зачем-то по сторонам. Перелесок обычно просматривается насквозь, вроде бы, негде тут схорониться его незамысловатой тайне, но что-то невидимое, всё же, происходит вокруг, постоянно присутствует, и ты в какой-то миг опять оглянешься, поднимешь голову или отчего-то с удовольствием насторожишься: всё в маленьком перелеске хорошо, даже - необыкновенно, но где оно?!

Оно, это невидимое, но, всё же, ясно ощущаемое «нечто», есть душа леса... Она присутствует везде, в том числе – вот в таких, неприметных на первый взгляд, перелесках, что были когда-то сплошным огромным лесом. Люди постепенно уничтожили его и оставили узенькие лесные островки, мало-мальски укрепляющие почву и создающие впечатление здоровых лесных угодий. Перелески – это живые отголоски тех далёких времён, когда ещё были целы тёмные дремучие леса.

Один перелесок, другой, всё дальше уводят они в лесную чащу... И вот, уже новые, совсем незнакомые места окружают тебя. То повстречается укромная земляничная полянка, а то обронённое глухарём перо. Может быть, где-то здесь располагается по весне глухариный ток?!

Неожиданно выходишь на волок – семь ёлок, старую лесную дорогу, пролегающую через небольшой перелесок, благодаря которому этот волок и остался. Я люблю такие старые заросшие дороги и тропы. Время сравняло глубокие колеи и стёрло следы подков. Они заброшены и, зарастая кустарником и травой, никому не нужны.

И всё же, в них таится какое-то неуловимое очарование, нечто неизведанное. Так и кажется, что за ближайшим поворотом дорожка

оборвётся у сказочной избушки или приведёт к дуплу, из которого высовывается зелёная борода лешего, и если живы ещё лесные сказки, жива и душа человека, что через них с Богом беседует.

И вот, захочется тебе однажды посетить такое сказочное место, где ты тоже был когда-то счастлив, и ты обращаешь свой внутренний взор к одному глухариному току, что отыскал давно, на Пасху, и назвал Пасхальным. Вздумается тебе, отчего-то, побывать именно на нём, и рано поутру, тоже в день Светлого праздника, ты отправляешься в лес.

Не скрою, мне не давало покоя сомнение, что ток нарушен, поскольку три года назад был вырублен старый ельник, закрывающий токовище с северо-западной холодной стороны. Ельник оберегал птиц во время тока от ветра, тогда как сам ток располагался в сосновом бору и на прилегающем к нему старом покосе, но теперь, по рассказам деревенских жителей, ельника не стало, и я переживал, что птицы покинули токовище.

Ток этот был хорош тем, что находился неподалёку от деревни, подход к нему был очень удобным: не нужно пробираться через какие-то непроходимые заросли или долго идти по раскисшей дороге. Вышел из деревни до рассвета – и через полтора часа ты на месте. Отчётливо слышно порой, как тьявкают по дворам собаки и подают голос первые петухи.

Я был почти уверен, что глухари покинули токовище, но все три года никак не мог собраться и проверить своё опасение. К середине зимы, когда снегу обычно наматывает достаточно для того, чтобы глухари ночевали в лунках, я приходил к ним в гости, желая удостовериться в наличии птиц, и всегда меня радовал этот удивительный по красоте лесной уголок. Вот и сейчас, надеясь в душе, что птицы не разлетелись, я и не подозревал, как тут всё изменилось. Место невозможно было узнать: таким опустошённым предстал передо мной лес, скорее – перелесок, что когда-то поражал своей укромной глухоманью.

Горько было наблюдать вывороченные пни, сваленные, как попало, полусгнившие поленницы и иссохший валёжник, повсюду – щепы, дёрн изрыт, и только в самом конце покоса, на потаённой полянке, окружённой соснами, я обнаружил на снегу свежий след глухаря, размером с кулак, но особой радости при этом не почувствовал. Скорее, горечь от всего увиденного, ничем невозполнимую утрату от того, что уже не бывает сокровенному лесному месту прежним, никогда не ощутить того душевного трепета, с каким разглядывал из своего укрытия, под раскидистой ёлкой, как подпрыгивает от возбуждения глухарь и ластится к нему копалуха. Как глухарь, видимо, забывшись от переживаемого восторга, смешно, вразвалочку, побежал по полянке, но потом вдруг замер, и, подавшись грудью вперёд, взбудораженно захлопал мощными крыльями, после чего подскочил чуть ли ни на метр над землёй, и вновь ринулся куда-то, наверное, воображая своего соперника.

Ничего этого, вернее всего, уже не будет... Как не будет той вековой чащи, где я испытывал не раз неопишемую радость, еле уловимое истечение

таинственного времени, приходя сюда и весной, и осенью, и зимой, и всё не мог, помнится, избавиться от какого-то неприятного глубинного предчувствия, его никак не принимала моя душа, что эта лесная красота когда-нибудь опустеет, не всегда ей быть, и оттого радость мою будто кто-то исподтишка подтачивал. Не верилось, что люди сохранят этот красивый лес... Так оно и вышло.

Я стоял посреди маленькой полянки, после того, как глухарь мой улетел, и вспоминал, как всё здесь было. Ток этот подарил мне немало чудесных историй, и душа наполнялась сказкой: до того было радостно ощущать окружающий лес, древних птиц, прилетающих именно сюда, и ещё чьё-то невидимое присутствие. Я чувствовал его всегда, какое-то неведомое существо неотступно наблюдало за мной из года в год, но ничем не обременяло. Скорее всего, оно было настроено доброжелательно, что тоже, кажется, всегда радовалось вместе со мной, и вот теперь, как будто, всё умерло.

Но нет, нельзя так думать, поскольку жива лесная душа: вездесущие дрозды, оживляя потаённую тишину ненадоедливыми «погремушками», возбуждённо исчерчивают весеннее пространство своими восторженными перемещениями, прямо над головой, навстречу восходящему солнцу, проследовало трое журавлей, и как только я вскинул в приветствии им руки, они незамедлительно отозвались мне своим неподражаемым курлыканьем, и эти волшебные весенние звуки радостно понеслись над просыпающейся землёй... В подтаявших ложбинках, что ещё не освободились до конца от снега, утробно затурлыкали лягушки, серебристые барашки вербы, омытые апрельскими дождями, умиротворённо замерли в пронизанном душистой чистотой воздухе, тоненько засвистали в невидимые дудочки вездесущие зяблики... Разве поддастся сердце печали в этом торжестве звуков, запахов и красок?!

Как бы мы были все богаты, относись более бережно и к своему душевному здоровью, и к окружающей нас природе! Какую бы силу и радость в себе почувствовали, а не иначе, лишь бы за что-нибудь ухватиться, преодолевая в сердце гибельную неудовлетворённость.

Так навсегда и запечатлелось в памяти, как печалился я по утраченному лесу, с горечью думая и о глухарях, что не минует и их незавидная судьба. А сколько счастья осталось в душе от встреч с величественным лесом и чудесными древними птицами! Нечто особенное, ничем уже в твоей жизни невосполнимое, родное.

Как вот эти, затерявшиеся в самих себе, скромные перелески, что, несмотря на свою укромность, тоже радуют душу и будто ободряют лесного путника. Что-то в них вынуждает остановиться рядом и просто, открыто улыбнуться им. Присесть на пенёк, послушать птиц, может быть, набрать горсть земляники, но время от времени взглядывать на них, будто поддерживая неторопливый душевный разговор. Беседовать – не устать: было бы что друг другу сказать, а перелески, наверное, могут многое

поведать о том, что повидали на своём веку, когда вокруг стоял прекрасный дремучий лес!

На то они и перелески, отголоски бывшего лесного величия, призванные ненавязчиво скрашивать человеку нелёгкую путь-дорожку, чтобы и сердцу стало спокойно, и душа была рада. Перелески – украшение укромных лесных уголков, и если говорят, что на битой дороге трава не растёт, а если и растёт, то только спорыш, так это никак не относится к нашим перелескам: родной уголок, хоть и неказист, зато – всего краше, в нём – свой простор. Идёшь по лесной тропинке, любишься на незатейливые, но милые сердцу перелески, и о чём-то скверном уже не помышляешь. Все худые мысли отгоняют родные перелески, помогая одолеть пеньки да колоды.

Живут перелески вдоль лесных дорожек укромно, тихо и очень уютно. Укромность – лесное свойство, и выходить из-под своего потаённого полога перелески не намерены. Хоть и неброские на вид, перелески одаривают своим вниманием только лесного путника, и не печалются, если тот не замечает их потаённого настроения. Всякому – свой путь, но того, кто всё-таки разглядит в них отголоски утерянной мощи, ожидают в лесу добрые вести. Перелески всегда приветствуют любознательного, равнодушного человека, и своим присутствием облегчают его дорогу.

Идёшь, любишься перелесками и думаешь обо всём, что тебя окружает, а перелески будто перетекают в тебя, радуясь, что ты их отметил, и открывают свои самые сокровенные тайны. Они – скрытая душа бывшего леса, что, благодаря им, остаётся доступной. Глупый, говорят в народе, ищет большого места, умного же и в углу знать!

СВОЯ ВЕСНА

Когда зима уже подкатывает к своему завершению, в душе вдруг воцаряется какая-то необъяснимая, но священная тоска: кажется, вот-вот бы, наконец, родиться долгожданной весне! Но нет, чего-то ещё не хватает ей до полного изнеможения зимы, не в силах она пока сломить тот злополучный рог, что хранит в себе известную всем крепость. Обидно вдруг станет: ведь как близко это неизменно тёплое, родное, а не достать!

И вот именно из такого, казалось бы, угнетённого состояния духа пробивается поначалу совсем маленькое волнение, затем – всё дальше, больше... И снегопады, бывает, по-зимнему завьюжат подле ворот, на Авдотью собаку сидячую заносит, и виснет над крышей седая пелена, а весёлая снежинка всё-таки уколола тебя в сердце, так что уж знаешь наверняка: свою весну ты ни за что не упustiшь!

Где-нибудь в конце февраля выдастся оттепельный день с капелью, как весной, с размытой неопределённостью пахучего воздуха, когда под самым сердцем замирает сладкая тревога, и ты, не спеша, отправишься в лес, и,

постепенно проникнувшись всем, что тебя в нём окружает, вдруг откроешь, как приятно переживать мир пробуждающейся природы в себе самом.

А какой проникновенный свет стоит в лесу, среди ещё не отошедших от зимы замерших елей... Такой трогательный, очень покойный свет случается только в конце февраля или ранней весной. Свет среди деревьев даже не распространяется, не проистекает, а живёт, как будто и был там всегда. Одно наслаждение находиться в таком лесу, будто ты – дома, и никуда не хочется уходить.

Одно дело – просто ждать весну, другое – заранее готовиться к ней. Готовиться именно к своей единственной, что должна принести нечто недостающее, важное, что может открыть только она, весна... Твоя весна!

Хорошо начинать её, когда повсюду ещё снег. Февраль, действительно, пока не сломил до конца рог зиме, и могут ударить крепкие утренники, такие крепкие, что если б не подступал март, то можно даже засомневаться в близкой весне. А порой задуют до того пронизывающие ветры, что и вовсе ранняя встреча весны покажется напрасной.

И всё же, ты знаешь: весна уже где-то здесь, с тобой, и если её ещё не видно глазу и не слышно уху, то душой чувствуешь приближение самого любимого времени года несомненно. Весна вливается в тебя пока не широким руслом, а лишь пробившимся сквозь снега ручейком: нащёптывает что-то сокровенное, робкое, но и неудержимое, будит в душе молодые силы и не даёт спать.

Каждый февраль, заходя до этого ожидаемого весеннего праздника, всегда мысленно отправляешься к своим родимым лесным местам. Думы о них приятно тревожат сердце, но всякий раз по-иному, хотя все вёсны, какие только у тебя были, и соединяются в одну. И всё-таки, каждая весна по-своему незабываема.

И посещает вдруг мысль, что к своей весне можно прийти только заслуженно: просто так она тебе не приоткроется, не пробудит в душе по-настоящему радостное чувство. Надо, непременно, выносить её в сердце, как это происходит у наших птиц, что оказались на чужбине, соскучиться в дальних краях по родимой стороне, и возжелать радостного полёта. Чтобы затем, оторвавшись от земли и преодолев тысячи километров, достойно пронести свою любовь к весне вместе с дорогими птицами, и вернуться обновлённым, таким же, как и они, помолодевшим, готовым к будущей долгой жизни.

Оставляя свои силы, зима нередко решается на последний сильный снегопад, и, расставаясь с ними, сразу убирается в глухие буераки, уступая место неудержимо наступающей весне. Солнце тогда не то, что показывается, а просто выплёскивается на землю, даже несколько смущённое от происходящей в природе перемены, и прекратившийся вмиг снегопад сразу представляется привидевшимся накануне буйным сном. Так бодро расправляет плечи неудержимая весна, что я сразу воображаю, как хорошо сейчас моим любимым глухарям там, в потаённом еловом лесу, и тихо

радуюсь за них, немножко даже завидуя их вольной жизни и представляя себя рядом с ними.

Из всех времён года больше всего люблю весну, потому что только она может всё объяснить и показать человеку, и каждый должен встретить свою весну, стремясь к тому, чтобы она пришла в его жизнь.

ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА

Весна... Белые осевшие поля ещё не перечёркнуты коричневыми проталинами. Санные дороги чернеют осыпавшимся с возов сеном и навозом. Краснеют по оттаявшим кустам тальника надутые снегири.

За окном то и дело прочерчивают воздух носатые вороны, без устали оглашают округу простуженными голосами вездесущие сороки. Густеет от влаги воздух, в нём мгновенно сыреют крыши и стены домов. Всё в природе готово тронуться, заиграть, и не хватает только прилёта первых птиц, что окончательно прервут сладкий зимний сон... Весна!

Никакое время года не тревожит душу так, как весна. Ушастым филином прокричит и взмахнёт лохматыми крыльями апрельская ночь. Предраассветные майские сумерки огласят лесную тишь скрытым глухариным скирканьем. Мартовское утро восторженно озарит своё пробуждение пронзительным пиньканьем вездесущей синицы. Солнечный же полдень весны возвестит о себе радостным щебетанием жаворонка.

И ещё целый день, до самой вечерней зари, будут восторженно провозглашать долгожданную весну старый тетерев-косач, всё-таки переживший суровую зимнюю пору, недавно появившийся на ещё заснеженных полях чибис-кулик, проникновенно призывающий обратить внимание на свою озабоченную персону, крохотная и аккуратная овсяночка, что пробавляется вдоль раскисших дорог обронёнными с возов зёрнами: «Си-си-пи, си-си-пи, си-си-пи-и». И, конечно, неутомимые родные журавли трубно прокричат в бездонной небесной вышине: «Курлы-курла, курлы-курла, курлы-курла-а». Вот когда захочется, позабыв обо всём, вознестись вместе с ними в небесное пространство, и с немым восторгом воскликнуть: «Весна пришла! Весна пришла! Весна пришла!»

Весной всё приходит в необыкновенное движение, создавая несравнимое ни с чем возбуждение, и если ты не удосужился отдалиться этому движению, и не возродился в себе для чего-то настоящего, нового, весна тебя может просто замучить. Важно не пропустить весну, непременно сделав её своею, и тогда всё это жизнеутверждающее время будешь переживать неописуемую радость, понимая, что живёшь не зря. В такую весну душа твоя преображается, всё в тебе словно рождается заново, и ты летишь вместе с птицами к чему-то необыкновенному, чего ещё не бывало в твоей жизни.

Хорошо, когда можешь отыскать в себе настоящую силу, и самое подходящее для этого время – весна. Весной себя совершенно забываешь, как будто тебя и нет, но ты есть: просто ты так незаметно соединяешься с окружающей природой, что не чувствуешь собственного тела. Живёшь в единении со всем, летишь над землёй, подобно весенним дням, и ни о чём худом не помышляешь. Только радость окутывает тебя, сладость чудесных песнопений, восторг и благолепие.

Хорошо весной не замечать себя, а жить одной этой порой. Сливаешься с весной и становишься единым с ней по торжеству утверждающегося духа. Полниться до краёв весною – твоя судьба!

И вспоминается вдруг, как сидишь ты на пороге лесной избушки, а вокруг – головокружительная весенняя кутерьма! Весна и света, и воды, и цветов входит в свою силу, повсюду перебегают зяблики, овсянки и зеленушки, дрозды пронзительно высвистывают в невидимые дудочки, в вышине взялись провозглашать пришедшую на землю радость восхищённые жаворонки. Вроде бы, и тебе пришло время радоваться объявившемуся всеобщему счастью, но не покидает твоего сердца томительная забота, что вот, и эта весна проходит, а тебе так и не удалось отыскать таинственное токовище глухарей: ожидай теперь следующей весны!

Чувство свободы, что подарила тебе весна, вскоре незаметно уходит, оно постепенно перетекает в размеренное желание жить дальше и работать, позабыв все свои весенние переживания. И всё-таки, нет-нет, да коснётся сердца скрытая неудовлетворённость, даже – лёгкая печаль: так и не подкрался ты, как об этом уже давно мечталось, под песню к токующему глухарю! Не заглядывался, позабыв обо всём, на его вздрагивающую бороду и распушенный хвост, не ощущал сладость обладания возможностью находиться среди этих загадочных древних птиц, чувствуя себя в их царстве своим.

Проходит очередная весна твоего терпеливого ожидания сокровенного глухариного таинства, что, кажется, тебе уж не видать, и наступит ли ещё следующая, отчего ты невыразимо страдаешь: удача опять миновала тебя. Выйдет ли из всей этой затеи что-либо хорошее, хотя бы только для тебя, уж не для всех людей, которых тебе хотелось одарить своей радостью, с огорчением думаешь ты. Представится ли тебе когда-нибудь такое счастье – отыскать свой глухариный ток?!

И вот, приходит к тебе однажды глубоко желаемое обладание своим первым глухариным током: ты его всё-таки нашёл! На сердце, конечно, неопикуемый восторг, торжествующее отпущение души на волю, когда, кажется, все дороги перед тобой открыты, ничто и никто тебе теперь не помеха.

Но не забывается и та душевная мука, что не позволяла долгое время чувствовать себя счастливым, и ты вдруг осознаёшь в одно мгновение, как были дороги твоей душе все эти многолетние поиски и неизбывные весенние ожидания, что необходимо было пережить, иначе бы - не видать тебе своего

счастья. Как благотворны были все те вёсны, в которых ты не предал своих искренних устремлений, как они были нужны и прекрасны! Ты заслуженно переживал каждую свою весну, чтобы однажды все они перетекли в ту самую, единственную, свою, что открыла для тебя радость жизни, а через неё - и Бога в душе.

В каждом сердце живёт Господь, и когда приходит весна, все мы, независимо от возраста, религиозных или ещё каких-либо убеждений, в конечном итоге, от собственного восприятия жизни, чему-то радуемся в своей душе, не понимая, как эта радость всех нас объединяет. А нужно научиться эту радость понимать, постигая и то – откуда она исходит.

Жизнь так полна этой радостной энергией, что тихонько чему-то улыбается про себя всеми забытый, неухоженный нищий. Отчего-то не сходит со старческих губ инвалида, которого родственники поместили в дом приюта, негибимо спокойное и твёрдое приятие всего, что происходит в эту пору за окном. Не ропщет на незавидную судьбу заболевший онкологией, вполне молодой человек, мужественно выдерживая с ней борьбу, и обретая, благодаря своим душевным усилиям, то удивительно благостное состояние, схожее именно с приходом весны, когда только и понимаешь, для чего хочется жить.

Что уж говорить о восхитительно трогательном восприятии жизни милыми зверёнышами, не важно – медвежата, лисята или это только что появившиеся на свет непутёвые полосатые глухарята, что в мгновение ока исчезают под ногами в молодой майской траве?! Вообще, все чудесные природные детёныши, в том числе, и человеческие, что появляются на свет по весне?! И все они счастливо и мило радуются этому событию: ведь по земле идёт весна, и, наверное, сам Господь из всех времён года предпочитает больше всего именно её, до того она прекрасна.

Бог – повсюду, Он – и в твоей душе, и когда это осознаёшь, становится понятным, что ты должен только радоваться жизни, превознося её удивительные богатства и божественные свойства, наслаждаясь, в конце концов, этой замечательной во всех отношениях способностью просто быть и созидать, переживая в душе своё самое любимое время года – весну!

СОЛНЦЕ В ДУШЕ

Часто от людей я слышу недовольство собой и существованием вокруг, а не то, как хорошо на свете жить. Пожаловала в гости зимушка-зима, принесла с собой морозы, да вьюги, и вот уже человек корит её за это, выказывая озабоченное чрез меры недовольство, но никак ни восторг и радость. Обрушилась на землю всем своим торжеством чудесница-весна, человеку же и тут невдомёк разглядеть в ней только долгожданное благо, и

вызывает она у него лишь раздражение из-за раскисших дорог, не подъём духа, а сонливость. Красное лето на дворе, надо бы только возрадоваться пришедшему солнечному теплу и ласковым солнечным дождям, да только жар его становится невыносим, и того пуще – донимают комары и мошки!

И вот уже незаметно подступила матушка-осень, как добрая хозяйюшка заполнила закрома людей дорогим сердцу урожаем, но и он, оказывается, не в радость, и опять больше занимают внимание слякоть, промозглые дожди и бесприютный пронизывающий ветер. Всё для неуёмной на жалобы и недовольство жизнью человеческой души неладно, ничего её, непутёвую, вроде бы, не прельщает. Так чего же тебе, человек, надобно, что может утолить твою неприкаянную неустроенность?!

А не хватает человеку свежего ветра в душе, крепкого утреннего морозца и дороги, что убегает из-под ног к самому горизонту. Ему не достаёт самой души, что трудилась бы над собой, искренне желая, в первую очередь, именно этого.

Ещё человеку не обойтись без небесного праздника, что проистекает здесь, на земле, когда нужно не жаловаться, не причитать, будто бы всё-то ему нехорошо, а только радоваться и любить. Даже если у тебя что-то не получается, может быть, и вовсе ничего не выходит, ты воспринимаешь любую непогоду или неудачу ни как некую неустроенность природы, а наоборот, принимаешь её за то единственное, что не может тебя миновать. Оно – дар Господень, и этот дар прекрасен всегда, если ты с самим собой находишься в ладу, и тогда непогодица на дворе тебе не помеха, она затем и дана, чтобы ещё более верно утвердить в своей душе солнце.

ШЕЛЕСТ ЖИЗНИ

Какие неожиданные чудеса таит в себе лесная жизнь! И как хорошо, что ты в любой момент можешь отправиться к ним. Откроет ли эта жизнь что-либо или нет – зависит только от тебя, и если бы не было этой приятной во всех отношениях неожиданности в восприятии мира, жизнь бы оставалась скучна. А потому - не ленись, смело отправляйся навстречу неизведанному, и ты обязательно его повстречаешь.

Всё в такой момент представляется тебе необыкновенным, и если пришла на землю весна, то стоит только оказаться в лесу – и в душе возникает предчувствие неминуемого открытия. Старая прошлогодняя листва, сквозь которую повсюду пробиваются подснежники, ударяет в нос ароматной сыростью, от парного воздуха, кажется, шевелятся и распускаются почки. Всё это – лучшая весенняя пора, что называется в народе поэтично и просто – «вальдшнепиная тяга»!

Когда над оттаивающей землёй, светлеющими верхушками осин и оврагом, пересекающим поляну, проплывает молчаливая тень самки, а за ней, утробно хоркая и цвиркая, самец, ты, подняв голову к небу, замираешь от охватившего тебя восторга. Обе птицы, сбившись в комок любви, сваливаются прямо на дорогу, время от времени вскрикивают, и ты, остановившись посреди неё, зачарованно смотришь на всё это весеннее таинство, и чувствуешь себя немножко опустошёнными от зарождающейся повсюду жизни. Весенний лес – огромная тайна, полная чудесных знаний, и он так мудр, что готов учить каждого из нас, если мы станем его слушать и внимательно вглядываться в него.

Отправившись с товарищем на подслух подлетающих на ток глухарей, мы уже в сумерках пришли к избушке, растопили наскоро печку, и, чтобы быстрее вскипятить чай, прямо у крыльца развели костерок, подвесив над ним закопченную банку на две-три кружки. Вода в ней, обычно, закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками, с благодарностью посматривая, как из вздрагивающего огонька уносятся в небо невесомые искорки. Далёкие неведомые звёзды от этого становятся ещё теплее и ближе.

До чего же иной раз приятно бывает просто посидеть у лесного костра, молча вглядываясь в его потрескивающее пламя! Особенно - весной, когда оттаивающая земля резко ударяет в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов потягивает цепким ледяным холодком. Всё в тебе поджигается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, со щемлящей в душе тревогой, плакать о чём-то несбыточном в сгущающихся весенних сумерках.

Но костерок трепетно бьётся живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с лёгким шипением мгновенно гаснут в лужах с талой водой. Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты, время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная ещё не начиналась, и только костёр уверенно вздрагивает в сухих ветвях, бросает жаркие блики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом, и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоёвывает у него своё пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зелёное небо.

Невольно мы поднимаем взоры к потухающему небу, и вдруг замечаем, как к самому пламени подлетают и кружат над ним огромные бабочки, стремительно вьются над головой, исчезают, и вновь появляются, так что не сразу опомнишься от охватившего удивления: откуда они взялись в эту пору? Их так много и они такие большие, что мы никак не возьмём в толк причину

появления этих загадочных существ, вглядываемся в сгущающиеся сумерки, и не находим ответа. Сквозь потрескивание костра явственно слышится шелест крыльев, и становится понятным, что это ни бабочки, и ни птицы, и только постепенно придя в себя, угадываем в них ... обычных, только что проснувшихся летучих мышей, но разочарования всё равно не испытываем.

По-видимому, затопив печку в избе, мы их разбудили, и они сразу устремились на свет огня, не на шутку озадачив нас своими размерами и шелестом крыльев. Такого мы с товарищем, за все наши весенние походы, ещё не видели и не слышали: огромное количество неведомых существ носятся у нас над головами, шелестят крыльями, а мы, от неожиданности происходящего, не в силах разобрать – что вокруг происходит? «Ночные бабочки» очаровали нас своим внезапным появлением, но поскольку это было живое проявление пришедшей на землю радостной поры, неподражаемый шелест жизни, то мы приняли его всем сердцем!

Ожившие после долгого сна летучие мыши представлялись проснувшимися мыслями леса, что перепархивали в воздухе легко и неутомимо. Чувствовалось, что они радуются произошедшей с ними перемене, безудержно кружат, чуть ли не касаясь пламени, и будто даже благодарят нас за то, что мы их пробудили. Ведь весна хороша тем, что всякому существу надо выразить свою радость от встречи с ней, и такое всеобщее торжество, присущее только этому времени года, просто ошеломляет!

Когда остаёшься в весеннем лесу на ночлег, то костёр необыкновенным образом озаряет его внутреннюю жизнь, и становится видно то, чего ни за что не заметишь днём, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как вечернею или ночною порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно. А ещё рядом с ним приятно думать о том, что если отойдёшь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь удивительное, и ты никуда не отходишь, и только представляешь с замирающим сердцем, каким оно может тебе явиться.

Мы сидим, молча, неотрывно вглядываясь в потрескивающий костёр, и как будто проникаем в какую-то нескончаемую природную глубину, пытаюсь обрести в ней самих себя. В лесу, у костра, всегда укрепляется связь с землёй, а весна даёт понимание жизни в её родстве со всей природой, открывая возможности для новых сил. Летучие мыши куда-то неожиданно исчезли, мы и не заметили – когда это случилось, но воздух полнится нежданной радостью и ожиданием чуда.

Идёт весна, повсюду – торжество света, цвета и воды, надломленные веточки берёзы окропляют молодую траву молочно-сахарным соком, а днём по небу плывут лёгкие лебяжьи облака. Свободный ветерок неудержим и напорист, что и рад бы, наверное, где-нибудь передохнуть, да зацепиться не

за что, и он взвивается весело над землёй, путаясь в охорашивающихся верхушках стройных деревьев. Вслушиваешься, вглядываешься в весну — и слышишь в ней самого себя, свои сокровенные сердечные переживания.

А смоляной душистый ветерок, спустившись с небес к земле, сбивает набок пламя в костре, но от этого он разгорается ещё ярче, горит ровнее, рождая дорогие сердцу воспоминания, и хочется опять, не мешкая, отправиться в путь, познавая тайны лесной жизни. Талая снеговая вода стоит между берёзами налитая, тягучая, и от неё веет такой душистой прохладой, что покажется вдруг, будто это берёзовый сок наполнил собой всё пространство в лесу, воздух стал необыкновенно свеж и сочен, и после ослепительного царства мартовского света - в природе сразу наступает самая благодатная апрельская пора. Хорошо в эту пору сидеть у костра, вдвоём, и впитывать всем сердцем проистекающую рядом весну.

ВОЛЧЬЕ ЛЫКО

Не распустились ещё осинки с берёзками, по склонам укромных ложков покоятся усыпанные сосновой иглой последние снежные залежи, в верхушках самих сосен, без удержу, гуляет стылый напористый ветер, а по открывшимся голым опушкам засветились лиловыми огоньками нежные цветочки волчьего лыка: за долгой зимой и думать забудешь о кустарнике, что первым в весеннем лесу радуется изголодавшийся по цветам взгляд. Неожиданно натолкнувшись на это чудо, непременно почувствуешь, как душа окончательно сбросила с себя зимний тягучий сон.

Захочется тебе, наконец, настоящего праздника света, и остановившись у неприметного кустика, невольно опустишься перед ним на колени, на ещё сырую холодную землю, бережно дотронешься рукой робкого хорошенького цветочка, и улыбнёшься. Непременно удивишься при этом какое-то время увиденному, будто не веря самому себе, и вдруг поймаешь себя на мысли: а способен ли этот чудесный кустик издавать хоть какой-либо запах, такой же чудесный и завораживающий своею тонкостью, как нежный подснежник?

Наклонившись над зацветающей веточкой, не сразу ощутишь, как лёгким облачком тронет твоё восприятие еле уловимый аромат, какое-то неведомое, очень чуткое и тонкое излияние из такого же неведомого волшебного источника, и неужели, подумаешь ты, он исходит из этого трогательного соцветия? Взглянешь опять на нежно-лиловые, как и у медуницы, лепесточки, коснёшься их щекой, и, с чуть большим усилием, тихо вдохнёшь окружающий их воздух, чтобы уже не упустить ни единого нежного дуновения.

Другие запахи, исходящие от влажной почвы и коры, крепкие, настоянные на снеговой воде, перебивают собой всё весеннее пространство,

но чуть уловимый цветочный аромат вновь дотронется твоего сознания, и ровно успокоит. Как же тебе его, оказывается, не хватало, наверное, о нём твоё сердце и задумывалось последнее время, желая, втайне, увидеть, узнать и поразиться силе многообразной природы, уже вот в этом маленьком соцветии так трогательно, хотя и неприметно, выражая свою любовь и земле, и человеку!

Желая ещё более проникнуться, скорее даже – увериться в том, что это ароматное дуновение не плод твоего воображения, осторожно оторвёшь один цветочек, легонько разотрёшь между ладоней и вдохнёшь нечто неопишное, немножко пряное, но оно, тут же, растворится, прямо у тебя под носом, будто его и не было. Что же это такое? То, что только возникло, и вмиг испарилось, но ведь существовало!

Нет, надо ещё раз впитать в себя это неподражаемое и ни с чем несравнимое таинство, подумаешь ты, чтобы лучше разглядеть его в душе, как ты рассматривал сам цветок волчьего лыка, и тогда тонкий аромат обязательно коснётся твоего обострённого обаяния, ты его непременно почувствуешь и запомнишь на всю жизнь. И так, совершая и один, и другой, и третий вдох, уверишься, наконец, что запах у волчьего лыка, несомненно, есть, и он загадочен, как и зацветающий в пустынном весеннем лесу кустарник, хотя и неуловим, но тем необыкновенно трогателен, потому как неповторим: неповторим до такой степени, что его невозможно запомнить!

И вот, ты силишься вспомнить его еле уловимое пряное дуновение, но для того, чтобы вновь ощутить аромат таинственного растения, необходимо следующей весной ещё раз прийти в весенний лес, опуститься перед ним на колени, и, бережно обняв ладошками, тихонечко вдохнуть тонкий лесной воздух, замерев так на неопределённое время. Цветок волчьего лыка отзовётся тебе своей любовью.

В какой-то миг даже ощутишь, что приподнимаешься над землёй и паришь, незаметно возносясь и над полянкой, окружённой соснами, где всю весну провозглашают свою любовь таинственные глухари, и над укромным ложком с неприметно журчащим по нему, мутновато-голубеньким ручейком, и над притаившимися просеками, заросшими пушистыми ёлочками. Все просеки здесь исхожены могучими лосями, что там и тут оставляют на осинках длинные следы зубов.

Летишь надо всем неохватным лесом, что покойно раскинулся повсюду, убегая в самые дальние дали, а дурманящее душистое облачко цветущего волчьего лыка остаётся по-прежнему с тобой. Оно никуда не улечивается, будто выражая тебе признательность, что ты не прошёл мимо, даже опустился перед ним на колени и вдохнул его еле уловимый пряный аромат. Волчье лыко ненавязчиво благодарит тебя за оказанное ему внимание, запомнившись на всю оставшуюся жизнь, и ровно становится частью тебя, твоего знания о лесе и чудесной божественной природе.

Маленький, затерявшийся в густом лесу куст волчьего лыка может подарить человеку здоровье своими природными соками, сосредоточенными

в коре и корнях, радость от притягательности красивых ягод, что так и хочется сорвать в жаркий летний полдень, и какую-то необыкновенную, переживаемую с детства уверенность, что волки плетут из лыка, содранного с кустарника, сказочные корзинки. и ходят с ним по грибы и ягоды. Сказку эту я услышал однажды от взрослых, ещё в детстве, и почему-то сразу поверил, что так оно и есть, и нёс в себе эту веру долго, время от времени всё-таки задумываясь: отчего такой маленький нежный кустик носит имя сильного и безжалостного зверя? Что между ними общего?

А когда, уже в зрелом возрасте, сам прочитал у Пришвина об этом, то, конечно, улыбнулся, когда попытался представить себе, как у волков это получается. Но дальше воображаемых зверей, по-хозяйски удерживающих в лапах плетёные лукошки, дело не пошло: уж больно забавной выходила картинка из жизни леса, что тоже представлялся каким-то сказочным, не настоящим, а волчье лыко, между тем, существует, и, пока, ни один кустарник в лесу не распустился, радуется нас по весне своим неожиданным цветом.

Правда, и на самом волчьем лыке листочки ещё отсутствуют, но лиловые цветочки выпростались на волю и тихонечко сияют, освещая пока скудное весеннее пространство. Первым из кустарников отзывается волчье лыко на появление в природе весны света, он – предвестник будущего праздника цветов, хотя и скромный на вид.

Не сразу заметишь неказистый кусточек, а разглядишь только благодаря нежным цветочкам, что сияют трепетно и радостно, не навязываясь никому, а просто так, сами по себе, будто им и дела нет ни до кого. Волчье лыко радуется, что пришёл черёд его цветению, не броскому на первый взгляд, но для него, наверное, очень приятному и дорогому.

Какая ему беда переживать за кого-то другого, у него своей воли в достатке. Кого угодно умилит первый за весну цвет, если не брать во внимание подснежники с медуницей! И всё же, почему лыко прозвали «волчьим»?

Совсем недавно прочёл у того же Пришвина, что растение обязано «волчьему» имени благодаря ... своему запаху. Как такое, спросите вы, может быть? Ведь оно, это растение, как утверждают многие, именно благоухает, чему я и сам был свидетелем!

Михаил Михайлович объясняет: «Цветок волчьего лыка издали пахнет чудесно, как гиацинт, но стоит его поднести к носу ближе, то запахнет так худо, хуже, чем волком». А как пахнет волк? Правда ли, что только псиной, как и лисица, что своим запахом отпугивает барсука, когда занимает его нору?

Придётся запастись терпением, ожидая следующую весну, чтобы проверить: истинно ли замечание известного всем нам писателя? Неужели красивое волчье лыко и в самом деле источает вблизи худой аромат? С трудом верится в это...

Во-первых, аромат цветущего волчьего лыка не доносится до нашего обоняния издали: чтобы почувствовать его, нужно оказаться поблизости и склониться над ним, может быть, даже опуститься на колени, и только тогда уловишь еле ощутимый пряный запах. Во-вторых, действительно ли гиацинтом благоухают цветы волчьего лыка? Ведь каждый из нас волен слышать только им угадываемый дух, и отчего не воспринять трогательный весенний цветок за фиалку, медуницу или тонкий подснежник?

Да и само волчье лыко разве не способно издавать свою благовонную душистость, ни с чем несравнимый фимиам, присущий только ему?! И ещё: чуть ли не вплотную приблизив лицо к нежно-лиловым цветочкам, я, честно признаться, всё-таки не уловил в них какого-либо дикого запаха псины, вообще, не присущего цветам, тем более, весной. Это было нечто еле уловимое, вернее, непередаваемо тонкое и приятное благоухание, и более – ничего.

По форме соцветия волчьего лыка напоминают султаны сирени, тоже по цвету беловато-лиловые, с пунцовым оттенком, как маленькие пирамидки, что под осень обернутся алыми продолговатыми ягодами, каждая из которых короткой пуповиной прикреплена прямо к ветке, будто для красоты. Вроде бы, куст как куст, лишь зацветает раньше других, но просматривается в нём сквозь его непритязательную красоту нечто древнее, а недавно я узнал, что отпечатки листьев и семян волчьего лыка находили в пластах миоцена, имеющих возраст около тридцати миллионов лет. Волчье лыко – реликт, как и глухарь, живший ещё до ледникового периода, когда на земле существовали только хвойные растения, но реликт очень привлекательный.

Так вот, эти ягоды, что с древности зачаровывают людей своей красотой и яркостью, а потом, приворожив собой, убаюкивают их сознание, поскольку несут в себе яд, сродни волчьему поведению, вернее, характеру этих зверей, что околдовывая взглядом, заманивают в свои звериные тенёта. Так хочется, залюбовавшись, сорвать алую ягодку, и, не задумываясь ни о чём худом, съесть, после чего члены быстро сводит судорога. Как это происходит при виде замершего перед тобой волка, просто ввергая в ступор от его звериного оскала: мало, кто выдержит это внутреннее сопротивление, не поддастся страху, не пойдёт на поводу ядовитого чувства подчинения неведомой природной воле...

Подобным образом влияют на восприятие человека и яркие ягоды, кажется, заключающие в себе лишь сладость. Увидев в жаркий полдень желанную ягодную плоть, так и манит утолить её прохладной мякотью жажду, захватив в ладонь как можно больше плодов, есть без остановки, если нет рядом малины или земляники. Вот и волк, если уж остановит на тебе свой проникновенный безжизненный взгляд, трудно будет ему противостоять, не потеряв способность управлять собой. Волк как взглянет, так любой колом встанет, и быть тебе волком за твою овечью простоту, коли ты не устоишь перед природной силой зверя, и яркой соблазнительностью ягод, прозванных в его честь.

Да, и если по правде рассудить, «лыко» - это неокрепшее подкорье молодой липы, что шло в народе на лапти, мочало для мытья в бане или кульё, оно долго вымачивалось в мочажинах, затем – отбивалось и высушивалось, но какое отношение оно имеет к маленькому лесному кустарнику? Трудно устоять перед зачаровывающей привлекательностью волчьих ягод, как и не просто разорвать лыковый ремешок, ежели тебя им спутают.

Не зря в народе повелась присказка: тот тужи, у кого ременные гужи, а у нас лыки да мочалы! Вот и получается, что не всякое лыко в строку ложится, когда его не на потребу применять. А ведь оно, помимо нежно-лилового цвета по весне, и привлекательных сочных ягод в лето, действительно, и пользу в себе содержит...

Народное поверье гласит: кто съест волчью ягоду, тот заболеет, так как в брюхе у него от ягоды будет расти куст, но если при плохом аппетите и усталости попробуешь один сушёный плод волчьего лыка, то разыграется он не на шутку, да и усталости как не бывало. Разбил коленку, и нагноилась кожа – приложенная к ранке кора лыка быстро сведёт на нет всё раздражение. Луб с ветвей лыка/вот, оказывается, откуда ещё взялось и название куста/, шёл, раньше, на плетение женских шляпок, а древние айны, проживающие когда-то на Курильских островах, при охоте на сивучей смачивали острия гарпунов в соке этого растения.

Необыкновенно сказочен таинственный кустик волчьего лыка, что встречается по весне без листьев, когда в лесу ещё не распустились деревья, и пробудившаяся земля покрыта лишь прошлогодней примятой травой, а он весь – в крохотных лиловых цветочках!

РОДНИЧОК

Далеко не всегда и не везде посчастливится встретить в лесу родничок, и для этого приятного во всех отношениях события необходимо неременное присутствие поблизости каких-нибудь холмов или хорошей горки. Из-под её скалистых выступов, как правило, и вытекает первозданной чистоты источник, радующий уставшего путника. Нет такой горки, и родничок отсутствует, ибо счастливое существование его предполагает именно возвышение земли, что и выводит на поверхность глубинные родниковые воды.

Чтобы натолкнуться на чистый родник, нужно много и постоянно ходить, старательно изучая всю округу, после чего и предстанет твоему взору бьющий из-под земли источник. Ужасно волнующее действие, должен сказать, если отмахал за день с десятков вёрст, а он, к тому же, выдался жарким. Но, тем и хороша дорога, когда узнал, как она может быть далека и

сколько в ней всего оказывается пережито: ведь сладкого ни за что не попробуешь, ежели горького не испытал.

Нет более трогательного существа в лесу, чем маленький родничок, что неприметно вытекает из-под какой-нибудь неповоротливой горы, возле такого же неприметного болотца. Прямо под горой, откуда выбивается чудесная струйка воды, покоится камешек, что будто приглашает тебя присесть на него и зачерпнуть ладошкой глоток чистой влаги.

Устав после долгой дороги, с трепетом в душе опустишься на колени перед струящимся ручейком, и так, замерев, остановишь свой взгляд на текущей воде, нежно переливающихся прозрачных струях и их ненавязчивом журчании. Там, где струйки ударяются о камушки, рождаются хрустальной чистоты пузырьки, они сразу прикуют к себе твоё внимание, и ты зачарованно будешь вглядываться в струящуюся воду, и обо всём позабудешь.

Пузырьки, словно драгоценные горошинки, катятся по дну родничка, и нет им числа. Но вскоре они лопаются, и ты вновь обращаешь свой взор к тому месту, где источник вырывается из-под земли. Любование волшебными камешками на дне ручейка может продолжаться бесконечно.

Долго смотришь, как робко, но неукротимо пробивает себе дорожку прозрачная вода, и от долгого вглядывания в неиссякаемый чистый источник вдруг ощутишь его скрытую силу: сколько её у него, что, не уставая, делится он этой силой со всем миром, и не помышляя требовать что-либо взамен. Вот бы так и человеку!

Не переставая вглядываться в тихонечко журчащую чистоту родничка, осторожно склоняешься над ним и зачерпываешь ладонью живительную влагу. Что больше очаровывает тебя в родничке?

Как сизокрылый голубок воркует родничок, и не сразу обнаружишь, что это именно водичка струится. Оглядишься, попытаешься рассмотреть в еловых ветвях постанывающего вяхиря, и убедившись, что это не птица, а журчащий родничок подаёт свой голос, точ-в-точь напоминая голубиное воркование, неизвестно чему обрадуешься. Слушал бы и слушал нежное звучание водицы, угадывая в ней ещё и бормотание тетерева, и трепетные переливы горлинки, и ласковый шёпот светлой весенней капли.

Это волнительное природное истечение, берущееся откуда-то из неведомых недр, завораживает бесконечно, пленяет своей нескончаемой силой и чистотой, и оттого родник, кажется, выражает собой движение всей жизни на земле. Но до чего же он тих и скромн при этом, на удивление обаятелен в этой своей незаметности. Глядя на родничок, непременно уверишься: еле приметным голоском он свидетельствует в лесу всем живущим - жизнь продолжается!

Когда маленький родничок ласково струится из-под земли, его и рядом не всегда услышишь, но если по-настоящему прислушаться, и песню его понять, то станет так, будто песенка родничка охватывает всю округу, разливается вширь своей удивительно трогательной чистотой, не

почувствовать какую невозможно. Сердцем угадывая природу, и родничок такой, с его неизменно чудесной песенкой, несомненно, заметишь, и, забывая себя, над ним склонишься, чутко вслушиваясь в нежно переливающиеся звуки. Живая вода тебе тайну сокровенную обязательно раскроет, что по весне переполнена радостью, летом – доброй озабоченностью, осенью же – умиротворением, но никогда она не бывает равнодушной.

Три вида звуков совершенно зачаровывают меня, так что я готов внимать им бесконечно: издающие рокот камешки в прибойной морской полосе, топот лошадиных копыт, и хрустальное журчание чистого ручейка, что, не прекращаясь, напевает свою прекрасную песенку. Существует ещё, конечно, и безудержное завывание метели за окнами, крепкое потрескивание мороза и берёзовых дровишек в печи, торжествующий шум обложного летнего дождя, безудержно хлынувшего и объявшего собой всю землю, почти не доносящиеся до земли трели жаворонков и зарянок, озабоченное жужжание мохнатого шмеля и еле угадываемое копошение пчёл в яблоневом цветке... Даже занудливо монотонная мелодия комариного полёта воспринимается мною, как музыка, и всё же, более всего, не прекращается в моей душе неиссякаемая песнь родничка, что убаживает её, незаметно обновляя, и душа будто рождается каждый миг заново, оставаясь молодой.

Песенка родничка ненавязчиво струится над полянкой, ласково прикасаясь к травам и кустам, звуки её, кажется, ненавязчиво перетекают в неясные тени, пробираются по стволам деревьев, будто вырастая вместе с ними, и незаметно растворяются в воздухе. Но новые ласкающие слух переливы воды вновь накатывают и на тебя, и на полянку, и сердце твоё трепетно ропщет от этой переливчатой песенки, заслушавшись – замирает, позабыв про то, что уместилось в нём за весь день, и будто уносится в какую-то чудесную бесконечность. Хочется внимать этой умиротворяющей музыке всегда, что верится – никогда не надоест, потому, что изливается с непрекращающейся любовью и нежностью, нет ничего чище её в природе.

С ней сравнятся, быть может, лишь рассыпчатые птичьи трели, как у соловья или зяблика, но песенка родничка не останавливается, радостный ропот его искрящейся на солнышке души длится вечно, никуда не исчезая, и околдованный ей, ты тоже не желаешь куда-либо торопиться, пропевая в жизни и свою песню. В тебе рождается что-то неизведанное, совершенно новое, и ты с невольной робкой улыбкой склоняешься над родничком, и опять, уже губами, осторожно касаешься переливающихся чистых струй. Хрустальное звучание родничка будто вливается в твоё сердце.

Так и живёт родничок своей собственной, скрытой от глаз людей жизнью, ничто не властно над его чистой струящейся природой: ни студёная зима, ни завалы, всюду пробьёт он себе незатейливую, но верную дорожку,

родничок – само время, что неумолимо и чудесно слагает нескончаемый лесной век. Только что родился из-под земли, вырвался на волю сквозь скалистые оковы, а уже имеет и сознание, и душу, не опасаясь препятствий. Не будь его – как бы ОТЕЦ-ЛЕС смог слагать свои неисчислимые дни и ночи, может быть, и вовсе не было бы ничего?!

В своей невидимой борьбе за жизнь, родничок, вроде бы, и не прилагает никаких усилий, но нет сомнения в том, что рано или поздно он достигнет большой воды, где отдаст себя на её свободную волю. В этом и заключено его радостное существование, собственно – сама прекрасная жизнь, и перекликаясь в своём ненавязчивом журчании с берегами, травами и цветами, родничок слагает красоту и знание для досужего до тайн леса человека, если тот вслушается и всмотрится в его чистую душу. Душа родничка так сильна, что сложив в себе несколько хрустальных струй, может ударить с высоты в каменную россыпь и образовать в ней глубокую чашу.

Хорошо сидеть возле неё под какой-нибудь зелёной скалой и, отдыхая, слушать, как переговаривается родничок уже с камнями на прозрачном дне, всё бежит, бежит, и не в силах убежать от самого себя. А я не могу отойти от него, словно привязал меня родничок к себе, и готов вслушиваться в его журчание бесконечно: без него мне, вроде бы, уже не жить. Как такое выходит?!

Случается это, только когда и ты перекликаешься душой со всем лесным миром, не пропуская в нём ничего. Дорога тебе в нём и укромная полянка, и поваленная на её опушке старую ель, глухой лес на взгорке, лучики утреннего солнца, что притаились между ветвей, и даже - надутая лягушка, по самые выпученные глаза замершая в уютной лужице. Не пропустишь мимо внимания и ярко-жёлтую купавку, любовно склонившуюся над лесным ручейком, голубовато-перламутровую стрекозу, что беспрестанно присаживается на упругие травинки, ослепительную лимонницу, тихо парящую в зарослях луговых цветов, и пушистые барашки на кустиках ивы, в тихом восторге замершие по бережкам речек и озёр, только что освободившиеся ото льда...

Ты понимаешь вдруг – родничку самое место в твоей душе, потому что тебе хочется, как и ему, журчать на весь людской свет своей непревзойдённой музыкой любви к жизни, чтобы её слушали и радовались, лучшего и быть не может, и если отыскал в себе родимый родничок, к большему уже нечего и стремится. Душа твоя приняла этот прекрасный и чистый мир, а мир принял тебя.

Вот и в рассказах своих мне хочется добиваться такой же родниковой чистоты, что неустанно льётся в сердца людей, и никогда им не надоедает. Не прекращаясь в этой своей переливающейся словесной неге, мой внутренний родничок, верится, тоже ублажает людские души, трепетно жаждущие сладостного прозрения, и от такого радостного слияния, наши сердца соединяются в едином устремлении к жизненной правде,

неотделимой от божественной природы. В этом природном сотворчестве рождается великая любовь!

ОБЫКНОВЕННОЕ ТЕРПЕНИЕ

Вся трудность вхождения в контакт с животными, птицами или растениями заключена для человека в терпении, поскольку, чтобы понять их, он должен принять условия жизни животных, птиц и растений, безоговорочно подчиняясь её темпу и ритму.

Нестерпимо мёрзнут ноги в стылой снеговой массе, когда, не шелохнувшись, стоишь в ночном весеннем лесу в ожидании глухариного пробуждения, терпи; промозглый холод от земли предательски забирается под суконную куртку, в рукава, за шиворот, если неподвижно наблюдаешь из укрытия за заячьей свадьбой, терпи; февральская обезумевшая пурга застала тебя далеко от деревни, сбивает с ног, пронизывает насквозь, норовит погresti под своими нескончаемыми заносами, терпи; тридцатиградусный мороз выстудил лесную избушку, так что приходится подтапливать её каждые полчаса, скорчившись, разводите никак не поддающийся огонь, дуть до одурения на не желающие гореть ольховые полешки, терпи; привела лесная нужда шагать по глинистой раскисшей дороге вёрст двадцать, с гаком, под непрекращающимся нудным дождём, терпи...

И так, в любую погоду, независимо от времени года, потому как в хорошую, солнечную пору никогда не увидишь того, что можно узнать в ненастье. Преодолевая нескончаемый лесной путь, ты вынужден запастись, в первую очередь, обыкновенным терпением, которое незаметно слагает твоя необыкновенная неутомимость, отвага и воля.

ВЕРБА

Стараясь как можно бережнее сохранять в себе внутреннюю тишину и желание соприкосновения со спасительной тайной, вошёл я однажды в февральский лес уставшим человеком, и он тоже очень трогательно отнёсся ко мне, как будто замер, слегка вздохнув, и стал внимательно прислушиваться к тому, что произошло в нём с моим появлением.

Мелкий, почти невидимый снежок сеялся среди стволов, лёгкая молочная пелена заволокла небо, солнце сквозь неё пробивалось едва ощутимо, и только угадывалось по размытому кремовому пятну. Небольшая стайка чечёток встретила меня оживлённым щебетанием, и какое-то время легко и обрадовано сопровождала, пока я не углубился в глухой ельник. А вскоре, на крутобокой сосновой гриве, между двух отложков, я согнал глухаря.

Как мне показалось, он не испугался, а спокойно и бесшумно спланировал впереди меня и, наверное, где-то неподалёку уселся. Больше я в этот день никого в лесу не встретил, и всё время продолжал чувствовать, что лес ненавязчиво всматривается в меня, будто хочет для себя понять: зачем человек потревожил его величественный покой, и не принесёт ли ему это ненужные разочарования и заботы? А может быть, человек пришёл с добром или душевной бедой, и ему следует помочь?!

И лес в тот день отгадал меня, он понял, как мне плохо, и, конечно, поддержал. Ничего, вроде бы, вокруг не изменилось: всё так же сеялся невесомый снежок, слепо пробивалось сквозь облака солнце, высокие ели стояли притихшие и безучастные. А я шёл неспешно на лыжах, пригибаясь под склонёнными снежной тяжестью ветвями, слегка дотрагивался до них рукой и, освобождённые от снега, они взмётывались вверх, уступая дорогу.

Сами деревца будто вскрикивали на мгновение от радости, но, тут же, забывались, опять погружаясь в сон. Всё вокруг было недвижимо, печально.

Ничего, казалось, не могло произойти в лесу, что бы рассеяло эту неизъяснимую грусть, но незаметно что-то важное уже происходило во мне самом. Мне вдруг захотелось собраться с мыслями, а размеренное движение на лыжах почему-то не позволяло это сделать. Зато я начал пристальнее вглядываться к окружающий лес, ещё более ценить всё, что он открывал мне в этот день, и, наконец, увидел то, к чему подсознательно, с самого утра, стремилась моя душа: у самого края поляны стояла высокая ... распустившаяся верба, и это в двадцатых числах февраля, в мороз!

Я бы и не обратил внимания на это огромное дерево, если бы не проходил под его склонившимися ветвями, и не приподнял одну из них. Только тогда взгляд мой упал на распустившиеся барашки: их было множество, они весело серебрились на фоне приоткрывшейся небесной синевы, и это никак не укладывалось у меня в мыслях.

Здрав голову, поражённый никогда не виданным зрелищем, я любовался им и не мог поверить, что подобное возможно. Это было самое настоящее чудо, подаренное в этот день лесом, и я не сомневался, что именно для меня.

ГНЕЗДО

Когда осенью опадает листва с деревьев, к удивлению своему замечаешь в лесу множество птичьих гнёзд, что до сих пор были скрыты от наших глаз. Искусно слепленные из пуха, глины и сухих травинки, они так же искусно прикреплены к стволу или развилке сучьев, а то и подвешены к самому концу какой-либо ветви. Гнёзда ещё не разрушены непогодой, выглядят довольно аккуратными и, бредя мимо, ты всегда невольно попытаешься представить себе их хозяев, которые уже давно отлетели на юг.

Вспомнишь тут весну и то, с каким восторгом выплёскивается в наши леса эта неопиcуемая волна радости, что приносят с собой птицы. Вернее, прилетающие птицы – самая радостная волна, что сменяет одна другую, и так – до конца мая, с непрекращающимися заливистыми трелями, которые, кажется, символизируют утверждение всеобщего счастья на земле. Недаром говорят: счастье – что вольная пташка, где захотело, там и село. Так и птица: вроде бы, не сеет, не жнёт, а сыто живёт, и уж чего ей не занимать, так это воли, которая у птицы, между тем, в трудах праведных проходит, в особенности - весной.

В эту пору есть у птицы и пение, и полёт, и ветка, которая ей лучше золотой клетки, но вот самое сокровенное, ради чего она и летит и поёт, - её гнездо. И тесен будто бы дом, а для птицы просторен, в нём совершается великое таинство рождения, и птица очень ответственна в своём житнетворчестве.

Нет дерева, на которое бы птица не садилась, да только не на каждом она себе гнездо вьёт. Чаще всего – это хвойные деревья, в особенности ель, и всегда гнездо располагается с защищённой от ветра стороны. Птицы, по прилёту, сначала просто таскают гнездовой материал в клюве, бросая, где попало, подхватывают новый и собирают его в пучки, а затем уже начинают носить к месту постройки. Высокое расположение гнезда требует от птицы немалых усилий, так как ей приходится летать за гнездовым материалом и поднимать его на высоту.

Весь материал, какой птица использует на постройку гнезда, пустой, никому не нужный, развеваемый ветром: соломинки и пушинки, мелкий хворост, капельки воды и кусочки почвы – всё, что удалось раздобыть в освобождающемся от снега лесу. Сначала птичка обвивает клочок паутинки вокруг веточек, одновременно растягивая его в нить, затем обрывает торчащую снаружи бахрому, вновь используя её при оплетении.

В то время, как самец впутывает всё новые и новые ленточки в стенки гнезда, самочка забирается вовнутрь, и осторожно утрамбовывает собой своё будущее жилище, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. Так создаётся полукруглая форма гнезда, и когда основа его завершена, в стенки гнезда всовываются мелкие веточки, листики и травинки, после чего лоток выстилается перьями и волосом. Без рук, без топорёнка строится птичья избёнка, и при этом птица никому не причиняет какого-либо неудобства, оставаясь неприметной.

За весенними заботами в своём огороде ты порой даже забываешь о существовании птиц, а вспоминаешь лишь с момента появления их возле твоего дома, когда родители с быстро подрастающей ватагой птенцов принимаются за уничтожение насекомых. Тут-то ты и порадуешься в очередной раз за своих неутомонных соседей, в душе поблагодарив птиц за оказываемую ими услугу. И опять, глядя на птиц, покажется тебе, будто они живут без забот, и при этом ничуть не тужат: только бы не переводились червячки и мошки!

И вот, пришла осень, за ней задули суровые метели. Птицы давно покинули родные края, и тебя уже не одолевают лёгкие, присущие только лету думы: сердце твоё околдовано несказанной тайной зимы. Сидя молча у окна и вперив взгляд за околицу, где возвышается присмиривший хмурый лес, ты, вроде бы, ни о чём не мечтаешь. Привычно переживать в себе эту устоявшуюся сладостную скуку, как будто забывшись в долгом беспмятстве зимы. Скоро ли ещё растопят её тёплые ветра?

Только с наступлением ослепительного марта, будто отойдя, наконец, ото сна, отправишься, однажды поутру, в гости к глухарям, желая проверить ток, да и набредёшь вдруг на чьё-то сорвавшееся с дерева гнездо. Всю ненастную осень и суровую зиму, убаюкивая, крепко держала его в своих объятиях старая сосна, а ближе к весне, видать, сама задремала и уронила. Весенний озорной ветерок весело подхватил гнездо, и оно закувыркалось по насту, отчего будто бы даже несколько ожило, но не знало, что ему дальше делать. Гнездо цело, а птицы нет.

На первый взгляд мне показалось, что в нём уже давно свила себе убежище смерть: таким одиноким и ненужным оно выглядело сейчас на снегу. Но подойдя поближе и взяв гнездо в руки, я убедился, что брошенный птичий домик не вызывает ощущения безжизненности, пустоты. В нём оставалось розоватое пёрышко: оно застряло между сухими травинками, чуть вздрагивая на ветру, и от моего прикосновения к нему само гнездо будто бы вздрогнуло и как-то подобралось. Судя по пёрышку, гнездо когда-то принадлежало зяблику.

Я держал гнездо в руках, неторопливо рассматривал его, раздумывая, как поступить, а оно будто затаилось. Высокие сосны мерно шумели над головой, ветер гнал по синему небу белые облака, и никуда не хотелось уходить из этого пробуждающегося царства умиротворённых теней и восхитительного света.

Я взял гнездо с собой, осторожно положив на дно рюкзака, привёз его домой, и теперь оно лежит у меня в шкафу, за стеклом, так что я в любой момент могу подойти к нему и потрогать. В нём до сих пор чувствуется сила, которую когда-то вдохнули в него маленькие красивые птички, и иногда мне начинает казаться, что гнездо терпеливо ждёт их радостного возвращения и ни о чём ином не мечтает.

ГДЕ-ТО ТАМ?!

Уже в середине мая, без всякой надежды на успех, собрался я в последний раз к глухарям, и чем дальше шёл по дороге, тем более убеждался: поздно. Давно угомонились в лесу ручьи, вроде бы, недавно вспыхнувшие

первоцветы разлились в целые поляны, на вырубках, у старых пней, появились шоколадные шапочки стрчков. Закрылся лиственный лес.

Воздух туманился от растекающегося повсюду аромата, листья уже полетному шептались на ласковом ветру, трава, в некоторых местах, готова была дотянуться чуть ли не до колена. Как-то не верилось, что мошник прилетит на ток, да ещё запоёт.

Но в положенный час глухарь действительно проснулся, долгое время сидел на сосне, молча, а потом пропел только одну песню, после чего собрал хвост, гортанно цокнул и улетел. И стало так грустно на душе, что весна прошла...

Впереди, кажется, бесконечное буйное лето, с неохотой, изредка, всплывает в памяти осень, и за ней даже не видится зима. Где-то там дорогая сердцу весенняя радость, что однажды опять слетит на мартовский наст, пройдёт по нему красавцем-глухарём, и запоёт, позабыв обо всём?!

БАБОЧКИ

С раннего утра и до полудня собирал я однажды землянику, и так устал от надоедливых насекомых, что до станции решил добираться по железнодорожному полотну. Июльское солнце пекло неумолимо, и, шагая по шпалам, я не сразу обратил внимание на многочисленных бабочек, что десятками витали над самыми рельсами. В основном это были переливницы ивовые, довольно крупные, отливающие перламутровой синевой бабочки, хотя среди них попадались и капустницы с боярышницами, крапивницы и «павлиний глаз».

Бабочки порхали вокруг разноцветным облаком, и воспринимались летним днём совершенно естественно, но постепенно я обнаружил, что они не отлетают от насыпи, а держатся, как привязанные, у железнодорожных путей. Причём, невысоко, на уровне человеческого роста, извиваясь впереди нескончаемой живой лентой. Я забыл и про комаров, и про землянику, и всё никак не мог разобраться, что привлекает бабочек в столь неподходящем месте, когда вокруг так завораживающе тянутся к солнцу налитые травы, источают аромат цветочные поляны, повсюду стрекочут неугомонные кузнечики?!

Но бабочки неустанно вились прямо под ногами, присутствие человека их ничуть не занимало и не отпугивало, и они были будто чем-то околдованы. Присмотревшись, я вдруг обнаружил, что многие из них вели себя, словно пьяные, перелетая как-то неровно, боком. Некоторые из них, вообще, падали и, видимо, не в силах подняться, судорожно трепыхали крылышками.

Временами попадались и вовсе окоченевшие, наверное, сбитые проходящими электричками, с изуродованными и разорванными тельцами,

извалянные в пыли. Жалко было смотреть на эти беззащитные существа, ещё недавно порхающие в воздухе живыми цветками.

Остановившись, и отойдя немного в сторону, я стал наблюдать за происходящим, и вскоре убедился, что виной необычному поведению бабочек был креозот, им обычно обрабатывают шпалы, предохраняя их от гниения. Под палящими лучами едкая жидкость вытапливалась, превращаясь в густые матовые капельки, а бабочки летели к ним, привлекаемые исходящим дурманом, присаживались рядом и жадно пили, тотчас пьянея. Ни яркий солнечный день, ни его ласковое тепло, ни цветочный нектар уже не притягивали возвышенных насекомых, и им хотелось впитывать только этот неведомый, но чарующий для них «сок», с помощью которого они, наверное, уносились в ещё более безоблачные и недостижимые дали.

СТАРАЯ ПРИМЕТА

Есть среди лесного люда старая примета: возьмёшь с собой в лес ружьё – ждёт тебя неудача, пойдёшь с пустыми руками, чтобы только посмотреть на животный и растительный мир, лесной бог положит к твоим ногам самые невероятные и увлекательные встречи. Зайцы будут бегать перед тобой, не боясь быть подстреленными, глухари – пугать, взрываясь из-под самых ног, лисы – показывать свой огненный хвост и ушки на макушке, словом, все птицы и звери, будто сговорившись, перестанут замечать тебя, а ты почувствуешь невидимое присутствие какой-то силы, которая наблюдает за тобой и благоволит.

Когда ты слишком часто искушаешь судьбу, да к тому же норовишь её обмануть, эта же невероятная сила, рано или поздно, неминуемо наказывает тебя. Так однажды по весне наказал меня ОТЕЦ-ЛЕС за двух подбитых без нужды рябков, когда трогать их не следовало. Спускаясь к реке по старому волоку с переброшенным через плечо ружьём, я вдруг поскользнулся на самом безобидном месте и упал так, что шейка у приклада переломилась.

Об охоте не могло быть и речи: ружьё вышло из строя, напрочь, но больше всего поразила именно неотвратимость произошедшего, при всей простоте ситуации. Будто кто-то на самом деле лишь слегка подтолкнул и надоумил: не шути с лесом, где всё про тебя известно и каждый твой шаг не остаётся без внимания, думай, прежде, чем что-либо совершить, а главное – не отделяй свои заботы от его интересов.

И действительно, лучше верить мудрой примете и не брать с собой в лес ничего, что могло бы навредить лесным обитателям. И тогда ты станешь самым богатым человеком: тебе будут доступны в лесу любые тайны, и ты

сможешь рассказать о них людям. Истинное мужество – не взять лесного исполина на берлоге, проявив будто бы неслыханную отвагу, а знать, что при случае окажешься нестигаемым и не растеряешься, если от тебя потребуется решительность и отвага, но, всё же, без надобности не принесёшь никому вреда.

Оставь ружьё дома, захватив с собой только неутомимость с наблюдательностью, и ты почувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты поймёшь, что птицы и звери ждут, когда человек откажется от их бездумного уничтожения, и станут ему дороже, а поможет человеку в этом верная примета, и если будешь следовать ей, дойдёшь до самого Бога.

Ведь самые редкостные встречи в лесу случаются, когда человек чист намерениями, ружьё в его руках отсутствует, и лучше, если всё происходит сознательно, чтобы звери не принимали это за обман. Именно тогда они поверят человеку и станут ему близки так, как на заре жизни, когда яблоко познания ещё не стало яблоком раздора, и звери с птицами были нашими друзьями, а мы составляли с ними единый мир радости и любви.

ЛИСИЧКИ

Затянул я однажды со сбором опят и отправился в лес только в двадцатых числах сентября, после первых крепких заморозков. В деревне поговаривали, что опята несут целыми корзинами, грибы уже идут неделю кряду, и такого грибного хода давно уже никто не помнит. Мне очень хотелось нарезать аккуратных светло-коричневых грибочков, чтобы приготовить их на зиму, но я всё никак не мог собраться, и, в конце концов, чуть было не опоздал.

Опавший лист местами почернел, свернулся, и под его толстым слоем трудно было разглядеть какие-нибудь грибы. Их почти не было, за исключением редких подосиновиков, уже порядком перестоявших и покосившихся, да промёрзших волнушек, с виду довольно крепких, но попадались они ещё реже. Лес казался пустым, приготовившись к долгой непогоде, и я стал подумывать о возвращении. Горько, конечно, появляться дома с пустою корзиною, но ничего не поделаешь!

И тут в листве вдруг что-то покраснело: и вон там, под ёлкой, и среди берёзок, а дальше – больше, ещё и ещё. Это были лисички. Летом – жёлтые, будто рассыпанные во мху монетки, под осень они превращаются в ярко-оранжевые, хорошо приметные даже среди опавшей листвы. Лисичек высыпало так много, что поначалу я растерялся.

Оглядевшись, долго не мог прийти в себя, и всё озирался, не зная: откуда же начать? Лисички маленькие, средние и совсем большие, размером с хорошее блюдце, окружили меня со всех сторон. Самые крупные

напоминали глубокие чаши или какие-то неведомые цветы, чудом сохранившиеся в глубокую осень.

На них не повлияли даже заморозки, что не прекращались в течение трёх последних дней. Лишь у самых переросших и завалившихся набок грибов края от влаги потемнели, но и их, всё же, можно было брать, обрезая подгнившие верхушки. Большинство лисичек оставались сочными и мясистыми.

Такого грибного раздолья я не помнил даже летом, и обрадовано бросился наполнять корзину. Забыл и про подосиновики, и про волнушки, и про опята. А лисички всё не кончались, стелились по усыпанной листом земле оранжевыми лоскутами, и я уже боялся смотреть вокруг. Когда корзина заполнилась с верхом, грибы прекратились, как будто по мановению волшебной палочки. Я, наконец, разогнулся и в полном удовлетворении перевёл дух: трёхведёрная корзина была набрана за какие-нибудь полчаса!

Обратно шёл приятно взволнованным, в приподнятом настроении, и даже думать забыл о том, что кто-то носит опята целыми корзинами. Вот и тучи, совсем недавно обложившие всё небо, куда-то рассеялись, и выглянуло ласковое осеннее солнце. Было радостно шагать по грязной, медленно подсыхающей дороге навстречу небольшому, но весёлому стаду коров и овец.

Пастухи, поравнявшись со мной, залихватски щёлкнули кнутами и приняли независимый и важный вид, но всё-таки заглянули исподтишка в корзину. Что был моложе – хмыкнул и, скорее недоумённо, чем пренебрежительно, обронил: «Лисята-а...» А я отчего-то встрепенулся, с удовольствием расправил уставшие плечи, и вдруг всей грудью ощутил чуть уловимый аромат осенних лисичек – последних из грибов, что подарили мне в этом году незабываемую радость.

НАГРАДА

Весь сентябрьский день провёл я в лесу, отмахал без малого двадцать вёрст, а кроме двух рябков так никого и не встретил. Лишь под вечер забрёл на старый заброшенный покос, спускающийся к глухому логу, и неожиданно потревожил у опушки крупного лося. Лось неторопливо обрывал мягкими губами листья со свисающих до земли ветвей осины, вздрагивал ушами, изредка замирал и прислушивался, а завидев меня, не испугался, и так же неспешно двинулся вниз, к логу.

Я стоял, как вкопанный, и, не отрываясь, наблюдал за ним. Сохатый же никак не реагировал на моё присутствие, лишь однажды замер посреди поляны, оглянулся, мотнув рогатой головой, и тотчас рядом с ним взмыли в воздух две золотисто-рыжие копалухи. Лось мирно всхрапнул. И только ступил несколько шагов, как из-под самых его ног прыснул серовато-белый

заяц, метнулся сначала в одну сторону, затем – в другую и, совершив огромный затыжной прыжок, исчез в ёлках.

Всё это происходило секунды, лось ещё не скрылся в лесу, мерно переставляя свои ходули-ноги, и когда я подошёл к тому месту, откуда вспорхнули глухарки и сиганул в ёлки заяц, то обнаружил в траве два чистеньких подберёзовика.

ТРАУРНИЦЫ

Шоколадного цвета бабочки-траурницы летом ни за что к себе не подпускают, а под осень успокаиваются, и их можно брать руками – не улетают. Но вот летом, когда отправляешься в лес за грибами, они кажутся совершенно неумолимыми, летают быстро и высоко, поднимаясь даже к верхушкам деревьев, и поймать их почти невозможно.

Отдыхая однажды после удачной грибной охоты, я с наслаждением снял отсыревшие сапоги, поставил их перед собой и стал наблюдать за тремя траурницами, что без устали кружились в воздушном танце над поляной. Бабочки скоро почувствовали привлекающую их соль, и начали смело присаживаться на голенища сапог. Как только какая-нибудь из них исчезала внутри, я тотчас набрасывал на сапог портянку, и бабочка оказывалась моей пленницей.

Отпуская одну, я таким же нехитрым способом ловил следующую, но бабочки, не боясь тёмного плена, всё возвращались и возвращались, и я внимательно разглядывал их бархатисто-коричневые крылышки с ярко-жёлтой окантовкой по краям и лазоревыми пятнышками. Бабочки трепетно замирали, чуть вздрагивая от набегающего ветерка, и было так, будто они уже никогда меня не покинут.

Глядя на бабочек, подумалось, что основная причина жизненного существования – трогательная тайна, она словно неуловимая бабочка: хочешь её поймать – и она ускользает, когда же забываешься, на что-нибудь отвлекаясь, присаживается рядом.

ЁЛОЧКА ВРЕМЕНИ

Лесная задача у птиц простая, ничего в ней хитрого, вроде бы, нет, а распутывать её приходится не один год, хотя бы и с большим умом. Но иной раз требуется обыкновенный случай, чтобы увидеть то, чего раньше не замечал, ибо в лесных кладовых много той самой простоты, которую Бог любит, и открывается она человеку неожиданно.

Лишь однажды присел я в лесу на пенёк именно так, что вдруг увидел, как птицы прилетают к устроенной человеком кормушке в строгой очерёдности, будто зная, когда и кому сейчас кормиться, даже если время исчисляется минутами и секундами. Отпущенного срока обычно хватает всем, чтобы проглотить несколько семян, успевая при этом поклевать и сало.

Такая очерёдность несколько не усложняет отношения среди лесных обитателей, а скорее, упорядочивает их: каждый берёт лишь допустимую ему порцию. Ведь сидеть у корма до полного насыщения никто из них не в состоянии: в любой момент может появиться более сильный. Завладев тем, что тебе доступно, разумнее будет удалиться глубже в лес, там разделаться с добычей или припрятать её в укромном месте, а затем попытаться воспользоваться кормушкой ещё раз.

От того, как скоро каждая птица или зверёк справляется со своими оправданными запросами, выстраивается удовлетворяющая всех лесная лесенка, своеобразная ёлочка времени, отпущенная как сильным, так и слабым. Пока белка, прихватив в кормушке лакомый сухарик, доставляет его в своё ухоженное гайно, предварительно разогнав по ближним ветвям мелких птах, сороки, поползни и гаички, в строгой очерёдности, успевают попользоваться сладкими остатками.

Сначала неприветливая, но зоркая сорока бесшумно планирует к подножию ели, привлечённая усеявшими снег огрызками. Затем, выдержав необходимую паузу, целенаправленно спускаются вниз головой по стволу, как будто несколько замкнутые в себе, нежно-дымчатые поползни. Они без усталости наклёвывают пшеничные ядрышки, тут же норовя припасти их под корой соседних деревьев.

В тот момент, когда сосредоточенные птички заняты этой мимолётной, но важной для них процедурой, хитрая сорока ещё не управилась с доставшимся ей по случаю пропитанием, а белка только начинает из гайно свой обратный путь, расторопные синички пуховыми шариками скатываются с замёрзших веток к месту своего пропитания. Неугомонным птахам, оказывается, хватает предоставленных им мгновений, чтобы не на шутку раззадорить друг друга доставшейся добычей.

Даже большой пёстрый дятел, как-то незаметно и, вроде бы, неловко пристроившись под самой кормушкой, не пугает их своим присутствием. Ведь давно замечено, что к соседству с дятлом многие птицы относятся сравнительно спокойно.

Но если дятел вдруг потребует своей доли, вполне очевидно, что ему обязательно уступят её те, у кого меньше потребностей. По крайней мере, они не используют его время, что существует в лесу для каждого обитателя на его заслуженной ступеньке. В противном случае звери и птицы будут лишены для себя необходимого жизненного пространства.

ДОБЫЧА

Чему, говорят, не быть, того не добыть, но я в тот день добыл и припрятал, чтобы не носить с собой. Это был увесистый заяц, совсем уже белый, и когда я держал его за задние лапы, мне казалось, что он вот-вот вырвется и убежит. Я тогда ещё не знал, что в лесу добыча ловца не ждёт, и привалил зайца большой кучей хвоста.

Уже к вечеру, подойдя к груде из веток, я вдруг увидел, что вся она усыпана заячьим пухом, и, отвалив хвост, обнаружил в боку зайца аккуратную дырочку величиной с пятак. Все внутренности были кем-то начисто выедены, так что стенки брюшной полости блестели до голубизны.

Меня тогда очень удивило, что куча оставалась нетронутой, а пух, между тем, был рассеян по её поверхности. Попробуй отгадай, что загадала природа, тем более, загадки свои она загадывает по-особому, всегда с путанными дорожками, по которым нужно семь вёрст киселя хлебать!

Долго эта лесная тайна оставалась для меня нераскрытой, пока я не узнал от одного егеря, что хозяйничала в моё отсутствие ласка – юркий хищный зверёк. Егерь очень доходчиво объяснил и показал, как ласка это делает, что живёт она как раз в земляных норах, имеет ловкое, похожее на веретено, тело, и ей самой судьбой уготовано бесчинствовать в нижнем пологе леса.

А отчего вдруг пух оказался наверху, так потому, что лёгкий... Пока ласка разделялась с внутренностями, да теребила зайца, пушинки подымались сквозь сухие ветки, и часть их, зацепившись, осталась на поверхности. Может быть, помог ещё и ветер.

Обычно не разрешённый вопрос оставляешь себе на заметку и, бывает, долгое время носишь его в себе, так и не находя ответа, а обнаруживаешь в том же лесу, когда научишься быть более внимательным. Ведь у леса на всё свои приметы, среди которых нет ни худых, ни хороших. Они лишь являют одно общее для природы знание о том, как просто живут в лесу звери, и человеку, в его жизни, тоже надлежит терпеливо и просто идти своей дорогой: так до всего и дойдёшь!

ЛЕСНАЯ ЗАГАДКА

В природе заключено много такого, что не сразу попадает на глаза, но, даже попавшись, ничего не объясняет: его надлежит неспешно и вдумчиво разглядеть. Работа эта, если ею заняться всерьёз, доставит немало удовольствия, обогатит душу и разовьёт внимание. И тогда сказкой дохнёт на тебя лес, обдаст с головы до ног своим мудрым величием, и непременно явит незримое, ибо глядя на него, и сам вырастаешь.

Вот у края опушки, на склоне пологого холма, расположилось небольшое семейство ёлочек... Все ёлки одинакового роста, но на одной из них – гроздь шишек, тогда как остальные – пустые. Шишек на единственной плодоносящей ёлке так много, что они еле умещаются на небольшой вершинке.

Долго я не мог ничего понять, сидя на пеньке, думал, и только обнаружив в траве пни от спиленных деревьев, наконец, нашёл недостающую разгадку. Оказалось, что ёлка с шишками просто намного старше своих соседей, и не давали ей роста мощные деревья, они закрывали её своей тенью. Потом большие деревья срубили, а ёлка оказалась открытой...

Она была намного старше рядом стоящих ёлочек и, конечно, начала плодоносить, когда догнавшие её по росту деревца были ещё не зрелы, отчего и получилось это несоответствие на небольшом пятачке леса. То, что на первый взгляд казалось необъяснимой тайной, неожиданно просто раскрылось. Думать в лесу - хорошо, а отгадывать и того лучше!

ОТМЕТИНЫ

Шёл я как-то по первому снегу глухой лесной гранью и увидел поваленную через неё пихту. Присел отдохнуть, достал термос, бутерброды, а взгляд остановился на стоящей напротив ели. Поначалу я в этом дереве ничего особенного не обнаружил: ёлка как ёлка, только почему-то вся в смоле, что, стекая сверху, засохла жёлто-белыми струями до самой земли. Долго не сводил с неё глаз просто потому, что она росла прямо передо мной, и только потом разглядел: под застывшим смоляным слоем почти отсутствует кора...

Кора оказалась содранной острыми медвежьими когтями, глубоко пропоровшими древесину. Весь бок ёлки был исполосован этими ранами, а выбросив вверх руку и встав на цыпочки, я ещё на полметра не дотянулся до борозд. Трудно было поверить, что медведь просто метил территорию, обходя свои обширные владения. Слишком жестокими показались мне нанесённые дереву повреждения, и я попытался представить, как всё это происходило.

Обойдя дерево, вдруг заметил на уровне пояса гораздо меньшие по размеру углубления, что, несомненно, принадлежали совсем небольшому медведю. Вероятно, это был пестун, а глубокие надрезы от когтей на противоположной стороне оставила его мать – огромная сильная медведица. Что-то очень здорово разозлило её, и она не придумала ничего лучше, как разделаться с неповинным ни в чём деревом: ель стояла открыто и, по-видимому, первой попало под лапу разъярённому зверю.

Медведица долго не могла успокоиться, изуродовав страшными когтями весь ствол, но ель достойно выдержала этот натиск разгневанного животного, не сломалась, и постепенно, незаметно для всех, залечила раны.

Точно так же я однажды убедился и в нестигаемости сосны, когда натолкнулся в апрельском лесу на след медведя, что протянулся вдоль старого лога. Вскоре след вывел меня к огромной одинокой сосне, где медведь поднялся на дыбы и оставил когтями метку, означающую, что это его владения, и он тут полноправный хозяин. Глубокие борозды лишь вспороли докрасна крепкую толстую кору, но не поколебали гордости сосны.

А вот пихта проявила по отношению к другому медведю, тоже весной, неожиданную мягкость, и оголила на стволе, под медвежьей лапой, целый бок, так что содранная кора широким пластом свисала с дерева до самой земли. Пихта, в отличие от сосны и ели, выглядела потерянной в своей беспомощности перед грубым звериным натиском.

ЦВЕТОК

В начале ноября, по утвердившемуся снежному покрову, шёл я краем жнивья, и вдруг увидел цветок. Скрытый от снега маленькими пушистыми ёлочками, цветок отнюдь не выглядел робким, и тянул свою лиловую головку кверху довольно уверенно. Лепестки его тоже не выглядели поникшими, и, если б не снег, он бы, наверное, не привлёк моего внимания. Было похоже, что цветок, несмотря ни на что, жив, и это меня озадачило.

Я остановился, присел на корточки и внимательно его рассмотрел. Цветок отдалённо напоминал астру, только более утончённую и загадочную. Стройный стебелёк имел красноватый оттенок и был довольно высокий, с продолговатыми удлинёнными листочками. Сам же венчик – слияние множества нежно-лиловых пушистых нитей, представлял собой изящный хохолок.

Пришедшая непогода, кажется, не особенно обременила цветок, и всё же это было странно: кругом давно лежал снег, было холодно, и даже травы выглядели пожухлыми. Что помогало цветку выстоять совсем одному, и при этом сохранить живые краски? Как вообще могло случиться, что после двухдневной метели и крепких ночных холодов цветок не угас?!

«Наверное, он просто нестигаемый, - подумал я, - потому, что подобные ему борцы существуют в природе всегда. Они встречаются среди людей, зверей, деревьев, и почему бы им не быть среди цветов?» Мой цветок оказался именно таким – непокорным судьбе. Может быть, цветок остался цел благодаря какой-то одной ему известной истине, её обретает только самый сильный, а значит – свободный.

Глянув ещё раз на цветок, и осторожно коснувшись его рукой, я понял: самое настоящее в жизни до такой степени просто, что о нём никто не в

состоянии серьёзно думать, и чаще всего оно остаётся незамеченным. Но это настоящее просится на язык и бумагу, причём, делает это ненавязчиво, будто заведомо предугадывая непонимание в свой адрес. Оно всё терпит, чего-то ждёт, и, наверное, ещё более очищается в понимании того, что лучше честного и достойного восприятия окружающей жизни ничего не существует.

ПРЕДЗИМЬЕ

Поздней осенью, когда еще не лег на землю снег, особо ощущаешь тишину, что непроницаемо стоит над замершими деревьями, застылым озерком и уходящей вдаль пустынной дорогой.

Все деревья уже обростили листву, и только дубы жестко шелестят своими ржавыми листьями. Нескладными увальнями выглядят они по сравнению с притихшими осинами, березами и липами. Их размытые очертания еще сохраняют в себе уверенность: они не желают так скоро расставаться с теплом, и крепко удерживают высохшие листья на черных ветвях.

Ветви упрямо упираются в бесцветную полосу осеннего неба, в стылом воздухе веет скорым приходом снега, а над сухой подмороженной землей будто стелется чуть приметный дымок. На всём лежит покой, и природа, кажется, замерла, отдыхая от переполнившей ее жизни.

Уже давно ожидал ты первого чистого снега и знал, почти до мелочей, как это будет, но вот снег выпал, и белизна его сразу стала непривычной. Белое равнодушие заснеженных тихих полей и остановившегося пасмурного неба сначала на миг заморозило, а затем, со всей ясностью приближающейся суровой поры, обескуражило. Как серьезно то, что произошло! Вновь подступило предзимье...

Воздух свеж, ароматен и спел. Липкий снег цепляется к подошвам сапог, после чего остаются темные следы. В них виднеются бурые примятые листья, что прилипают к каблукам, но кое-где всё ещё зеленеет трава. Изредка переступаешь поваленные осинки с обглоданными верхушками, и сразу представляется, как в ночной темноте здесь прыгали зайцы, с удовольствием поедая вкусную, сочную кору.

С первым морозцем, словно сам молодеешь. Возвращаясь же в дом, расслабленно оттаиваешь, так что недавнее возбуждение и радость сменяются благостным настроением, пока опять не выйдешь во двор. Предзимняя тишина тогда быстро вселит в твою душу долгожданную уверенность и покой.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью на лес бесшумными хлопьями повалил снег. Зима пришла точно в те же числа, что и в прошлом году, только более уверенно, без надоедливых оттепелей и слякоти. Весь октябрь простоял тихим, сухим, и снег лег на чуть подмерзшую землю как раз вовремя.

Все, в особенности охотники, ждали первого снега с нетерпением. Они на разные лады пересказывали в своих нескончаемых спорах его качества, и древняя как мир страсть к охоте почему-то приобретала особое значение и интерес. Первый снег, по их понятию, представлял не что иное, как замечательное откровение природы, когда она беспрепятственно обнажает свои самые сокровенные тайны.

Пропустить первый снег для охотника представлялось просто невозможным, подобная мысль даже не допускалась. К первому снегу начинали готовиться загодя, тщательно перепроверя охотничью амуницию и неоднократно прокручивая в памяти картины, которые снег когда-то щедро подарил. Первый снег олицетворял собой надежду на долгожданную удачу именно в этом сезоне, и снежная чистота проясняла для человека не только отношения лесных обитателей, но и его собственную жизнь.

Первый снег — это удивительное и почти непередаваемое ощущение новизны. Ты как будто рождаешься заново, подойдя поутру к окну и неожиданно обнаружив за ним радостную перемену. Первый снег содержит в себе такой проникновенный свет, что, кажется, не знает преград, хотя и быстро истаивает, уже к вечеру совершенно себя теряя.

А с утра он первенствует во всем, наполняя души людей восторгом сопереживания с его чудесным появлением. Первый снег — это восхитительное открытие, которое замечательно тем, что его не ждешь, но оно рано или поздно приходит.

Хорошо встретить первый снег в деревне, где он наиболее естествен. Воздух там бывает проникнут им по-особенному широко и раздольно. С первым снегом в деревне воцаряется тот покой, что возможен лишь рядом с лесом. Чтобы неподалеку начинались темные остроконечные ели, восторженно замершие под его кисейной пелериной, покосившийся забор только бы ожил от чуткого снежного прикосновения, как-то необыкновенно и красиво обрисовался, а и без того насыщенная деревенская тишина наполнилась ещё большим радостным смыслом.

Первый снег, всегда, кстати, он никогда не бывает случаен, и если что-то способно излечить душу после нескончаемой осенней непогодицы, так это именно первый снег. Поначалу он просто повергает своей нетронутой белизной, и ты понимаешь, что чище его ничего на свете не существует. Первый снег — это и первая, еще не окрепшая надежда, что всё опять наладится, и первый народный праздник, с приходом которого кажется, что в жизни появляется нечто новое, чего раньше не было, и первое чувство уверенности в том, что ты всё делаешь правильно. Первый снег ненавязчиво

помогает разобраться в самом себе, вмиг окрыляет и в то же время успокаивает.

Снег, открывая собой самое неповторимое время года, тихо и величественно падал всю ночь и весь день, так что к утру следующего дня ноги утопали в нём уже по самое колено. Я тоже с нетерпением ждал его, искренне веря в пришедшую чистоту как в истинный и неповторимый небесный дар. И почему-то совсем не приходило в голову, что первый снег может вдруг обернуться настороженным белым молчанием или оторопелой боязнью для тех зверей, чьё появление в эту пору представляется как нечто неминуемое, когда воцарившаяся в природе чистота неимоверно манит их своей воображаемой доступностью и простотой.

Поднявшись до рассвета, я вышел в притихший лес, пронизанный трепетным лунным светом и спокойной белизной снега. Легкая туманная дымка заволакивала луну, но свет от нее не казался приглушённым. Он лился на замершую землю ровно, проникая в самые потаённые лесные уголки.

А потом манящая снежная чистота потихоньку и меня завела в глухую утробу леса, где течёт скрытая от человеческого глаза жизнь, и я сразу почувствовал непреступный холодок, чуть ощутимо повеявший оттуда. Чётко и ясно вдруг открылось, что первый снег может быть отрешённым от всего происходящего, оставаясь в то же время негласным защитником птиц и зверей. Он словно заволакивает их, даже, вроде бы, намекает: не ходите пока по мне, не оставляйте своих следов, это обернется для вас непоправимой бедой!

Звери и птицы будто слышат предупреждения первого снега. Кажется, что они неразделимы с ним в своем понимании жизни, и умело пользуются его мудрыми советами, предупредительно подыскивая себе место в самой глуши разлапистого елового леса, отчего несколько дней кряду снежная белизна остается почти нетронутой.

После недавней осени жизнь ещё не приспособилась к первому снегу, и всё вокруг как будто замирает. Лес стоит такой опущенный и онемелый, что от окружающей тишины становится не по себе. Словно птицы перекочевали в неведомые, труднодоступные края, порядком потревоженный зверь совсем исчез, и лес уже больше никогда и ничем не расшевелить. Он будто припорошен равнодушным ко всему снегом, и уснул непробудным тяжелым сном.

Но это, конечно, только невидимая сторона жизни лесных обитателей, что не всегда умеют хранить свою тайну. Тайна эта заключает в себе скрытый смысл их потаённого существования, что постепенно, по мере углубления в лесную чащу, всё же начинает приоткрываться, и первый снег невольно помогает ему в этом. Не в силах сдерживать свой восторг от воцарившейся в природе новизны, звери и птицы выбегают из своих укрытий, а где снег, там и след!

НОЧНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА

Хорошо отправиться ночной электричкой в зимний лес, когда внутренность вагона туманно отражается в толстых оконных стеклах. За ними еле просматриваются тёмные верхушки неподвижных елей, и только ярко сияет месяц. В городе тоже видны огни фонарей и окон, но от их неясного света на душе почему-то становится тоскливо.

Проезжая станции, с замиранием сердца наблюдаешь, как зажигаются на путях красные и синие огоньки. Они таинственны, и кажется, что огоньки вот-вот погаснут. Но они не гаснут и горят долго. Даже когда поезда их минуют, они продолжают тихо светить кому-то, как будто безмолвно переговариваясь между собой, но, ни на секунду, не отвлекаясь.

Монотонно-усыпляющий перестук колес на прямых участках сменяется учащённым лязганьем, когда вагон проходит повороты. Яркий освещённый изнутри, он бережно несёт в своих стёклах отражение себя: желтые широкие скамейки, редких пассажиров, немигающие плафоны. Получается, что всё внутри вагона существует ещё помимо него самого, где-то сбоку, ближе к той темноте, за которой встаёт лес.

Туда очень хочется попасть, заглянуть под ёлки, пошевелить разлапистыми ветками, так что сбитый с них снег обязательно коснётся щеки или угодит за шиворот. Там, конечно, никого не окажется, в лучшем случае следы, уводящие разыгравшееся воображение в чащу, но попытаться, всё же, стоит: а вдруг?

Это «а вдруг» тешит тебя на всём пути, и ты представляешь, как бы это было на самом деле, если вдруг застанешь какого-нибудь зверя вот так, под ёлкой, и что предпримешь в первую очередь. Конечно, это будет не похоже ни на какой другой случай, ранее слышимый или прочитанный в умной и доброй книжке о лесе, и изучать её наиболее увлекательно, возможно, только зимой.

За окнами электрички становится темно, когда она выезжает за город, и только изредка пробегает слабо освещённая безлюдная платформа. Иной раз мелькнёт одинокая фигурка ожидающего, изо рта его идёт легкий парок, а неторопливый скрип валенок выдает хорошо сдерживаемое нетерпение сельского жителя, и, глядя на его закутанную неповоротливую фигурку, у самого в теле всё начинает сладко неметь и постанывать от предощущения холода, но приятная дорожная дрема невольно погружает в сон. И тогда уже не хочется думать ни о чём, кроме жизни леса, рождения жёлтого ясного месяца, пухового снежного покрывала, надёжно укрывшего землю, и следов на нём, уводящих незаметно за собой.

В эти ночные часы на душе становится так хорошо, что можно ехать долго, до самого рассвета. Поезд мерно продолжает свой путь, а ты изредка поглядываешь за окно и видишь, как постепенно наступает рассвет. Станция приближается, и даже не хочется выходить, теряя накопленное тепло.

Плотный морозец ловко обхватывает всё тело, вмиг наполняя звенящей чистотой, и вялость сразу уходит, а вместе с вялостью покидает его и суета. В

полную грудь вдохнув этот морозный чистый воздух, с удовольствием вбираешь в себя и сладкий печной дым, что поднимается прямо в замороженное до неподвижности небо, и лес, чернеющий за приютившимися в глубоких сугробах домами, и отрывистый крик вороны, низко распластавшейся на мгновение над твоей головой, отчего ты сам готов закричать от охватившего тебя восторга, как в детстве, когда кроме восхищения и веры, что они будут продолжаться вечно, ничего не было.

ВОЙДЯ В МОРОЗНЫЙ, ЗИМНИЙ ЛЕС...

Очень доступный и насквозь просвечивающий туманными далями осенний лес, оглохший от тишины, наконец, укрылся снежным пологом. В нём сразу появилась некая загадочность, от чего он стал ещё более торжественным и притягательным.

В солнечный морозный день лес дарит ощущение вседозволенности. Маленькие обитатели леса беспрестанно щебечут, дружными стайками перелетают с дерева на дерево, беспокойно рассаживаясь на тонких ветвях, и вновь неожиданно срываются, как будто играя в непонятную игру. Всё в зимнем лесу подчинено скрытому порядку, и кажущаяся пустой птичья суета на деле оборачивается необходимой для поддержания жизни радостной размеренностью.

Солнце щедро, но в тоже время сдержанно проливает свой розоватый свет, и придорожные кустики, уютно укутанные в снежный пух, поблескивают золотистыми огоньками.

То и дело дорогу перелетают вспугнутые сороки, ныряют в холодной голубизне дятлы, и где-то там, за верхушками елей, отчетливо раздаётся хриплый крик раздосадованного чем-то воронья.

Всё в лесу в такой день радостно и оживленно, и кажется, что стоит только заглянуть в него глубже, как многое, благодаря даже незначительному усилию, в нём откроется. И ты, затаив дыхание, всматриваешься в ещё неизведанную, но такую доступную жизнь и, конечно, всегда бываешь вознаграждён.

Войдя в морозный, зимний лес, следует замереть на какое-то время и послушать внимательно, что происходит вокруг. Не бывает случая, чтобы ты не открыл для себя что-то новое.

Может быть, к тебе прилетят несколько гаичек и, усевшись в каком-нибудь полуметре, начнут своё звонко-скрипучее «чжиэ-чжиэ-чжиэ», как будто жалуясь на что-то непоправимое в своей неприметной жизни. А потом вдруг перейдут на требовательный свист: «пююй-ци-ци, пююй-ци-ци, пююй-ци-ци».

Неслышно порхая невесомыми серенькими комочками, они

присаживаются на веточку так, словно вот-вот упадут с нее, и, помогая себе длинным хвостиком, восторженно покачиваются, готовые в любую секунду сорваться. Вездесущие, неутомонные, они напоминают о себе всюду, но их, по большей части, не замечают. Обидно им, должно быть, от этого, вот они и беспокоятся. Те же, кто всегда примечает этих неутомонных птичек в морозном, зимнем лесу, прозвали их «пуховичками».

Наиболее приметная фигура среди лесных птиц, особенно в зимнюю пору, дятел. Его громкое, совсем не подходящее для него пение «ки-ки-ки-ки», что сочетается с отрывистыми беспокойными возгласами, слышится повсюду.

Непонятно, чего в дятле больше: суетливости или трудолюбия. Дятлы беспрестанно перелетают над лесом, меняют одно сухое дерево на другое, и кажется, что нет в их передвижениях никакой системы. Выбрав же подходящую сушину, они, забывая обо всём, и не обращая никакого внимания на происходящее вокруг, начинают усердно долбить её, так что сучья с трухой обильно сыплются на снег. По этим отметинам легко определить: здесь побывал неутомимый дятел.

Гнездится дятел в дупле, которое долбит сам, причем пара дятлов выдалбливает несколько гнезд, а поселяются в одном. Дятлы как будто предоставляют их другим птицам, когда они сами не в силах их обустроить.

Дятлы очень многочисленны. В морозный солнечный день их звонкое перестукивание не нарушает лесную тишину, а скорее дополняет её. Сами же птицы, особенно большие и малые пестрые дятлы, никого не боятся. Они слишком заняты своим делом.

Их прямолинейная непринужденность откровенно притягивает. Вполне возможно, что у них даже нет врагов. По крайней мере, сами дятлы относятся к ним вызывающе равнодушно. Для этого достаточно взглянуть на окраску, особенно у самцов.

Природа позаботилась о пестроты птиц, что удачно скрывает их от многочисленных хищников, но дятлы этим не удовлетворились и пожелали приобрести броскую алую шапочку и ярко-красное пушистое подхвостье. В дополнение к своей громкой известности они хотят ещё и неотразимо выглядеть.

Правда, более чем нескромными оказались только самцы, что не остались в долгу перед другими птицами, обитающими в зимнем лесу - рябчиками, тетеревами и глухарями. Столько яркого, приметного цвета не имеет ни одна из этих птиц: им киновари досталось только что на брови. А кто-то не удостаивается и такого природного дара.

Бывает, в самой середине января выдастся пасмурный денёк, но в нём таится какое-то оживление: то приближается к тебе, то удаляется. Его вносят чечётки, махонькие, невзрачные птички с серовато-дымчатым оперением, что всю зиму держатся дружными стайками. С неутомонным щебетом срываются они с одной березы на другую, и в белом отрешенном затишье начинает вдруг чудиться, будто это облетают и ложатся на снег сами верхушки...

Чечётки лишь издали кажутся невзрачными, на самом деле они

замечательные! Только зимой, среди заснеженной лесной тишины, можно услышать громкое «чи-чи-чи, чи-чи-чи, чи-чи- чи» или «чет-чет, чет-чет, чет-чет». Птички немедленно облепляют именно березы, повисают на тонких веточках, часто боком или даже вниз головой, и их это нисколько не беспокоит. Главное: они нашли еду — семена берёзы, висящие на деревьях колбасками, и пусть маленькие птички останутся на некоторое время без нашего внимания, пробуя свое любимое блюдо. Хорошо, что они есть!

Пройдёт немного времени, и стайка чечеток с громким щебетом снимется с места и улетит дальше. Чечётки кочуют всю зиму по заснеженным лесам, и ничто их не обескураживает: был бы корм. Им нипочём и крепкие морозы, и лютые метели, и отсутствие солнца. Всегда они оживлены, вездесущи: маленькое, но неотъемлемое украшение зимнего леса.

Ещё это украшение заключается и в крохотной алой капельке, что они умудряются мгновенно перевести с самой макушки на лоб, и выглядят при этом нахохленными, даже - воинственно. Но, присмотревшись пристальнее, понимаешь, что ждать какого-либо недовольства от такой птахи немислимо, и, тем не менее, алая шапочка то и дело перебегает с макушки на лоб и обратно, словно птичка отчего-то хмурится, и тут же забывает об этом. Скорее всего, такое поведение — верный и, может быть, единственный признак существования у чечёток сигнальной системы, что предупреждает о присутствии друзей, врагов или же указывает необходимое решение для большинства птиц в полёте, когда красная шапочка вожака хорошо видна всем членам стаи. Перемещая её на лоб, он дает соплеменникам предостережение, призывает их к вниманию или сообщает сигнал к снижению.

Есть в нашем лесу еще одна птичка, красная шапочка которой вызывает у всех восхищение, а для самих птиц является примером их заслуженной гордости: королёк. Поскольку короны носят короли, маленькая птичка, не без оснований, тоже получила подобное прозвище, но ее размеры не позволяли в полной мере называться таким громким именем, и она осталась всего-навсего корольком.

Не выделяясь среди остальных птиц королевской расцветкой, присущей царственным особам, птица получила от природы яркий головной убор, что позволяет отличить её от своих пернатых собратьев. Ведь многие пернатые обладают удивительно похожими голосами, а имея к тому же и довольно распространенный в своей среде наряд — серо-зеленый, королёк рисковал заблудиться в обилии представителей разных видов. Красная шапочка давала возможность быстро угадывать собственных соплеменников и выделяться среди других птиц, когда зима уравнивала всех обитателей леса в их неотъемлемых правах.

В морозном зимнем лесу всегда есть место сказке, и красногрудые клесты, напоминающие собой живые шишки на рождественской елке, одно из её проявлений. У опушки, на полянке, с краю укромной просеки или в глухом лесу — всюду можно услышать отрывистое вскрикивание клестов и шорох в еловых верхушках. Зима — время для них трудное, вся энергия птиц

направлена на добычу пропитания и выведение потомства, но, несмотря на то, что им, во что бы то ни стало нужно выжить, клесты всё проделывают радостно. Так бывает всегда, когда птица, зверь или человек просто честно выполняет свои обязанности, может быть, даже не думая об этом и не постигая своей божественной принадлежности, но для природы все их заботы оказываются чрезвычайно дороги.

Может показаться странным, что в самое холодное время года у клестов появляются птенцы, за что их даже зачислили в «святые птицы», но это небезосновательно. Клюв у клестов крестообразный, что соответствует легенде, по которой птицы при распятии Христа старались клювом вытащить гвозди, дабы спасти святого от гибели, при этом скривили себе клюв, да так, с перекрещенным клювом, и остались. За то якобы клестам и особенная награда дана: после смерти эти птицы не подвергаются тлению.

На самом деле таким клювом легче добывать семена из-под чешуек шишек, что клесты наилучшим образом и демонстрируют. Сосновые и еловые семена содержат много смолы, она незаметно накапливается в птицах, и так, постепенно, клесты просмаливаются и могут долгое время сохраняться, не поддаваясь гниению после смерти. И всё это придает клестам ореол некоторой таинственности, маленького лесного чуда.

Что же касается их появления на свет посреди зимы, когда всю трещат морозы и махонькие птенчики рождаются совершенно беспомощными, но не замерзают, то святость клестов подтверждается их образом жизни, в частности - питанием. Близкое присутствие еловых шишек позволяет взрослым птицам не покидать своих детей, находя питание рядом с гнездом, что, кстати сказать, надежно утеплено даже для самых сильных морозов. Стенки гнезда толщиной в два пальца, внизу - тёплая подстилка, сверху - заботливая мамаша: сев на первое яйцо, она уже не слетает с гнезда, пока птенцы не покинут его. К марту шишки совсем раскрываются, усеивая снег буровато-рыженькими семенами, и это облегчает клестам выколупывать их из плотно прилегающих друг к другу ячеек, а молодым птенцам, что только покинули гнездо, облегчает самостоятельную жизнь.

Правда, крестообразным клюв становится не сразу, птенцы появляются на свет с прямыми клювиками. Родители кормят своих детей образующейся в зобу кашицей из полупереваренных семян еловых шишек, что созревают именно в эту морозную пору, и только когда родившиеся птенцы начинают кормиться самостоятельно, их клювы меняют форму. Верхняя половинка постепенно загибается вниз, а нижняя - вверх, и маленькое чудо природы превращается в замечательную реальность.

Сами шишки, не тронутые птицами и выбросившие весь запас своих семян на начинающий оседать снег, необыкновенно увеличиваются в размерах, набухая от влаги, и неожиданно приобретают на свежих зеленых верхушках очень выразительный, ярко-красный цвет. Шишки будто пронизаны этим радостным светом изнутри, и, глядя на такое чудо снизу, почему-то сразу понимаешь, что солнце, роняющее жаркие лучи на

громоздящиеся по веткам волшебные гирлянды, тут не причем: скрытая красота живёт в самой ели. Хорошо, когда человек может задуматься обо всём, и всё объяснить, если, конечно, захочет, потому как нет на свете ничего лучше, чем проникать в суть жизни и радоваться ей, особенно в морозном, зимнем лесу!

Лес большой, сильных и независимых обитателей в нем немало, но самые храбрые и привлекательные, как ни странно, именно крохотные. Напыщенного, жарким огоньком рдеющего на белом фоне зимы снегиря знает каждый, а ему до этого нет никакого дела. Как будто подчеркивая свою неустрашимость и полное безразличие к своей судьбе, снегирь появляется в лесу, казалось бы, в самую неподходящую пору - поздней осенью, когда на землю ложится снег. Появление в это время и обусловило его имя — снегирь, птичка, прилетевшая с первым снегом.

Снегири — птицы не только привлекательные, но и весьма солидные: никогда не торопятся, не суетятся и, несмотря на свой малый рост, держатся с достоинством. Неспешно перелетая с рябины на рябину, они сыплют подмороженной ягодой на снег, и очень мелодично пересвистываются. Песенка их несколько однообразна, зато всегда приятна для слуха и заметно оживляет хмурый заснеженный лес.

В отличие от вездесущих воробьёв, между снегирями никогда не увидишь драки, поскольку они дружелюбны. Скромная, почти неприметная подруга снегиря, лишённая яркого наряда, похоже, не испытывает беспокойства за свой невзрачный вид, ведь весеннее солнце красит грудь самца только для неё. В общем, снегири - это трепетные птички сердца, у них, кажется, отсутствует всякая боязнь перед жизнью, и они уверены в своей вечной молодости.

Слов нет, как мы радуемся приходу зимы, и прилет снегирей - одна из её самых красочных и любимых нами примет. Но для чего же, всё-таки, природа наделила их такой выразительностью? Попусту она никого обижать не станет: снабдив волка силой и бесцеремонностью, она пожалует ему серую, невзрачную шкуру, а маленькому снегирю вдохнёт в сердечко капельку бесстрашия и оправит гордую грудку пурпурным пухом. Снегирию от этого жить станет радостно, и никакой страх ему уже нипочём.

Ждёт не дождётся снегирь в дальних краях, когда можно будет ягодки-рябинки вволю поклевать, старые места вспомнить и новые облюбовать. И вот, пришла, наконец, зима на северную землю, завьюжила колючими метелями, и настала пора снегирию ближе к человеку перебираться.

Журавли или гуси всегда выстраиваются стройным порядком, острым коленом вперёд, а махонькие снегири сбиваются в дружные стаи, взвываясь над лесом розовато-волнообразными облачками. Немножко боязно за них: кажется, вот-вот усталыми комочками повалятся на землю, не выдюжить им дальних расстояний. Но бесстрашно летят неустрашимые кочевники, потому как знают, что после многоцветного жаркого лета люди тоскуют и ждут их под своими опустевшими окнами.

Как удивительны эти яркие живые комочки, что перелетают на маленьких

крыльях в холодную, зимнюю пору, а человеку, войдя в сказочный зимний лес, остается только радоваться, глядя на них, несмотря на самый трескучий мороз!

ПОД РОЖДЕСТВО

Стоит ночь, огромная тьма объела всё вокруг, а в лесах шумит ветер. Он словно говорит о своей неукротимости, которой очень гордится, настойчиво советуя обратить на себя внимание. Временами я чувствую его разгорячённое волнение, и сердце учащенно начинает биться в груди.

Тьма и холод зимы бросают в приподнятое настроение от неизвестности окружающего пространства. Оно возбуждает кровь в жилах и возвышает душу, имеющую потребность к радостному оцепенению перед ночным лесом: хотя ничего и не видно, но до жути приятно. А без сказочной тайны и правда не стоит!

Не верится, что где-то, среди этой темноты, бесчинствуют волки. В такую пору они, должно быть, охвачены неясной тревогой от собственной наглости и голода, в сладостной истоме мучительно переживая его на дне глухих оврагов. Но неприятный ветер и бездонная темнота отчего-то одолевают сердце мятущимся желанием неразлучного слияния со зверьми, или, хотя бы, лёгкого забвения в неутомимой волчьей жизни.

Через какое-то время, достаточно глубоко прочувствовав это единение с волками, я уже не слышу монотонного завывания ветра, не вижу беспросветной темноты. Мир обременительных ночных зависимостей постепенно отходит куда-то за пределы твоего знания, так что остаются только тишина, волки, сказочно посверкивающие из чащи своими аметистовыми глазами, и свободный дух, что безропотно несут в себе самые выносливые и загадочные звери. Непередаваема дикая глубина, растворенная в каждом волке.

По народной молве волки в эту пору сбиваются в стаи под десятой сосной, рыщут артелями, жмутся поближе к сёлам. Видно, быть недороду. Повсюду встречаются их следы, они пересекают дорогу: не миновать запоздалому путнику беды!

Волчий месяц гонит зверей к силам тьмы, что оживают перед самым Рождеством. Колдуны и ведьмы - его неперемненные герои, их обличья неисчислимы, и самое злое — волк-оборотень. Только под Рождество колдун втыкает нож в осиновый пень, кувыркается через него и становится волком. Если нож унести и не дать зверю обратного хода, он навеки останется в волчьей шкуре.

В январские ночи, под самое Рождество, зима водит свои торжественные хороводы, а люди сидят у печи, да тешат душу давними сказками и преданиями. Но, несмотря ни на что, тянутся сквозь снега нескончаемые санные пути-дороги. Сердитый мороз бодает через одежду колкими рогами,

рвёт холодом стволы берез и сосен, и ещё ярче зажигает на небе звезды, никому не давая спуску.

Мерно скрипит под санями снег. Дорога вьётся между деревьев серебряным замысловатым узором, а в воздухе неторопливо кружат пушистые хлопья. Они будто остановились, отчего начинает казаться, что кто-то тихо идёт тебе навстречу. По отворотам тулупа шуршат еловые ветви, сдержанно сияет с неба луна, и пахнет рождественским морозом.

СИНИЙ ВЕЧЕР

Вечер — это пора между концом дня и началом ночи, время около заката солнца, та вечерняя страна, что переполнена волшебной синевой. В неё каждый может попасть, но не всякий сразу разглядит, хотя вечерует синева всегда так, словно справляет праздник души. Всё таинственное, не спеша, в себе самой подготавливает, подведёт к нему тихонечко, и настроение незаметно поднимет, так что человек ничего и не заметит: просто воспримет подступивший вечер, как привычное и чудесное откровение, и обрадуется.

И хоть говорят, что утро вечера мудренее, да у вечера своя верная счётка и благородное поведение имеется. Судачит день до вечера, а слушать нечего: только у вечера рождается потребность достойно заявить и преподать себя. Именно он покажет, каков был день. Недаром в народе замечали, что хвалить и звать день лучше по вечеру, а если он ещё по-зимнему таинственный и синий, то хвалить уже надлежит саму жизнь!

Синий вечерний цвет такой глубокий, что даже не возникает мысли пересинить его, сделать ещё глубже, достойнее его самого. Таинственнее может быть только ночь. Но пока не пришло её время, наступающие сумерки постепенно подсинивают вечер, с каждой минутой, всё более, облагораживая его.

Даже махонькая синичка своей беспрестанной песенкой «синь-синь-синь, синь-синь-синь, синь-синь-синь» синит вечер и в феврале, и в марте, и в апреле. Птичка щебечет, не уставая, «синь кафтан, синь кафтан», так что дурак думает: «скинь кафтан», да и снимает его, бросая; умный же увидит лишь восхитительную синеву всего окружающего и тихо возрадуется. Спасительная синева ему душу под вечер ублажает, и сказки волшебные нащёптывает.

Благородство и сказочность синего вечера - в его несметных украшениях. Алмазные подвески, колье и броши высыпавших на небе созвездий торжественно венчают ниспадающий к снегам бархат вечернего платья, и они ни с чем не сравнимы. Правда, это убранство подходит скорее женщине, чем мужчине, и всё же вечер, без манерничанья и очень сдержанно, щеголяет своим отточенным природным стилем, красуясь более всего, наверное, лишь перед собой.

Редко кто заглянет в гости именно к нему, и если даже отметит его красу, то, как уже нечто давно знакомое, привычное. Так проходят мимо человеческого внимания дни, в забытии остаются прекрасные утра, и совсем без сожаления, бывает, пропадают синие вечера. Вечера восхитительные, трогательные и, несомненно, очень вдумчивые, но, между тем, не замечаемые человеком. Они как будто созданы Богом для того, чтобы человек встрепенулся, взглядевшись в них пристальнее, стал более восприимчивым, потому как, погрузившись в их синеву, начинаешь различать все цветовые оттенки и световые ощущения, а ещё - нерастраченную душу природы, дорогую сердцу сказку и любовь, что ожидают своего пробуждения.

Синий вечер — это обязательно зимний или весенний вечер, потому что рождается он от сочетания насыщенного за день света и снега. А поскольку такое возможно только зимой и весной, то летом и осенью синий вечер теряется, уступая место ярко-зеленому, желтому, оранжевому или багровому цвету. Синеву мудро созидают бесконечные снега и выстуженное небо со звездами.

Только бросят ели свою тень на снег, а вечер уже тут как тут: затаится где-нибудь у стога или на опушке дремучего леса, и будто ждёт кого, или даже подстерегает. Но злого умысла в нём - ни капли, потому как вечер всегда несёт покой, и синева заботливо его собой оттеняет. Правда, это не воздушная синь, что более всего вдаль манит, а та глубокая синева, что ненавязчиво предлагает заглянуть в себя.

Поначалу синий вечер действительно только затаивается. Затем постепенно углубляется, начинает уже главенствовать во всём окружающем пространстве и, вскоре, всю торжествует! Только перед самой ночью он незаметно успокаивается и, полностью растворившись в воздухе, как будто укладывается спать, но долго ещё несёшь его в себе, пока сам забудешься в дивном предвесеннем сне. И ведь именно с синевойходишь ты в свои сновидения, а значит, и с тем ощущением, что будет сопровождать тебя до самого утра.

Расцветающее утро может быть и сиреневым, и перламутрово-лазоревым, и тёмно-голубым, но только ясный звездный вечер зимой - синий, более густой в сравнении со снегом, даже - загадочный до черноты, но не чёрный. Синий до такой степени таинственен, глубок, что другого цвета для вечера не приходит на ум...Всё в нём подчинено мудрому смягчению окружающего света, при сохранении своей неизъяснимой прелести и глубины.

Она, эта прелестная синяя глубина, конечно, заключена отчасти и в еле угадываемой в ней зелени, что отражается от присмиривших к вечеру изумрудных елей, и в переливающейся на западе небесной лазури, и в бархатной темноте, что надвигается с востока... Но более всего синева богата именно сочетанием всех этих цветовых оттенков, объединяя их в том, чем становится сама: прекрасной жизненной тайной.

При всей своей видимой многоликости, синий вечер необыкновенно целостен. Если попытаться продлить эту синеву в ней самой, в её кажущейся

нескончаемой синеющей дали, не истает ли когда-нибудь синий цвет? Или так и будет бесконечно длиться в своём чудесном синем существовании, перетекая в поднебесье, воздух и лес?

Синий вечер - это ещё и радостная печаль, когда день, наполненный красками, не угас, и будто ненадолго задержался, желая насладиться своей работой перед сном. При этом вечер не вальяжен, а собран и упруг в перетекающих то и дело синих, голубых и тёмно-зеленых настроениях. Вот-вот потухнет всё вокруг, погружившись в успокоительный мрак, но синий вечер ещё пока упоителен своей непередаваемой густотой, в которой нежится и будто что-то вспоминает.

А иногда, кажется, что он напряжённо, но ненавязчиво о чём-то думает. Синие мысли его копошатся у самой земли, но вверх не поднимаются. Им хорошо думается над снегами, что залегли между еловых, сосновых и березовых стволов. Скорее, синие думы неслышно и мягко текут, и от их присутствия человеку всегда становится легко и приятно.

Легко и приятно думать синим вечером о том, что суровые холода уже миновали, а морозные утренники только бодрят, и если даже обжигают, то в удовольствие, по-весеннему. Синий вечер - это один из самых запоминающихся зимних образов, он вмещает в себя и затухающий день, и сиреневые сумерки, и предощущение приближающейся красавицы ночи. С ним связаны, может быть, самые приятные за зиму воспоминания, и если утро дарило серебристый иней на ветвях с нахохлившейся вороной, а день — красное солнце в морозном небе, то вечер оставляет о себе память, как волшебная синяя загадка, которую хочется разгадывать, не переставая.

Вечерняя синева рождает в себе тот самый свет, что противен темноте, хотя и полнится ею. Именно синий свет, а не синие потёмки, что даёт способ видеть, чувствовать и надеяться. Этот свет воспринимается как появление в воздухе какого-то тончайшего вещества, что разливается повсюду только с приходом весны.

Синий вечер не дарит прямые лучи, как солнце, а отражает от своего загадочного, тёмного тела скрытое вечернее тепло, и оно имеет по цвету близкие синему волны, что несут особенный, потаенный свет... Этот свет вечером повсюду, его нужно успеть выпить и насладиться, просто почувствовать его в себе, умело поддерживая взаимосвязь с синим лесом, воздухом и вечером. Прийти к вечернему синему свету, не заступая его черноты, вожделённое душевное состояние, его следует желать и быть к нему готовым, а делать это следует неторопливо, даже осторожно.

Ведь синий вечер - это всегда удивительно полный покой, его в состоянии нарушить только лёгкий порыв ветра. Если ветер вдруг всколыхнёт снопы переливающихся снежинок, и те запляшут в мерцающем лунном свете, то что-то уже изменяет впечатление о синеве вечера. Меняется сам вечер, утрачивая нечто такое, без чего он уже не в силах очаровывать.

Может быть, это - проникновенная синяя тишина, удивительно трогательное и таинственное безмолвие, что проистекает под зажигающимися

звездами и неслышно прокрадывается повсюду. Не потемневшая, но уже и не светлая, тишина достигает в этой своей успокоенной соразмерности той самой доступной для всех гармонии, что всегда недостает измученной за долгую зиму душе. Остановись, обрати на неё внимание и впитывай, пока не наполнишься этой синей гармонией до краёв, поскольку синяя тишина снегов - глубокое внимание вечера ко всему живому.

В такой бархатный вечер снега никогда не молчат, как это происходит с ними днём, как бы прислушиваются к небу и звездам, впитывая их, и сокровенно со всеми обо всём беседуют. Они отзываются на малейшее прикосновение звездного луча или случайного светового отблеска, идущего от какого-либо созвездия, иногда словно резвятся и не гаснут. Даже в безлунную февральскую метель ощущается их тёмно-синее, с белыми бликами, скольжение.

И всё же, нет ничего лучше тихого синего свечения в заснеженном лесу, когда, кажется, всё умерло, а зимний вечер жив. Жив своей неподражаемой звездной игрой, незримо отражающейся в синих снегах, радостным предощущением сказочной ночи с выбегающими на жировку зайцами, с многогранностью и глубиной длинных теней, будто выточенных из тончайшего синего стекла. Синий вечер, как никакая другая пора зимнего времени, будит воображение, и даже облепленные искрящимся снегом ели представляются в нём ножками диковинных бокалов, поднятых зимой во благо себе самой. Их чистый хрусталь, на её самобранной скатерти, тоже не без чудесной синевы!

Не сразу и разберёшь, чего больше в спокойствии вечерней синевы: праздничного торжества или сдержанной прекрасной тайны. А может быть, и того и другого, если воспринимать и лес, и вечер, и невидимых зверей, как нечто единое, отчего хорошо быть просто в тихом восторге. Как ото сна, который, ты уверен, уже никогда не приснится, но его всегда можно увидеть, если обратить свой внутренний взор к природе.

Всё соразмерно и радостно в вечерней синеве. Даже в тёмно- синих, до черноты, полудремотных тенях, залегших в самой глуши, ощущаются скрытые движения лесной души. В них тоже что-то своё, очень близкое и пьянящее, как это бывает в детстве, когда тебя послали за чем-нибудь в тёмную комнату, а ты замираешь, но всё равно идёшь, потому что знаешь: это твой родной дом, и ничего в нём с тобой не случится.

Чем ближе весна, тем более полно и самозабвенно живёт синий вечер. Тени становятся уже не такими густыми, а пронзительно-прозрачными, светящиеся же под молодым месяцем снежные блёстки зацветают нежными незабудками. Всё в лесу к концу зимы принадлежит перерождающейся синеве, и воплощает её.

Полыхает синева весеннего вечера, схваченная удалым морозцем, радостно обжигает руки, щеки и сердце. Весна заметно увеличивает её цветосилу, а бирюзовые, лазоревые и голубые мазочки выгодно дополняют. Синий вечер утончается, становясь для восприятия каким-то неуловимым и

оттого ещё более желанным.

Перед самым закатом, в марте, синева теней и снегов достигает своего высшего великолепия. Даже дымки над крышами домов стали голубовато-синими, воздушной синевой пропитался пар твоего дыхания. Все эти синевато-нежные тона, окантованные красноватыми верхушками берез, подступили под прозрачные небеса, и солнце мягко утонуло в многослойной цветовой полоске, протянувшейся над лесом. С появлением же Полярной звезды синева торжествующе завернула собой все оставшиеся предметы, и полностью воцарилась на троне. Её весеннее равноденствие, наконец-то, свершилось!

ФЕВРАЛЬ-БОКОГРЕЙ

Наш уральский февраль — месяц буранов, холодов и первой звонкой капли. В начале месяца ещё крепко морозит, с каждым днём солнце поднимается всё выше, и к середине его уже так пригревает, что с крыш летят торопливые капли, образуя к вечеру гирлянды прозрачных сосуллек. Февраль многолик, но более всего оправдывает себя метелями, да вьюгами, встречая их на боку.

Сладко ему так дремать, уютно свернувшись в клубок, и он, вроде бы, ничего не чувствует и не видит. Пока февраль лежит на одном боку, отогревает его под пушистыми снегами, над ним метели злые свирепствуют, с лютым морозом на пару тягаются, а как согреется, другой бок от холода прячет. Очень не хочется февралю сразу всё накопленное тепло отдавать, и он переворачивается нехотя, как будто на время забываясь, так что в эту пору случаются оттепели. Но когда придёт в себя, да, спохватившись, перекатится, опять по всей земле принимается мести непроглядная снежная буря, и всё живое погружается в сон. Сам же февраль не спит, а только, вполглаза, дремлет, и всё про всех знает.

Холодные вьюги с метелями так, бывает, одолеют в эту пору, что, кажется, нет грустнее месяца, чем февраль! Бесконечные глухие дни утопают во мгле позёмки, синевато-свинцовое, блёклое небо тяжело нависает над заснеженной землею и с каждым днём все более угасает, не принося ничего нового, а белесая даль уже не слепит глаза, что давно ничего не вопрошают. Когда-то ещё прекратятся эти нескончаемые февральские ночи! Но зловещий северный ветер потерянно бьётся между домами, с остервенением намечает на крыши жёсткий снег, и всё задувает, задувает, задувает. В феврале и человек, словно осенние листья, чернеет лицом, лишь уповая в молитвах на свет божий.

Даже такой важный праздник зимы, как Сретенье, о котором в народе принято думать, что с его наступлением зима с весной встречаются, и тот не вспоминается. За надоевшими метелями, смешавшими в сером вихре заснеженную землю и низкое небо, и дни сплетаются между собой в

однообразный поток. Мало радости, света, и почти не верится в близкую весну, до которой, кажется, рукой подать, но всё померкло в безудержном февральском мраке.

И всё же, что-то теплится в душе, согревает её изнутри. Какое-то еле ощутимое приятное чувство рождается в ней, и постепенно зреет уверенность: вот-вот выглянет солнце. И сразу забываются все тревоги, и ты понимаешь, что длительные метели только готовили тебя к весне, и начинаешь приговаривать: «Февраль-бокогрей, душу перед весной согрей, растопи её, взбаламуть, а уж синий март всё в ней прояснит!»

Что и говорить, не пугает человека видимое однообразие отчаянной февральской стужи. Вроде бы, схожи между собой матушка-метель, мачеха-вьюга и бабушка-пурга, но каждая выдувает жизнь на свой лад, и кто из них чище, да сладостней поёт – сразу не разберёшь. Человеку в эту бездеятельную пору всему интересно внимать. Слушает он заунывную февральскую песню, что неотступно мечется за окном, и только уповает на Божью милость: ан и до него вдруг дойдёт, какая ни есть, привилегия, и озарит его жизнь знойным пожаром неведомых чувств!

Изредка, когда февраль отходит от своей дремотной одури, он может почувствовать себя и снежным зодчим. Столько изящных сугробов повстречаешь в эту пору в лесу, словно изваянных из белого мрамора, что просто диву даёшься! Никто не может помешать вдохновению февраля, он – свободный художник зимы, что ваяет и лепит из воздуха, снега и ветра.

В этом ему помогают оттепели, что оплавливают сугробы, открывая в них целые кварталы коридоров, скульптуры, фонтаны и замки. Вроде бы, всё вокруг спокойно, но внутри этих дворцовых сооружений – невидимое глазу движение, белый сон из снежного камня, бесподобный мир зимней архитектуры. Глядишь на него – и поражаешься способностям февраля, что только недавно дремал, и ведать не ведал про своё богатство, но стоило ему очнуться от забытья, и ожила зима. Уж кто-кто, а февраль-то хорошо знает, что вся сбережённая им теплота его таланта весне достанется.

Тепло февраля — это такое невесомое и неуловимое состояние, которое рождает в каждом живом существе особое чувство. Не от солнца оно произошло, не от мягкого южного ветра, а от студёного февральского напора, безжалостно прижимающего к земле всё, что только попадает ему на пути. Из одного рта, как говорится, и тепло и холодно, но где появляется тепло, там нужно ждать и добро, а с добром всегда кому-то становится хорошо. Февраль милостынью никогда не подаст, но уже то, что он есть, благо!

Занося своими метелями, февраль приносит всем тепло ничуть не меньшее, чем солнце или печка. Шубы у февраля нет, зато есть пуховое снежное одеяло, что укутывает землю, деревья, птиц и зверей. Человеку же греться от него несподручно, потому как можно и обжечься. Но если надует февраль вокруг дома высокие сугробы, станет в нём всем тепло.

На дворе вьюжит и метёт, вздымает ветром снежные столбы, а в доме хорошо, уютно. Чуть слышно гудит печка, изредка потрескивают берёзовые

поленья, и метелица за окном совсем не кажется злой и безжалостной. Представляется просто, что она устраивает бурную ритуальную пляску, и музыка, что она без устали выдувает, уже не кажется бессмысленной. Хочется и самому поучаствовать в её языческих танцах, но лишь в своём воображении, не покидая приятно пробирающего до костей печного тепла.

Хороша русская печь уютом, что создаёт вокруг себя, знатна вкусной снедью: блинами да пирогами. И так она прокалит человека за вечер своим огнём, что хочется ему вновь ощутить на лице и руках теперь уже прикосновение безудержного февральского жара. Выйти из избы в отчаянную снежную заметь, и прикоснуться совсем к другой печи, что печёт не менее душистые калачи: имя ей — зимушка-зима. Февраль же - её самый важный истопник, что снизу печёт, а сверху морозит. Знай, подкидывает охапками жгучие снеговые поленья, от которых в неутомимой душе всегда благодатный зной.

Что есть мочи завывает за окном февральская печь для всеобщего согрева, обжигает снежной искрой, так что дух захватывает. Такой простор ей надлежит натопить, и февраль изо всех сил старается, жгучий огонь зимы раздувает. Если застанешь его за этой работой, угадаешь в нём её, то становится уже не страшно: век бы и сам вместе с февралем колдовал на благо земли русской!

В иных печах часто угар случается, но февраль свою печуру самым строгим образом блюдёт, и все дымоходы вовремя прочищает. Заботится неугомонный месяц о том, чтобы не угасло раздуваемое им пламя, потому как зимняя печь для февраля, что мать родная. Обо всех-то ему вместе с ней надо позаботиться, укрыть, согреть и про себя не забыть. Доброе это дело, что в России есть свой неповторимый февраль и своя русская печь!

Так, притулившись боком к метельному февралю, словно у печи сидишь, да её мудрые наставления слушаешь. О том, что где зимовать, там и на печи лежать, и что если счастье придёт, то оно и на печи тебя найдёт, и уж, конечно, с неё стонит. А вот коли собрался умирать на печи — всё одно, что с перепоею. Около печи нельзя желать ещё чем-либо поживиться, и в дорогу с печным теплом не ездят, но и по летам и по годам одно место для русского человека — зимняя печь с декабрем, январем и бокогреем-февралем.

А иногда февральская метель, несмотря на жизнь и тепло, что она в себе хранит, воспринимается совершенно ненужной, какой-то даже нереальной. Декабрь, кажется, уже достаточно намёл сугробов, январь сковал всё живое своими морозами, на что ещё может сподобиться зима и чем удивить? Все почему-то забывают к этому времени о феврале...

Забывают о том, как он безжалостно слепит окна домов и засыпает снегом дороги, что ни пройти, ни проехать. Только в феврале по-настоящему всё вокруг белеет, деревни ещё более пустеют и затихают, так, что даже не слышно собак. С утра до ночи носится над землей вьюга, не зная, куда себя деть. Повсюду стоят мутные сумерки, и всё тонет в белёсом умопомрачении позабывшей себя зимы.

Жизнь в эту пору начинает восприниматься бессмысленной. Замутнённое солнце, словно бельмо на глазу зимы, показывается лишь изредка, да и то ненадолго: одним светлым бочком выглянет из-за туч и тотчас спрячется. Нет ему в феврале места на небе, и оно копит силы для марта.

Тонут в вязком воздухе звуки, мысли, ощущения, и только биение сердца не обрывается. Сердце выстукивает ритм будущей жизни, а февраль всё делает, чтобы человек не обращал на него внимания и забылся в снегах. Так последнему месяцу зимы хочется первенствовать над декабрём и январем, и однажды он понимает, что совершенно свободен.

Свободен февраль по своей безудержной сути и, кажется, даже не осознает в полной мере этой воли. Вот и люди, постепенно убаюканные декабрём и январем, к февралю, вроде бы, тоже обо всём забывают, но в мечтах, всё же, остаются непобедимы. Им хочется рваться, подобно неутомимой февральской вьюге, к чему-то недостижимому в своей жизни, и никогда при этом не угасать.

От вьюг да метелей, что в феврале, откуда ни возьмись, налетели, дни в нём будто начинают толпиться меж собой, весело подталкивать друг друга и хороводить. Сколько удали вдруг проявляется в последнем месяце зимы, что, кажется, уже исчерпала свои силы! Но февраль с каждым днём будто оживляет её и, несмотря на свои непроглядные бури, всё более прибавляет свету. По сравнению с первым зимним месяцем, декабрём, он уже на три часа длиннее.

Нет во всю зиму слаще этих бокогрейных деньков февраля! Жизнь, кажется, ослаблена бесконечной зимовкой, дух и плоть так нарушены, что не верится, будто они вынесут навалившуюся тяжесть мороза и тьмы, а тут ещё Волчий сват подкрался со своими волчьими свадьбами. Но какое счастье переживать всю зиму с декабрём, январём и февралём и не сломаться, каждый день лишь набирая недостающих знаний и сил! Утвердившись душой в декабре, закалив её в студёную январскую пору, в феврале хочется дать ей забыться и отдохнуть в преддверии долгожданной весны.

И февраль, действительно, ублажает душу своим скрытым вниманием и теплом, и в руках у него не коса и не грабли, что обычно часто случается в чёрный зимний мор, а пуховое опахало. Как февраль тёплыми устами, руками и боками наладит свою предвесеннюю заботу, так земля летом будет радовать человека дарами. И никогда не услышишь при этом, чтобы февраль взял да и заохал. Даже в сильную оттепель незаметно заляжет он в укромной тени буераков, и терпеливо пережидает тепло, которое сам же и надул. Что бы ему не быть самым удивительным месяцем зимы, справедливо завершающим её?

Недаром и птица обретает гнездо именно в феврале. Но не всякая, а только та, которая не покидала родного края в суровую пору, вынесла зиму вместе с нами, вот ей первой и гнездо. Долгие птичьи ночи, хоть и на пороге весны, но под холодной луной высиживает она это первое тепло. Как почувствовать его человеку, когда он не может ничего разъяснить пока даже в собственной жизни?!

Птица, которая, не покидая своего родного края, бесстрашно переживает нашу зиму, и даже выводит в самую её лютую пору птенцов, совсем маленькая, размером чуть крупнее снегиря, а зовут её клёст. Клёст замечателен своеобразным строением клюва, благодаря которому и обрел своё имя. Надклювье и подклювье у клеста скрещиваются между собой, образуя острые клещи, с помощью которых птицы ловко раскрывают чешуйки шишек хвойных деревьев. Используя их семена в качестве основного питания в течение всей своей жизни, клесты до такой степени просмаливаются, что тела их не поддаются гниению даже после смерти. Это ещё одна примечательная черта, отличающая клестов от других пернатых.

Но самая интересная особенность в жизни буровато-малиновых птичек — появление у них птенцов в самые отчаянные морозы. Время это совпадает с наибольшим обилием семян ели и сосны, и гнёзда строятся птицами именно на этих деревьях, под прикрытием густых ветвей, защищающих постройку от непогоды. Ни декабрьское обилие снега, ни январская стужа, ни февральские выюги — всё им нипочем.

На первый взгляд кажется, что жизнь в лесу замерла на всю зиму. Идёшь на лыжах сквозь морозную мглу, и не слышать ни единого постороннего звука. Только лыжи изредка поскрипывают, да гулко ударяется в груди сердце, даже жутко становится одному. Вокруг — безмолвная тишина!

Но вот упала одна шишка, другая, то и дело осыпается с елей снег: это разбившиеся на пары клесты оживлённо принимают за строительство своих гнездовищ. Правда, лишь оливковые самочки таскают в клювах сухие еловые ветки, яркие же самцы, оживленно вертятся на верхушках деревьев, больше распевают свои несложные песенки. Гнёздышки свои клесты устраивают прочными, глубокими, чтобы птенцам было уютно и тепло: благо, пуховая подстилка, толстые стены и мама сверху от мороза согревают, еловая каша, она всегда у птиц в изобилии, изнутри, а выюги февральские их своей музыкой убаюкивают. Знай, живи - не тужи, и всё же большинство наших птиц в эту пору предаются спасительному сну.

Спят в заснеженном февральском лесу и глухари, и тетерева, и рябчики, и так это сказочно у них получается, что всегда хочется разгадать тайну их зимних снов. Правда, иногда февраль как будто не желает, чтобы человек проникал в эти тайны, и за ночь переметает их. Хорошо тогда спать птицам, уютно.

Нет, наверное, для них большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, но птицам всё нипочем: пухлый снег спасает, и не тревожат их ни филин, ни рысь, ни лиса.

Что-то удивительно сокровенное таится в глухаринной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Добра к ним зима тёплыми снегами и задушевыми выюгами, она любит птиц и заботливо их лелеет. Лишь изредка, на время вынужденной кормёжки, отрываются птицы от своего отрешенного забытья, а насытившись вдоволь ароматной хвоей и почками, опять окунаются с головой

в снежный сон, что уносит их к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям.

На боку встречают последний месяц зимы и многие звери. Издревле переживает каждую зиму в тёплой берлоге медведь, лесной владыка. Созданный лесным богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он при своих размерах и запасах зиму перемочь без сна, конечно, не в силах, оттого и спать ложится. Легче ему перележать её в берлоге, чем превозмогать со своим весом в гибельных сугробах. В народе даже говорят, что зима студёная по медвежьему хотению длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Лежит медведь всю зиму в берлоге, не умываячись, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валёжник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы, да палец сосет. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество отнорков, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые земляные стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и долговечен распорядок барсучьей жизни. И ещё не спешен в своем замечательном лесном течении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь в феврале над его засыпанной снегом норой, ощущая под ногами неприхотливый звериный уют... Радостно оттого становится на душе, покойно.

Удобнее обернувшись своим пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём теплом гайно белка, но в февральские оттепели она просыпается и вспоминает, что кончились у нее припасенные с осени грибы и орехи. После ночной пороши хорошо видны на снегу следы пушистых зверьков, что разыскивают свои кладовые. А как отыщет она припрятанные шишки, перетасит их к себе в гнездо, так и опять засыпает до следующей оттепели. Метели да вьюги раскачивают над её головой могучие верхушки елей и убаюкивают, а белочка смотрит свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже несколько ее не пугает.

Декабрь укутал землю снегами, январь заковал реки, ручьи и озера крепкими морозами, а февраль, оставшийся без дела, кажется, только забавляется: за день надует огромные сугробы, а за ночь вновь разметает их. Или возьмётся проверять на крепость молодые деревца, безжалостно гнёт их, надрывает, и столько в нем нескончаемого напора, что подивишься: как это

деревца выдерживают его неудержимый натиск?! В конце концов, примется февраль и за человека: подкарауливает вечерами запоздавшего путника, да норовит его так окрутить, что тот дорогу домой забывает. Ровно нечистая сила в февраль в такие ночи вселяется, и не дай Бог перейти ему дорожку: запутаешься, осечёшься и сам в себе пропадёшь, не ведая никакого просвету.

Позабывшись в своей игре, февраль, бывает, свиреп и неукротим. Он может быть жестоким, злым и не в меру тяжким. Горе лютое — его непроглядные метели, а в лесу — хищные звери, особенно голодные в эту пору, и оттого опасные для человека.

Сам человек тогда становится лютым, леденеет его сердце. Лютые морозы и метели, лютая скорбь по красному солнышку - то и дело надрывают душу человеку. Люторожий, лютозрачный, лютосердый, лютоярый — лишь немногие эпитеты, коими наградил народ последний зимний месяц. Вот когда вспомнишь, что помимо бокогрея, февраль имел и такое прозвище, как лютень.

Правда, «лютый» означает в русском языке не только злобный, но и проворный, быстрый. Февраль шибко гонит позёмку, бойко бежит ей вслед: он лют в своей предвесенней работе, лют петь хоть и заунывные, но по-своему мелодичные песни, прислушавшись к которым, обязательно разберёшь сладко убаюкивающие мотивы. Что и говорить, лют февраль, как Бог, да и сам не плох: рисует, малует и красную весну чует.

В глубокой древности февраль имел ещё одно название — сечень, потому что был завершающим месяцем года и как будто отсекал его. Правда, не с размаху, одним ударом, а как-то потихоньку, незаметно, за своими выюгами да метелями. Передом, говорили про него, сечёт, а зад волочёт.

А ещё его так прозвали, наверное, за то, что он безжалостно сечёт всех снежной крупой, колючей поземкой. Хлещет, словно хлыстом, после гораздого на морозы января, будто оправдывая себя перед зимой. Иной раз начинает казаться, что он сам себя бичует, так люта бывает его нескончаемая заунывная работа. Сечёт до изнурения своей фиолетово-серой плотью и, наконец, однажды, под утро, в измождении угасает. Нет безмолвней и трогательней тишины после такой отчаянной февральской бури!

Да только коротко февральское затишье, ибо уже через день-два вновь принимается февраль за старое. словно розгами сечёт воздух, дома, деревья, притихший лес за околицей, но до смерти не засекает — знает меру. Лишь попугает изрядно, испробует на крепость и отпустит. Обижаться на него не стоит, лучше с ним дружить, принимая нрав февраля как нечто должное, чем он великодушно наделён от природы. Не для сечения живет февраль, а для ученья, и своими секущими метелями словно расчищает пространство для грядущей весны.

Но выдаётся раз в четыре года такой февраль, что лучше бы его и не бывало, и зовётся он високосным. В високосный год к февралю прибавляется двадцать девятый день, накопившийся за четыре года от шестичасовых годовичных остатков времени. Этот день не случайно исстари называли именем

завистливого и злопамятного Касьяна, немилостивого и скупого недоброжелателя. «Касьян на что ни взглянет — всё вянет», — замечали в народе. Касьян на народ — народу тяжело, Касьян на траву — трава сохнет, Касьян на скот — скотдохнет. Худ приплод в високосный год!

И всё же, сколько бы метелям ни лютовать, февраль рано или поздно уgomонится и уляжется на боковую. Вот где ему всего теплей и уютней, а человеку радостней! Неправедное-то житьё когда-нибудь боком выпирает, но разве можно такое о феврале подумать с его неутомимостью, что предопределяет обильный рост трав и цветов, очаровывает сладкими снами, приносящими надежду, и убаюкивает метелями, выдувая мелодию скорой весенней любви?

Нет, праведно живёт последний месяц зимы. Оттого он и гладок, что хорошо поработал, поел, да и на бок. На боку февраль остаток зимы проводит, но пролежней у него от этого не бывает: лежит себе на боку, да глядит, вполглаза, на замерзшую реку. И хоть нет ничего в эту пору под зуб, особо февраль не тужит. Во всем чувствуется приближение весны, которую он сам готовит в свои оттепели, что стали совсем частыми. Февраль в них воду целебную для всего живого копит, а март её подберёт.

Человеку обычно говорят: «Боже поможет, только ты на боку поменьше лежи», но вот к февралю это не относится. Даже мороз в феврале продвигается, когда скоком, когда боком, а когда и ползком. Чего не досмотрит январь оком, то, говорят, дотянет февраль боком. Кто чем, а февраль отдувается только боками: ни спины, ни брюха у него нет: один нагретый зимой бок.

Февраль прозвали бокогреем не только за то, что большую часть времени он лежит на боку под завывание вьюги, но и потому, что один бок у него оттаивает быстрее. К концу февраля налипший снег на стволах деревьев сохраняется только на северной стороне, а с южной его сгоняет жгучее солнце... Солнечный бок охорашивается и выглядит совсем уже не позимнему, тогда как с севера взирает на всех хмуро, невесело.

В оттепели, когда воздух полон сонной одури и влаги, снег изрядно оседает и на крутобоких склонах логов и горок. Здесь он становится рыхл, зернист, а в редкие окошечки начинает проглядывать сырая земля. Идя на лыжах, всегда обратишь внимание на темнеющее на снегу пятно и не сразу догадаешься, что это такое, а подойдя поближе и разглядев, обрадуешься: скоро весна! И хоть не раз ещё занесут метели эту случайную проталинку, но ты про себя обязательно улыбнёшься, и произвольно назовешь февраль бокогреем.

То на одном, то на другом боку спит суровый февраль, а как только выдастся тихое утро, тотчас принимается будить его наша большая синица. Пинькает одна на весь двор, да так призывно и громко, что не верится, будто она на самом деле такая маленькая. По несколько раз за день обратишь внимание на ее неугомонную песню и поразишься: как ей не надоедает?! А синица, несмотря ни на что, знай, без усталости продолжает: «Пинь-пинь-пинь,

цвиг-цвиг-цвиг, пинь-пинь-пинь, цвиг-цвиг- цвиг, пинь-пинь-пинь...» Февраль же дремлет крепко, и хотя сквозь сон слышит неугомонную птичку, она ему нисколько не мешает.

Разбудить самый дремотный месяц зимы суждено лишь звонкой капели. Тут уж, кажется, не одна, а тысячи птиц призывают всех не спать и выходить встречать весну, что уже на дворе, и февралю удаётся забыться только за полночь. Но лишь до раннего утра продолжается его недолгий сон, когда тишину вдруг раскалывает брачный крик ворона: «Крун-н-дон-н, крун-н-дон-н, крун-н-дон-н!» Так он, уже с января, призывает к себе самку...

И опять всё повторяется сначала: розовато-перламутровые лучи солнца, по которым мысленно можно подниматься к небу, первые звонкие капли с крыши, мутновато-хрустальные льдинки, весело поблескивающие по краям оттаивающих ручьев, а сладкое забытие февраля становится совсем коротким. Своим неукротимым упорством он, наконец-то, сшиб рог зиме, и пришло ему время уходить на покой. Но февраль об этом, должно быть, не особо печалится: вот уж когда отлежится он на боку в далёком царстве зимы и никто не потревожит его целый год!

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Посвящается К. Ш

Уже не помню, чем у меня тогда был набит рюкзак, но сидел я на нём, как на настоящем кресле, откуда можно было видеть то, чего с самого удобного места никогда не увидишь. Рюкзак стоял на насте, на краю маленькой полянки в ночном апрельском лесу, а я сидел на нём в ожидании глухариной песни, и смотрел на звёзды.

Над головой сияла Большая Медведица, и среди множества звёзд в этом необозримом пространстве я не чувствовал себя затерянным. От такого неожиданного ощущения на душе становилось необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно успокаивали, хотя ничего и не обещали. Большая Медведица будто знала, для чего я тут сижу, и не то, чтобы одобряла, а просто не мешала, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Глухарь, оказывается, тоже не спал, и когда я поднялся, чтобы размять ноги, он улетел. Его чёрный силуэт только на мгновение распластался на фоне такого же чёрного неба, и если бы не звёзды, я бы ничего не заметил. Всё это время он сидел рядом, настороженно вслушивался в морозную тишину и, должно быть, чувствовал мое присутствие, но ничего пока не предпринимал.

Ему не хватало лишь маленького повода, чтобы в мгновение сорваться, и глухарь, наверное, наслаждался подступившей весной, этим звездным свечением и возможностью жить так, как ему хочется.

Мне и самому хотелось подарить ночному небу звёздочку своей души, что изо всех сил тянулась к нему. Это было очень приятно переживать вместе с ощущением закрадывающегося под одежду мороза и какой-то замечательной приподнятости во всём теле. Мороз стремился к человеческому теплу, и оно, как ни странно, готово было его принять. Тепло ожидало мороз, и тоже хотело, чтобы всё вокруг было так, как захотели того глухарь и звёздная ночь.

А Медведица по-прежнему сияла в бездонных небесах, так что звёздочки её казались чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях, и почему-то воспринималась самой живой среди других созвездий. В морозную апрельскую ночь всегда так светло, будто зажигаются все звёзды Вселенной...

Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни смотрел на него, заглядывая в самую глубь, везде звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, другие — поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную карусель, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и тебя приглашают в свой хоровод. И разве можно оставаться к ним равнодушным, и не смотреть в апреле на звёздное небо?!

Большую Медведицу даже не сразу и отличишь в этом обилии звёзд. А сколько различных, самых причудливых созвездий украшают в эту пору сказочный небосвод!

Звёзды в них дрожат, горят и блещут многоцветными камнями, а ночь тихо и радостно внимает своей очаровательной тёмной судьбе. Звёздное небо в апреле — это выгнувшийся хвост павлина, всё в нём возвышенно и волшебно. Видится там ещё и зимний чум из звездной россыпи, перехваченный алмазными ожерельями, и завораживающие вспышки яхонтов, и мягкие жемчужные отсветы. Я гляжу на это переливающееся небо, и мне представляется, что всё в мире удивительно божественно.

Я знаю: пленительный сонм звёзд — это не неведомые светила, а те огни, что освещают человеческие пути. Их далекий свет — свет немеркнущей жизни, в которой угадывается возрождение недостающих человеку тайн, знаний и событий, а перламутровая пыль от них — непередаваемая красота самой Вселенной. Неведомо прекрасной, величественной бабочкой возникает она из каких-то космических глубин, и все звёзды прилипают к её бархатным крыльям, что несут на себе рисунок неугасимой жизни.

Один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что они представляются нам живыми. Правда, только для тех, кто обращает к звёздам свои взоры, как бы бесконечно далеко они ни находились. И если ты отправился в путь, и ничто тебя не удержало, ты непременно их достигнешь.

Стояла уже третья декада апреля, а снегу в лесах — целые горы! Мало

того, что он почти не таял, лишь после обеда чуть-чуть оплывая под яркими лучами солнца, так с раннего утра и до полудня, каждый день, в течение всего марта, держались крепкие утренники, что намертво сковали его поверхность. Постоянный ветер и частые февральские оттепели порядком уплотнили снег, и постепенно образовался наст: по нему можно было ходить в валенках до самого вечера, ни разу не провалившись.

Ещё наст держал на своих плечах весенний воздух, солнце и замирающую тишину. Держал так крепко, будто не хотел отпускать от себя всю силу, накопленную им за долгую зиму. Даже днём снег таял с неохотой, всё же неминуемо слабея, а ночью вновь навёрстывал утраченную крепость.

По утрам он отливал нежно-перламутровым светом, а когда солнце поднималось над лесом, его заливала розоватая глазурь. Тогда наст напоминал красиво запёкшуюся корочку большого сладкого пирога, она так приятно слепила, что от этого идти по ней было ещё более радостно. Лыжи закинута на плечо, лёгкий ветерок еле приметно гонит голубовато-дымчатую позёмку, и на сердце лёгкая услада. Можно целый день ходить по этой волшебной глазури, даже не присаживаясь, и ничуть не устанешь.

Под вечер снег, кажется, совсем окаменевал, и не верилось, что он когда-нибудь растает. Он искрился разноцветными отблесками, был упруг на вид и совершенно не тронут, так что всё время хотелось скользить по нему взглядом, ни на чём не останавливаясь. Но все эти ощущения исчезали ночью, когда упругий наст воспринимался просто, и без него невозможно было представить себе притаившийся апрельский лес, рассыпавшиеся по небу звёзды и выгнувшуюся над головой Большую Медведицу.

Будто из её волшебного ковша просыпались в вышине все эти драгоценные жемчуга и камни. Ковша, из которого не пьют, не едят, а только всё на него глядят. Глядят и не могут никак оторваться, как когда-то древние звездочёты, что для облегчения своих наблюдений разделили бесчисленное множество звёзд на созвездия.

Самые заметные, самые яркие звёздочки они соединили воображаемыми линиями, будто рисовали по небесному своду, а потом смотрели, на что похож рисунок, кого напоминает: зверя, птицу, человека или, может быть, какой-либо предмет. Так появился на небе целый зверинец, и самым крупным зверем в нем оказалась Большая Медведица. Впрочем, оставались ещё Большой Пёс, Заяц, Козерог, Лев, Телец с Овном, Орел и Лебедь, и многие из них были гораздо крупнее её, но, всё же, Большая Медведица была самой приметной только потому, что рядом находилась ещё и Малая, в хвосте которой сияла Полярная звезда.

Прекрасным ориентиром служила она путешественникам, что отправлялись в дальнюю дорогу. Чтобы отыскать Полярную звезду, надо найти созвездие Большой Медведицы, которое напоминает ковш из семи широко расставленных довольно ярких звезд. Через две крайние звезды этого ковша мысленно провести прямую линию, примерно в пять раз большую, чем расстояние между звёздами, и тогда можно увидеть звезду, что и называется

Полярной. Она находится в хвосте другого созвездия, именуемого Малой Медведицей, что тоже имеет форму ковша. Чтобы получить направление на север, нужно стать лицом к Полярной звезде.

Но почему-то никогда сразу не замечаешь Малую Медведицу, а определяешь для себя именно Большую. И уж только потом, если возникает потребность отыскать Полярную звезду, обнаруживаешь Малую. Полярная же звезда светит как будто исподволь, из небесной глубины, и не блистает при этом особой красотой. В ней скрыта недоступная для всех тайна, которую она заслуженно откроет только достойному.

Какое торжественное чудо была эта Большая Медведица! Яркими брызгами изумрудных камней искрились все её семь звезд, и тишина стояла восторженная, морозная. Небо над Медведицей выгибалось темным куполом, откуда просачивалась глубинным светом драгоценная россыпь, черно-фиолетовый бархат ночи был усеян ею, а созвездия блистали на нём, будто подвески и броши.

Вся вышина представлялась тончайшей вуалью, сотканной из серебряных и черных кружев. Множество бриллиантов на ней сливалось в бесценную пыль, мягко лучился прозрачный жемчуг, а звёзды напоминали рождественские свечи на ёлке, что, как куклу, укутывали серебристые нити и золотистый шёлк. Невозможно было описать это восторженное смятение чувств от увиденного чуда, и всё же неизмеримое звёздное пространство, казалось, спокойно укладывается в твоей душе.

Сменялись царства и народы, преображалась человеческая душа, но Большая Медведица светила неизменно, ни на секунду не угасая. Её несметное убранство всегда было великолепным, а ночное безмолвие красноречивым. Она хранила какую-то тайну, что неотступно манила своей неизвестностью.

Всегда хочется смотреть на неё, и, поднимая голову к небу, обращаешь свой взор, в первую очередь, на Большую Медведицу! Никогда не приходится искать её, как другое созвездие, она у всех на виду и всеми любима. Сдержанно сверкает в морозной вышине, рождая только светлые думы и сладкие грёзы. Как много снов осенила она своим ненадоедливым присутствием, сколько милых догадок и самых серьезных вопросов появилось благодаря ей!

В сильный мороз Большая Медведица забирает обычно хвостом книзу, выгибаясь ещё круче, и от этого становится похожей на молодую и сильную кобылицу. Почему её называли Медведицей, если она её совсем не напоминает?

А звёзды в ней всегда яркие, добрые и так ненавязчиво заглядывают в душу, будто желают предупредить о чем-то. Они словно переговариваются между собой: «Смотрите, человек зачем-то пришел к нам ночной порой, но ничего не предпринимает. Разве это ни странно? Может быть, он чего-нибудь ищет?» Но хорошо было просто сидеть под звёздами, не спрашивая у них какого-либо совета.

В их сиянии было много покоя, ласки и вдумчивого свечения. Не

верилось, что это только холодные бездумные миры, равнодушно простирающие свои лучи через бесконечные пространства. Хотелось, молча, вглядываться в их незатухающие образы, в каждом угадывая его характер и внимание к человеку. Настоящий волшебный полог раскинула апрельская ночь прямо над моей головой, и всем звёздам там было очень просторно и уютно.

Иногда казалось, что звёзды точно тают в сумраке ночи, куда-то ненадолго исчезают, но затем вновь появляются, только уже обновлённые, как будто умытые. А может быть, они и в самом деле приводили себя в порядок, тогда как другие за них в это время светили? Нужно было очень пристально смотреть на небо, чтобы различить незатейливые звёздные ухищрения, но это никак не влияло на всеобщую переливающуюся радость.

С каждым мгновением становилось ещё светлее, и некоторые звёзды казались величиной с хорошее яблоко. Они так ослепительно сверкали, что порой приходилось опускать глаза, с удивлением разглядывая безжизненные снега и застывшие ели. А взгляд опять неудержимо поднимался к звёздам, и не было желания противиться этому нахлынувшему чувству. Даже присмиревшие ели будто пробудились на время ото сна, вытянулись верхушками к небу, и стояли вокруг, как почётная стража. Похоже, и они готовы были неумоимо переживать в этом ослепительном ночном мире всё то, что переживал я.

Но, что же такое - этот звёздный Ковш? Вроде бы, давно привычный для всех в народе предмет, что в ночном небе обретает некую притягательную загадочность? Не многим, наверное, известно, что такое название имеет в мельнице четырехугольная воронка, откуда хлеб течёт под жернов; в трюме судна, прямо посередине, находится льяло-ковш, куда стекает вода; среди охотников на боровую дичь, издревле существовала своеобразная ловушка на тетеревов, вроде рыбачьей морды, что устанавливалась обставлялась снопами. Ещё так называют округлый залив с пережабиною, то есть - узким проливом. Чаще всего - это одноручный сосуд с рукоятью для черпанья жидкости или для питья. В нашем случае Ковш - небесная посуда, что, как ни странно, воспринимается к месту, и служит для содержания иных ценностей.

Про богатого человека обычно говорят: он золото и серебро ковшами меряет, но душа, как известно, дороже такого ковша. Ковш, переполненный подобными драгоценностями, беду ладит, да только не небесный. Из него не брезгуй пить и напиваться, потому как хранит он в себе не сладкую брагу, от которой муторно на душе, а хрустальную чистоту, что омолаживает ум и сердце, и никогда не истаивает.

Небесный Ковш — ковш особенный, с какой-то сказочной задумкой и скрытой тайной. Он только на первый взгляд представляется обычным, на самом же деле в нём угадываются волшебные свойства. Ковш так притягивает, что другие звёзды, может быть, только кроме Венеры, заметно блёкнут в сравнении с ним. Семь самых заметных звёзд, все вместе и каждая сама по себе, вырисовывают в ночном небе нечто, в высшей степени, неопишемое и,

между тем, очень доступное и простое.

А ведь кто-то первым углядел в этих звёздах Ковш и Большую Медведицу, и для всех это стало понятно и близко. На веру и радость взяли люди чьё-то меткое волеизъявление, и никто не усомнился в истинности этого откровения. Звёздная линия, вовсе, оказывается, и не напоминающая могучего зверя, всё же, была принята за такового. Может быть, вслед за первооткрывателем всем тоже захотелось видеть в большом красивом созвездии что-то удивительное и родное, а мать-медведица, всегда близкая народу, как никто лучше олицетворяла эту чуткую догадку. Итак, самое заметное созвездие северного неба, к всеобщему согласию, постепенно обернулось самым заметным зверем.

В большом доме, говорят, чего нехватишься, всего нет, но только не у Большой Медведицы: у неё вдоволь и воздуха, и неба, и неисчислимого богатства, что никогда не переводится. Это неправда, что большому больше и надобно: небесная медведица, сияющая над головой каждого, и видимая отовсюду, ни в чём не нуждается. Но если это действительно медведица, то чем она на небе занимается?

Рыбу не ловит. Не охотится. Следы свои не скрывает. От врагов не обороняется. Сладкой ягодой не лакомится. Ни от кого не хоронится. Берлогу не копает и сало не копит. Может быть, тепло неведомое хранит? Иначе, зачем ей обладать этой необъятной, отливающей серебром невесомой шубой, в которую она, наверное, всех незаметно укутывает и, неслышно урча свою звёздную колыбельную, ласково усыпляет?

На первый взгляд холодно светят ее звёзды, и ни на кого не заглядываются. Века веков их нескончаемому блеску! Порой они даже могут исчезнуть, никто, должно быть, и не вспомнит.

А затем опять повисает над землей бесконечная тишина, загадочно чернеющая высь и смерзшийся хрустальный воздух, а ночь постепенно оборачивается звёздным волшебством, что, оказывается, всегда находится рядом. Но что по-настоящему завораживающего таит в себе Большая Медведица?!

Лишь иногда, в какие-то особенные моменты жизни, проникновенное молчание Большой Медведицы вдруг достигает твоей души, и в ней будто просыпается непередаваемая радость. Та земная и небесная радость, что Большой Медведице надобно в людских сердцах пробудить, а она одна на всё небо! Недаром ей поэтому Господь помощницу определил в лице малой сестрицы, что и медвежат-звёздочек понянчит, и морозным ароматом душу исцелит, и путь заблудшему укажет.

Главное достоинство Большой Медведицы в том, что она есть. Никуда не убегает, не торопится, знай, вспыхивает осторожно каждый вечер, ласково переливается чудесными звёздочками. И всё это богатство в ней невероятно манит, так что ничего больше не хочется желать. Только смотреть, впитывать её неясный свет и тихо радоваться в душе. Радоваться, наверное, тому, что и Медведице хорошо там, в морозной вышине, где ей не холодно, и она совсем

не стремится на землю.

В том, что окружало меня в эту ночь, не было ничего жуткого. Деревья, сугробы и тёмно-синие замершие тени только радовались происходящему, как-то сокровенно, про себя, переговаривались и, вроде бы, даже тянулись к звёздному небу. Всё в лесу было настроено на торжество сияющей обстановки, и в тоже время ночь выглядела самой обыденной.

Больше всего поражало то, что ни разу сердце не замерло в тоске, от страха. Здесь, в двенадцати километрах от деревни, посреди ночи, мне было необыкновенно уютно. И даже если морозец покалывал щёки, забирался к самой спине, он, скорее, веселил, чем пугал. Хорошо было ощущать его здоровые прикосновения и чувствовать при этом, что холод не злится, не усердствует в своём привычном стремлении заморозить, а просто играет.

Лес же стоял неподвижно и молчаливо, но в этой сдержанности тоже чувствовалось желание поиграть. Играл мороз, играли в небе звёзды, и вокруг всё весело потрескивало и сверкало. Я сидел на рюкзаке, крутил головой, и мне казалось естественным, что я нахожусь в лесу, посреди звездной ночи, а не в тёплой постели своей городской квартиры.

От сияния звёзд и снега лес весь просветлел, и было хорошо видно, что он полон скрытой жизни. Лес радовался возможности ещё немножко покрасоваться перед таянием снегов, до которого оставалось совсем немного. А мне было радостно ощущать его красоту и силу, освещенную звёздами. Радостно оттого, что я пришёл сюда и увидел всё так, как это можно было увидеть обычной апрельской ночью.

Если бы не апрельские звёзды, их особенный ласковый свет, можно было подумать, что стоит зима. В самую зиму, может быть, даже в Рождество или на Крещение, о звёздах, наверное, думают больше, чем о чём-либо. Вспоминают, в первую очередь, про Вечернюю звезду, чистую и праздничную красавицу, что одаривает всех своей ясностью и чистотой. Не забывают и про Большую Медведицу, что лежит всю зиму и весну не переворачиваясь, и медвежат, вроде бы, не приносит, но всегда полна желанием разродиться неповторимым и чарующим светом. А вот Малую упоминают в самом конце, напоследок, но с достоинством обращения к таинству вековых открытий, к которым она ведёт за собой людей.

Большая Медведица намного крупнее и ярче своей сестры, но только лишь для того, чтобы привлекать и озадачивать людей. Будить их способность так выстроить жизненный путь, чтобы не было скучно. И ещё, чтобы они были готовы поделиться многим, из чего складывается, горит и не угасает её звёздное сияние. Неописуемо почувствовать в себе и Большую Медведицу, и Малую, и остаться при этом просто человеком. Вот если бы самому обернуться маленькой звёздочкой, что загорается не сразу, а постепенно, из жизни в жизнь, тысячелетиями копя в себе волшебное свечение!

Наверное, всё так и происходит: ты мучаешься, ошибаешься и ищешь, как лучше взглянуть на звёзды, что и так уже давно взирают на тебя и терпеливо ожидают твоего внимания. Ждут бесконечно, пока ты обратишь к ним свою

душу, что сначала замрёт от счастья в этой звёздной тишине, а затем возрадуется. В восторге соприкосновения со звездным миром душа рано или поздно преодолеет любую беду и незнание, обретя, наконец, недостающее внутреннее свечение.

И вот, звёзды дождались меня... Я пришёл в ночной апрельский лес и тихо обратился к ним внутренним взором, а они откликнулись мне. Я сидел и ждал неизвестно чего, глядя на сверкающую Большую Медведицу, и как-то постепенно до меня доходило, что вот здесь, на этой маленькой заснеженной опушке, в прекрасную полуночную пору, находится сердце Вселенной, и оно бьётся в моей груди.

ЛИНИИ ЛЕСА

Идя в лес, пусть даже самый замкнувшийся в себе и неприступный, всегда хорошо иметь наблюдательность и воображение. Стоит только задаться определенной целью и сосредоточить на чём-либо своё внимание, и любая встреча с лесом обернется открытием. Радостное переживание рождающихся в лесу откровений является, несомненно, одним из источников творчества, а непрерывающаяся цепочка замечательных природных образований не только развивает внимание, но и обогащает душу самыми тонкими, порой фантастическими догадками.

Так, в один морозный и чуть ветреный день я вдруг почувствовал в природе результаты её невидимой глазу работы: вполне завершённые линии. Начёртанные природой знаки, как, оказалось, пересекались с движениями моей собственной души и, может быть, даже являлись её продолжением. Слияние это порождало подлинную красоту.

Скрытые подробности лесной жизни, по каким-то неведомым законам познания, на сей раз возникли из неустанной и довольно однотонной ходьбы на лыжах, когда открывающиеся виды как будто сливаются в один сплошной, и снежная белизна расплывается в глазах, слепя и лишая их верного восприятия. Постепенно ты начинаешь изредка оступаться, теряя равновесие в этой размытой белизне, не ощущая под ногами невидимый, но существующий бугорок или укромную впадину. И вот, когда твоё внимание полностью сосредоточено на мерно поскрипывающих под лыжами сугробах, их стремительно взлетающие и плавно опадающие линии, изо дня в день, к тому же, изменяющие свой рисунок, внезапно начинают околдовывать.

Эта неуловимая снежная нескончаемость, может быть, как ничто другое в зимнем лесу наполняет душу здоровьем, доводя внутреннее спокойствие до своего наивысшего гармоничного состояния - душевного покоя. Не безжизненного, отрешённого от всего земного, а полного красок, звуков и света. Ведь главное — скрытый смысл очарования, создаваемого в природе, и

линии леса, в особенности — очертания сугробов, мягко подчеркивают его.

Еловый лес на пригорке трогает, скорее, не заключённой в себе тайной, а своими неповторимыми линиями в общем лице природы. Линиями, не принадлежащими никакому другому дереву, запечатлённому в памяти ещё с незабываемой поры детства, под Новогодний праздник, когда дурманящее еловое облако сладко убаюкивало, а редкие уколы настырно топорщащихся иголок лишь с томительным замиранием сердца забавляли.

Ель всегда была, пожалуй, самым завораживающим деревом, и линия всевозрастающей многоступенчатости разлапистых изумрудных веток только подчёркивала это обаяние. Исключительная форма дерева объяснялась сокровенностью назначения его в природе, предполагая беспрепятственное размножение и продолжение своего рода с помощью удивительной плодовитости. Прежде, чем розоватые спелые шишки, гроздьями жмущиеся к краешкам веток, свободно рассеют над землей невесомые семена, ёлка должна была ещё пробиться кверху сквозь серьёзное сопротивление, что оказывали ей свои же собратья. Вклиниться в еловую гущу деревце способно было, лишь имея определенную коническую форму, в которой нацеленное острие верхушки надежно поддерживалось бы подпирающими ее со всех сторон упругими ветвями.

Неповторимые линии дерева вместе с его чудесным запахом и чистотой прилипли по душе людям. Расположение сказочных игрушек на нём не было ничем затруднено, и всегда выглядело уместным. Увенчанная переливающейся стеклянной короной — самой бесценной и недостижимой, ёлочка протягивала свои ветви всё ниже и ниже, постепенно одаривая каждого тем, что он заслужил.

Если встанешь на цыпочки и, всё же, дотянешься, значит - твоё, не хватает роста - придётся потерпеть, только снизу зачарованно любуясь недостижимым бесценным богатством. Эта постепенно воспитываемая деревом заслуженная награда, конечно, никогда не чувствовалась, никак в детстве не воспринималась, но была по-своему замечательна и незаменима.

Укромные коридоры просек, непреклонно пронизывающие лесную черноту, разного рода визирки и путики образуют заветные квадраты хвойных массивов, обежать которые за недолгий зимний день оказывается доступным. Доступность эта позволяет сделать выводы о нахождении зверя или птицы, а это важно. Важно знать сегодня, сейчас, не перекладывая на потом, если серьёзно изучаешь лесную жизнь.

Окаймляя таёжные массивы линией открывшегося пространства, просеки ненавязчиво выделяют и подчеркивают то, о чём долго умалчивал глухой лес. Линии просек неразделимы с ним, они порождены его мощью и необъятностью. Им суждено разобраться в переплетениях самых потаенных лесных уголков.

Желая ещё более приоткрыть для себя доступ к лесным богатствам, человек с помощью этих простых и недвусмысленных линий, на какое-то время оставленных им в покое, с каждым разом подступает к заветной чаще

всё ближе и ближе. Потом, через много лет, затянувшиеся и неузнаваемые, они сослужат должную службу любому, кто окажется неравнодушным к лесной судьбе, навсегда оставаясь в пытливой памяти, как самый короткий и верный путь.

Пригнутые верхушками к земле берёзы продолжают замысловатую анфиладу необычайных мазков природы, подобно несравненным сугробам, вздыбившим дугой свои белоснежные спины. Молодые берёзки пытаются быть под стать старшим собратьям, что непоколебимы в своей зрелой устремленности кверху: строго застывшие посреди заснеженного леса, они, кажется, ни у кого не спрашивают разрешения, свободно упираясь своими сиреневатыми верхушками в бездонное небо. Стройность их неподражаемых линий, на первый взгляд, не впечатляет, потому что неприметна, но как верна эта негибкая устремлённость!

Медленно плывут по небу тугие от мороза облака, и, кажется, дунь ветер посильнее - лёгкие берёзовые стволы зацепятся за них и, сладко прогибаясь, улетят в небесную голубизну. В их прозрачных кронах ветер не застаивается, а просеивается невидимыми струйками, звонко и нежно вздрагивая. Тонкая музыка берёз, рождаемая ветром среди их безукоризненно белоснежных линий, безотчетно пленяет.

Линия полёта вспугнутой птицы тоже заставляет пережить незабываемое волнение. Взметнувшийся из лунки рябчик приходит в себя молниеносно, неподражаемо лавируя среди частых веток. Делает он это легко, без единого взмаха крыльев, словно наполненных воздухом. Мягкий росчерк его невесомого тельца, словно дымчатое облачко, повисает в тёмно-зеленых хвойных верхушках, и, глядя на него, ты сам будто взлетаешь.

Был только что рядом незабываемо пегий, живой комок — и уже его нет: только короткое, как полёт птицы, воспоминание, да надежда насладиться им хотя бы ещё раз. В линии парения рябчика прослеживается его игривая уверенность, с которой он ненавязчиво обозначает своё жизненное пространство. И она непременно отзывается в душе, как будто вторит вспорхнувшей птице еле уловимым лесным эхом.

А начинаются тревожащие душу очертания с лесной избушки, что покидаешь под скрип перекосившегося от мороза крыльца, с уютно расстилающегося в звёздном небе дымового коромысла. Прямо из трубы над заснеженной крышей оно перекачивается за самый дальний край леса, без видимой натуги подпирая собой холодную и сказочную ясность январской ночи.

И ещё - с наглухо затиснутой в сугробах изгороди, слегка припорошенной снегом, вдоль которой весело въётся выпуклая твердость найденной тропки. Пронзительно и тонко повизгивает она под ногами, в морозной дымке угадываются рассеянные тени от звезд, всё вокруг надёжно схвачено предутренней тишиной и покоем. Переживая в себе здоровую приподнятость, с лыжами через плечо и рюкзаком за спиной бодро выходишь на укромную лесную дорогу, что ведёт в особенный заповедный мир, где

слышно, как длится мгновение, а в душе трепетно отзываются каждая линия и звук.

ВЕСЕННИМ ДНЁМ

Солнечный весенний день, с беспощадно вскрытыми им самыми дальними уголками, кажется, не предвещает ничего, кроме суетливого щебетания птиц. Солнце быстро выкатывается из-за леса, и звери торопятся укрыться подальше от ослепительно заливающего просеки и поляны света. Самое интересное время суток неслышно ускользает, но ещё немало следов оставляют за собой лесные обитатели.

С каждым днём оседая и становясь от этого только крепче, наст выдерживает даже такого крупного зверя, как лось. Не рискуя изрезать ноги, лось может позволить себе прогуляться по нему, спокойно пожевать у ночной опушки пахучих осиновых веточек. За день поверхность наста настолько обтапливается, что недавние следы различить совсем непросто. К вечеру они обычно оплывают, превращаясь в еле приметные вмятины. Через пару дней уже и вовсе невозможно определить: проходил ли этим местом сохатый или нет?

Но иногда наст, всё же, не выдерживает нагрузки, и лось проваливается одной ногой, оставляя в глубоком снегу её отчётливый слепок. У такого провала замечаю я окоченевший пушистый комочек, а наклонившись, разбираю в нём крота, с распростёртыми голыми лапками замершего на животике. Одеревеневшее тельце кажется почти невесомым, но шелковистый мех приятно разглаживается под пальцами, и на миг представляется, что крот живой, и только на время забылся. Видимо, лось, оступившись, слегка придавил подземного обитателя в его норке. У слепого крота хватило сил лишь выбраться наверх, к весеннему теплу и свету, которого ему никогда не суждено было увидеть.

А солнце щедро расплёскивает своё тепло, так что воздух светится, создавая над землей почти невидимую ласковую дымку. Воздух весь пропитан благоухающим дыханием: зима притаилась под снежным покровом, за дремучими еловыми ветвями прижалась к самой земле, а весна нахлынула неумолимо и, как будто весело наблюдая за уловками зимы, не спешит всерьёз браться за неё. Весна словно присматривается ко всему, что происходит в лесу: с какой бы стороны ей лучше подступить, чтобы начать своё сокрушительное движение?

Радость и восхищение переполняют сердце, усталость уходит из тела, потому что душа поёт от сопричастности с происходящим в природе, и воспоминание о крохотном несчастном зверьке тому не помеха.

Быстро осаживаясь, снег оголяет тетеревиные лунки, их по лесу теперь попадает великое множество. Раньше их можно было разглядеть только с какой-нибудь одной стороны, откуда тетерева пробивали снежный покров, вырываясь на волю, теперь же в нём сохранились лишь неясные овалы с горстками коричневатого подсохшего помёта. Обаяние лесных птиц так сильно, что долго стоишь над лункой, с лёгкой грустью вспоминая, какую неторопливую и притягательную жизнь вели зимой под снегом тетерева, глухари и рябчики.

Тогда, как тепло разрушило домики боровых птиц, норки зайцев в снегу ещё вполне надежны. Подняв в частых елочках крупного беляка, я заглянул в одну из них и убедился: чувствовал он себя здесь очень уютно. Норка была вместительна, глубоко уходила под крепкий наст, а на дне её виднелся оголённый бок толстенького осинового поленца: оно служило зайцу лакомой закуской. Серая сочная кора была сплошь обглодана, а на белом гладком стволе отчетливо были видны ровненькие бороздки от зубов. Крепкими потрескивающими утренниками зайцу, наверное, не хотелось покидать насиженного места, и он устроил всё быстро и просто, втайне радуясь своему неприхотливому и скромному счастью.

Медленно продвигаюсь я в умиротворенном весной лесу, не упуская ничего из виду, и вскоре обнаруживаю свежие останки рябчика. Тонкие невесомые перышки, вздрагивая от малейшего дуновения ветерка, словно не знают: куда им дальше лететь? Буровато-рыжие, вперемешку с дымчатым нежным пухом, густым пятном устилают они искрящийся снег, и вокруг не заметно чьих-либо следов или отметин. Видно, филин подстерёг птицу на ветке и, уцепив когтями, мгновенно разделался с ней.

Ещё при входе в лес натолкнулся я на следы белки, только что спрыгнувшей с дерева и не успевшей пробежать каких-нибудь двух метров. Взыбтый снег и отпечатки крупных крыльев с подмерзшими шариками крови свидетельствовали о том, что здесь тоже побывал филин, и на сей раз не упустил своей жертвы. Для любого пушного зверька или птицы филин страшнее лисы: полёт его неслышен, и обрушивается он сверху всегда неожиданно.

Всё ослепительнее разгорается над заснеженными лесами солнце, воздух становится резок, чист, и этот ясный свет приятно бьёт в глаза. Весеннее солнце неумолимо вытапливает белизну, но тишина с чистотой остаются, и сердце улавливает струящуюся в воздухе музыку — неподражаемую радость, что славит этот чудесный лесной покой.

Не слышима, но глубоко чувствуемая, музыка охватывает своим необыкновенным звучанием, душа произвольно сливается с ней в неопишемом восторге, и вспоминается об этом только по возвращении из леса. Там ты не отдаёшь себе отчета в происходящем, становясь одним целым с весенним пристальным светом и хвойными запахами, густой волной накрывающими тебя с головой.

Приятно идти по осевшему под солнечными лучами лазурному снегу. К

концу марта наст утрамбовался до невероятной гладкости, и лыжи скользят легко, нигде не задерживаясь. Ярko блистая на свету, матовая корочка глуho надламывается под лыжами, маслянисто и чуть рассерженно шипит, а небольшой ком соли в рюкзаке за спиной, что нужно отнести на солонец, приятно оттягивает плечи, время от времени наводя на мысли о лосях. Лоси потом будут лизать эту соль своими твердыми шершавыми языками, осторожно приходя поутру к желанному деревянному корыту, уже порядком высохшему и потрескавшемуся на солнце.

К полудню в телогрейке и свитере становится жарко, хочется совсем раздеться, но знаешь, как коварно весеннее тепло, и потому терпишь, идёшь, пересиливая желание растянуться. Лишь изредка сдёрнешь шапку, зажмурившись, помотришь на солнце, на небо, на то, как поблескивают отлоги выпуклых горok, поросших редкими черными елями, поводишь задубелыми от легкого морозца скулами, чувствуя, как успело за день обгореть лицо, и, передохнув малость, двигаешься дальше.

У вытянувшейся светлой поляны, окруженной соснами, весь снег испещрен глухариными набродами... Следы спускаются вглубь лога, поднимаются по соседнему склону, а сосны стоят величественно — молчаливые свидетели недавнего глухариного присутствия.

Про себя я завидую всему увиденному. Мне самому хочется стать глухарем, жить поблизости от этого лога, распушив хвост, токовать на высоких соснах и, слетая с них на наст, важно расхаживать по нему, торопливо выводя идеально вылепленной гортанью свои шипящие весенние звуки. Звуки эти плавно растекаются в неясных сумерках, от них всегда почему-то слезятся глаза, а сердце томно охватывает неизъяснимая, но прекрасная тоска.

И вот, я уже с нетерпением желаю приближения тока, возможности послушать неподражаемую глухариную песню - древнюю, как этот мир, но восхитительно зажигающую, искрометную и поистине лесную.

Бывает, встречаются весной такие места, где хорошо остановиться, присесть и оглядеться. Далеко впереди синеют необъятные леса, широкие поля и пологие горы кажутся пронизанными светом, а весеннее марево вьётся еле уловимой дымкой над уходящей к горизонту дорогой. По этой дороге я вскоре пойду к железнодорожной станции и, проходя по посёлку, буду говорить каждому встречному: «День добрый!», чего бы никогда не сделал в городе, и несколько удивленные сельские жители будут отвечать мне пожеланием доброго здоровья. Настроение от этого ещё более поднимется: радостно наблюдать, как хозяева неспешно копошатся у себя во дворах, что-то поделявают у ограды, изредка доносится глухой, тотчас вязнувший в сонном весеннем воздухе удар топора или колотушки.

Хорошо глядеть, как весна берёт своё в деревнях. Кругом сверкают глубокие снега, а дорога, недавно ещё хорошо укатанная, теперь совсем раскисла.

Под заборами постепенно оголяется чёрная пахучая земля, в воздухе

стоит до одурения свербящий печной дымок, и дома весёлой гурьбой лепятся по склонам большого, ещё заснеженного косогора. Снег словно горит на его южной стороне, местами открывая прошлогоднюю прижатую траву и одуванчики. Неудержимо вступая в свои права, весна питает живительными соками не только землю, воздух и небо, но и солнце, вместе с этим ослепительно сверкающим весенним днём.

ПЕРВЫЙ ТОК

Я иду по белому, залитому солнцем лесу, и с каждым шагом убеждаюсь, что никого здесь за всю зиму не было, и ничто не потревожено. Больше всего я боюсь, что кто-либо может нарушить эту вневременную тишину, надломив первозданный розоватый наст.

Но тихо вокруг, и наст цел, и ни единого следа не видно на нём. Только желна вольготно сорит шелухой за выворотнями старых елей, в укромной хвойной тени посвистывают невидимые гаички, и в насыщенном весенними запахами воздухе витает ощущение некоей тайны, способной неожиданно открыться и поразить.

Снег постепенно становится нежно-сиреневым, а верхушки сосен ласково румянятся в выплывающем над лесом солнечном свете. Погасли последние звёзды, туманные очертания месяца размыла в высоком небе холодная пронзительная голубизна, но воцарившийся ещё с ночи морозец уже не обжигает тела, не отбирает у него тепло. Он растекается в воздухе студёным пахучим облачком, приятно касаясь кожи лица и губ, наполняя глаза весенней ясностью. Этот морозец привносит в душу какое-то тончайшее возбуждение, наподобие вкрадчивого прикосновения к лицу ветерка на ранней заре.

Подмокший от осыпающегося снега маскировочный халат приятно коробится в подстывшем воздухе, лыжи шелковисто поскрипывают в тишине, и ни на минуту не покидает твёрдая убеждённость, что углубляешься ты в чашу не зря, а будто по какому-то необъяснимому, но верному чутью, что рано или поздно выведет к глухариному току. Я стараюсь понять причины выбора именно этого пути, и почему сегодняшним утром всё кажется таким доступным и ясным. Словно ты в своё время приходишь на своё место, заслужив его всеми прежними поступками и, может быть, даже просчётами, и тебе предоставляется право увидеть нечто такое, с чем виденное ранее не идёт ни в какое сравнение.

Но пока это только чутьё. Я иду по застывшему руслу реки, и чёрные еловые леса будто валятся на меня с обоих крутолобых речных берегов. Под ними тонкой ниточкой синеют следы норки, а где-то вверху, подставляя надутые грудки первым солнечным лучам, пронзительно посвистывают

рябчики. Река ежеминутно петляет, даря неповторимые виды, и дремучие ели, кажется, всё более заваливаются над головой, переплетаясь могучими верхушками. Изредка оттуда сыплется шелуха от шишек, там перепархивают клесты, длиннохвостые синицы и большие пёстрые дятлы.

Хотя всё здесь так необыкновенно и укромно, но всё-таки находится как будто в преддверии чего-то главного, ещё по-настоящему не подступившего. Ожидая с ним встречи, я даже сомневаюсь на какое-то мгновение: может ли быть что-либо лучшее, чем то, что ты сейчас переживаешь и видишь? Речка должна вывести меня туда, где обитают птицы, без которых самый потаённый лес не может оставаться лесом, где из глубины времён возникает то удивительное, что дарует на долгие годы вкус к жизни.

Когда за одним из поворотов река выворачивается длинной петлёй и берега отступают перед царством света и диковинной тишины, я начинаю верить в существование этой необычайной лесной сокровенности. Воздушность окружающих линий вмиг охватывает, приподнимает над притаившейся поляной, что разлеглась в форме огромного снежного языка, и кружит в мягком свете её девственных снегов.

Мне хочется закричать от неописуемого восторга и охватившей сладостной жути, забросить в поднебесную синеву свою потрёпанную шапку и вбирать всеми органами чувств эту не замутненную ничем светоносную весеннюю пору, ощущая нечеловеческую свободу. Но крик вдруг встаёт в горле, и только глаза неторопливо скользят, ни на чём не останавливаясь, примечая, между тем, каждую мелочь.

Я чувствую себя всемогущим и счастливым, так что время отступает куда-то... Остаются только застывшие на южном склоне древние сосны, успевшие стряхнуть со своих раскидистых ветвей снег, не менее пушистые древние ели, не угасшие в суровую зиму, а лишь задремавшие перед радостным весенним пробуждением, и белое ослепительное солнце в вышине, и нежный синеватый отсвет оседающего наста. И было ещё то, чего ни за что не выразить в словах, как бы остро ты ни пережил своё слияние с этой первородной природной силой, тем более, что главного в ней пока не открылось.

Всё утро я ходил по предполагаемому току, и искал на снегу чирки от крыльев, когда глухарь, токуя, в возбуждении их чуть оттопыривает и округляет, следы разбросанного под соснами помёта, неторопливые наброды этих величественных птиц. Старый сосняк, вперемешку с березой и елью, раскинулся у края обширного болота метров на двести, чуть спускаясь по южному склону к реке. Сосны здесь полностью отряхнули с ветвей снег, стараясь к весне выглядеть опрятными, молодыми, а вокруг стволов, на редколесье, уже углублялись и росли вширь синеватые лунки, в которых угадывались весенний уют и теплота. Всё, казалось, было готово к прилёту на ток глухарей.

Снег, наливаясь за день влагой, порядком тяжелел и неожиданно ухал целыми оседающими полянами, вспугивая на миг озабоченных весною лесных птах. Повсюду засорённый мелкой шелухой, старыми иголками и аккуратно

надкушенными белкой еловыми веточками, он, между тем, был никем не тронут.

Лыжи громко скребли по его ноздреватой утренней корке, с хрустом обламывая мельчайшие кусочки, и от этого шума становилось неудобно, даже напряжённо. Воображение постоянно рисовало, что ненароком вспугнёшь притаившегося на лесу глухаря, и он унесёт с собой что-то очень важное: то, в чём ты должен обязательно разобраться, вглядываясь во всё происходящее спокойно, без помех.

К полудню, когда снег уже начал порядком вязнуть, я присел отдохнуть. Студёный воздух незаметно лиловел в бору, поднимался к небу, меж сосен меркли еле уловимые голубоватые тени. Парок изо рта, с утра ядрёный, теперь на глазах рыхлел, от разгоряченного дыхания становясь размытым. Во всём теле появилась липкая ломота, ноги становились ватными.

Немного раздосадованный от неудачи, я никак не мог успокоиться. Ни малейшего намёка на присутствие здесь когда-либо глухарей не было. Что-то завершающее отсутствовало в моих расчётах, но это было странно. Ведь именно чутьё привело меня сюда, и я повиновался ему, потому как оно было закономерным плодом поисков последних лет. Однажды открывшееся в душе знание спокойно нашептало мне место в лесу, время и даже число. Это было необъяснимо, и, тем не менее, всё происходило именно так.

Прихлёбывая горячий чай из термоса, я вдруг обернулся. Что заставило меня это сделать, я, пожалуй, то же бы не смог ответить, тем более, что за спиной всё было голо: обширная болотина покоилась под метровой снеговой толщей. Дальний угол обследованного сосняка соединялся с ней узкой березовой пуповиной, где невысокие чахлые деревца ютились совсем рядом, чуть ли не касаясь друг друга серенькими стволами. У края этой неприметной рощицы темнели в снегу глубокие витиеватые борозды...

И сразу всё внутри сначала поджалось, замерло, а затем, наконец, хлынуло из души с торжествующим надрывом: «Неужели?!» Лыжи певуче и неуклонно несли к заветному месту, и сердце гулко толкалось в груди, выстукивая в висках желанное: «ток-ток, ток-ток, ток-ток...»

Искристый снег слепил, но не глядеть было невозможно. Весь наст поблизости был испещрён уверенными ленточками крестиков-следов, каждый величиной с добрый кулак. Следы, я заметил, ни разу не пересекались между собой. Смелые росчерки упругих крыльев вдоль них придавали живым цепочкам следов некую воздушность. Каждая такая цепочка брала начало из продолговатой лунки, образующейся после того, как птица слетела в снег с дерева.

Почти на всех выходах из лунок красовались горки подстывших рогаляков, слагающихся из сухих хвойных жилок, а под тремя соснами, в радиусе двух-трёх метров от каждой, вьелся в снег, по всей видимости, недавний глухариный помёт. Он свидетельствовал о любовной страсти распалившегося на суку лесного петуха, и о нахождении на этом месте глухариного токовища. Радости моей не было предела!

В посёлок я возвращался через заброшенную деревню, которая не казалась на первый взгляд нежилой. Издали, с высокого противоположного берега, она выглядела, скорее, старинной. Серые обветренные срубы изб могли таить за собой только теплый печной уют, чистоту широких половиц и нехитрую, но милую сердцу обстановку. Так хотелось думать.

Ослепительное мартовское солнце весело высвечивало редко разбросанные по склону горы дома, и я не сразу обратил внимание на то, что над их крышами не поднимаются печные дымки, не твякают по дворам обезумевшие от безделья собаки. Беспричинная радость запеклась на губах талым привкусом снега и весны, мыслей не было, но не было и усталости. Главное заключалось в чуть искрящемся ослепительном свете, что ровно поднимался над чистыми полями, неприметно перетекая в растёкшееся над землёй небо.

И ещё сердце моё навсегда было поражено покосившейся избой на краю этой заброшенной деревни, в самой приметной и высокой её точке. Так что уже не забудешь и не разлюбишь её никогда, в какие бы дальние дали ты не уезжал. Увиденная отсюда, со старой раскисшей дороги, неловко выбегающей к необъятному весеннему простору, в пору ослепительного сияния снегов, эта простая изба почему-то воспринималась как единственное и самое дорогое для тебя место на земле. Место, в котором сосредоточена вся красота родной для твоей души русской стороны.

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Весь день ветер не ослабевал, и я уже начал опасаться, как бы он не повлиял на прилёт глухарей. Ветер мощно гудел во тьме лесов, с легкостью сгибая тридцатиметровые ели. Он, то улетал куда-то за реку, приглушённо надрывая себя там, то возвращался к избушке, озлобленный и непреклонный.

Вслушиваясь в его неутомимые порывы, я не замечал, как забываюсь и даже теряю ощущение собственного тела. Тело становилось как будто невесомым, ненужным, оно улетало вместе со всей кружащейся землёй в выстуженное ветром апрельское небо.

Отовсюду неслись какие-то колдовские звуки, и невозможно было понять, что они означают. Ветер творил свою томительную неразбериху, в ней, несомненно, жил какой-то скрытый смысл, и лишь некто, остающийся невидимым, но очень могущественный, в силах был его разгадать.

Изредка во мне просыпалось острое желание открыть суть этой силы, но, слегка коснувшись сознания, она тотчас ускользала. Как будто её, вообще, не

было. И на душу ложилось отрешённое умиротворение.

Ветер сокрушал стволы деревьев до позднего вечера, и когда уже на замутнённом небе начали проступать звёзды, он вдруг как-то внезапно захлебнулся и исчез. Я не сразу заметил произошедшую перемену, и ещё долго сидел, глядя на успокаивающееся пламя костра, пока не ощутил подступившую, откуда-то из темноты, лёгкость такой же отрешённой свободы. Будто этот самый ветер выдул из души всё наносное, никчёмное и, слегка коснувшись на прощание лица, несказанно успокоил.

Да, подлинная жизнь была только здесь: среди щемящих душу отголосков самозабвенного ветра, древних щетинистых елей и царства загадочных птиц. Разноликие времена года, незаметно сменяя друг друга, добавляли в неё скрытого обаяния и красоты. Эта, не похожая ни на какую другую, лесная жизнь, из века в век остающаяся сама собой, вселяла веру в любого, кто не противостоял ей и стремился понять.

Но никто из людей так, толком, и не мог объяснить, откуда эта жизнь черпает свою веру, каким богам поклоняется и приносит жертвы. Недостигаемой для понимания представлялась жизнь леса, весь её опыт и веками накапливаемое могущество.

Я не мог запретить себе думать о том, на что не было пока ответа. Не мог запретить, наверное, потому, что не успел потерять способность удивляться. Удивлению же всегда сопутствовало наслаждение.

Всю ночь и весь последующий день находилась во мне эта тишина, наступившая после неуловимого ветра. И даже очутившись в городе, когда стихло в сознании эхо убегавшей электрички, несколько померкли запахи и краски проникновенно живущего в себе леса, и растворилось ощущение удивительного полёта при взгляде на плавно парящего над макушками старых елей ястреба, её немые отголоски ещё продолжали копошиться в душе какое-то время. То утихая, то вспыхивая под воздействием случайно увиденных в городской жизни картин, в чём-то даже схожих с лесной жизнью, молчание леса порождало отсутствие какой-либо тревоги: ещё раз проходить в душе эту тишь было сладостно.

Но только на время задерживалась во мне тишина, и вскоре уже опять ощущалась острая потребность в ней, потому что в городе она неминуемо исчезала. К сердцу подступало очередное нетерпение, и воображение рисовало укромные лесные тропинки, где ты непременно должен был столкнуться с их обитателями, и не было сил, способных удержать тебя дома.

Сегодня тишина была со мной. Вечным и мудрым покоем веяло от неё. Дрозды, предчувствуя приближение темноты, дружно взялись высвистывать на чернеющих макушках елей свои жизнеутверждающие песни, а потом неожиданно стихли. Апрельская ночь неохотно, будто вынужденная так поступать, напоминала о себе еле различимыми шелестами, что незаметно прокрадывались в тебя, и от этого на душе становилось непонятно и одиноко.

Но только на миг закрадывалась в сердце отчужденность. Из укромных

оврагов, где дотаивал грязный лед, в воздух, тягучей дымкой, поднимался издыхающий зимний дух. Едко ударяя в голову и выжимая невольные слёзы, он отрезвлял, вынуждая быть ко всему окружающему внимательным и неторопливым.

И вот, ночь наступила: туманная, прохладная и большая. И опять всё кругом стихло, но ненадолго. Когда весной не спишь всю ночь, дожидаясь утра, и встречаешь его пробуждение, то понимаешь, что для лесного человека все дни и времена года слиты воедино, и он с ними неразделим. Встречая в лесу раннее утро, ты постигаешь неисчерпаемость времени и то, как скуден сам по себе световой день в сравнении с таящимися сумерками.

Здесь, в лесной избушке, можно было спокойно подумать, и даже попытаться объяснить, почему такая жизнь некоторым людям представляется более настоящей, чем в городе. Не потому ли, что люди не используют свои человеческие возможности максимально, живут недостойно собственного звания, а животные, птицы и деревья достигли в этом смысле необходимой мудрости и красоты?!

Задуманный чрезмерным, но не используемым в достаточной мере интеллектом, неправильным воспитанием, а вернее, отсутствием всяких обязанностей перед самим собой и обществом, человеческий разум уже не может направить себя на путь свободного слияния с природой. Для этого он должен быть ещё достаточно силён. Человек же, как существо довольно ленивое, всегда предпочитает наименьшие усилия, и только тот, кто сохранил звериную тоску по своему далекому прошлому, знает цену настоящему и верит в прекрасную бесконечность будущего - способен быть поистине неутомимым.

Таким всегда не хватает гармонии, и они уходят в леса, и чувствуют там себя счастливыми, но поскольку это в высшем смысле люди, они не могут жить без людей, и рано или поздно возвращаются в город. Потом наступает момент, когда они вновь испытывают потребность в природе.

Их отвага, знание и любовь разрывают им душу на части. Не однажды познавшие удивительное состояние покоя, допустимое только среди дикой тишины лесов, камней и бегущих по небу облаков, они на всю жизнь становятся их пленниками. Ведь из всех испытаний, ниспосланных на человека судьбой, соединение с природой — чуть ли не самое благословенное.

В эту ночь я позволил себе забыть о глухарях, и крепко уснул. И ничего, кроме того, что я ощущал вокруг себя, не приходило ко мне во сне: только свежесть елового лапника, редкий дым, уносящий и сливающий со звездами мириады оранжевых искр, неизбывные и грустные порывы ветра, неловко путающиеся в самых верхушках, чистота открывшегося ночного неба...

Тело было невесомым, сердце, словно непутёвый щенок, мягко и успокаивающе толкалось в груди, и всё в этот вечер казалось простым и понятным, так что никуда не хотелось идти. Пробуждение должно было принести на птичьих голосах уже рождающийся где-то день.

Птицы пели свои песни всё утро. Легкий ветерок разносил их над лесом, и я не думал о том, что они означают, просто это пение дивно было слушать.

Две трясогузки перепархивали над входом в избушку, посвистывали что-то своё, неистребимое и очень важное. Одна из них, что была смелее, держалась поближе к крыльцу. Смешно и неразлично для глаз перебирая ножками, она стремительно перебегала по вросшим в землю брёвнышкам, ежесекундно тряся длинным хвостиком. Озабоченная весенней суетой кроха!

Булькающее токование тетеревов плыло откуда-то из-за реки. Колдовские звуки разошедшейся птичьей страсти набегали волнами: то становились слышнее, яростнее, то утихали, словно птицы удалялись всё дальше и дальше, охваченные своей любовной игрой. Даже в этот ранний час солнце припекало сквозь штормовку достаточно сильно, с присущим только весне жарким размахом. Я вдруг представил, какое шелковистое и тёплое перо может быть сейчас у тетерева, если погладить его рукой.

Когда тетеревиное бормотание совсем пропадало, так что невозможно было определить, откуда оно идёт, я осторожно припадал ухом к земле, напряжённо вслушиваясь в бегущие над травой звуки. И тогда опять неожиданно выплывало из-за леса грудное, загадочно-глубинное воркование, летело над освещёнными солнцем полянами и утопало в дальнем еловом лесу. Лес в тени казался тёмно-зеленым, почти чёрным. В этой его видимой черноте, должно быть, ещё таились остатки недолгой весенней ночи.

Солнце всё более разгоралось, время переваливало уже за девять, а птицы не прекращали своего самозабвенного бульканья. Но и к тетеревам мне сейчас тоже не хотелось приближаться. Лишь слушать их волнительную песню, вдоволь насыщаясь ею и успокаивая себя мыслью, что когда-нибудь потом, в конце апреля или начальные дни расцветающего мая, ты обязательно подберёшься к жарко чуфыкающему краснобровому косачу шагов на двадцать, и увидишь то, что для большинства людей остается недоступным.

Лёгкий прохладный туман затопит собой всю ложбинку, так что сначала покажутся только отдельные ветви кустарника и мохнатые верхушки молодых сосенок, затем быстро растечётся над землёй молочная кисея, а ты, затаив дыхание и позабыв обо всём, будешь наблюдать за ним, воображая и себя ослепительно красивым тетеревом, охваченным любовью к желанной тетёрке. И появлялась вдруг спокойная уверенность, что всё это ещё обязательно придёт, и жизнь в лесу не минует тебя вниманием, поскольку ты уже давно заложил ему свою душу, а вышло это само собой.

ГОЛОС ПРИРОДЫ

Есть в лесу много таких птиц, чьи голоса можно без особого труда передразнить. Например, ворону, когда она, забираясь в поднебесные выси, начинает играть в воздушных потоках и издавать свое: «крум-крум, крум-

крум, крум-крум», а то просто и доступно для любого подражателя: «кар-р-р, кар-р-р, кар-р-р». Или, скажем, всем хорошо известную синицу, что без остановки принимается будить нас за окном каждое мартовское утро: «пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь, пинь-пинь, синь-синь», но может и рассыпаться, будто дробной капелью с крыш: «ци-ци-ци, ци-ци-ци, ци-ци-ци». Дятел-желна всегда устремляется в полёт с тревожной озабоченностью: «крю-крю-крю, крю-крю-крю, крю-крю-крю», и потом плачуще, с жалобой: «киу-у, киу-у, киу-у». Но вот песню глухаря, сколько ни старайся, никак не передать: слишком уж она мудрёная!

На первый взгляд, голос глухаря, конечно, не сравнишь с пением соловья, но и поговорка, что у кого голосу нет, тот и петь охоч, к нему тоже не подходит. У глухаря свой голос, не похожий ни на какой другой, да к тому же - бережно скрываемый природой под покровом темноты. Его не услышишь просто так, а нужно отыскать птицу в раздольную весеннюю пору, прокрасться к ней и остаться при этом незамеченным. Иначе древний житель лесов не удосужит тебя своей тайной, и звук его великолепной гортани не проймёт тебя до самых глубин души. Всякий зверь или птица в природе своим голосом славятся, и важно проснуться с зарёю, почувствовать сердцем, что природа тебя поджидает, и каждому звуку в ней обрадоваться.

Самое начало глухариной песни, как будто, несложно, ровно капли падают в какой-то невидимый металлический сосуд: «тэк-е, тэк-е, тэк-е». Так глухарь только принаравливается к пению, как будто настраивая свой невидимый музыкальный инструмент, которым является его гортань. Вытянув шею и вздрагивая всем телом, он сообщает ей эти капли-звуки, что, падая, будят весенний лес.

А вот сама песня невероятно сложна и требует уникального музыкального слуха, соответствующей подготовки и досконального знания глухариного образа жизни, чтобы, хотя бы, попытаться воспроизвести её. Представьте себе древнего лесного исполина, чей возраст превышает возраст человека! Безукоризненно вылепленное природой горло и мощный клюв, широкая грудь, загадочное и сильное нутро этой птицы, что зачаровывают и повергают своей тайной... И всё это оттачивалось веками, пробовало себя из весны в весну, и ничто не мешало такому неторопливому и вдумчивому самосовершенствованию таинственного лесного исполина.

По глубоким летам птицы - и её безупречно отточенный голос, в нём нет ничего лишнего, только восхищение, переданное глухарём доступными ему средствами, прекрасная лесная дичь и нескончаемая мощь! За долгое время ученичества глухарь действительно бесподобно отшлифовал своё мастерство, не переставая каждую весну наслаждаться этим природным умением. Может быть, именно поэтому лес сберег его песню, и глухарь начинает петь только ночью, когда многие птицы ещё видят сны.

Это даже не песня, а какой-то неведомый лесной голос, что вещует в ночи о чём-то непостижимом и чудесном. Мало того, что человеку он непонятен, так к нему ещё надлежит добираться через непроходимые дебри,

неутомимо разыскивая в необъятных лесных просторах. Ему приходится тратить на это немало времени и усилий, а обнаружив ток - стараться слиться с лесом, стать незаметным, чтобы вслушиваться и постигать голос самой природы, сокровенно повествующий о том, во имя чего она, не покладая сил, трудится нескончаемые тысячелетия.

Голос природы — это и вековая память леса, а провозвестником её она выбрала именно глухаря, такую же древнюю, как лес, птицу, призванную восхвалять самую главную лесную тайну. Хорошо бы когда-нибудь открыть её, и так же, как глухарь, самозабвенно и радостно поведать о ней людям.

КОСТЁР ЖИЗНИ

Скучно в лесу без костра, и вся прелесть похода теряется, если не ощутил первобытного тепла огня! Сколько помню себя, а хоть раз за день да запалишь небольшой костерок, особенно под вечер, и подвесишь на него закопчённую банку на одну-две чайные кружки. Вода в ней закипает мгновенно в любую погоду, и ты с наслаждением отпиваешь чай маленькими глотками, и с благодарностью посматриваешь, как вздрагивающий огонек уносит в небо невесомые искорки. Холодные звёзды оттого становятся теплее и ближе.

До чего же иной раз прекрасно бывает просто сидеть у лесного костра, молча глядеть на его потрескивающее пламя, и, ни о чем, не думать! Особенно весной, когда оттаивающая земля резко ударяет в нос забытыми за зиму ароматами, а из оврагов потягивает ледяным холодком. Всё в тебе поджигается от охватывающего восторга, и хочется лететь на трубный зов журавлей за рекой, и так же призывно, с тревогой, плакать о чём-то несбыточном в сгущающихся весенних сумерках.

Но костерок трепетно бьётся живым огоньком, изредка постреливает угольками, и те, недалеко отлетев, с легким шипением мгновенно гаснут в зернистом снегу. Костёр как будто держит тебя и не отпускает, и ты зачарованно всматриваешься в его мятущуюся огненную душу, и, как обычно случается в такие минуты, время, кажется, замедляет свой ход, а затем и вовсе останавливается.

Дневная жизнь уже замерла, ночная ещё не начиналась, и только костёр уверенно вздрагивает в сухих сосновых ветвях, бросая слабые блики на давно осевший, грязноватый снег. Приближается его долгожданный сумеречный час, когда он разгорится во всей своей красе, как солнце, садящееся за лесом, и будет гореть жадно, отстаивая перед сгущающейся темнотой одному ему ведомую волю. Вечер подкрадывается к костру незаметно, но огонь бесстрашно отвоёвывает у него своё пространство, приветствуя снопом взметающихся искр угасающее на западе стеклянно-зелёное небо.

Когда же ты остаёшься в лесу на ночлег, то костер необыкновенным

образом озаряет его внутреннюю жизнь, и становится видно то, чего ни за что не заметишь днём, а если и обратишь внимание, так только мельком, совсем не как ночью порой. Ночь в лесу долга и темна, и у размеренно потрескивающего огонька хорошо и уютно. А ещё рядом с ним приятно думать о том, что если отойдёшь от костра подальше, в непроглядную темноту, то обязательно увидишь что-нибудь пугающее, и ты никуда не отходишь, и только представляешь с замиранием сердцем, каким оно может тебе явиться.

В лесу, у костра, укрепляется связь с родной землей и пробуждается жажда путешествовать. Когда переживаешь ночь или непогоду, костёр всегда навевает таинственные и сокровенные думы, и ты с удовольствием строишь самые решительные планы на будущее. У лесного костра, как нигде, хочется мечтать...

История костра утопает своими непогасшими очагами в глубокой древности, когда первобытные люди хранили огонь, как зеницу ока. Огонь озарил их жизнь нелёгкими достижениями и потрясающими открытиями, а нас он возвращает к истокам понимания окружающего мира, и мы так же взволнованно переживаем рядом с ним самые важные события своей души.

Ничто, кажется, не может нарушить мерного потрескивания костра в ночной тиши: ни дождь, ни ветер, ни снег. И хотя костёр трепетен, он, в тоже время, неукротим. Даже деревья уважительно склоняются над ним, и что-то вкрадчиво нашептывают в такт его утробному гудению.

Метнувшиеся от костра тени наполняют темноту сказочными существами, что смотрят на тебя из лесной глубины страшными глазами, и ты тоже начинаешь всматриваться в замерший лес, и вслушиваться в не замечаемые ранее шорохи. Самые неожиданные звуки подстерегают тебя в ночном лесу, если чуть удалиться от костра. Именно в ночном лесу, у огня, происходит причащение человека к истории жизни его далеких предков и родной природы.

Тихо и неторопливо льётся у костра ночная беседа, ярче переживаются воспоминания. Про то, как сам, ещё в детстве, разводил свой первый в жизни костёр, и он не погас. Мало того, костёр разгорелся сильным, ровным пламенем и, не переставая, горел везде, где тебя заставляла темнота и непогода. Костёр всегда оставался твоим спасителем и другом, на которого можно было положиться в самую трудную минуту, и общение это необыкновенно согревало и радовало.

Только у жаркого, размеренного огня в лесу услышишь самые неправдоподобные истории, и навсегда их запомнишь. Хорошо за таким вкрадчивым разговором изредка подбрасывать в костёр тонкие хворостинки, ощущая его пышущий жар, и наблюдать, как их охватывают жадные языки пламени. Приятно с восхищением следить за снопом ярких искр, что уносятся в чёрное небо: как они смешиваются со звёздами, образуя новые созвездия. Приятно просыпаться в темноте у потухающего костра и, подбросив суши, ощущать прибавляющееся тепло, смотреть, как огонь схватывается в ветках,

восторженно шипит и взмывает к небу пляшущие отсветы.

Почему-то, чаще всего, не ожидаешь утра, а всё больше думаешь, что эта ночь и костёр будут нескончаемы. Пока не обозначились на предрассветном небе чёрные вершины деревьев, не померкли звёзды, и лёгкий ветерок затаенно не дохнул в лицо предутренним холодком, ночь ступает неслышными шагами, то и дело затаиваясь и неожиданно ухая. Ей не хочется отпускать от себя человека, и она поддерживает его костёр, обогревая им мимолётные, порой неведомые ей самой думы. Костру понятно это скрытое устремление ночи, и он радуется вместе с человеком её нескончаемости.

Но вот падает первая роса, постепенно покрывая костёр тонкой плёнкой пепла, и он с лёгким шипением незаметно угасает. Угольки неохотно догорают, время от времени вздрагивают и вскоре окончательно потухают. Лёгкая туманная дымка стелется над землёй, а костёр ещё раз вздыхает, сухо выстрелив при этом последним угольком, и замирает. Какое-то время место это будет ещё источать тепло, и необременительно для окружающего леса вскоре иссякнет.

Но даже от малой искры рождается большой огонь, на который дров не напасёшься. А лучшее топливо для костра – ёлка: она горит ровно, медленно и без искр. Худшее же – осина, что сгорает быстро и даёт мало тепла. Неважное топливо и пихта, что издаёт громкий треск и «стреляет» искрами. Такой костёр, словно красный горячий цветок, глядя на который, забывают о его коварстве и вовремя не тушат. Про него обычно говорят, что при нём семь шатров цыган вымерло!

Не случайно строптивного и неуживчивого человека на Руси звали костеря. Костеря, замечали, не улежит на одной постели. Так и костёр: рвётся, мечется, стремится к чему-то, но оно остаётся для него недостижимым. И всё же, костёр неутомим в своём жарком стремлении биться неизвестно с кем, безудержно полыхать, в полной отдаче себя бесследно сгорая.

Не зря слово «костерить» в народе означало ругать, бранить и поносить. Костёр, действительно, бывает часто бранчивый, будто сердится на что-то, а порой и просто ругается, когда не может навязать кому-то свою силу. Он всех, кажется, поносит, на чём свет стоит, и уживается, наверное, только с ветром, что подхватывает его и разносит повсюду на своих неутомимых крыльях.

Костру этого только и надо... Он был бы рад, должно быть, и буре, готовый сравниться с ней в своей отрешённой неутомонности. Недаром примечали: Бог с рожью, а чёрт с костром!

Что и говорить, по характеру костёр бывает чаще буйный, нежели ровный и спокойный, но, случается, и он как будто отдыхает в себе самом, и горит как-то отрешённо, никуда не торопясь. Разведёшь такой костерок на какой-нибудь укромной весенней прогалинке, когда на оттаивающих бугорках уже тянут к солнцу головки мать-и-мачехи, и жжёшь его в свою радость, тоже никуда не торопясь. Так, полено к полону, хворостинка к хворостинке, слагается постепенно костёр твоего неугасимого чувства преданности лесу и родной природе.

Но костёр не только согревает и кормит, будит воображение и чувства, он ещё и спасает от вездесущих комаров, а уберечься от них можно ... спокойным сидением у огня. За один раз натаскай дров и садись. Больше не ходи, не тревожь и не привлекай к себе их внимание.

Отойдешь на минуту, а за собой обязательно приведёшь полчища надоедливых кровососов. Надо перетерпеть их первое нашествие, и уже потом они не будут досаждать тебе. Маленькая хитрость, подсмотренная однажды в июньском лесу, пригодилась мне на долгие годы.

А ещё по костру определяют приближающуюся погоду. Дым от костра валит клубом — это означает скорое ненастье. Когда в безветренный день дым льнёт к земле — непременно быть дождю. Если же летом дым поднимается столбом — к вёдру, зимой — к морозу.

Огонь никогда не живёт без дыма: говорят, он человека чистит, тогда как жар прокаливает, а пламя посвящает. Где дым, там и огонь, а где огонь, там и зола. Схлынул огонь, потух, но то, что осталось, несёт в себе плодоносную жилу, и если она попадёт в землю — сделает её богаче.

Вообще, огонь - это чудесное явление неудержимого горенья, наивысшая степень жара, проявляющаяся в необычайной сгущенности всей его полыхающей сути. Природа, соединяющая тепло, свет, красоту и силу, способна обнять всё живое. И пламя, и жар вспыхивают всего лишь от одной искры, но искры божественной, что живёт и в людях.

В огне и живость, и горячность, и рвение с быстротой, и запальчивость нрава, как в человеке, что легко вспыхивает, по натуре страстен и кипуч. В этом человеке, говорят, много огня, он - огонь огнём. Огонь в делах, во взоре, и всё же огонь — не человек!

Но бывает и живой огонь — огонь, вытертый из дерева или пойманный на увеличительное стекло от луча солнца. Он скрыто живёт во всём, и его только надо уметь добыть. Но, добыв, нужно суметь сохранить, управляя его неудержимой стихией.

Огонь обладает такой скрытой силой, что если возьмёт, то всё пропало. Огню верить нельзя, он — беда, как и вода. Огонь — беда, вода — беда, но и то беда, когда ни воды и ни огня! Ведь без огня даже хлеба не высушишь.

С огнём, словом, не шути, с водой не водись, ветру не верь, а дружись только с землей: от земли вышел, земля кормит, в землю и пойдёшь. По народной молве землю не зря именовали матушкой, небо - отцом, ветер - господином, а дождь — кормильцем. Солнце, не иначе, как князь, луна - княгиня, а огонь с водою — царь да царица.

Но и в батраках огонь с водой хороши, да только не дай им Бог своим умом зажить! Тогда с ними не поспоришь, поскольку без ума ходить у огня — значит обжечься, у воды — замочиться, а у сажи — замараться.

Когда с огоньком, когда с водицей живёт человек на белом свете, если себя и людей не забывает, но несправедно нажитое добро огню предаётся. Огонь в дом человека приходит, когда тот у нищего отнимет, и если такое случится, то сам с сумой по свету пойдёт. Тогда из огня, говорят, да в полымя.

Огонь не вода — охватит, не всплывёшь; только праведное в огне не горит и в воде не тонет.

Знак огня, снизошедшего с неба, есть свет и тепло, что сопутствует человеку, невидимо находится рядом, и если человек пожелает, то всегда может взять его и владеть. Это родной огонь, предназначенный стеречь человеческую жизнь, чтобы она не затухла. Знак огня - начало начал, суть зарождающейся жизни, и ей без него не быть.

Человек во все времена желал огня, и не мог без него жить. Он добывал его, хранил, восторгался, и в тоже время преклонялся перед ним. В огне было нечто выше тех понятий, которыми человек ежечасно располагал. Огонь и пугал, и манил человека своей вековой тайной, и человек тянулся к нему, усугубляя свою необъяснимую печаль. Печаль от невозможности постигнуть скрытую суть огня, космическую силу этого символа жизни, потому как если под разумом понимать свет, то под жизнью — огонь, а свет, собираясь в пучок, всегда становится огнём, истребляющим, таким образом, самого себя.

Костёр — это маленькое подобие солнца на земле, и человек способен разжечь его сам. Тому, кто связан с природой, не хватает его тепла всегда. И человек разводит огонь и греется рядом с ним, не забывая, что он порождён Вселенной. Костёр для человека - чуткое напоминание того первородного начала, от которого проснулась на земле жизнь, подтверждение её неугасимой силы, радости и красоты.

Хорошо сидеть у такого лесного костра, долго смотреть на его огонь и всё про всех понимать. И не терять себя при этом, а только обретать. Уноситься в глубину времен, и через дыхание потухающих углей возрождаться к новой, бесконечной жизни, что оградит от бед. Сухой жар постепенно проникает в голову, руки и грудь, кровь начинает вскипать в жилах древними воспоминаниями, и наступает прозрение: в тебе вспылал мудрый костёр жизни.

ЗАВИСТЬ

Весенний день ласково струится над оживающим лесом. Ослепительно припекает солнце, а дорога упрямой лиловой лентой убегает к манящему горизонту. С маленьких придорожных лужиц, подпуская почти вплотную, пугливо срываются юркие кулички-черныши, и над затопленным в низинах тальником несутся их отрывисто-восторженные вскрикивания.

Одиноким ястреб-тетеревятник плавно кружит над еловыми гривами, наворачивая круг за кругом, медленно уменьшается, постепенно становясь невидимым. Я лежу на маленьком стожке сена, оставшегося с прошлого года, и отрешённо наблюдаю за его размеренными, еле уловимыми движениями.

Нельзя даже различить, шевелит ли он кончиками крыльев? Должно

быть, ястреб уже успел рассмотреть во мне незваного гостя и, охладев, гордо взмыл в недостижимое для человека пространство. Вознёсся, наслаждаясь собственной свободой и презрев какую-либо ограниченность. В его глазах сейчас, наверное, стекленеет презрение ко всему. На какой-то миг мне вдруг становится себя жалко.

Открывающаяся в лесу человеческая растерянность бывает постыдна. Правда, она не всегда достаточно ощутима. Главной виной тому - так и не пробудившаяся в человеке совесть, свойство, которого лишены животные.

Совесть — робкое, а порой и довольно требовательное напоминание человеку о его душевном превосходстве над зверем, тогда как на деле это не всегда происходит. Более мучительным для человека оказывается постижение безвозвратной утраты им прекрасной звериной силы. И тогда человека начинает снедать тоска и неудовлетворенность, он заболевает полётом, и уже не мыслит себя без высокого неба.

Человеку, кажется, нечего предпочесть одиноко парящему в вышине ястребу, этой отрешённости гордой птицы, что сначала незаметно окрыляет, унося вместе с ней в необозримую высь, а затем повергает в ошеломительную зависть.

Земля подо мной вдруг становится невесомой, какая-то неведомая сила приподнимает меня над лесом, и я уже не отдаю себе отчёта в своих чувствах, все они сливаются во всепоглощающее переживание дикой свободы, а её можно ощутить только вот таким, тревожащим сердце, весенним днём, превращаясь в мыслях в легкокрылого и недостижимого ястреба.

ЛЕСНОЙ БОГ

Если знаться с лесными обитателями, говорили старые люди в деревнях, значит, знаком и с лесным богом, что живёт в самой глубине чащи. Бог всех своих жителей привечает, в них его суть, и всё-таки он есть нечто необъяснимое, хоть и сильно ощущаемое. Глухарь со своей тайной и древностью очень напоминает его, иногда мне даже кажется, что в глухаре его более, чем в других обитателях леса.

Я давно ищу этого бога, почему-то мучаюсь, и в тоже время радуюсь его присутствию. Кто он и как его воспринимать? Обращаясь к лесу, обращаешься ли ты и к нему? Слышит ли он, наконец, тебя, и как реагирует на твоё внимание?

Лесной бог — это, наверное, один для всех нас Бог, только приобретший лесное обличье. Или он нечто особенное, именно лесное, доступное лишь тому, кто не мыслит себя без леса, хотя иногда и забывает про него.

Ходя в лесу, замечали всегда в народе, ходишь и под лесным богом... Он

там — напоминание человеку, чтобы остановить его в несправедном слове и деле, и помочь обрести истинный путь. Он милостив и любого простит, если тот признает свою вину против зверей или растений, попросит у леса прощения и обратится к нему со всей душой. Лесной бог такого человека непременно порадует: приютит, обогреет и, если тот плутает, ликом к дому повернет.

Только лесной бог знает то, чего никто в лесу, кроме него, не знает, и ещё видит, чувствует и хранит. Хранит проявленное к себе внимание человека, которому не даст подаяния, а доверит всю свою несметную силу, если тот научится видеть и чувствовать лес, неустанно познавать его, изумляться лёгкости овладения знаниями и радоваться. Лесной бог непременно отметит для себя такого человека, если он, изумившись лёгкости овладения знаниями, обретёт постоянную потребность петь песню, переживая счастье воспарения ястребом или воспринимая происходящее неутомимым волком.

Лес весь преисполнен божьей благодати, пронизан ей насквозь, и как бы ни был он обижен человеком, в нём всегда бьётся восторженное, зелёное сердце, а мудрость его заключается в том, что он терпеливо ждёт в себе прекрасного человека. Он ежечасно, если сам человек того пожелает, предоставляет нам прекрасную возможность взглянуть в себя, через лес, и, наконец-то, начать расти душой.

Недаром самый заповедный лес называли божелесье. Бог в нём всё собою невидимо наполняет. И когда мы входим в такой лес, то непроизвольно поклоняемся в душе лесному богу. Он - наше самое близкое и родное представление о величии и беспредельности жизни. Но, обращаясь к лесу, моля лесного бога о внимании, мы забываем, что он и без того живёт в глубинах нашего сердца.

Что-то порой завораживает человека в лесной чаще, кровь толкается в висках и сердце стучит, а пальцы, живот и всё в груди немеет. Откуда-то за тобой продолжает следить пристальный взгляд, неотступно, так что не вымолвить слова. Ты как будто улетаешь, возносишься неведомой силой к вершинам деревьев и теряешь рассудок. До того могуч этот взор, что противостоять ему невозможно.

Почудится в какой-то миг, что наплывает на тебя из глубины леса бескровное старческое лицо, губ не видно из-за усов и бороды, не вздрагивают веки, но глаза не холодны, по-молодому колки и ровно спрашивают: «Кто ты? Зачем ты здесь?» Можно утонуть в их глубинном тумане, в этом густом настое дикой белены, и в тоже время ничего нельзя противопоставить их удивительной ясности и чистоте. Развернутые зрачки вмещают и поляну, и облака над ней, и раскидистые сосны, и тебя самого. Глаза неведомого старика как будто стерегут всё живое, но делают это ненавязчиво, с достоинством.

Сбросить их колдовство невозможно, и лучше подчиниться и робко впитывать происходящее. И тут в мгновение обнесёт каким-то жутким дуновением, на долю секунды совершенно обессилит, и уж после этого сам на себя пеняй: если спасовал, страху поддался - оставит тебя еле угадываемая

сила в оскорбительном неведении; выдержишь, не сломаешься - чуточку приподнимет. Тогда взирай во все глаза, впитывай сердцем и не говори, что не желал тайны. Счастлив твой лесной бог, если только ты силен, радостен и весел.

Правда, чаще ничего не видишь в дремучем переплетении ветвей, а лишь угадываешь неясные передвижения, вскрикивания, вздохи... Охнет нечто неуловимое за спиной, и тотчас растворится в воздухе: станет он ещё прозрачнее, тоньше. Или всё лесное пространство вдруг застынет в безжизненной немоте, будто ожидая к себе достойного отношения, не отпускает... Лучше не поддаваться необъяснимому в лесу, идти заранее избранной дорогой, и если жив лесной бог, значит, и твоя душа будет жива. Ведь где, говорят, жить, там и Богу молиться, а уж он обязательно человека услышит.

Но человек одно что гадает: звериное или людское у лесного бога обличье?! А может быть, нечто чудное, в полном смысле несусветное, что даже невозможно себе вообразить? Оборотень с окаянными глазами, медведь-супостат или неприкаянный ветер, что неугомонен и жаден до всего, но ничего после себя не оставляет, забирая с собой? Обмирает душа от самых немыслимых предположений, заходится в смятении разгоряченное сознание. Лесной бог на всех угодить не может, а воображение человека в отношении его многолико.

Вот он представляется громовой тучей, что крадётся по земле зловещей тенью, и время от времени замирает, извергая огненные стрелы. А то смотрится в душу древним мудрецом со светлым образом, зовёт за собой и ничего не обещает, приводя тебя, в конце концов, к самому себе. Сдержанное, еле приметное дыхание вековой чащи тоже, кажется, его излюбленная ипостась, что неожиданно порождает страшный сон и дремучую темноту. Будто не бог это вовсе, а призрак его блуждает, и будет блуждать бессмысленно и бесконечно, до скончания веков.

Иногда лесной бог воплощается в крутящиеся вихри, так он будто бы «показывается», и не к добру это появление... Вздываются, бегут по лесным дорожкам безудержные вихри, а то схватываются друг с дружкой, пугая птиц и зверей. И вот, из самой их середины поднимается лесной господин: сивый, как вихрь, высокий, сухой старик с пыльной бородой и развевающейся во все стороны копною волос.

Покажется так только на миг, отчего-то погрозит старческой костлявой рукой, и скроется. Беда тому путнику, что, не благословясь, выйдет из дому, да в полдень попадёт туда, где крутится пыльная толчея вихрей! Седое народное слово гласило, что человек этот обязательно пропадёт.

Облик лесного бога был довольно не определённый, и видоизменялся по воле тех или иных верований людей. Чаще представлялось, что окружённый своим лесным народом — русалками, лешими и прочей лесной нежитью, служащей у него на побегушках, он живёт в глухой трущобе, где у него стоит дворец-хата на курьих ножках, а вокруг виснет по зелёным мшистым ветвям всё его

таёжное племя. Во все стороны леса рассылает лесной бог подвластных ему лесовиков, чтобы те оберегали его пределы от человека, когда тот вторгается в боговы владения с топором и с ружьём. Наставляет сбивать нерадивого путника с верной тропы, вынуждая его плутать в трёх соснах, заводя на такие заколдованные тропинки, по которым сколько не иди, всё к одному и тому же глухому месту и выйдешь.

Оттого-то и стараются люди жить с лесным богом в добром согласии, и тогда он не только не враждует с человеком, но и оказывает ему всякое покровительство, награждая в лесу своим местом и пищей. Охотникам оставляет на жертву в чаще первую добычу, а лесорубам строго-настрого наказывает не начинать дела без слов «Чур меня!», бабам же или девкам, гробовщикам да ягодницам повелевает задаривать «доброго дедушку» куском хлеба и щепотью соли, а то каким-нибудь украшением, до которых большой охотник. Но перед началом зимы, поздней осенью, лучше, вообще, не соваться в лес: хозяин его, перед тем, как залечь на зимний подневольный покой, никому не даёт пощады. Тогда от него не отчуждаешься, и даже хлебом-солью не отделаешься.

Чудо-юдо, маханная губа... Нелюдская сила! Да сколько бы воплощений лесной бог не переживал - всё богово дорого, а что дешёво, то бесово. Но даже в облике лешего он может и помирить, и сохранить, и избавить от неприятностей. Лишь один лесной бог без греха.

Священно и таинственно существование лесного бога. Оно исполнено множества загадочных перевоплощений, что помогают хоть одним глазком заглянуть в великую книгу природы, наглухо закрытую для тех, кто не пытается припасть душой к груди леса. И вековая печаль, и тихий свет радостей, и грозные вспышки стародавних обид, и невысказанные мысли — всё это чудится в дыхании лесного бога. Он пробегает ветром по вершинам старых богатырей-сосен, обступает зашедшего в лес человека могучей крепью, перекликается с ним совой и филином, перебегает ему дорогу бесоватым зайцем и хитрой лисой, еле уловимым прикосновением ветра навеивает на душу светлые думы о том, что человек вступает в лес, зовущийся таинственным садом божьим.

И ещё, не в пример морю, горам или реке, лесной бог говорит человеку намного откровеннее и понятнее, как всё кровное, родное. Слишком долго, наверное, русский человек хоронился в родных лесных местах со всей своей верою в их бога, ревностно оберегая её. И оттого лесной бог иногда снисходит до него, овевая его душу благодатным, неизречённым покоем... А особо просветленного и радостного препровождает в свою «святая святых».

Недаром в самом сокровенном уголке души человек всегда испытывает благоговейное смущение при входе в лес, при соприкосновении с лесным богом, и такой заповедный лес он называет своим храмом. Раньше в его священных уголках совершались жертвоприношения воплощённому в природе Богу. Под страхом смертного греха, что никогда и ничем не замолить, человеку запрещалось там охотиться за зверем и птицей, не позволялось

рубить ни одного дерева. Под вековой сенью божественных деревьев благословлялись жрецами брачные союзы, а в особо отведенных местах устраивались кладбища, где находили себе вечный покой те, кто завершал свой томительный жизненный путь.

Вступить в храм лесного бога не подготовленному к встрече с ним человеку непросто. Бог всегда ставит на пути страждущего по семь неодолимых преград, и борьба эта затянулась на целые века. Люди, в большинстве своем, доходят до невидимой границы, какую уготавливал им лесной бог, но вот перейти ее доводится немногим...

А приходишь к лесному богу, чтобы подышать его древней силищей и, может быть, угадать в ней что-то своё из далекого прошлого, что для тебя кажется всегда близким и родным. Сам находишь тропу в его зелёный терем, переживаешь непроглядную темь и самоцветные зори, пока доберёшься до места. Подступы к нему стережёт седовласый старинный бор, в чьих мохнатых вершинах затерялись вещие думы, и радость, и боль.

Вороны старухами-староверками перелетают там от дерева к дереву, но не вскрикивают, как обычно, а многозначительно молчат, что-то скрывают. Во всём окружающем пространстве угадывается властный дух, но в тоже время он не тяготит. Хочется идти, впитывать всё и радоваться вызванным из земли шёпотам, дыхание же леса обдаёт живым покоем. Его зелёные волны неслышно клубятся под сводами леса и рождают в душе смутный, чарующий звон. Невозможно при этом не отпустить лесному богу поклон, а повсюду мерещатся сказки, сон и великая благодать. Судьба ли тебе войти в долгожданный лесной терем?!

Вот когда захочется прочесть лесному богу свою самую сокровенную молитву и поблагодарить его за всё, отчего жизнь сразу воспротивится затаенному страху и станет крепче. Ты вдруг ощущаешь рождающееся в тебе знание, сливаешься с ним и летишь. Но лучше, всё же, приземлиться и посмотреть, как возвращается с ночной охоты барсук, входит в свою сокровенную нору и что-то там делает, таинственное и простое, очень необходимое ему... Как до конца завладеть расположением дремучей чащи, что тоже не прекращает своего наблюдения за тобой?!

Так, неожиданно встрепенувшись сердцем, ты восплаеешь неудержимой мечтой и спокойно отойдёшь от всего того, что ещё вчера непонятно будоражило и мешало. Ведь цветы в душе появляются всегда заслуженно, и нужно много времени и сил, чтобы разбудить в себе весну, желание и способность быть неутомимым, и ещё умение не разочаровываться в том, что избрал сразу, ни с кем не посоветовавшись и не обсудив. Взял и решил по-своему, а получилось так, будто все именно этого от тебя и ждали.

Слава тому, кто не только преодолевает в себе страх, но и учится ничего не бояться! А лесной бог еле ощутимо поддерживает тебя и терпеливо ждёт, когда ты обратишь к нему своё доброе внимание.

И всё же, о лесном боге легче думать как о глухаре... Что он такой же красивый, большой и древний, щедро освещенный солнцем поутру, когда

восседает на вершине ели, настоящий лесной царь! Пышут жаром красные брови, будто заря над лесом поднимается, гордо зеленеет перламутром выгнутая грудь, а ещё у него огромный хвостище, весь в опаловых пятнах, крутой, что тёмный небосвод. Не пристало лесному богу выглядеть обыденно или жутко, и он поражает своей исполненной гордого достоинства мудростью и тайной: кто бы ты ни был - смекай лесную правду, как можешь, но меня уважь!

Вот что-то величественно напружинилось в самой гуще ветвей, вздрогнуло и сорвалось. От грохота взлёта стоишь неподвижно, силишься постичь и в первое мгновение ничего не понимаешь. Глухарь! Как тысячи лет назад, пугает он всё живое, и это живое подбирается от страха, а потом сразу отходит. Но воображение тянется за ним, улетает в таёжную даль и теряется там. Не совладать ему с древним исполином лесов, не угнаться.

Если вообразить глухаря древним лесным богом, то и вовсе растеряешься от охватившего наваждения: вот бы и тебе так, ничего не страшась, только блюдя свою сокровенную тайну, рвануться в тёмную чашу и не затеряться. Чувствуя монолитное тело и крылья, касаться ими еловых лап, недовольно скрипеть горлом прямо на лету. Божественная птица, птица-кремень, ей все чудеса доступны, а красота глухаря - в вековой лесной правде. Силища!

Лес может казаться мёртвым без него, но с ним — никогда! Глухарь — его самое проникновенное и родное божество, и оно никогда не умрёт. Как бы к этому ни стремились люди, он всегда останется жив, ибо призван природой хранить чудеса и правду, что не боятся смерти. Увидев его хоть однажды в предутреннем азарте песни, тебе откроется путь в глубины времён, и ты поймёшь нечто на всю жизнь. Поймешь то, что не выразить никакими словами, главное — почувствовать это в своём сердце.

Всё в лесу живое, всё о чем-то думает, а главное — как бы лесному богу угодить, да себя просто так не продать. Думают деревья, камни и небо, про что лесному богу загадать, чтобы исполнилось всё в лучшем виде, но никто другой про это не прознал. Каждый лесной житель норовит свою думку утешить, и лесному богу услужить: он за то без внимания не оставит. Непременно!

Молчит лес, неслышно качает верхушки чёрных елей, не доносится оттуда ни звука. Низкое солнце уже скрылось в облаках, потемнело всё вокруг, затуманившись какой-то неясной грустью. Кажется, никого в лесу нет, пусто вокруг.

Но неустанно живёт в лесной чаще её бог, только притаился и ждёт: как кто-то разочаруется в нём, он тотчас слетит со своих могучих вершин красавцем-глухарем, присядет рядом и ненароком вдохнёт в него лесную отвагу и правду.

Для выражения этого знания у глухаря есть своя песня, которую он поёт только однажды — весной. Всё остальное время он копит её в себе.

Целый год он живёт обыкновенной незаметной жизнью, а весной тихо и

радостно преображается. Для того, чтобы понять эту большую птицу, нужно услышать в её песне маленькие слова-ключики, что бессмысленно заменять какими бы то ни было отмычками.

В кратко выраженных и время от времени повторяющихся волшебных звуках глухарь поёт о тщете окружающей жизни и её великолепии. В них заключена незамысловатая прелесть его лесного существования. Скрытое от людских глаз и понимания, оно, наверное, кому-то представляется скучным и невыразительным, а его песня — бесполезной попыткой выбраться из него.

Втайне я мечтаю, в конце концов, отыскать единственно верное предназначение этого лесного существования, что, несомненно, сможет наполнить значимостью все затрачиваемые усилия, они - замечательны, потому как отражают мои мучительные поиски. Правда, временами в меня закрадывается червь сомнения во всём, что касается и жизни, и загадочных птиц, и тогда я ищу спасительное равновесие в самом себе, не всегда находя его.

Но как только царь таинственного глухолесья просыпается в предрассветной мгле, и начинает своё неподражаемо обрывистое скирканье, я тотчас забываю обо всём. Душа с сознанием смешиваются во мне, и становится невозможным спокойно выдержать напряжение от глубинной полноты этой природной речи. Всё больше разгораясь, она потом преследует меня целый день, и не даёт возможности успокоиться.

Под самое утро глухарь слетает с ветви, будто это накопившееся в лесной глуши давнее время срывается ненароком, охает лохматыми сильными крыльями и вскоре бесследно исчезает до самой осени. В такие дни кажется, что лесной бог умер, и никакие силы уже не в состоянии возродить его, а я должен жить без него. Глухарь же, наверное, просто дремлет в каком-нибудь глубоком тенистом овражке, потихоньку готовит себя к линьке, и думает бог знает о чём!

КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО

Недвижима весенняя ночь... Оранжевая луна крадучись прячется за деревьями, неслышно перебирается к чернеющему западу. Сновидения в эту пору не одолевают разгорячённое за день воображение, и всё живое лишь замирает в предвкушении скорого оживления.

Первый вальдшнеп неожиданно протянет где-то над верхушками елей и, утробно хоркнув, разбудит ненадолго задремавший лес. Всё как будто встрепенётся в нём, приготовится встретить скорое утро, и словно станет легче дышать.

Невидимый воздух плотен, свеж, и приятным откровением слышится в нём монотонная песня кукушки. То удаляясь, то наплывая, она сначала не

привлекает обостренного внимания. Слух напряжён в ожидании редкого глухариного скирканья.

Но постепенно заунывное кукование доходит до твоего успокоенного ночной тишиной сердца, и ты начинаешь, в такт неутомимой птице, считать свои года, готовые в любой миг оборваться, и от этого сердце вновь охватывает волнение, а кукушка всё кукует и кукует, не оставляя никакой надежды на безудержный порыв. Только безукоризненная, даже чуточку надоедливая размеренность, вносящая умиротворение в зарождающую жизнь.

И всё же, непонятно к чему призывающий крик кукушки так и не даёт до конца успокоиться, тревожит, и, остановив свой счет на трёхстах, я ещё долго слышу, как над лесом разносится размеренное «ку-ку, ку-ку, ку-ку», и при этом не могу отделаться от не совсем приятного ощущения, что буду жить вечно.

ПРЕДВКУШЕНИЕ ТАЙНЫ

Ночью я никак не мог заснуть. Шипела на столе догоравшая свеча, в глубине леса, со сна, ухнула какая-то птица. Повернувшись на бок и вглядываясь в темноту, я пристально вслушивался, и мне казалось, будто за стеной кто-то ходит. Что-то до жути знакомое и неясное витало там, над опушкой, и его хотелось понять до конца.

Тихо приподнявшись, я толкнул дверь. Она подалась легко, растворившись почти настежь. Заклинившись о перекошенное временем крыльцо, дверь издала тягучий сухой скрип, но не вспугнула им тишину. Птица ещё раз беспокойно и сладко вскрикнула, тотчас всё о себе поведав. Не хотелось даже идти и смотреть на неё, полусонную, нахохлившуюся, потому что сознание чётко рисовало себе незамысловатые всплески её диких лесных наваждений.

Было часа три, а может быть, половина четвёртого, время, когда в весеннем лесу зарождаются первые проблески утра. Меж еловых мягких ветвей висели редкие туманные сединки, с недостижимых высот умиротворенно взидало на землю потухающее звёздное небо. Оно уже подёрнулось лёгкой пеленой, и потому, как будто, отступило: остуженное, довольное собой, что всё так хорошо устроило.

Дымка сумеречного света кралась над заброшенной деляной, но очертания казались ещё расплывчатыми. Не было слышно ни шороха, ни звука. Утро словно подбиралось во снах к лесным обитателям, готовое нахлынуть и захватить всеми своими запахами, красками, песнями. В этой остановившейся тишине я ожидал услышать только один, ни с чем несравнимый, чеканящий древним правдивым знанием звук, а потом и песню птицы — через века хранимый ею путь поисков этой правды.

Но глухари молчали. Не прилетев вчера, они, по-видимому, и сегодня отсутствовали на току. Не в силах сосредоточиться, я пристально вслушивался туда, откуда, по моему разумению, должно было начаться долгожданное тэканье.

Ни разу не слышимое в лесу, оно почему-то ясно представлялось, и казалось, что среди тысячи звуковых оттенков я его различу непременно, а затем, по всем правилам перебегая и затаиваясь под неподражаемую песню, увижу и самого глухаря. Я ещё никогда не бывал на току, это – моё первое знакомство с древней птицей, и я представляю, как всё будет...

Вот только прорезавшийся на востоке свет медленно наливается розоватым глянцем. В ожидании первобытного неведомого зова всё вокруг точно навсегда замирает. От непонятного волнения гулко толкается в груди сердце и, кажется, не хватает воздуха. А мошник, закинув голову и закатив глаза, глухой ко всему, кроме своей всё более расходящейся страсти, возбужденно переминается на толстой сосновой ветке: перья надуты, хвост распушен, мощные крылья вытянуты назад.

В этот священнодейственный момент птица лишается обычной остроты зрения и чуткости, и в неё надлежит стрелять. Опять же хладнокровно выцелив мушкой под крыло, а лучше в шею, и непременно под неподражаемую песню. Если, конечно, сможешь преодолеть в себе путаный момент восхищения с сожалением, если не дрогнет в последний миг рука и птица не сорвётся стремительно с ветви в разгорающуюся за лесом зарю, опавнув тебя горьковато-теплым духом дикой прошлогодней ягоды и смолистой хвои.

Я бы, наверное, преодолел это в себе, чтобы единственный раз увидеть всё самому, прочувствовать и понять до конца. Но глухари не прилетели. Я был уверен: никто не знает, что я здесь, и никто из людей сюда не придёт, а глухари, может быть, узнали. Им нашептала об этом лесная тишина. Дала некий тайный знак, что вблизи их заповедного обиталища появился человек.

Птицы куда-то перенесли центр тока, но я тогда почему-то не подумал об этом достаточно серьезно. В то утро казалось, что мне его увидеть просто не суждено. До того место предполагаемого токовища было пустынно, даже мёртво. Как будто птицы отказали ему в своем внимании, и оно уже не надеялось на их прилёт.

Берёзы у самого болота стояли опущенные, свет их приглушенно отражался в стоячей воде между кочками. И только сосны на южном крутолобом склоне упорно тянули корявые ветви к небу, слегка пружинили ими на ветерке, роняя на землю мягкие тонкие иглы. Вперемешку со старым глухариным помётом и выбивающимися кое-где травами, они копили в этом неведомом для людей уголке сладкий лесной дух.

И все-таки вечером того же дня я опять сгорал от волнения на подслухе в робкой надежде на то, что вот, может быть, сегодня глухариное чудо коснётся меня краешком своего атласного крыла. И опять глухари не появились, и короткая весенняя ночь высыпала на небе возбужденно посверкивающие

звезды, и лесная тишина вновь укрыла всех своим шелковистым безмолвием, а восторженные птицы с сожалением смолкли до утра.

Кто-то неведомый крался за стеной избушки, хрустел прошлогодними сучьями и ненадолго замирал. В глубине леса надрывно вскрикивала ночная птица, и не дающая покоя тайна по-прежнему волновала разгулявшееся воображение.

В ранний сумеречный час я сидел, не зажигая свечи, и почти был уверен, что глухари не запоют. Что-то не укладывалось в моих размышлениях о таинственной птице, и путь поиска глухариного токовища, что поначалу представлялся верным, оказывается, упускал в своем построении самое важное: то, без чего невозможно было насладиться чудодейственным зрелищем, представляя себя краснобровым петухом, что самозабвенно провозглашает долгожданную весну... И всё же, вопреки этому, я чувствовал себя счастливым.

Беззвучие в ночи вынуждало прислушиваться к движениям внутри себя. Мягкая пернатая тень, что оставила после себя сова, пересекая освещенную луной поляну, навевала неизъяснимую прелесть происходящему вокруг. Проколовшаяся на западе Венера промытым белым зёрнышком неудержимо убегала к грядущему матовому востоку. Всё, что завершало весенний день, укладывало жизнь по глухим буеракам и ельникам, предвосхищая неприкайную ночную жизнь, и составляло счастье от предвкушения тайны.

СТАРАЯ БЕРЁЗА

Хорошо иной раз улечься на землю и посмотреть, как разнообразно живут сверху деревья. Какие у них разные судьбы, что выражается в диковинной форме крон, изгибах ветвей и стволов, шуме листвы и всех звуках, которые они издают.

Вот заскрипела берёза, и ты не сразу определишь, какая из них подала свой голос. Долго вглядываешься в тишину леса и, наконец, замечаешь с необыкновенной радостью: вот эта. Смотришь и слушаешь, пока сам не почувствуешь, как она плачет о былой молодости, словно это ты сам.

Если берёза начинает скрипеть, её нужно рубить, так считают люди, заготавливающие дрова. Но я повременю пока, и приду на помощь, только когда ей будет невыносимо от старости. Сейчас же я слушаю, как старая берёза проповедует мудрость.

СНЫ

Часто в лесу мне снятся сны, в которых люди превращаются в животных или ты сам становишься каким-то диковинным зверем с неприкаянной душой. Очень не хочется потом терять его обличье, будто ты уже когда-то был им, жил нехитрыми звериными устремлениями и ничего не боялся. Втайне всегда желаешь вернуться к утерянной жизни, но происходит это только ночью...

...Вот, после захода солнца, с высокой горы над рекой вдруг скатывается тебе под ноги старуха-тоска с огромными прозрачными глазами. Вертись и вращаясь, вся в капельках серебрящейся воды, она неприметно перевоплощается в выдру. Выдра встаёт на задние лапы, и заглядывает тебе в душу.

Глаза у выдры глубокие, на первый взгляд, ничего не значащие и мутные, но такие пронизывающие. Они порождают в душе неясную тревогу, может быть, даже растерянность или настороженность. Кажется, ничего хорошего не предвидится.

Но сон проходит, наступает пробуждение, и всё увиденное отдалается на неопределенное расстояние, когда трудно определить истинную суть того, что на самом деле происходило во сне, и пока, почему-то, не сбылось. В глубине души остаётся только неприятный осадок от того, что не осуществилось и отодвинулось на время, как что-то такое, чем можно воспользоваться, если захотеть. Это что-то создает иллюзию достижимости всего, что ты задумал, и она помогает сохранить вкус к жизни, не позволяя, впрочем, пока достаточно ясно разобраться в ней.

Бродя днём по лесу, я неожиданно вспоминаю глаза пришедшей из сна выдры, что на самом деле ещё несколько лет назад попала в оставленный кем-то капкан на берегу таежной речки, и отчего-то становилось не по себе при появлении во сне этого зверя. Может быть, от того, что выдра, приспособившись тогда к своему незавидному положению, но не присмиревшая, напоминала мне себя самого с безвозвратной утерей в своей жизни чего-то важного.

А выдра, переваливаясь в речном песке, выпускала из оскаленной красивой пасти запашистые облачка утробного пара, что тотчас растворялись в остановившемся осеннем воздухе, и неотступно притягивала своей непостижимой звериной глубиной. Поражало в этой глубине то, что она не выглядела отрешившейся от всего в своей боли, какую полагается, по нашим понятиям, иметь затравленному зверю, а будто даже ещё более преображалась в своей восхитительной простоте жизни, не способная попусту недоумевать или предаваться отчаянию. Оставаясь в капкане, выдра не казалась несвободной...

Сова во сне появлялась ближе к полудню и, скользя неувимой тенью вдоль опушки, исчезала. Кажущаяся почему-то бездушной, она заполняла собой всё сонное пространство, будто повелевая им.

Появление её в светлую пору выглядело странным и немного жутким. Что-то неприятное неизъяснимым холодком закрадывалось в душу, и тотчас отступало в неизведанную темноту, когда сова проносилась над головой. Своим ненавязчивым возникновением птица вызывала ощущение невероятной кровожадности, даже какой-то неминуемой безысходности для всех, кто оказывался с ней рядом. Её парение сковывало чувства и мысли, подавляло, и даже во сне ты начинал сомневаться: была ли это на самом деле сова?

После своего исчезновения сова сразу перевоплощалась в вымытого белого мужика с маленькой бородкой, в опрятно скроенной и ладно обтягивающей плотную грудь рубашке. Большие рыхлые руки его напоминали бесшумные крылья, взгляд казался пустым, но светлым, а полные губы трогала непонятная улыбка. Весь он излучал плотоядное терпение, безразличие ко всему живому и был страшен.

На этом сон прекращался, а неприятное ощущение от того, что в тебе что-то пропало, будто его украли, ещё долго не покидало. Оно растворилось вслед за исчезнувшей совиной тенью: ни разу не ухнувшая сова несла с собой еле осознаваемое чувство заволаживающего трепета перед чем-то глубоко скрытым и непонятным, но всё-таки сладко одолевающим воображение. Что всё это могло значить? Одно ясно: сова не принесёт добра...

Никогда не ездил на слоне, даже не помышлял об этом, наверное, очень приятном занятии, и вдруг, в затерянной посреди уральских лесов избытке, мне приснился сон: в нём нет ни единого звука, всё тихо до глухоты, но зато ослепительно светит солнце, и через большую цветущую поляну медленно идет слон. Спина у слона большая, поката, а глаза – добрые. Смотрит ими безропотно, со своего высокого роста, и не мигает: как будто сказать что-то хочет, только не умеет.

Я сижу на морщинистом загривке слона, он им изредка покачивает в такт неторопливым шагам, смотрю вокруг и понимаю, что всё это сон. Огромные уши-лопухи колышутся и обдают утробным слоновьим духом. Ехать на слоне очень удобно, и многое недостижимое становится доступным. Обидно только, что ощущение сна не покидает, и это несколько портит восприятие чуда.

Катание верхом на настоящем слоне и есть, наверное, самое доподлинное чудо. Во сне это волшебное состояние выглядит, как ни странно, более реально, нежели наяву. Макушка слона с вихляющимися опахалами-ушами так трогательна, что представляется его самым уязвимым местом, и до него хочется дотронуться. Как только я протягиваю к нему руку, слон неожиданно пропадает.

Вероятно, всё увиденное свидетельствует о моей усталости, и даже

некоторой бесприютности посреди огромного леса. Так в этом сне всё безжизненно и тихо. Только голубые и серые краски, не вмещающие необыкновенного лесного воздуха, какое-то странное дымчатое пространство, а в нём, благодаря слону, угадывается ... присутствие большой желанной женщины с теплыми губами.

После пробуждения ничего не хочется делать, а только неподвижно лежать, слушать, как дышит за стеной избушки нестигаемый лес, и ощущать на лице чье-то неуловимое и нежное прикосновение.

ПНИ И ВЕТЕР

Одинокие пни, на первый взгляд, кажутся безучастными ко всему, что неторопливо перекачивают свои угрюмые мысли. Усталыми корнями погруженные в темноту подземного царства, они отдаленно улавливают шёпот буйно подступающих к ним трав. Иногда откуда-то сверху до них доносится неясный шум, и, угадывая в нём для себя что-то очень знакомое, они, поднатужившись, пытаются вспомнить, где и когда уже однажды слышали подобное. Но одиночество их так беспросветно, и подступившая старость настолько неумолима, что, забываясь в дремотном полусне, они опять на неопределённое время утихают, пока ветер не принесет им какие-нибудь сладкие мысли.

Но много ли они могут взять с него в этом неуловимом общении? Скорее всего, ветер и не замечает в своём порывистом напоре присутствия пней и, потерявшись какое-то время об их порядком иссохшие лысые спины, опять куда-то уносится. Старые пни, разволновались от его ласковых прикосновений, ещё долгое время не могут успокоиться, с удовольствием вспоминая только что пережитое. Если в такие моменты по ним слегка ударить какой-нибудь берёзовой или еловой палкой, то они тотчас отзовутся тонким сухим звоном. Так пни реагируют на оказанное им внимание.

Натолкнувшись в лесу на сухой растрескавшийся пенёк, обычно почувствуешь его утомленному виду, и с неожиданным облегчением присядешь перевести дух. Рука твоя нащупывает приятную шероховатую колкость, и ты чувствуешь, как лёгкое волнение исходит от пня, и душа твоя мгновенно перенимает его. И тогда ты поднимаешься невольно и, поворачиваясь к пню лицом, долго смотришь: что же насторожило тебя в нём?

Пристально вглядываясь в померкшие годовые кольца, пытаешься прочесть память остановившегося времени.словно это звуковые бороздки: проведи по ним зелёной иголочкой — и запоёт тихо обнажённая душа, разбуженная ветром. В мёртвом пне вместе с тем, что отжило, всегда проявляется неведомое новое.

ПАУТИНА

Бывает, не с той ноги вступаешь в лес, и сразу все идёт наперекос. Упрямые ветви цепляют и не пускают тебя в самых безобидных местах, каждый корневой выступ норовит подставить подножку, проходя по бревну через реку, ты обязательно соскользнёшь в воду, а птицы и звери по необъяснимой причине оказываются для тебя недоступными. Именно в такой день ты и натыкаешься лицом на паутину...

Паутина стягивает на мгновение лоб, неслышно рвётся, и бесцветными, свернувшимися в трубочку, лоскутами повисает на ресницах. На душе становится неопратно и глухо, и ты понимаешь, что совсем недавно жизнь была где-то обманута тобой, и вот-вот должно произойти что-то жуткое.

Но ничего не происходит, и остается только неприятное ощущение от этого голого прикосновения, когда, кажется, вся невероятная темнота жизни и её боль вмиг опутали твою обнажённую душу, не давая возможности вздохнуть. Весь такой день потом бродишь пустой, неудовлетворенный, будто кто-то против твоей воли увлёк тебя в неведомую чащу, посмеялся там над тобой, и безо всякого внимания оставил. Так и хочется сказать: лови паук мух, пока ноги не ошипаны!

ЧЕРНИКА

Нелегко собирать чернику... И вовсе не из-за того, что она мелкая, да по кусту раскидана, а просто растёт эта ароматная ягода на болотах, где полно гнуса и комаров. Пока за день за ней наклоняешься, надоедливые насекомые всё лицо и руки в кровь изъедают! Но, не вкусив горького, как известно, не узнаешь и сладкого.

День уж за полдень перевалил, а ты все спину гнёшь, не сдаёшься: лукошко непременно полное надо домой принести. Иначе, какой ты ягодник? Полная корзина - зарок твоего лесного умения и знания, что не каждому даётся.

Черника — ягода нежная, на вкус необычная, но пока её собираешь, не посмеешь и разу испробовать, вся, одна к одной, в лукошко ложится. Не то, что малина: этой ягоды лишнюю горсть в рот отправить не жалко, она и растёт гроздьями, и гораздо крупнее!

Созревает черника под звенящие комариные песни в самой середине июля. Коли черника поспевает, замечали в народе, то поспевает и рожь. Но

даже если ягода переспеет, и её не соберут люди, она достанется зверям и птицам, что целыми выводками, до самой осени, кормятся ею.

Особенно любят чернику глухари и рябчики. Весь июльский день прячутся они в уютной прохладе густого елового полога, а вспугнутые тобой на моховых кочках, не перелетают далеко, и усаживаются где-нибудь неподалеку, продолжая свою неторопливую трапезу. Птицам, наверное, нравится жить такой привольной жизнью и никуда не торопиться. Черника уж больно вкусна, да к тому же её так много!

Для человека работа по сбору этой ягоды черна, зато денежка за нее бела. Но сама ягода черна не как сажа, ночь или ворон, она черна по-особенному — мягко, с еле уловимым тёмно-синим налётом, что только чуть угадывается в ягоде, и придаёт ей приятную таинственность. Ни голубика, ни жимолость такого ощущения не вызывают.

Обычно черника растёт среди хвойных деревьев. Маленький ягодный кустарник хранит для дерева влагу, а деревья своей тенью оберегают чернику от палящего солнца.

У черничника низкие ребристые стебли со светло-зелёными листьями. По их краям видны маленькие зубчики. Листочки у черники расположены в основном на верхушках веточек.

Растёт черника долго, чуть ли не сто лет, а сам черничник всё время обновляется: постоянно появляются новые, молодые кусты. Ягоды сочные, терпкие и какие-то удивительно нежные. Ешь и не можешь насытиться этой сладостной мякотью, что кружит голову ароматами лета. Как хорошо в середине июля под покровом гостеприимного хвойного бора!

Название своё черника получила за то, что чёрная, но на самом деле она тёмно-синяя, скорее даже - фиолетовая. Срываешь с кустика одну ягоду за другой, и нет-нет, да какую-нибудь раздавишь. Густовато-терпкий фиолетовый сок вмиг окрасит пальцы, ладони и запястья.

Чем скорее солнце клонится к западу, тем тяжелее усталость, а значит - больше раздавленных ягод. Комары же, не переставая, зудят вокруг, лезут в глаза, рот и уши... Нет с ними никакого сладу!

И вот, намаявшись за день, ты уже отбиваешься от надоедливых насекомых обеими руками. Размазываешь по лбу, щекам, шее, а они всё лезут и лезут несметным полчищем. Самая пора выбираться из леса.

С лёгким сердцем, словно заново родившись, выходишь на знакомую тропу, и ноги сами несут тебя до станции. Ягоды матово-синим, драгоценным лакомством покоятся в твоём стареньком лукошке, и ты нет-нет, да взглядываешь на них: теперь и домой вернуться не стыдно!

Но что это? Все люди, что встречаются тебе по дороге домой, почему-то улыбаются, а некоторые даже смеются, только что пальцем не показывают. Остановившись, недоуменно осматриваешь себя: вроде бы, всё в порядке. Нет, по-видимому, ты сегодня изрядно переутомился: скорей домой, под душ, а затем похвастаться перед близкими и знакомыми своей нелегкой добычей!

И только дома, перед зеркалом, ты понимаешь, что послужило поводом

для веселья прохожих: всё лицо твое испещрено темно-фиолетовыми полосами и пятнами. Спасибо комарикам, с лёгкой укоризной досадуешь ты. И всё же, невольно улыбаешься: как это хорошо вставать рано поутру, идти по дороге, ударяющей в нос ароматом пробуждающихся трав и деревьев, и желать неизвестно чего: то ли того, что уже с тобой происходит, то ли полной корзины ягод. Ягод, которыми хочется не самому наслаждаться, а угостить какого-нибудь хорошего человека, и рассказать о том, как собирал их, позабыв обо всём, и был счастлив от единения с лесом.

Вот такая она, ягода черника: и щёки, и лоб, и нос совершенно чёрные, а ты её так и не попробовал! И если говорят, что не всё чёрное чернит, так это никак не относится к чернике. Про эту ягоду с улыбкой вспоминаешь даже зимой, когда морозным январским вечером пьёшь чай с черничным вареньем, и думаешь о лете.

ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ

Чувствуют ли корни дерева себя подневольными, постоянно находясь в темноте, тогда как верхушка кудрявится на чистом воздухе, ополаскивается дождями и окутывается солнечным теплом? Никогда не доходит до них белый свет, не уставая, работают они в своём тёмном заточении и, наверное, не могут не ощущать волны радости, что переживает дерево каждый день.

Когдаходишь в лес, всегда не покидает ощущение совершенно особого чувства времени. Это века, в образе старых деревьев, смыкают свои ветви над твоей головой, и среди них слышно, как длится мгновение. Ты поглаживаешь рукой их коричневую шероховатость, втягиваешь в себя запах смолы и, наконец, понимаешь: дух времени вдыхают в деревья корни. Они гонят накопленный сок жизни по устремившимся к небу стройным телам, строят город из леса, и в нём появляются звери, и прилетают птицы.

Корни дерева недвижимы, но порывы их души можно определить по тому, как оно живёт: шелестит листом и машет ветвями, клонится к земле, чуть не надламывая себя, или стоит не шелохнувшись. Невидимые миру, они пронизывают своим присутствием весь окружающий воздух, ненавязчиво касаясь каждого, кто проходит мимо внезапно зашевелившихся стволов.

А то вдруг разбушуются кроны, и вмиг повеет необъяснимой тревогой: тяжело тогда станет на сердце. Но не обратится твой внутренний взор под землю, и мнимое волнение среди деревьев ты отнесёшь к поднебесным силам, закинув голову и словно ожидая оттуда пугающего известия. Стоишь и не чувствуешь, как именно от шевеления корней, их невидимой работы, начинает подниматься из недр протяжный гул.

Взвоят тогда леса, загремят ветвями, будто идёт великое переселение. Тёмно-зелёное полчище неистовствует, грозно бряцает иглами. Увесистые шишки обрываются и с глухим стуком ударяются о землю.

Но не даются деревья: труженики корни противоборствуют стихии,

задыхаясь, погружаются в спасительную тьму, и нет в этой упорной отрешенности корней беспамятства или неуверенности. Они - сама непреклонность.

В мире природы есть свои заповеди блаженства и изматывающего труда, и эти заповеди удивляют нас самым неожиданным поворотом, так что мы принимаем их с благодарностью. Ступая между вырастающих из-под земли корней, невольно стараемся не причинить им боли, а преодолев видимое неудобство, что они создают, взираем на них с немым любопытством. Сладко копится тогда в сердце необъяснимая зависть от их затаенной мощи.

Пытаясь заглянуть в подземный мрак и не в силах представить себе вечное отсутствие света, мы проникаемся к корням тихим уважением и недоумеваем: как можно, оставаясь в этом извечно непроницаемом лоне, всю жизнь, не переставая, трудиться?! Но корни ничего не слышат и, не прекращая труда, молчаливо заповедуют нам свою непреложную, преисполненную достоинства истину.

АВГУСТОВСКИЙ ЛЕС

Солнце в августе греет ещё по-летнему, особенно в начале месяца, и хоть заметно короче стали деньки, а оно, кажется, не убавляет жару. Если в июле в глубине леса оставались таинственные прохладные уголки, то в августе солнце уже проникает всюду. Тёмно-зеленая листва деревьев и кустарников незаметно потяжелела, и в ней появились желтые пряди.

Краски уходящего лета не такие яркие, как в его начале: они просты и скромны, но в этой простоте — готовность встретить скорую золотую пору, когда листва деревьев вспыхнет ярким пламенем увядания, всех ласково озарит и успокоится до весны. А в лесу всё наливается, поспевает, потому что выпило за два летних месяца силу солнца, и оно, утомившись, уже с ленцой поднимается над горизонтом. Правда, этого не замечаешь, ибо больше смотришь под ноги, и если говорят, что лес видит, а поле слышит, то в августе он необыкновенно проницателен и мудр.

Мудрость леса проистекает откуда-то изнутри, копится всё лето, а в последний месяц выступает наружу. И лес будто преображается, превращаясь из долго скрываемой тайны - в щедрую радость: начинается дорогая для всех собериха и припасиха.

Лес открыт солнцу, и оно сразу замедлило своё шествие по небу, словно, спохватившись. Солнце почувствовало, что за лето потрудилось на славу, и уже не выглядит озабоченным. Ему хочется понежиться перед скорой осенью, подставить свои бока прохладному августовскому ветерку, а лес в это время с радостью спешит отдать дары.

Уже не так оживлённо на лесных тропинках и полянах, и, вроде бы, совсем умолкли птицы в самой укромной глубине: не до песен — подступает

время осенних перелётов. И все же, солнце — повсюду! Им пахнет лес, воздух и жёлтая дорога, что утопает в окружающей ее зелени, и, кажется, не будет конца этой пышущей спелым жаром жизни.

Перелом лета виден только ночами, а днём, когда солнце светит, как в июле, лес становится разомлелым и довольным. Правда, с утра, ещё окончательно не проснувшись, он достаточно собран и могуч, и, быть может, именно из-за этой его суровой возмужалости поубавилось безудержное солнечное сияние. Вот когда хорошо заглянуть к забытым за лето солонцам, в надежде увидеть целое лосиное семейство, и заодно принести зверям соли!

Поводов для того, чтобы отправиться в августовский лес, искать не надо, их в достатке: и грибы, и ягоды, и травы, но я, всё же, расстарался и нашел совсем необычный. Выбрав у егеря несколько кусков окаменевшей соли и уложив их в рюкзак, я отправился рано поутру в гости к лосям, на Чёрную речку, где располагался ближайший от деревни солонец.

Прямо у реки, в потаённой болотистой низинке, была повалена старая осина, а в ней выдолблены глубокие корытца, куда и следовало уложить соль. Подкармливать лосей можно хоть целый год, соль им требуется всегда, а мне хотелось увидеть зверей именно сейчас, когда охота еще не открыта, в лесу тихо и лоси ничем не напуганы.

Хорошо идти августовской дорожкой, утопая в опьяняющем тумане, и слушать, как повизгивают от радости дрозды, тяжело перелетая с дерева на дерево. Туман быстро поднимается, тает, и перед тобой, как в театре, будто открывается занавес. А солнце, подобно огромной люстре, ослепляет тысячами сверкающих подвесок, и воздух трепещет от лучащегося света.

Август... Блаженная пора... Всюду пышут ароматом цветущие травы, хвоя, земля. Воздух на солнце скоро становится горяч, а в тенистом полумраке елей всё ещё прохладен, и даже лямки тяжелого рюкзака, что немилосердно впиваются в плечи, не утомляют. Наоборот, хочется лететь к лосям, солнцу, уходящему лету, и никогда с ними не расставаться.

После трёхмесячного перерыва я не узнавал знакомые места, так неожиданно было видеть деревья в пышном летнем наряде. Ведь мне приходилось бывать здесь только зимой, осенью или весной, летом же я приезжал впервые. Очертания старых просек, опушек и укромных лесных троп растворялись в густой, набрякшей от недавних дождей зелени. Накатанная дорога — свободная, лёгкая, не утомленная обременительными осенними дождями и весенней распутицей, бурой лентой уверенно убегала от деревни к югу. Всё здесь говорило о другой, незнакомой жизни, и привыкать к ней было очень приятно.

Три криквы, неожиданно поднявшиеся с небольшой мочажины, вывели меня из сладостного оцепенения. Из-под невысокого берега выпорхнул и взмыл в небо буровато-белый кулик. Юркие трясогузки, то и дело, помахивая тонкими хвостиками, оставались сидеть на затопленных брёвнышках, и будто ничего не замечали. Этих пичуг испугать не так-то просто, если только подойти совсем вплотную, нарочно пошумев или сделав резкое движение.

Потревоженные утки с шумом унеслись за ближайший лесок, куличок пропал где-то в необозримой августовской голубизне, а я, проводив их взглядом, вдруг почувствовал, как близки сердцу все эти ощущения, на время отошедшие, но возвратившиеся первозданной, ни с чем несравнимой радостью, какую дарил мне августовский лес.

В конце лета наступает такой день, когда всё в человеке пресыщается спелым лесом с подосиновиками и малиной, сочными заливными лугами, рекой, полной окуней и белых кувшинок, пахучими туманами, словом, стремиться, вроде бы, уже некуда, слушать и собирать нечего, а сердце твоё, между тем, переполнено каким-то неизъяснимым желанием. И вот тогда тебе захочется посмотреть, как стоит во влажной густой листве, где-нибудь в глубине леса, у ручья, зверь, пусть даже сеголеток-лосёнок, и ты отправишься к нему, чего бы тебе это ни стоило.

Идти, конечно, нужно не с пустыми руками, и я не зря захватил с собой пуд соли, потому что знаю: лоси её любят. Вернее, она нужна им как воздух, ибо поддерживает в них то, без чего они не могут обойтись. Лоси, вообще, очень симпатичные звери, и летом я их никогда не видел.

В августовском лесу лосям, наверное, живётся неплохо. Осинová кора в эту пору в самом соку, если захочется, можно пожевать сосновые мочки, что еще не успели огрубеть, или нежную молодую поросль. К августу поспевают и черемуха, лось её сдирает целыми ветками, сладко причмокивая мягкими губами, а то отправляется на вырубку пощипать иван-чая. Здесь, на открытом месте, образуется больше сахара, чем в тени, и иван-чай у сохатого вроде мармелада.

В общем, лось летом - настоящий гурман, но без соли всё равно обойтись не может. Даже у человека без соли хлеб не естся, и старая кобыла до соли лакома, а уж лось и подавно! Чтобы человека, говорят, узнать, надо с ним пуд соли съесть, а чтобы лося увидеть - надо ему пуд соли принести, да ещё не один. И вот, я спешу на солонец, желая, побыстрее, избавиться от нелегкого груза, втайне надеясь подглядеть там лосей.

Соль влажноватой тяжестью охватывает спину, отрывисто ёкает в такт шагам, мерно переваливается в рюкзаке. До чего же приятно сознавать, что груз этот предназначен лесным обитателям, и что я принимаю своё маленькое участие в их пропитании! Какое-то тихое чувство удовлетворения наполняет душу, и его не сравнить даже с помощью человеку.

Августовский лес был благосклонен ко мне, и перед небольшим деревянным мостком через реку Омутную, в ста метрах вверх по течению, где располагался один из ближайших солонцов, я сначала слышал в прибрежном кустарнике треск веток, а затем разглядел настороженно застывшую голову лося с изредка вздрагивающими от напряженного внимания ушами. Вскоре показалась шея, и передняя часть светло-коричневого туловища зверя.

Издали лося легко было принять за вывернутые корни старого дерева или за обожжённый молнией пенёк. Лось, пристально вглядываясь в моём направлении, стоял ещё с минуту, затем с некоторым разочарованием

всхрапнул, слегка присев, резко развернулся и, подняв столб чистых брызг, исчез в густых зарослях за рекой.

Какое-то время оттуда доносились глухой топот, чавканье почвы под его копытами и сочный хруст ветвей. Лось быстро удалялся, и уже через несколько секунд его совсем не стало слышно. Я ещё подождал с минуту, вслушиваясь в наступившую опять утреннюю тишину, и, не уловив никаких звуков, потихоньку направился к солонцу.

Земля вокруг него была вся избита. Влажный сумрак скрывал от посторонних глаз три поваленные у самого берега осины, в их гладких, облизанных дождями стволах виднелись выдолбленные топором продолговатые корытца. Всё здесь отдавало сыростью, сильно пахло зверем, и отчего-то хотелось поскорее выбраться на солнце.

Высыпав соль, я зачем-то раздвинул руками ветви кустов и прямо перед собой, только на другом берегу реки, увидел лосёнка... Уж не знаю, почему он не потянулся за матерью, когда та уходила за реку (а это, по-видимому, была всё-таки лосиха), но он, не двигаясь, стоял у самого края тропки, ведущей к осиновым колодам, и бесстрашно смотрел на меня.

Обычно лосёнок рождается рыжим-прерыжим... Ноги, похожие на неуклюжие ходули, у него ещё не одеты в белые чулки, как у родителей. Первую неделю малыш коротает под кустом, а потом шагает за мамашей, и она обучает его объедать листья осинки и берёз. Своего голенастого ребёнка лосиха целых четыре месяца кормит вкусным молоком, оно в несколько раз жирнее коровьего, и оттого лосёнок долго ходит за матерью, как привязанный.

Вот такой лопоухий малыш повстречался со мной, и сразу замер, подёргивая то одним, то другим ухом. Уши у него, действительно, были несуразно длинные, смешные, и по ним, в первую очередь, можно было определить, что лосёнок тревожит. Когда вокруг никого не было, он, наверное, становился самым собой и начинал радоваться жизни, но стоило кому-либо появиться, и лосенок в недоумении застывал. Мир для него, как, впрочем, и для меня, был полон удивительных загадок и откровений.

Откровение — сам августовский лес, милые лоси и это незабываемое утро с густым, белым и упоительно кружащим голову туманом! Туман не задумчивый и не грустный, как весной или осенью, а веселый, пронизанный поднимающимся солнцем, что так же весело отсвечивает в крупных каплях росы свою неудержимую улыбку. Стоишь, смотришь вверх и чувствуешь, что вот-вот расступятся светло-жемчужные своды, выглянут ясные просветы, и тогда хоть глаза зажмурь. Вместе с солнечной ясностью и негой на землю снисходит какое-то удивительное спокойствие: быть августовскому дню в удовольствие и радость!

И вот, в воздухе всё поплыло, заколыхалось и вдруг просияло. Туман куда-то исчез, растворился, а воздух наполнился звуками, красками и ощущением полета. Но лететь никуда не надо: небо само ложится к ногам.

Стоит ступить шаг, другой - и ты уже в тёплой солнечной вышине, что не обуршивается и не ослепляет, а приносит умиротворение. Плыть бы весь день

по роскошному августовскому приволью, струиться легким парком над тропинкой, излучать восторженную паутинку трогательных лесных настроений... Стоит волшебный август-месяц, свершившееся чудо уходящего лета!

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Мир живой природы всегда неудержимо манил к себе человека и, тем не менее, это не мешало ему убивать своих меньших братьев. Происходило это часто для того, чтобы выгоднее продать роскошную звериную шкурку, использовать дичь в качестве пищи, с целью поддержать свою жизнь, или по известной для каждого охотника причине, когда из-под ног твоих неожиданно взмывает что-то трепетное и шумное, бросаясь впопыхах наутёк, а тебе, зачем-то, непременно надлежит остановить его выстрелом.

Всё это будоражит сердце и память охотника, и он не в силах удержать неумолимо вспыхивающего желания насладиться молниеносным подчинением себе дикой, неведомой природы, когда лесная глушь отступает и ты с колотящимся сердцем бежишь сквозь кусты, не чувствуя ничего, кроме жажды овладения зверем, а многообещающие тайны всё-таки ускользают неразрешенными.

Но на деле всё обстояло гораздо сложнее: в тайниках мятущегося сознания самого человека витало нечто негаданное и дремотное. Человека скорее тревожила его собственная дикая природа, тот зверь, что всегда находился у него в душе или, может быть, в голове.

Человеку важно было приблизить к себе животное, даже ценой его умерщвления, как будто это могло что-то разъяснить для него. Ему думалось, что, достигнув близости, он, наконец, преодолеет не дающий покоя разрыв между незнанием и истиной. Но, ощутив тепло уходящей жизни на ощупь, почувствовав приятную упругость отяжелевшей тушки, человек понимал, в который раз совершая грехопадение: мучившая его тайна вновь остается неразгаданной.

Так, овеянные обаянием таинственной лесной жизни и многочисленными русскими сказаниями, звери когда-то были обречены на незаслуженное и жестокое выбивание. Это обаяние остаётся так велико, что покрывает собой как уже давно совершённые преступления, так и совершающиеся по сей день, а также любые доводы в пользу охоты и рационального отстрела многих птиц и животных.

Человек полностью бывает охвачен красотой зверей, желанием непременно удовлетворить свою охотничью страсть, если не преодолел в себе этот неудержимый первобытный порыв. Если не обрёл знание, что непозволительно убивать зверя только потому, что он неподражаем и загадочен. Зверь не виноват в этом, и существует сам по себе, он не

принадлежит никому.

Человек должен понять, что птица в руках - ещё не есть обладание её природой, зверь в клетке — это пустота и незатихающая неудовлетворенность от совершённого предательства по отношению к нему. Только свободное общение с обитателями леса позволительно под его таинственным пологом. В противном случае - человеку никогда не суждено ощутить красоту и радость собственной жизни.

Быть человеком — это, значит, в полной мере осознавать истинную свободу: не посягая на свободу других, уметь сохранить свою собственную, не забывая, что в основе обе неотделимы друг от друга. Лес же, порядком напуганный, но не покорённый, остаётся человеку непререкаемым укором в его бездумном стремлении свести эту неповторимую жизнь на нет, когда и Богу нечего взять.

ПОСОРКА

Нет ничего краше нежной желтизны осенних лиственниц, чей жар в сентябре греет так же нежно и сдержанно, как и осеннее солнце. Лиственницы не вспыхивают и не догорают, а будто берут своё: деревья вкрадчиво готовятся к своему увяданию, и не перестают радоваться тому, что оно наступает не сразу, а постепенно, незаметно для всех. Лиственницы, как и все растущие существа, наслаждаются отпущенным им покоем, заслуженно обрётённым к осени. Осень постепенно и радостно перевоплощает их в то, чем они и должны явиться в природе: стройными спокойными красавицами, у которых есть всё для того, чтобы очаровывать, и как-то замечательно, волшебным, молчать.

Охотники в эту пору говорят, что иголка на лиственницах начинает «закисать», то есть, не только желтеет, но становится даже оранжевой, очень пахучей и сладкой, и глухарь до неё - большой охотник: в сентябре иголка лиственницы составляет его основную пищу. На лиственницу глухарь вылетает утром, перед восходом солнца, и вечером, часа за три до заката.

Но не всегда иголка на лиственницах желтеет в одно время... В иной год - раньше, в другой - позднее, смотря по тому, когда случаются утренники. Глухарь никогда не пропустит этого времени: он заранее вылетает на лиственницу и пробует, легко или с трудом выщипываются иголки. Если легко - значит, самое время появиться на пожелтевших деревьях, а если с усилием - ещё рано.

В пасмурные, дождливые дни глухарь просиживает на лиственницах целый день, не переставая щипать отмякшую листву. А в иной год из-за сильных и частых инеев игольник желтеет в какие-нибудь дни, и через несколько суток отваливается. В такую пору глухарь также не покидает

лиственницу в течение всего дня, даже ночует на ней, вероятно, угадывая, что лакомиться любимой пищей придётся недолго.

Вообще, вылет глухарей на лиственницы продолжается до середины октября, пока не осыплется весь игольник. Была, говорят, игла, да спать легла. Если же игла с лиственницы спадает нечисто, быть строгой зиме.

Но прежде, чем оставить тихо светящиеся в себе деревья, глухари сами норовят напиться их солнечной желтизной, а ещё сентябрьским чистым воздухом и небесной синевой, и предпочитают осуществлять это именно на лиственницах. Кажется, что лиственницы для них больше не корм, а душевная отсидка, какая-то скрытая радость, что они безгранично переживают в эту пору, впитывая в себя последнее доступное тепло и забываясь в этом лиственничном удовольствии.

А лиственницы, кажется, не торопятся увядать. Они просто живут, с каждым морозным утром становясь всё более яркими, а на вкус сладкими. Глухари знают об этом, и прилетают на них ближе к вечеру, когда вдоволь наклюются зерён на полях, и поутру, если их там никто не потревожит. Лиственницы и птицы живут в эту пору одной жизнью, и лес от этого становится ещё краше.

Неспешно кормятся глухари сладкой лиственничной иглой, копят в себе томительную осеннюю дремоту, что вдруг наваливается на них ближе к полудню, и слетают куда-нибудь под деревья, на землю, где забываются на время, будто исчезая из жизни леса. Когда набредёшь на такого отдыхающего глухаря, поднимается он на крыло тяжело, с неохотой, и уж после этого нигде не обособится, а часам к пяти-шести возвратится на пышущие спокойным жаром лиственничные верхушки. Схватившись лапами за ветку с самого её конца и размеренно раскачиваясь, глухарь потихоньку склевывает листву, продвигается ближе к стволу и, наверное, ничуть не задумывается: почему же замечательные деревья становятся к осени такими вкусными, доступными и так легко ему достаются?

Всё, что существует в этом мире, удивительно просто и доступно каждому, и каждый зверь, птица или человек выбирает для себя самое подходящее. Человек, например, способен решить, нужно ли ему убивать птиц и животных, если они оказываются рядом, или сохранить в своем сердце чистоту, присущую только апрельским дождям. Ему свойственно выбирать среди всего, что окружает его в жизни, и лучше стремиться к солнцу, лиственницам и глухарям, чем умножать непонимание и раздражённость.

Человек призван идти к солнцу, осенью оно обжигает его душу светом лиственниц, и глухари также внимают солнечному теплу, и тихо про себя радуются.

Синее небо безмолвно висит над головой, яркие лиственницы подпирают его бездонную прозрачность, и хочется подняться над ними и посмотреть свысока на эту раздольную, красиво угасающую землю, а потом с тихим сожалением вернуться на неё под самый вечер. Идти в сгущающихся осенних сумерках по подсохшей за день дороге и вспоминать, какие птицы были

красивые и живые в опрятной лиственничной желтизне, и как хотелось дотянуться до них рукой, прикоснувшись к их теплему оперению. Глухари бы, конечно, сразу встревожились и улетели, но приятное ощущение их близости осталось бы. Как очаровательна, бывает, осень вот в такие тихие, безветренные дни, когда и солнце, и глухари, и лиственницы неразделимы!

Хорошо сидеть в ожидании глухарей, прислонившись спиной к шероховатому пахучему стволу, и смотреть, как угасает разомлелый сентябрьский день. Желтая игла, кажется, дышит жаром на фоне солнечной синевы, мягко утопает в ней, а от земли, устланной опавшим листом и мхом, приятно потягивает ароматным холодком. Хочется обращать всё своё внимание только кверху, к огненным верхушкам, и, закрыв глаза, наслаждаться последним ласковым теплом.

Глухари, как и весной, на току, слетаются на лиственницы всегда неожиданно и молча... Но если вдруг обнаруживают в себе желание пропеть своё осеннее настроение, то быстро оставляют свою нехитрую заботу, как несущественную, необязательную для этой поры. Любви в их душе ровно столько, сколько силы содержат в себе апрель и май, но сейчас сентябрь, а то и октябрь, пора перебираться в хмурые сосняки.

Правда, напоследок, в отдельные тёплые дни, глухари осторожно пробуют горлом воздух: не разучились ли точить и скиркать? Нет, всё так же таинственно и чарующе разносятся над поляной сухие, сдержанные ноты: «Т-тэк, т-тэк, т-тэкк, тэк-тэкк». Глухари ничего не забыли, всё помнят, и просто не хотят сейчас раскрывать свою лесную душу.

И все-таки, некоторые петухи, по всей вероятности, старые токовики, находясь в эту пору на лиственницах, и встретив там после долгой летней разлуки, когда они меняли перо, глухарок, токуют. При этом они избирают наиболее плодовые лиственницы, густые, а поют больше под вечер. Во время кормежки и токования под деревьями образуется посорка - кучки желтого игольника, по которым опытные охотники определяют излюбленные места обитания глухарей.

Нередко случается и так, что глухари весной токуют именно на этих лиственницах, если они находятся на территории тока. Охотники, зная это, используют найденную посорку для отыскания токовых участков и, чтобы сохранить их в тайне, от других охотников, собирают её по осени.

Глухари кормятся, сыплют золотистой иглой, а охотники сгребают её в заранее приготовленные мешки, и уносят подальше с глаз тех, кто может помешать им в добыче птиц. Изощённые охотники не только собирают посорку, чтобы другие её не заметили и не подстрелили глухарей, но даже подсыпают её под деревьями, которые птицы вовсе не посещают, подальше от сокровенного места, и этим сбивают соперников с толку. Ведь в старину количество слетающихся на ток птиц исчислялось сотнями, обладать таким токовищем значило немалое богатство в деле прокормления семьи, поскольку каждую весну только на одном току можно было брать по несколько десятков глухарей, и, конечно, это место держалось каждым охотником в строжайшем

секрете.

Само по себе слово «посорка» замечательно поэтичное, такое же лёгкое, как лиственничная игла, несмотря на то, что происходит оно от известного всем сора, от которого стараются избавиться, как от чего-то негодного. Правда, на Руси старые люди учили, что сору из избы выносить нельзя и нужно копить его под лавкой или класть под порог, помаленьку сжигая в печи. Иными словами, нельзя было выносить за порог дома семейных вестей, сплетничать, избавляться на людях от собственных проблем, а следовало терпеливо решать их в кругу домашних.

Вынесенный, несмотря на предупреждения стариков, сор мог послужить злым людям для знахарской порчи. Вымести же сор при покойнике, вообще, означало всех из дому вынести! Но вот лиственничная посорка, как будто, облагораживает заключенный в себе простой смысл, и обаяние этому слову приносит принадлежность к лесу и глухарям.

Удивительные птицы кормятся по осени сладкой лиственничной иглой, роняют её на землю, и какое-то время она рдеет под стволами ярко-оранжевыми пятнами, привлекая к себе внимание. Правда, лишь день-два, пока окончательно не увянет и не иссохнет, прибитая холодными дождями и крепкими утренниками. Наблюдательный охотник выделит её среди другой пожухлой листвы и непременно запомнит деревья, под которыми обнаружил необычные осыпи.

Лиственницы эти особые, на охотничьем языке — «присадочные», то есть самые любимые глухарями, что предпочитают их другим деревьям. Именно эти деревья выбирают для себя таинственные птицы, посещая их всю осень.

На вид, казалось бы, лиственницы все одинаковые, но среди нескольких растущих рядом деревьев глухари отмечают одно, а на остальные не обращают внимания. Эти лиственницы у хороших охотников наперечёт, тем более, в наших уральских лесах почти не осталось сплошных лиственных лесов. Лиственницы встречаются группами среди ельника и сосняка, да к тому же не везде, и значит, запомнить их не трудно.

Применительно к соснам я часто замечал, что глухари, как правило, предпочитают неказистые, с какими-то несимметричными, будто ободранными кем-то верхушками деревья, а пышные, крепкие, с налитыми стройными стволами игнорируют и не посещают. Так и с лиственницами: птицы выбирают самые неожиданные на вид, вроде бы, ничем не примечательные, но, между тем, чем-то заинтересовавшие их. Глухарей привлекает в таких лиственницах нечто недоступное человеку, никак им не объяснимое, и эта маленькая тайна птиц и деревьев ещё более очаровывает.

Кстати, в старину лиственницу звали карачай или негла - единственное хвойное дерево, что в отличие от других хвойных пород всё-таки роняет к зиме мягкую хвою. А карача — значит, упрямый, несговорчивый человек, что то и дело отстывает, не стоит в слове. Но что несговорчивого в самой лиственнице: дереве, казалось бы, податливом, живущем своей, незаметно устремляющейся ввысь жизнью?!

Может быть, из-за этой упрямой негибкости её так прозвали, или за прямолинейность древесины? Ствол лиственницы, как и сучья, действительно, всегда прям и негибает в своей устремлённости что вверх, что в стороны, и дерево, будто назло кому-то, отрешённо взбирается в немыслимое для других деревьев поднебесье, а отступить не в силах. Даже глухари никогда не присаживаются на его самые высокие верхушки, выбирая себе место посередине ствола.

Глухари сидят на ветках ближе к стволу, и почти бесшумно теребят лакомую иглу, но дереву достаточно лишь их щипка, чтобы она оторвалась и полетела. Легка посорка, воздушна, а даёт со всего лиственничного бора тучное удобрение для будущих деревьев. Даже захваченная с земли целая горсть таких оранжевых душистых иголок совершенно не чувствуется в руке, но зато их запах кружит голову. Взял бы и осыпал ими весь лес, что, впрочем, и без того несёт в себе неисчислимые осенние ароматы.

Дровяной сор, свежая мелкая щепка, кора и луб не издают такого чудесного аромата, как эта перезревшая, но ещё очень нежная лиственничная хвоя. По осени она словно невесомое лесное золото, ударяющее в глаза и голову всей своей драгоценной сутью. И ослепляет в солнечный день, и пьянит словно запоздалое, но благородное осеннее вино.

Хорошо лежать в тёплый осенний день на ворохе такой пахучей хвои и слушать легкий ветерок в высоких вершинах лиственниц. Могучие стволы неудержимо устремляются в бездонное сентябрьское небо, но тебе не хочется улетать так далеко, и ты, утопая взглядом в бескрайней вышине, остаёшься на земле, что убаюкивает своим удивительно чистым и по-осеннему ласковым покоем.

РАЗ СТОРОЖКА, ДВА СТОРОЖКА...

После каждой крупной рубки в лесу от лесорубов непременно остаётся избушка или балок на санях, где они грелись и варили себе пищу. Про избушку вскоре забывают, и она становится прибежищем разного лесного люда. Это и рыбаки, и охотники, и просто бродячий народ, что отчего-то занесло в лес и вывело к этой самой избе.

Все лесные избушки сходны в том, что в них никто постоянно не живёт. Обычно в них проводят от силы несколько дней, а затем покидают, в лучшем случае оставляя подвешенные под потолком мешочки с чаем, солью и макаронами. По негласному закону, исстари заведённому среди лесовиков, ты должен позаботиться о пришедшем после тебя в избушку человеке, даже вовсе тебе незнакомом, если застанет его в лесу непогода. Прозябший и сырой, человек обнаружит, к своей радости, сухие спички, щепотку чая, соль, сахар или, хотя бы, горстку крупы, и произнесёт слово благодарности неведомому

другу.

А когда обогреется, перекусит и переночует, то и сам оставит для такого же неведомого ему человека свой нехитрый запас. Так бывает всегда, если ты верен голосу природы, забывая себя во имя её нескончаемой жизни.

У лесных избушек, как правило, отсутствуют крылечки. Они там просто ни к чему, потому как можно посидеть и на скамеечке или на каком-нибудь поленце, а подниматься куда-то вверх, ото мха, травы и кочек, усыпанных клюквой, неразумно. В некоторых избушках, вообще, отсутствуют половицы, и оставляется только земляной пол. Это, наверное, для того, чтобы быть ближе к земле и проще. Но иной раз, все же, присутствуют одна-две махонькие ступеньки, на которые всегда неловко примостишься и с удовольствием закуришь.

Ещё у лесных избушек бывает только одно окно. Я не помню ни единого дома, где бы было два, и уж тем более - три. Окошко вырубается небольшое, квадратное, чтобы в избе было хорошо видно в светлое время. Утром, мельком взглянув в окно, можно разобрать погоду, а ночью излишняя чернота не мешала бы твоему обостренному восприятию.

Уйдя же в обход, на добычу, надо быть уверенным, что хищный зверь не заберётся в дом и не испортит продукты. Чаще всего лесные дома глядят своим единственным окном на юго-восток, не из-за того, чтобы человек мог полюбоваться природными красотами, а просто так быстрее уловишь приближающийся рассвет, поскольку день лесовика начинается очень рано.

Все лесные избушки неприметны, как самые замечательные мудрые люди, не отягощённые суетой. И те и другие редки, а заметными становятся, только когда смотришь на них любознательным взглядом, с доброжелательностью и теплотой. Избушка ни за что не затеряется в глухом лесном мире, если приходишь к ней заслуженно, после длительного нелегкого пути.

Она как будто даже засветится тогда, стряхнет с себя сонную одурь и преобразится.

Редко, когда избушка окажется посреди полянки, а всегда с краю, где-нибудь у самой опушки и с подсолнечной стороны, чтобы не перегревалась в жаркие дни. Особо это касается лесных пасек, где хозяин проводит всё лето.

Лесные избушки ютятся поблизости от ручейков и потаённых речушек, на худой конец, у какого-нибудь болотца, чтобы можно было сочной ягоды собирать, кустового листа на чай заготовить и водицы нацедить. Ведь живут лесные избушки для человека, и как же им обойтись без влаги!

Все избушки, независимо от того, маленькие они или большие, ставятся всегда крепко, и лежа на их нарах, естественно, думаешь о том, как хороша такая крепкая лесная жизнь, которой многие люди себя лишают. Половину своего времени они тратят на то, чтобы придумать, куда девать вторую половину, оправдывая при этом любое безвольное попустительство. А та самая жизнь, что может стать для тебя по-настоящему надёжной и дорогой, безвозвратно уходит. Только ночуя в крепкой лесной избушке, приходишь к

выводу: надо жить так, чтобы было, за что полюбить тебя хотя бы одному человеку.

Я люблю все лесные избушки, что мне приходилось встречать на своём пути, даже самые захудалые. Однажды мы с приятелем, по воле случая, провожали старый год в такой полуразвалившейся большущей избе, в стенах её зияли щели толщиной с руку, на почерневших от времени брёвнах висела длинными клочьями желтая изморозь, а в прорехах потолка сверкали звёзды, и всё же мы были счастливы!

На столе стоял букет сосновых веток, горела свеча, и у нас была бутылка портвейна... Сейчас этой избушки давно нет, её, как и многие другие, сожгли или разобрали, но я всегда её вспоминаю, когда прохожу тем местом осенью, после охоты на рябчиков, или весной, по пути на глухариный ток.

Так выходит, что, попользовавшись лесной избушкой, немногие вспоминают её добром. Редок стал в лесу заботливый и доброхотный человек. Лес вызывает к живому человеческому вниманию, но не получает его. Человек не замечает даже листья под ногами, а лес живёт, надеется и ищет возможности к единственно верному соприкосновению с ним.

Сколько избушек исчезло с лица земли только на нашем недолгом веку, а нам нет возврата туда, где мы уже были когда-то счастливы. Это приговор любой честной жизни, когда счастье, даже самое маленькое, добывается в незаметном и изнурительном труде души. Приговор необратимого и извечно упускаемого нами времени, то есть, в итоге, собственной жизни.

Всё на земле имеет свою жизнь, отпущенное только тебе время, и стоит понапрасну его не упускать, научившись им дорожить. Свой век, как и любому человеку, отпущен и каждой избушке. Следует ясно представлять, что хорошее в жизни рано или поздно оканчивается, и надо быть к этому готовым, а значит, очень важно ценить дарованные тебе годы, дни и даже часы.

Мы, как нам казалось, жизнь не упускали, и даже, более того, преумножали ее богатство в неустанных лесных бродяжничествах и бдениях. Бдения эти совершались под лампадку или вздрагивающую свечу в неведомых избушках, что в обилии затерялись среди окружающего нас лесного мира. Мир этот тянул нас к себе неудержимо.

Раз сторожка, два сторожка... И ещё - три, пять, восемь... Сколько же их было всего, что приютили, накормили и обогрели, не дали сгинуть в прошибающую до костей осеннюю распутицу, помогли преодолеть лютые морозы с метелями, наставили на верную дорожку! Отдохнувшим продолжал ты свой путь благодаря их теплу, и не было большего счастья, чем ощущать в себе склонность к такой лесной жизни, в ней многое зависело только от тебя. И ещё от того, каким воспринимает тебя лесная чаша...

В прошлое не вернёшься просто так, из пустого любопытства. Бережно хранимое в душе, оно должно само поманить к себе, и тогда ты произвольно потянешься к нему, и обо всём позабудешь.

Всё твое лесное прошлое - это скрытые от глаз людей, таинственные и

дорогие твоему сердцу сторожки, что неотступно притягивают, будто вновь обещая переживание радости соприкосновения с миром открытий, и ты устремляешься к ним в своих мыслях, и больше ничего не желаешь. Лесные сторожки сменяют в твоей памяти одна другую, а ты никак не можешь остановиться на какой-либо одной, и только вспоминаешь их печное тепло и неприхотливый уют, засаленные до блеска нары, и то необыкновенное ощущение слитности с лесной чащей, что и притягивает, и пугает.

За стеной вскрикивает, вздыхает и затаивается ночь, что смотрит в тебя немигающими глазами лесных волкодавов — таинственных зверей, которых никому не приходилось видеть. Ты перебарываешь страх, выходишь на крыльцо, и ночь сразу становится благосклонной, как будто даже приноравливаясь к твоему состоянию. В душу закрадывается какое-то очарованное благодущие, и боязнь вдруг уходит из сердца, хочется вглядываться в мерцающую темноту и встречать там взгляды неведомых зверей. Весь лес неожиданно оборачивается родным и близким домом, он, вроде бы, ничего и не думал от тебя скрывать, а просто на время забылся в своих таинственных сновидениях.

Стены избушки уже не кажутся тебе крепостью, и будто растворяются в подступающей темноте. Стол оказывается открыто стоящим посередине полянки, рядом — твоя лежанка, что сразу подымает тебя под лопатки к самым небесам, и звёзды приветливо улыбаются совсем рядом: стоит только протянуть к ним руку. Свет от них поблескивает в капельках росы на траве, радостно лучится, и ночная темнота словно расступается.

Даже огонь в печи присмирел, перестал насадно гудеть, а лишь вздрагивает изредка яркими лоскутками и опять притихает. Всё соразмерно и удивительно уютно, отчего тебе очень хочется жить. Глядеть на звёзды, дотрагиваться рукой до травы и деревьев, вдыхать пряный аромат уходящего лета и зарождающейся осени. И всё это — благодаря маленькому лесному дому, что незаметно стирает границы между тобой и лесом.

Дом может разговаривать с тобой с помощью разных предметов, что составляют его суть. Через выпуклые бока бревен, переложенные мхом и паклей, растрескавшееся окно, закоптелый потолок, лавку, отливающую от времени блеском, выщербленный порог, что ежедневно выметаешь и укладываешь у него пихтовый веник. Веник быстро наполняет всю избушку здоровым хвойным духом.

Дом говорит с тобой не о прожитых годах, а о том, что очень важно сейчас, в этот день, в эту минуту. Он сразу, как будто, настраивается на одну с тобой душевную волну и, слушая, не перебивает. Дом внимателен, чуток и предусмотрителен. Слишком долго ждал он человеческого прикосновения, и в мгновение обрадовался, когда кто-то тронул рукой его дверь.

Лесной дом начинает дышать и оказывать внимание человеку, если тот позаботился о его жизни. Жизнь дома не прекращалась без человеческого присутствия, она проистекала отовсюду и затаивалась в тёмных углах. Дом как будто ждал, когда к нему обратятся: придут, откроют дверь и устало присядут на

лавку. Так хорошо вдруг станет человеку от ощущения этого лесного мира, с теплотой дохнувшего на него.

Человек проведёт рукой по столу или скамейке, и дом тотчас отзовется в его душе. Человек, может быть, и не разберёт сразу это ощущение, но почувствует. Приляжет тихо, расслабится и задумается о собственной жизни, что не всегда получается, и складывается не так, как хотелось. А дом будет терпеливо ждать, когда человеку захочется того или иного.

Если к дому относиться достойно, то он сразу как-то оживёт и засияет. Он, конечно, обрадуется только доброму человеку. Именно доброму человеку он подарит покой и умиротворение своей затаенной и уютной удаленностью ото всех, но не обособленностью. Лесной дом всегда ждёт человека, чтобы тот привёл его в чувство, а вместе с ним воскресил и себя.

Если ты всё делаешь правильно, дом обязательно примет тебя и поможет. Обогреет, утомит и вдохнёт нечто неуловимое, но очень важное. То, без чего жизнь, вроде бы, и есть, а на самом деле - нет. Надо очень постараться, чтобы дом тебя принял, и, может быть, самому найти его в лесу. Чаще тебя приводит к нему какой-нибудь лесник, егерь или твой приятель, и ты, в конце концов, испытываешь неподдельное чувство слитности с домом, без которого пребывание в лесу не приносит истинного удовлетворения.

Хорошо, наверное, поставить свой лесной дом, но эта мысль никогда не приходила мне в голову, потому как вокруг было полно избушек, и все они казались родными. В любой из них можно было остановиться, заночевать и даже провести неделю- другую. Ни одна избушка никогда не закрывалась на замок, он обычно висел на дверной ручке или вообще отсутствовал. В любой из таких избушек всегда создавался тот особый уют, что везде сопровождает лесного человека, и его душа становится умиротворенной и безмятежной.

Говорят, что если три кола вбито, бороной накрыто, то это уже дом. Но такое понятие дома не подходит к лесной избе, где всё должно быть выстроено крепко-накрепко, на долгий лесной век. Начиная строить в деревне избу, клали под угол деньги - для богатства, шерсть - для тепла, а ладан - для святости. Лесная избушка - это особый, хоть и небольшой мир, крытый своей потаённой кровлей, и наиболее верно про неё будет замечено так: дом невелик, да лежать не велит, ибо если в лесном доме жить, значит, обо всём тужить. Человек в нём словно забывает свою прежнюю городскую жизнь и начинает новую, что зависит теперь только от него самого, от его умения, терпения и неустойчивости.

Пребывание в лесной избушке, хотя бы - один день, очищает душу от всего наносного, неестественного. Наведя в избе порядок и переночевав, причастившись, таким образом, к лесу, ты уже иначе относишься к себе и окружающим людям. Для тебя наступает прозрение, тот необходимый «момент истины», после которого характер твердеет, взгляд же становится ещё более ясным.

А что на самом деле заключает в себе понятие лесного дома? Наверное, стены, крыша и печь. Нет ничего прочнее и долговечнее этого простого

сочетания. И ещё - присутствие леса, что придаёт дому особое обаяние.

Всякий дом хозяином держится, а кто хозяин лесной избе, как не сам батюшка лес? У меня складывается убеждение, что за некоторыми избушками, когда они пустуют, кто-то, всё же, ведёт досмотр. Это, наверное, лесные силы, коим лесным богом вверено следить за порядком и сохранностью скрытых в тайге стен.

Ещё лесные избушки омываются чистыми дождями, ветра их высушивают, солнце прогревает, а вездесущие дятлы избавляют от жуков-древоточцев. Исправно, слаженно и незаметно трудится лес над своей чистотой.

Ещё лесной дом слагается из тебя самого. Из того, что ты думаешь, ощущаешь и к чему стремишься. Дом всё это очень хорошо чувствует и принимает тебя, если только ты на самом деле есть. Есть твоё живое отношение к лесу, который ты не забываешь и стремишься к нему.

Лес тебе, как Бог, всё отпустит, неслышно посоветует и вместе с тобой разрешит. Честь тебе и хвала, когда лес равнодушен к твоей жизни, то и дело окликает своими гулкими голосами и зовёт.

В избушке, когда ты в неё пришёл, всё замечательно и просто. И так же - в лесу, что её окружает. Лес никогда не подпустит к себе, если ты равнодушен или разочарован, он будет долго и пристально вглядываться в тебя, выискивая и определяя самое главное. Хорошо самому не забывать природу в себе, и жить достойно.

Все лесные дома ждут людей, заботятся о них и помогают стать человеком. Иначе бы их просто не существовало. Дома эти, как сами люди, трепетны, вдумчивы и по-своему богаты тем отношением, что вдыхает в них лес.

Выходишь к таким избушкам усталым, но радостным после долгого пути, с плохо скрываемой надеждой, что ничего в них не нарушено. Крыша не протекла, печь исправна, есть небольшой запас дров. И чтобы ещё речка неподалеку текла или хотя бы ручеёк, а лучше даже зернистого снега в котелке натопить. На худой конец, можно в глубокой колее лесной дорожки водицы зачерпнуть, настоявшейся на опавшем листе. На жарком костре всё в ней перекипит, и станет она ещё слаще.

Покидаешь же лесное обиталище с легкой грустью, как будто навсегда расставаясь с тем, что уже, кажется, никогда не растревожит твою душу, но в то же время и с облегчением. После нескольких ночей, проведённых у остывающей под утро печки, на жёстких нарах, с запахом свечки и мышинной возней по углам, тянет в город.

В иной избушке, со всей её незамысловатой обстановкой, чувствуешь себя уютней, чем дома. Наверное, потому, что тебе всё очень близко в этой непривычной лесной жизни.

Наколотые тобою дрова жарко потрескивают в печи, когда за стеной избушки стоит тридцатиградусный мороз, в кружке на столе дымится крепко заваренный чай, по стеклу маленького окошка с хрустом соскальзывают

льдинки, образуя на подоконнике чистые лужицы, и жизнь представляется необыкновенно простой и основательной. Вроде бы, ничего особенного не происходит, но именно такая незамысловатая обстановка вызывает ощущение надежности, какое не переживаешь даже в обустроенной городской квартире. В лесной избушке, один на один с окружающим лесом, ты почему-то ничего не боишься и с нетерпением дожидаясь утра, чтобы отправиться куда-нибудь по нескончаемой лесной дороге. На всё, что составляет сейчас твою жизнь, ты смотришь открыто, надеясь только на собственные силы, и от этого сердце переполняется радостью.

В лесной избушке ты начинаешь как-то особенно ясно чувствовать и мыслить. Здесь тебя ничего не сковывает, и отсутствуют какие-либо условности. Нет ничего лишнего в такой лесной жизни, она не дарит никаких иллюзий. Только ты, могучие деревья и таинственный ветер.

Я могу очень точно описать любую лесную избушку, где мне приводилось хоть раз провести ночь. Это потому, что в лесу все восприятия чётки, не замутнены, и тебе хочется впитывать окружающий мир таким, какой он есть. Ступеньки, труба, дверная ручка, даже расщелины в полу запоминаются с удивительной лёгкостью, так что ты чувствуешь себя как дома. С каждой из избушек связано нечто незабываемое, и оттого - особенно дорогое.

Чаще всего мне вспоминается первое лесное пристанище — укромный лесной домик, что был укромно поставлен между двух ручьев, на небольшом холме, поросшем старыми елями. Я нашел его сам, по еле приметной тропке, а потом привёл туда своего друга. Дом был словно из сказки: приземистый, крепкий, и прятался под высокими елями, как гриб боровик.

Единственное оконце дома смотрело на восток, а дверь выходила на юго-запад. Стены были сложены из брёвен в два обхвата, но сам дом казался маленьким и очень уютным. Нужно было хорошо постараться, чтобы его отыскать.

Внутренняя обстановка проста и незатейлива. У дальней стены нары на трёх-четырёх человек, под ними место для собак, на стене полка с зеркальцем, у окна столик, а в углу печка. Печка растапливалась легко, тотчас отдавая тепло. Однажды зимой, когда я провалился неподалеку от избушки под лёд, гоняясь в прибрежных корягах за колонком, она меня спасла.

Хорошо сидеть в такой избушке поздней осенью или зимой, после тяжелого дня, когда печка пышет жаром, на ней побулькивает вода в котелке и дверь распахнута настежь. Деревья, укутанные инеем, застыли в морозной тишине, даже синиц не видно, а у тебя — жара! Стены так нагрелись, что даже горячие на ощупь и пахнут смолой, да и сам дом весь ожил, уютно зашевелился и что-то тебе прошептал. Ты, конечно, почувствовал его, обрадовался и поблагодарил дом за то, что он дождался тебя.

Удаленный от ближайшей деревни на пятнадцать километров, дом таил в себе нечто такое, что тянуло к нему. В нём хорошо думалось, сладко спалось, и вся обстановка располагала к какому-то лесному подвигу. Именно в этом

доме, долгой сентябрьской ночью, мне пришла мысль написать свою первую лесную книгу...

Я тогда лежал и слушал, как наступает за стеной ночь, но печаль не одолевала сердце, лесная темнота окружала избушку полным покоем, и одиночество ничем не нарушалось. Мне хотелось, чтобы эта осенняя ночь всё время была со мной, убаюкивала своими шорохами, но не давала забыться. Находясь в этой укромной лесной избушке, я, как ни странно, не чувствовал себя оторванным от людей.

Бывает, избушка так промёрзнет, что печка хоть и пылает жаром, а по углам всё равно лежат маленькие голубцы снега. Они так долго не тают, что ты даже удивишься. Но незаметно заочневшие надувы надламываются, оседают, и только тогда в избушке становится по-настоящему тепло. Вскоре от снега не остается даже сырости, штаны и телогрейка над печкой так нагреются, что перестают дымиться. Постепенно клонит в сон.

Сны в лесных избушках не безмятежны, а очень чутки и трепетны. Временами они даже становятся вкрадчивы, как шаги зверя, и продвигаются в своих лесных устремлениях с расстановкой, неспешно. Если задержатся на чём-то одном, то не торопятся покидать, будто обволакивают этот предмет и пристально вглядываются. Да и само пробуждение наступает не вмиг, внезапно, а также неторопливо, как тянулось сновидение.

В лесу снится то, что тебя в нём окружает: ночные птицы, их невидимый, но чутко угадываемый полёт, лютый холод и искрящиеся звездопады, яркое морозное солнце и петляющий волчий след. И ещё - как утомительно преодолеваешь в декабре занесённые метелью лога и поля, мечтая о весне. Весна по-настоящему всегда снится весной, когда сон приходит и уходит в тревожащем душу забвении, но до конца заснуть не удаётся. Всё хочется поскорее куда-то побежать, до чего-то дотянуться, и чтобы это стремление не оказалось только сном.

Хорошо просыпаться в избушке рано поутру, зимой и, отворив тихонько дверь, вслушиваться в замершую после ночного снегопада тишину. Ни одна веточка не колыхнётся, ни одна снежинка не шевельнётся, вокруг покой и умиротворение. Только синички чуть слышно перепархивают в нижнем пологе леса, нежно посвистывают, и не хочется ничего делать, а только сидеть у растворенной двери и впитывать эту красоту.

Печки в лесных избушках в основном прогорают быстро, остывают ко второй половине ночи, если стоит сильный мороз, и приходится часто вставать и подтапливать. Огонь в такой остывающей печке схватывается споро, дружно разгорается, посверкивая неясными бликами по стенам, и в избушке опять становится тепло. Большинство печей маленькие, тонкостенные, с длинной проржавевшей трубой, где под самым потолком есть задвижка. Правда, она ненадолго задерживает жар, к тому же дырявые половицы и худой порог вытягивают его. Зимой в лесной избушке не очень-то разоспишься.

Зато в начале осени, когда ночью ещё не похолодало, а в мае уже установилось тепло, придя с глухариного тока, спится сладко и беззаботно.

Утром долго приходишь в себя, нехотя ворочаешься, а окончательно проснувшись, идёшь умываться к прозрачному ручью, после чего скулы и руки приятно немеют. Жил бы в таких потаённых избушках целый лесной век, и никуда не торопился!

Да, хорошо было бы пожить в такой избушке месяц или хотя бы неделю, но ты не живёшь, отчего-то мучаешься душевным бездействием, и всё не спишь по ночам. Тебе не хватает вольного ветра и чистого апрельского дождя, чтобы они выдули из души всё наносное, омыли её, утвердив веру в себя. Вот тогда бы ты и обрёл счастье до конца своих дней. Так думается всегда, когда оказываешься в лесу один, и сразу почему-то начинаешь желать счастья любому человеку.

В лесной избушке полезно быть одному: никто не мешает тебе думать и вспоминать. Память цепко хранит аромат хвои, трав и весеннего снега, что подтаивает и с пугающим шумом сползает с крыши, крик одинокого ворона, неторопливо пролетающего над избушкой, падение сбитого выстрелом глухаря и вкус его мяса. Обрекая себя на лесное уединение, приятно размышлять о чём угодно, и тогда простая жизнь в лесу видится только с хорошей стороны.

Если ты оказался в лесной избушке один, у тебя никогда не возникает тоски. Ты прекрасно чувствуешь себя, здесь ты свой, среди своих, и тебе никуда не хочется стремиться. Зудящее чувство дальней дороги не донимает лесного человека, ему не слышатся какие-либо чуждые лесу запахи и звуки, а видится лишь его теперешнее простое житье, вкус нехитрой таёжной похлёбки на губах и пьянящее ощущение свободы.

Закон лесной свободы включает в себе, прежде всего, ответственность перед лесом и перед самим собой. Настоящие лесовики всегда соблюдают его и считают, что нет большего позора, чем присвоить себе право своевольно хозяйничать в лесу. Только в согласии со всем, что тебя в нём окружает, в терпеливом познании этого мира, утверждается твоё лесное бытие. Избушки же призваны помочь человеку, когда ему надо набраться сил.

С чем ещё сравнить уют лесной избушки, до которой ты добирался в сильный мороз или ненастную погоду? Вся насквозь промёрзшая, заиндевелая и такая, на первый взгляд, отчуждённая, она в считанные минуты преображается после того, как ты растопил печь, еловым лапником вымел щепу, сор и мышинный помёт, повесил на крепко вколотенные, поржавевшие гвозди рюкзак и ружьё. Всё её маленькое пространство сразу оживает, на стенах играют огненные блики, и вскоре становится так жарко, что можно с удовольствием распоясаться, скинуть надоевшую одежду и, оставшись в нательном белье, сидеть на низком чурбачке, с блаженным видом поглядывая в растворённую настежь дверь.

За дверью - трескучий мороз, из-под самого потолка наружу валит клубами дым, а на душе покойно и радостно. Дом принял тебя и сразу стал твоим, пусть, хотя бы, на одну ночь. Из такого жилища уходишь всегда с трудом, и потом часто его вспоминаешь. Как будто ничего особенного, но тебя

хорошо поймут те, кому знаком описываемый предмет.

Именно этим людям не занимать захватывающих дух историй про разные избушки, что повстречались им на жизненном пути. Про то, как они бедовали в них без провианта, перебиваясь только добытым зверем или птицей. Как сводили их с ума нескончаемые одинокие ночи, когда кажется, что за дверью кто-то стоит и пристально вслушивается в тебя. Избушки помогали, спасали и дарили ощущение домашнего уюта в глухом, неизведанном лесу, а рассказы про них всегда изобиловали самыми невероятными чудесами.

Издревле всякое явление, что человек, находясь в лесу, не умел объяснить по известным нам законам природы, переносилось в разряд чуда. По ночам в избушке выдумываешь себе тысячу несуществующих опасностей, исчезают они только под утро, а днём и вовсе совершенно забываются. Но вот приходит очередная ночь, и страхи вновь появляются: то ветер завывает волком, то ветка старой осины всю ночь скребёт по крыше, и кажется, будто это какой-то неведомый зверь пытается до тебя дотянуться, а по весне оседающий снег так ухнет или сосулька вдруг с хрустом обломится, что сердце в пятки уходит... Все звуки в ночной избушке связаны либо с явлениями природы, либо с обострённым воображением человека.

Ночной порой человеку в лесу часто чудится стук в дверь, будто кто к нему просится, и не впустить никак нельзя, ну, а если отворишь дверь неведомому гостю - пеняй на себя. И такая оттого морока на человека найдёт, что хоть беги. Этот некто стоит за дверьми, дышит еле слышно, себя никак не проявляя, но ты всё равно его чувствуешь.

Невольно воображаешь: может быть, какое-то сказочное животное, а то и вовсе небывалое чудище о двух головах! Свирепый и страшный злодей, вознамерившийся забрать твоё сердце, что поражает всякого своею силою. Но все чудеса, даже самые чудовищные, становятся доступными в понимании, если ты к ним готов.

Ну, а коли не по силам правду чащобную воспринять, знай, вокруг оглядывайся, если, к тому же, дело к ночи идёт, потому как нежить лесная хоть и бессемейная, а плодится будь здоров! Не успеешь и глазом моргнуть, как на сапог наступят, через портки перескочат, и в голову тумана зеленого напустят: век потом дорогу домой не сыщешь! Так захороводят, что среди бела дня света не увидишь, одно слово, бесовское племя. Хорошо, если догадаешься через левое плечо себя освистать.

В одной лесной избе, рассказывают, чудовое ружьё на стене висело... Мужик пришёл в избу, снял его, да и ахнул из обоих стволов, а из печуры вылезит чудо-юдо лесное, царь-растопыр, такой чудной, будто на смех родился, и спрашивает этого мужика: «Где, мол, живет Марья Хохловна?» Мужик так пнем-раскорякой в землю и врос. Чудные дела в лесном царстве творятся, но коли чудится, так перекрестись!

Или такое чудное дело: нож в ножнах весь день висел у охотника на поясе, а под вечер, когда тот вернулся в избу, пропал. Куда бы ему деться? На деле же выходит так, что лесной царь этого охотника уберёт, вернее, сам нож

охотничий оказался своему хозяину другом, и выручил его от какой-то беды. Подобное чудо случается в лесу, когда он расположен к человеку и не желает ему худа. Может быть, страшный медведь грозной тучей нависает над охотником, а тот и не ведаёт своей злой участи, и нож его выручает, прогоняет хищного зверя. Человек даже ничего не замечает и лишь удивляется пропаже: ведь нож был надёжно закреплён в ножнах, висел под рукой на поясе и, надо же, словно растворился!

А то привидится уставшему человеку прямо под потолком лесной избы чудный образ. Чудесное видение, что, кажется, не с чего ожидать, а оно появилось. Светлый лик Пресвятой Девы, что отчего-то явилась тебе, будто давая понять: она тебя хранит. И уж тогда ничего в лесу не страшно, ибо знаешь: Бог твою душу бережёт, и на путь истинный наставляет. Лесной дом на этом пути - искреннее тебе утешение. Но разве всякому такое привидится?!

Бывает, человек заблудится, плутает весь день и, уже отчаявшись, вдруг натолкнётся на очутившуюся перед ним неизвестно откуда лесную избушку. Вся она из себя диковинная, да ладная, манит своим призрачным уютом, и, в то же время, будто не пускает. Стоит избушка на курьих ножках, пирогом подпёрта, блином покрыта, ни в сказке сказать, ни пером описать, человек ходит вокруг как заколдованный, а попасть в неё не может.

Самое приятное чудо для путника в лесу — это обыкновенная лесная будочка, балаган, словом, маленькое жильё. Но более всего подходит ему название сторожка. В ней чудится размеренное истечение времени, сторожка существует и плывёт в нём, как лодочка: не страшны ей ни дождь, ни ветер, ни какие лесные существа. Утлым челночком в суровую непогоду проскользнёт, гордой байдарой в ведро радостное вырулит, всё на своем долгом веку преодолеет и выдержит. Сторожка – это, значит, что-то неброское, но милое и очень надёжное сердцу лесного человека.

И всё же, истинное чудо представляет из себя полёт в лесном пространстве, когда неведомая сила возносит тебя, кружит всю ночь в чаще и опускает только под утро, на полянку, неподалеку от знакомой тебе избы, а ты и не ведаешь, как такое могло приключиться. Ты никак не можешь избавиться от охватившего тебя забвения в январской ночи, когда поначалу всё было таким знакомым, а потом, в неясный миг, померкло и вновь возродилось. Словно ничего не произошло, но очнулся ты уже в другом месте.

Тоже вокруг был ночной лес, мерцающий между стволами елей снег, и какое-то странное равнодушие ко всему. Ты только знал, что нужно дойти до избы, куда ходил не раз и, конечно, не мог забыть дороги. А теперь, несмотря на многочасовое блуждание, ничего не находил. Шёл вперед, продираясь сквозь темный ельник и сбивая в кровь руки о его сухие ветви, и не узнавал ничего, но почему-то привык к этому состоянию, и оно не очень волновало.

Уже под утро, выбравшись на широкую лесную трассу, ты поразился открывшейся картине: невозможно было очутиться здесь, не миновав её ранее, с другой стороны. Так было задумано природой, и сознание никак не могло допустить, что какая-то сила способна на такое. Только механическая, тупая

ходьба немного успокаивала, заглушая ужас произошедшего.

Как могло случиться, что за восемь часов блуждания ты ни разу не посмотрел на часы, не удивился этой своей замкнутой отрешенности?! Кругом была пустота затаившегося лесного молчания, какая-то утомлённая одичалость и забвение. И только когда увидел прямо перед собой глубокий след недавно прошедшей волчьей стаи, пришёл в себя. Лес не был мёртв, и понял ты это как нечто бесповоротное, подобно пережитой за ночь тайне, уже в избушке, что успокоила и обогрела.

Вот и выходит, что все лесные чудеса - в решетке: дыр много, а выскочить некуда. Сами собою живут и человека иной раз околдовывают, но чудное - это не только страшное, а ещё и редкое, удивительное и необычайное. Да и сам лесной бог - старый чудотворец! Из святых же чудотворцев в лесу у нас особенно чтится Николай-угодник, что первым лихо от человека отведёт и о лесном доме для него позаботится.

Даже обыкновенная стеариновая свеча в лесной избушке - нечто необыкновенное, без чего совершенно невозможно обойтись. Мало того, что свеча освещает тёмные томительные вечера осенью и зимой, так она ещё и создает необходимый уют, без неё его никогда не достичь. Может, конечно, выручить керосиновая лампа или даже фонарь, но обаяние укромного лесного жилища от этого почему-то исчезает.

Только свеча приносит в маленький лесной дом то ощущение чудесной сказки, без неё он никогда бы не стал таким, какой есть на самом деле. Загадочный, родной и тёплый, словом, такой, что тебе совсем не хочется его покидать.

Пламя чуть вздрагивает, изредка потрескивает, а вокруг - играющие на стенах блики и тени. Огонёк свечи, если приглядеться, тоже особенный, он как будто всевидящее, но ненавязчивое око, вззирающее исподволь, откуда-то изнутри. Приглянешься ему - и оно горит ровно, не вызывая доверия - вспыхивает, шипит, а то затаивается и словно поджидает, на чём бы тебя поймать. Держи тогда с ним ухо остро, главное же, не накличь на себя в лесу беды.

Без свечи в избушке не вяжется душевный разговор. Нет её, и всё как-то не так и не этак, а если мерцает на столе у маленького окна ласковый огонек, хочется говорить обо всём на свете. Свеча будто тоже участвует в беседе, ненавязчиво подсказывает что-то, удивляется, даже негодует. Она — неотъемлемый свидетель всех застольных бесед, и её часто, между тем, не замечают. Но свеча рядом, она всегда полна жизни и света. Я не могу вспомнить случая, чтобы свеча потухла раньше того, как прекратился разговор.

Свечной дух сладок, приятен, и даже потушенная свеча всё равно невидимо присутствует. Она легко угадывается по источаемому запаху в темноте, и пока приятель твой ворочается с боку на бок, ты думаешь о разных замечательных вещах, что произошли с тобой за день. Хорошо лежать вот так, когда день прожит не зря, в избушке тепло, дрова заготовлены, и назавтра

тихое октябрьское утро примет тебя в свои объятия.

Оставшийся же свечной огарок осветит холодный вечер какому-то другому, уставшему человеку, но он, между тем, должен помнить, что свеча не встанет перед Богом, а встанет только душа.

На мой взгляд, у лесных избушек должны быть свои имена. Так же, как у деревень, рек и даже... глухариних токов. Глухариние тока я называл по их принадлежности к каким-то определенным местам, покосам, логам, пасекам или заброшенным селениям, руководствуясь устремлениями души на момент обнаружения. Именно благодаря своей неутомимости я вдруг однажды постиг, что не мыслю жизни без леса, и он всегда тебя замечает, но лишь изредка даёт об этом знать. Лес через избушки испытывает тебя долгие годы, но не пугает, если ты чист в помыслах, и ничего от тебя не таит. Лесная изба, какой ты повстречал её в лесу, есть символ твоего отношения к жизни, того, что ты в ней заслужил.

Когда-то, лет двадцать назад, я вдруг твёрдо решил, что найду глухариний ток, чего бы мне это ни стоило. И я его нашёл: старинный, совершенно всеми забытый и истребленный, на нём токовал только один глухарь. Каюсь, не сдержался и подстрелил этого глухаря, но оказалось, что он успел оставить потомство, ток постепенно разросся и переместился. Я потом долго наблюдал за этим током, удивлялся и, наконец, дал ему имя. Так же, как и всем другим, что открыл и оставил в своей душе, после чего птиц уже не трогал.

Имена токов были незамысловаты: Быковский - по имени хозяина пасеки, что находилась рядом с токовищем, Дальний, ибо следовало туда идти аж двадцать с лишним вёрст, Новосёловский - по названию бывшей, заброшенной у старых прудов деревни, Берёзовский - потому что раскинулся он на склоне у речки с соответствующим наименованием, Пасхальный - его я нашёл рано поутру, в Пасху, и был так счастлив, что позабыл о Боге... Ещё были Укромный, Заячий, Дорогой и Лиственничный.

А что же избушки? Большинство избушек, что затерялись в лесах, к сожалению, безымянны. Но именно в них, когда никуда не торопишься и живёшь в согласии с собой, чувствуешь, как мимо течёт жизнь.

Лесные избушки замечательны тем, что порождают удивительно проникновенные мысли, что ни за что не появились бы в городе. Причём, мысли не о звере, не о добытой птице, а о мужественных и достойных поступках, что разбегаются от тебя маленькими полосатыми глухарятами и возвращаются красивыми и гордыми птицами. Им, ещё крохам, сразу бы ткнуться в благостную среду умиротворенного лесного оцепенения и почувствовать, как вожделенно это обыкновенное, полное радостей существование! Но счастье жизни так просто не заработаешь: отдай всего себя, иначе - как ты всерьёз задумаешься о собственной судьбе и о судьбе леса?

В замечательной простоте лесной избушки к человеку приходят необходимая сосредоточенность и терпение. После утомительных лесных

переходов в необъятной тайге и бесконечных ночёвок у костра избушка вновь встречает тебя своим устоявшимся запахом, какого ты никогда не почувствуешь в городской квартире.

И сколько бы лесных избушек ни встречалось на твоём жизненном пути, тебе всегда будет не доставать лёгкого дверного скрипа в лесной тиши, так что на него отзовётся лишь полная загадок тишина. Маленького паучка, что резво прибежит к тебе зачем-то, замрёт рядом, а в следующее мгновение исчезнет, будто его и не было. Трепетного запаха осени или лета, солнца и ветра, тёплого птичьего пера...

Окна таких избушек отсвечивают на закате какой-то простой и замечательной истиной: познав её, тебя уже никуда больше не тянет, и хочется только жить в такой маленькой лесной избушке, у потаённого ручья, изумляться легкости овладения окружающим миром, и радоваться.

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Стремительно ускользает в логах солнце. Слабо трогает сердце отрешённая синева сентябрьского неба. Ещё усердно перелетают с дерева на дерево потрескивающие дрозды, а с другой стороны леса выплывает необыкновенно большой и желтый круг. Осенняя луна появляется всегда неожиданно и ярко.

С первого взгляда она поражает непохожестью | со всем, что тебя окружает. Подступающие сумерки сглаживают дорогу, деревья, речку и сам осенний воздух, что можно резать на тонкие прохладные ломти, а луна только ещё более выделяется на небе, резко очерчиваясь и округляясь. Она действительно неподражаема, когда изливает на землю свой бесстрастный, но чарующий свет.

Так же бесстрастно поднимаясь над елями, луна приковывает к себе излучаемым жёлтым таинством. Но более всего притягивает её полнота. Такой округлой, до краёв наполненной сдержанным достоинством, она не бывает ни в какое время года. Только осенью, в золотую пору угасания лесов и трав, плодоносит луна набранным за лето соком.

Часто луна, в осеннюю пору, краснеет, и об этом в народе говорят, будто Каин на ней убивает Авеля, пуская ему кровь. На самом деле краснеет осенью работник, хозяин бледнеет, а луна становится медовой, наполненной ароматным соком, что стекает в небесную посудину из небесных сотов. Лунный мёд вытоплен в природной печи лета таким густым и сахарным, что за осень постепенно отстаивается и светлеет.

Правда, бывает, выкатится на небо красная луна, и кажется, будто мёд её с гречи, тогда как белая луна - с цвета липы, а малиновая - с душистых ягод. Если же с осенней луной всю ночь пробыл, значит, мёд и пиво пил, по усам текло, в рот попало, и на душе пьяно и сытно стало: осенью в воздухе много и

крепкого пива, и душистого мёда, и зелёного вина. Но хоть и сладок, говорят, мёд, да не по две ложки в рот.

Изредка осенняя луна приобретает цвет пурпурного винограда, когда он созревает. Не пронзающая душу красота, а медленно заполняющая её, как терпкое вино. Сок небесного плода, ударяющий в голову с какой-то божественной благодарностью за всё увиденное, но не пьянящий.

Вообще, с каждым новым появлением осенняя луна преобразается и возникает на небе как-то по-особенному, тихо и замечательно. Словно кто-то очень таинственный и отчего-то одинокий вознамерится поглядеть на земной мир, замрёт настороженно над горизонтом сентября и, постепенно выясняя всё для себя, взбирается ещё выше по своей загадочной дуге, но никто этого не замечает. Вернее, не обращают внимания на перемещения луны.

Иногда луна всплывает на небосклоне, как какая-то неведомая глубинная рыба - неуклюжая, плоская и круглая, а зад - обрубком. Такая рыба, действительно, водится в Средиземном море, и называется, как ни странно, лунной, наверное, потому что на самом деле похожа на луну. У луны угадываются даже глаза, и она холодно взирает на всё происходящее, и ничего, как будто, не чувствует.

Порой же луна напоминает рыскающего в осенней ночи волка, когда крадётся за тучами, лишь изредка обнаруживая своё хищное присутствие. Отчего она бывает такой, и кого пугает этим отрешенным безжизненным светом? Может быть, луна просто играет в ночи, или сами облака бегут, то скрывая её, то открывая, и от этого она начинает казаться зловещей.

А вот если луна попадает в большую сиреневую тучу, освещённую кремовыми лучами, что напоследок излучает солнце, и задерживается в ней на какое-то время, она превращается в цветок-корону, нечто святое и недостижимое. Остановившись в таком величественном окружении, луна будто наслаждается случайно достигнутым тронном, но при этом не задаётся, и всегда взирает на человека с вопросом и пониманием. Как бы низко луна ни ходила, она постепенно, всё же, поднимается, а достигнув необходимой высоты, замирает, чтобы посветить лесу, зверям и человеку, отрешённо размышляя о своём особенном лунном состоянии. Что очень привлекает в осенней луне, так это её замечательная воздержанность при таком тронном нахождении: скромность царственной особы, ведающей о мире всё.

Часто луна отчего-то, бывает, печальна, как женщина, что уже потеряла свою былую красу, хотя ещё и привлекает. Незаметно выплывает она из-за леса, вроде бы, совсем нелюбопытна и молчалива. Свет её неспешно льётся, мягко бросает белые блики на ночные одежды спящих деревьев, и не сразу разберёшь, что занимает луну.

Именно осенью луна кажется настоящей красавицей, как бы она ни была грустна. Покоясь на своем небесном ложе, луна опутана тончайшей лиловой дымкой, а глаза матовые, с длинными ресницами, волнуемыми ветром, что не всегда ясно угадываются, но очень ощутимы. Воображаемые волосы слегка поднимаются, и вновь падают на её округлые плечи: все в луне очаровательно!

И если даже тронет печалью сердце, то ненадолго, с чудесным переживанием.

Мягкий ветер еле слышно дышит ароматной влагой, тихо веет в ночных сумерках, и всё только за тем, чтобы быть для луны приятным. А луна, будто не замечая его внимания, начинает потихоньку прихорашиваться. Как у единственной, не похожей ни на кого звезды, получается это у неё величественно, но по-женски, с милой улыбкой. Да и почему бы луне, хоть немного, не покрасоваться, когда ей кажется, что на неё никто не смотрит?!

Наведя свою красоту, луна вдруг замечает, что красота принадлежит всему миру, и сразу становится серьезной, плывя по небу тихо, даже осторожно. Слишком многогранен и таинствен мир, что замер в ожидании её непревзойдённого сияния.

Луна поднимается всё выше и выше, так что не страшны ей уже ни вселенский ветер, ни ночная тьма. Луна встаёт надо всеми, чтобы быть заметной и самой желанной. Она открыта любым взглядам и устремлениям в своей бездонной вышине, и в тоже время, как будто, предупреждает: думайте про меня, что хотите, но я всё равно недостижима.

К полуночи луна забирается так высоко, что уже не вызывает какие-либо образы. Она, наверное, просто устаёт от переживаемых мыслей, что передаёт земле и людям. Луна как будто отдаляется от них, постепенно становясь самой собой, и желает уже неизвестно чего, с точки зрения человека. Наконец, наступает момент, когда луна остаётся совершенно одна: даже звёзды не видны в её окружении, так она ярка и чиста.

Слов нет, луна прекрасна в ночную пору, но и безлунный мрак радует глаза, потому как всегда ждёшь появления осенней луны, чтобы вновь в молчании созерцать биение ее сокровенного сердца. А порой вдруг луна показывается лишь перед самым рассветом: большая, настороженная и бледная. Никак не поймёшь: та ли это луна, что совсем недавно очаровывала своей яркой красотой? Её свет, что скупое сочится сквозь частые ветви, тоже волнует душу.

Луна никогда и ни к чему не остается равнодушной. Даже в безжизненную декабрьскую стужу, с пухлой одутловатостью сугробов и всеохватным дремучим сном, она искренне струит сквозь бегущие облака живой свет. Бельмом в глазу зимы суждено оказаться только солнцу.

С молчаливым восторгом обнаружив взошедшую над пасекой луну, не прекращаешь думать о ней весь короткий осенний вечер. Изредка взглядывая на ясное лицо луны, произвольно ощущаешь, как она взирает отовсюду. Свет от неё - на любой ветке, и радость этого белого свечения передаётся каждой клеточке тела, а душа замирает в предвкушении нового открытия. Как светло под осенней луной, что лишь прибавляет радости!

Вскоре в лесу становится совсем дремотно и глухо. Быстро засыпают земля, трава и листья, и теперь уже луна, укрываясь загадочной улыбкой, угадывает, как бьётся в твоей груди растревоженное за лето сердце.

СТРАХ

Лес по ночам наглел. Вернее, наглело в нём что-то неуловимое, так до конца, каждый раз, и не объяснимое, приходящее вместе с темнотой. Оно гуляло и порхало в непосредственной близости от меня, переносилось разорванными тенями между деревьев, исчезало и вновь появлялось, но всегда оставалось загадкой.

Маленькая избушка, робко притаившаяся среди леса, казалось, не защищала от этого наваждения. Трепещущий огонь в печке, с уверенным гулом вырываясь из трубы наружу, сразу осекался: его в мгновение окутывала и поглощала чернота. Где-то там, в холодной недостижимости леса, витали мириады нераспознанных диких существ...

Ощущение их присутствия было так остро, что приходилось то и дело приподниматься на нарах, с затаенным дыханием подолгу всматриваться в окошко и настороженно вслушиваться: не стоит ли кто за стеной?

Порой казалось, что посреди мятущегося ночного бытия, за монолитными, овеванными ветрами и временем смолистыми брёвнами, копошится непонятное возмездие, и оно нащупало в тебе уязвимое место. А может быть, это подбиралась к тебе твоя, всё время поражаемая, но неистребимая судьба? Или кто-то таинственный и невидимый, ни за что, ни про что, вдруг надумал попугать тебя, стараясь, во что бы то ни стало, произвести впечатление твоего неминуемого поражения, как бы спокойно ты к этому ни относился? Во всяком случае, ощущение от кого-то, кто притаился за дверью, несомненно, было.

Был необъяснимый страх, над ним никогда не приходилось долго задумываться, и, тем не менее, он всегда подспудно присутствовал в ночном лесу. Но на всякую беду страха не напасёшься, и хоть глаза у него велики, и он в доме только хорош, а без этого страха было почему-то менее приятно жить. В ком есть страх, в том есть и Бог!

ЭТОТ ВЕТЕР

Иногда, если я нахожусь в лесу совсем один, ко мне как будто кто-то обращается. Это может быть ветер, луна или сам лес, всей своей вековой мощью поднимаясь перед моими глазами, но не зовущий за собой. Ты сам должен выбрать к нему путь, и происходит это всегда естественно, если ты, конечно, честен.

В такие моменты я чувствую, как какие-то силы словно наблюдают за мной, и не остаются ко мне равнодушными. Время от времени они напоминают о себе, пытаются заговорить на своём языке, и я хорошо этот язык понимаю. Вернее, угадываю его, стараясь продлить это вдумчивое и

таинственное общение.

Правда, ни лес, ни ветер, ни луна не любят долгих разговоров, о главном они возвещают очень кратко и незабываемо красочно. Ветер всегда живой, и по нему, если чутко вслушиваться в его завывания, стараясь их понять, можно узнать, какая будет погода. Всё зависит от его настроения и от того, как серьезно сам человек относится к мыслям ветра и его неуловимой душе.

Если ветер начинает дуть зимой с северной стороны - жди больших холодов, а юго-западный бывает тёплый. Облака идут против ветра - это к неожиданному снегу, ветер задувает, и нет инея - будет буран, когда же с севера потянул тихий ветерок, и следом за ним на горизонте показались расплывчатые облака - быть обильному снегопаду. Слабая тяга в печи и дым из труб, что клубится и расползается, без ветра клонясь к земле, тоже указывает на снег.

Восточный порывистый ветер - самый коварный, нелюбимый в народе, он появляется всегда заунывно, со свистом, предвещая обычно продолжительную непогоду. Кошка скребёт пол, кидается на ковер и дёргает его именно при этом худом ветре. Вороны рассаживаются на нижних ветках деревьев - вот-вот подойдут холода с севера или северо-запада, особо сильные ветра предвещают зимний гром, но уж если январским ветром подуло - зима, говорят, на весну повернула.

Бывает, ветер ходит туда-сюда, словом, дурит, и это тоже свидетельствует о приближающейся непогоде. Ветер как будто распаляет себя, не желая сдерживать свой яростный порыв, и все сразу замечают, как он загадочен и силён. А ветер только сильнее усердствует в своих непостижимых устремлениях, и человек поддается на его метания, не в силах что-либо им противопоставить. Втайне ветер, быть может, хочет избавиться от этой своей неприкаянности, но на самом деле никто его, чаще всего, не понимает, и ветер негодует и задувает ещё пуще.

В ветре, вроде бы, нет ничего мудрёного, и он возникает из-за того, что солнце греет неодинаково: всегда где-то теплее или холоднее. Тёплый воздух легче, и он поднимается высоко в небо, холодный же - тяжелее, и тотчас устремляется на его место. Вот и получается, что холодные массы, куда-то неистово переносясь, с рёвом гнут деревья и срывают с них листья, но покажется солнце, и ветер вновь пропадает.

Именно поэтому, наверное, часто говорят, что ветер непостоянен, но вряд ли сыщешь в природе что-либо более надёжное в своей свободе. Просто временами ветер улетает туда, где в нём испытывают потребность, а как только почувствует в ком-нибудь ещё большее устремление к себе, тотчас возвращается. Никто не в силах превозмочь его неудержимую природу быть всегда в нужном месте.

Когда ветер летит над землей, никто его, конечно, не видит, но зато чувствует каждый. Всё, что ни попадает ему навстречу, он толкает, бросает и кружит. А того, кто не поддается его устрашающим завываниям, ветер заставляет низко поклониться. Никому ветер не даёт спуска, ибо суть его

такова, что он дует и теплом, и холодом.

Редко кто из людей понимает ветер, так как по характеру он бывает ураганным и штормовым, ровным и порывистым, шквалистым и тихим, шатким и круговым. Направление ветра определяют по сторонам света, деля на тридцать две доли. Ветер различают также по временам года и времени суток. «Не верь ветру в поле» - поучали старые люди, поскольку угадать его душу очень непросто: ветер многолик.

Из-за того, что ветер непостоянен, люди меж собой прозвали непоседливого человека не иначе, как ветрогоном, что делает всё как попало и опрометчиво. Слова такого человека тоже воспринимались брошенными на ветер, то есть - попусту. Ветер ходит, дует повсюду, сквозит, но толку от него мало: с ветра пришло, как говорится, на ветер и пошло, и кто ветром служит, тому только дымом платят.

Но так ли ветер непостоянен, если не носить выше его головы? Ведь не зря в народе замечали, что от хозяина должно пахнуть ветром, а от хозяйки - дымом, и стоит ли дуть против ветра, вместо того чтобы угадывать его настроение?

Обычно ветер живёт в согласии со всем, к чему прикасается, и этими прикосновениями он может пробудить в скале, дереве или цветке их душу. Стоит только лёгкому ветерку пронестись над верхушками деревьев, как они начинают обеспокоенно шуметь, переговариваться, и не успокоятся, пока ветер не пожелает им крепкого сна. Цветок на ветру стремится не озябнуть, закрыться, но иногда он и распускается, если почувствует в неудержимой стихии внимание к себе. Обычная вересковая веточка способна тонко благоухать только от одного его прикосновения. Что уж говорить о кусте сирени, чей аромат ветер подхватывает, повсюду разносит и, наверное, пьянеет от этой возможности преумножать и без того прекрасную жизнь!

Ветер дует зимой и весной, летом и осенью, и всё, кажется, не может нарадоваться своей способности, безоглядно бросаясь с высоты и разбиваясь, в мгновение возрождаться. В разные времена года ветер неодинаков, и от этого весна начинает казаться краше, лето ароматней, осень утончённей, а зима глубже.

Ветер, несомненно, хорош собой, и когда он с силой гнёт деревья, чувствуется, какими они тоже становятся сильными и солидарными с ним, даже самые разобщённые. Не сдаваясь перед его мощью, деревья словно стараются убедить в чём-то ветер, как обычно отстаивают своё мнение гордые и правдивые люди. Правда, от холодного северного ветра крепкие ели иногда опускают свои нижние лапы к самой земле, но от этого образуется еловый шатер - уютное убежище для птицы, зверя и заплутавшего в лесу человека. А вот если такой ветер дует со снегом, хоть и колючим, это - как чьё-то неясное душевное обращение, что он доносит откуда-то сверху, с небес, и оно только радует всех и умиротворяет.

Когда начинает задуть весенний ветер, он проносит по небу лёгкие облака, и тогда такими же вольными рождаются в тебе мысли. Задорный

мартовский ветер и смел, и упруг, и норовист, а как до боли в глазах прозрачен и синь! Лишь ненароком коснётся он твоей головы, как бы невзначай, но будь уверен: весенней порой этот ветер никогда не бывает случаен.

Благодаря именно весеннему ветру, солнцу и поблескивающему насту молодой березняк как будто отрывается от земли и плывёт над ней нежно-розоватым вздрагивающим облачком. Все приключения души по весне никогда не воспринимаются тяжкими, они всегда имеют свежесть молодой травы, обласканной самым чистым апрельским ветром. Перед скорым рассветом ветер мягко, по-кошачьи, прокрадывается над макушками деревьев, и одну за другой задувает на небе зелёные, синие и белые звезды.

В начале лета вдруг уверуешь, что нет ничего прекрасней шелеста травы и листьев на ветру, но выдастся затишье, что предшествует ветру, и всё в душе смутится от нерастрченного чувства к нему и тому, что его порождает. Преисполненный довольства августовский ветер, наверное, от переизбытка радостных ощущений, сам однажды заводит с человеком тихую, душевную беседу, когда человеку достаточно просто слушать и, мысленно, отвечать ветру. Вот когда почувствуешь, как дорог тебе ветер, из всех стихий, пожалуй, самый дорогой и любимый.

Осенний ветер необыкновенно музыкален. Выводя мелодию без слов, он, как и человек, поёт давно известную им обоим песню. Про возвышенные порывы души и тягость непонимания тебя другими людьми, про желание познать лучшую жизнь, чтобы когда-нибудь всё потерять и вновь возродиться. На многое способен бродяга ветер, что горазд до разных перевоплощений.

Из обыкновенного воздуха ветер слагает такие песни, что по силе своей бывают ни с чем несравнимы. Иногда их называют душевными, идущими из самой его глубины, и они всегда приносят с собой тепло. Хорошо внимать им посреди зимы, когда ни о чем другом не хочется думать. Просто сидеть, прислонившись спиной к бревенчатой стене своего дома, и слушать, как не торопясь выражает ветер свои глубинные настроения.

В песнях этих никогда не услышишь опрометчивости, какого-либо непостоянства. Может быть, лишь поневоле затаившуюся непоседливость или невыразимую грусть, что поселилась в ветре изначально. С самых далеких времен его прошлой жизни, когда он витал над пустынной землей и чувствовал себя одиноким.

С тех пор мало что изменилось в его отношении к себе, но ветер стал петь, наверное, и для человека. Особенно зимой, когда белое безмолвие как будто сковывает восприятие, и кажется, что оно умирает. Ещё ветер восполняет в зимнюю пору пение птиц, что ещё не прилетели, и тогда дуновения его становятся удивительно схожими с их переливами. Он так же, как и они, трогателен и настойчив в достижении своих непревзойдённых желаний. Иногда самые важные слова доносит до человека именно ветер, и тот вслушивается, потихоньку складывает из них недостающие мысли и сам становится, как ветер: плохо будет дуть, так ничего ему не дадут, а если хорошо дунет, то всё у него будет!

Ветер чудесен по своему воздействию на человека и несёт в себе порой много неизведанного. Ветер не ограничен во времени и пространстве, он волен быть там, где ему захочется. И разве может кто-либо сравниться с ним в обилии переживаемых впечатлений?! Ветер великодушно делится ими, если быть внимательным и вдумчивым, и ещё он постоянно вселяет в человека веру, что всё не напрасно, если не посчитать его таковым; человек же, со своей стороны, оказывается неутомимым, как ветер, только когда испытает на себе не одну бурю.

Ветер улыбается, когда у тебя что-то получается, и ни в чём не мешает, если поверил, что ты уже давно и по-настоящему захотел стать самим собой. Конечно, этого не увидишь, но почувствовать можно: главное, быть таким же внимательным, как ветер, равнодушным, и тогда многое из того, что доступно ему, станет доступным и для тебя.

Ветер, как любимая женщина, ждёт тебя, настоящего, мучается, несмотря на своё могущество, и желает, чтобы ты принадлежал только себе, как и он сам. Конечно, ветер жаждет поклонения, но в силу собственного достоинства и мудрости великодушно предоставляет возможность и тебе, хотя бы раз, оторваться от земли.

Ветер никогда не ищет для себя выгоды, он может снизойти до любого человека, пав перед ним ниц, и будет долго ждать, пока человек не взглянет, наконец-то, на звёзды и не возжелает взметнуться выше небес, но всё равно останется при этом самим собой. В нескончаемых завываниях ветра всегда угадывается, как он желает для человека лучшей доли, старается не покинуть его до самой последней минуты, и всё это ради того, чтобы человек не угасал и помнил: он - человек, способный на всё, чем обладают и ветер, и солнце, и даже огненная стихия.

Сказать, что ветер просто хорош, значит, не сказать ничего, ибо кто, как не сам ветер, способен растревожить любую заблудшую душу. Он может открыто наслаждаться и своей пугающей необъятностью и глубиной, хоть и позавидует ей далеко не всякий, но вот захватит она, по-настоящему, каждого. А это уже нечто более возвышенное, присущее только тем, кто зажигает звёзды.

Ветер никогда не предупреждает о своём появлении. Когда его долго нет, ты, думая о нём, начинаешь приписывать ему то, чем он, может быть, даже не обладает, но если ветер вдруг появляется - всё ненужное сразу отпадает, и ты ясно осознаёшь: быть ветром - это наивысшее состояние духа, к которому нужно всегда стремиться и быть к нему готовым.

Я не понимаю отсутствие ветра... Вернее, когда он долгое время не прилетает к человеку, как будто куда-то пропадает, и от этого становится пусто. Ветра не может не быть, он - воплощение любой человеческой мечты или поступка, если ты обладаешь, хотя бы, маломальской энергией.

Может быть, мысль человека даже сильнее и свободнее самого неукротимого ветра. Принимая ветер как брата, и понимая работу мысли как самую свободную энергию, я однажды вдруг почувствовал, что ветер и есть,

наверное, та сила, какую, в первую очередь, создаёт человеческое сознание.

Иногда ветер сам будто человек, что постоянно стенает о хорошем, когда он обделён им... Но разве можно допустить, что ветер способен о чём-либо стенать или просить, желая для себя более достойной доли?!

Нет, ветер не стенает и не просит, он неустанно убеждает всех в том, как восхитительна жизнь в своём отрешённом парении и, несмотря на свою видимую лёгкость, относится к ней очень серьезно.

Порой ветер как будто разговаривает с кем-то, и ты не сразу понимаешь, что это он общается с самим собой, как часто бывает с любым человеком, что доверился только собственной душе. Ветер задувает всё сильнее и сильнее, будто не надеется на ответное чувство от кого-либо. Он, ветер, до такой степени одинок в своём затворничестве, что готов дарить себя лишь избранным, и только избранные, как и ветер, готовы воспринимать его всеохватывающие притязания.

Но попробуй-ка отыскать родственную душу, да ещё как у ветра! Правда, если очень желать, то встреча с ветром непременно случается, и он находит тебя, где бы ты ни был.

Однажды ветер отыскал меня в самых глубинах ноября, что ещё не был обременён подступающей зимой, и предупредил о своём появлении отдалённым, но ясным завыванием. Вернее, это было нескрываемое приближение к тебе того, что может изменить судьбу, и я, помнится, насторожился, прислушался и отложил обломок карандаша, когда записывал кусочки лесной жизни. Пламя свечи тотчас дрогнуло, метнулось, и затерявшаяся в лесах избушка на мгновение озарилась тревожным светом.

Вселенский гул, какая-то необъяснимая и страшная сила наступала с ветром из осенней темноты, но я ещё более подался всем своим существом к тому, что, несомненно, двигалось ко мне. Наверное, я просто проявил неподдельный интерес к ветру, как до этого к самому лесу, и он это почувствовал. Ветер не случайно вознамерился добраться до моей избушки, но страха не ощущалось, а было только стремление встретиться с этой силой лицом к лицу, и подружиться, если она того пожелает.

Отойдя несколько шагов от избушки и очутившись в ночи, я присел на маленький чурбачок и оглянулся. Огонёк свечи в окошке опять горел ровно и как будто подсказывал: ты всё делаешь правильно, только отрешись сейчас от моего тепла и обрати свой внутренний взор перед собой, в наполненную жизнью черноту, куда уже устремился свободный ветер. Он приближается именно к тебе, и ты должен быть готов к его встрече, иначе ты не жил.

Мне, конечно, не раз приходилось бывать в страшном ночном лесу, когда всё в нём звенит от немоты невысказанного, но если и складываются какие-либо образы, то проплывают они перед тобой неясными видениями, шорохами, от которых хоть беги из леса без оглядки. Непременно в такой момент засветятся, вздрагивая повсюду, зелёные светляки, как будто к тебе приближаются звериные глаза. А то вдруг пробежит по верхушкам деревьев таинственный шепоток, опалит своим стылым прикосновением так, что

занеуют пальцы, и ещё неприкаянной станет в лесу. Но именно поэтому уже не помотришь на лес свысока: всякое, пусть даже самое жуткое происшествие в его неведомых просторах, на деле, преисполнено смысла, и в нём можно угадать какое-либо предзнаменование.

Но ещё страшней, когда случается вот такой всеокрушающий вой, что приходит из какой-то запредельной и неприкаянной пустоты, где, наверное, ещё не существует боли, а живёт то, что утробно изрыгает свою необузданную дикуую суть. Может быть, это Вселенная решила проверить тебя на прочность: выдержишь ли ты её натиск, не дрогнешь? Не без восторженного содрогания при этом постигаешь: неужели подобное возможно?! Чтобы ветер или Вселенная чувствовали человека, разгульно и в тоже время уверенно шли к нему навстречу, а человеку бы только оставалось ухватить и держать совершенно неповторимое ощущение слитности с этой великой бесконечностью.

Главное, чтобы ты сам чувствовал ветер, думал о его потрясающей негибамости, и тогда стихия принимает тебя, хотя, временами, будто и негодует или просто злобится, невольно выказывая свой необузданный характер. Но как бы ни был силен ветер, налетевший из неведомых чертогов Вселенной, не пытайся от него утаиться, встречай его душой, сливайся с ним всей своей сутью, и уже вскоре вы вместе будете сгибать столетние ели, а ты и не подумаешь этому удивляться. Сила ветра соединится с твоей силой, и вы навсегда станете едины.

Тогда, в ноябре, могучий вселенский позыв, вмиг обозначив своё присутствие и поняв, что человек ему полностью доверился, вдруг взметнулся, будто от радости, затем бросился вниз, по логу, и это было непередаваемо! Всё во мне перевернулось и замерло, и я в нетерпении ждал, когда ветер вновь вознесётся над вырубкой, где приютилась избушка, а он всё не показывался. Было только слышно, как ветер завывал в самой низине, и от этого голос его казался глухим, надтреснутым и недовольным, будто он с кем-то там ругался, но я чувствовал: ветер про меня не забыл, и только отчего-то делает вид, что не замечает.

Если долго стоять на ветру, выйдя из обыкновенной охотничьей избушки, то тебе начинает казаться, что ты его во всём понимаешь. Ветер прилетает, вроде бы, только для тебя, думает о своем, не забывая тебя, и вершит свои права, конечно, несмотря на чувства человека, но и не без его участия. Когда ветер метит никому неведомые пути следования, то только затем, чтобы немного отдохнуть у земли от своих нескончаемых возвышенных дел и рано или поздно обратить к ним твое внимание.

Ветер удивительно целен, замечательно бесконечен, и хотя принято думать, что он одинок, но поля, цветы, деревья и певчие птицы относятся к нему, как к старшему брату. Ветер витает над ними, размножает, доносит до слуха всего живого их дивные голоса, будто приглашая заглянуть в свою душу, которую, впрочем, тотчас закрывает, но ощущение от этого мгновенного соприкосновения с ним остаётся самое необыкновенное.

Ко мне ветер прилетел совершенно открыто, щедро распахнув всю свою душу. Да, и чем мог помешать ему человек, кроме, как завязать с ним мысленную беседу, написать о нём рассказ, попытавшись понять его непростую и восхитительную суть? Ветру было подвластно всё!

Он носился всю ночь напролёт над долиной таёжной реки, то исчезая, то оказываясь совсем рядом, и я верил всему, что он мог себе позволить и вообразить. Ветер увлекал меня в самые головокружительные высоты и я, безоглядно отдаваясь его потоку, чувствовал, как он почему-то заботится обо мне. Проявляя свое внимание где-то в необозримой вышине, он в мгновение, будто играя, появлялся поблизости, а я, наоборот, мечтал унести с ним в ночное небо, и помочь мне в этом был способен лишь ноябрьский ветер. Удивительно, но только с ним оказывалось возможным прикоснуться к звёздной жизни, быть там, сколько ты захочешь, и, пока все спят, беспрепятственно вернуться на землю.

Вот такой он, этот ветер, и ничего не поделаешь, когда он переворачивает в тебе душу, но, в тоже время, обозначает судьбу. Ветер судьбы - это, несомненно, и ветер странствий, ветер-бродяга. За его неожиданным появлением всегда стоит долгий путь поисков и ошибок, когда ты ещё не в состоянии определить, что представляешь в этом мире, и что когда-нибудь из этого родится. Однажды налетая, ветер подхватывает мятущуюся душу, и душа вдруг обретает крылья, которые уносят её, вместе с мечтою, за исчезающий горизонт.

СНЫ ЛЕСА

Зима... Уснуло все вокруг... Повсюду ночь, застывшее молчание снегов и пронизанный морозным духом воздух: сквозь него человек пристально вглядывается в безмолвную бесконечность заснеженного мира.

Спокойно наблюдая, как протекает рядом божественное мироздание, ты понимаешь, что другого сна душа не просит: только далёкая Полярная звезда хранит сейчас твой мир. Сердце исподволь вздыхает в снежном крошечке зимы и тотчас замирает. Неслышны ни шорохи, ни стуки, ни вскрикивания птиц: что может быть прекраснее этой отрешённо-заораживающей зимней нескончаемости?!

Все спят, рассвет ещё не скоро, и потому можно целыми часами недвижно сидеть у окна, устремив взгляд в белеющую зимнюю даль. О чём твои думы, к чему эта тайная зимняя грусть, и что ожидает растревоженную за год душу в безвестном будущем? На всё есть воля Господня и благословение зимы, что дана человеку, наверное, для того, чтобы он отдыхал от своих праведных трудов и лечил душевные раны.

А из окна видна закованная в лёд река — совсем недавно была она многоводной. За той рекой синеют дальние леса... По краю небосклона высятся они отрешённо, облачённые в белоснежные одежды. Тихо и умиротворенно всё вокруг, и человек постепенно проникается мыслью, что жизнь всё же не умерла, она только на время заснула.

Иной раз зимний день приносит пустоту, тишину и скуку. Нет ничего в душе, и всё окружающее уходит куда-то далеко-далеко, о чём даже не хочется думать. И смысла уже не остаётся от этой зимней успокоенности, а мыслям не за что зацепиться. Будто спряталось всё, и только тихое ожидание неизвестно чего замерло в неведомом отупении.

Зима неслышно говорит с тобой холодным языком, и ты не в силах охватить её затаенной мощи. Она навевает сон, противоборствовать которому не хватает сил.

Сон, данный всему живому, дотрагивается и до твоей души, умиротворяя её несказанным покоем и светом, чтобы родилась она по весне здоровой и молодой, и трудилась, и пела, и не знала усталости. И ещё не скорбела, а сказки по-прежнему дарили радость и не умирали. Так часто они оказываются никому не нужными и пустыми.

Сон зимой всегда в руку, он не забывается и определяет собой будущие поступки. Зимний сон никогда не губителен, всякий любящий жизнь хорошо это знает. Именно зимой постигаешь, как наскучило старое, которое должно умереть, и как необходимо новое, способное ещё более приблизить к тому, что никогда не надоедает. Сон дарит тебе его ощущение.

Когда приходит темнота и умирает день, становится так хорошо. Огоньки в печке прыгают, перебегают с полена на полено, словно играют. Всё это необыкновенно завораживает и усыпляет.

Заснеженные поля лежат в ночной тиши, над ними, будто на невидимых ниточках, повисли звёзды, и вокруг черною стеною стоят леса. Звёзды сверкают в неясной вышине, и кажется, что, влезши на сосну, вмиг одну из них достанешь. В заснеженных верхушках сосен полыхают радужные искры, с высоты деревьев открываются бездонные дали, в которых слышится шорох неспешно ускользающего времени.

Ясной морозной ночью в тебе вдруг всплывает необычайная цельность от происходящего с тобой. Крупные звёзды в это время не перестают сиять над избушкой, горят всё ярче. Отчётливые тени елей кажутся выточенными на снегу. Тёмные фигуры зверей изредка перебегают в разных местах уснувшую дорогу и приятно тревожат своим неясным присутствием.

Всё это восторженно будоражит душу, и уносит в неведомую глубину сладких зимних снов. Вобрав в себя нераздельно всю жизнь леса, сны оживляют его в тебе, и отпускают к весне ничего не боящимся, помолодевшим.

Так и ты, проснувшись однажды под утро в затеряншемся среди лесов зимовище, почувствуешь себя отдохнувшим и чистым. С лёгким настроением, не спеша, растапливаешь не успевшую остыть печь и, впитывая

её разгорающееся тепло, улыбаешься чему-то. Душа твоя до краёв наполнена великой тайной зимы.

Но один ли человек подвержен сладостной зимней печали? В заснеженном омшанике, среди дивных сновидений, наверное, переживают неудовлетворенность от вынужденного бездействия таинственные пчелы. А вместе с ними - дома, река, лес и покосившиеся задворки, заиндевело притаившиеся, полусонные, глухие. Вся земля в снегу, в благодном сне, в холодной необъятности которого, кажется, не уместиться даже обыкновенным и радостным устремлениям.

Зимний воздух недвижим, и сердце замирает в задумчивой истоме. Объятый грузом всего, что пережито за год, забываешь про стремление к высокому душевному полёту. Твоя судьба зимой - лишь теплящийся свет далёкой звезды в заиндевавшем окошке, безмолвные снега, утопающие в туманной ночи, и ещё сны...

Уснули и сосны с пихтами, и ели. Затаились под снегом ручьи и тропы, старое зимовьё. Только волки неслышно бродят в белом мраке зимы, а в выстуженных небесах застревает крик одинокого ворона. Повсюду лишь тьма зимы, и снег, и волчий вой.

Для каждого живого существа в эту пору наступает чуткое забвение, и все оказываются объятыми проникновенной зимней тишиной. В лесах, в застылом помрачении, беспристрастно копит будущую жизнь зверьё. А птицы, одеревенелыми силуэтами взлетая и так же бесчувственно ниспадая с небес, безмолвно усаживаются на заснеженные верхушки деревьев и, будто забываясь, замирают, наверное, слагая в хрупких снах свою весну.

Представив себя птицей, вмиг оборачиваешься ею в своих скованных холодом мечтах, и медленно взлетаешь над синими лесами, в нескончаемый зимний простор. Легко парить в безмятежном зимнем сне, призванном к умиротворению. А что видят во снах дикие звери, утопая в них, как в мягкой снежной перине?

По всей земле завывает безудержная метель. Наносит снежную толщу над берлогой, где позабыл себя медведь. Барсук тоже не внемлет этому подступившему для всех отрешённому отдохновению, и видится оно ему в норе. Растут над ней пуховые сугробы, день ото дня матереют.

Неслышен мир живых, всё, кажется, забылось. Лишь белый снег летит с ночных небес, косит над спящими телами, душами и замершей землёй. Всех повязал белёсый снегопад, и каждый предоставлен теперь зиме, её холодной тьме и собственным чутким снам...

Медведь

Издревле перебивает зиму в берлоге медведь, лесной владыка. Живёт, не ведая, что был когда-то, по людскому убеждению, человеком, а обращён в медведя за тяжкие провинности пред Богом. Родство зверя с человеком народ

видел в том, что медведь, будто бы, иногда нападает на баб, неосторожно забравшихся в лес, но не с тем, чтобы их есть, а уводит их к себе, и живёт с ними. Во снах своих зверь всё это, должно быть, переживает.

Всё во снах свершается не так, как в жизни, и потому медведица, на деле отгоняющая медведя от медвежат, во сне к нему остаётся благосклонна. Видится, наверное, медведю, что он в услужении у Анастасьи Петровны находится, на лапах её любимых дитяток качает. Медведица за то его долго от себя не отпускает, пока он не вынянчит её медвежат, и ложатся они в берлогу, вопреки известной пословице, вместе.

А может, представляется медведю, как, продевши кольцо в ноздрю, люди его на цепи по деревням водят и потешаются над этим. Медведь в усладу им пляшет, а сам рычит и головой мотает. Хозяин за него деньги берёт, а медведю ничего не перепадает. Досадно от этого Михайло Потапычу, но ничего не попишешь: судьба, видать, такая выпала.

Или ещё приснится, как ему от пчёл достаётся. Жаркое лето обтекает зверя, дух желанного мёда щекочет ноздри, липкая слюна западает в уголки пасти. Падок медведь до желанной сладости так, что не боится шкурой откупиться. Без оглядки разоряет пчелиные ульи, лишь бы полакомиться немножко.

Раззадорит пчёл не на шутку, а уж потом бежать; даже глубокой зимой не дают ему покою пчёлы: он во сне от них лапой отмахивается, вздрагивает всем телом, посапывает. Сладко витать медведю в своих летних воспоминаниях.

Слышится ему, наверное, и запах достигнутой августом роскоши, в которой он с аппетитом поедает лесные яблоки. Сидя, как человек, в усыпанной ими траве, наслаждается медведь этим летним довольством, а тёплый ветерок мягко ворошит его густую шкуру. Приятно медведю всё это посреди зимы заново переживать, и так захочется ему опять лета, что застонет он во сне, губами зачмокает.

Интересно его в этот момент было бы подглядеть, простодушием медвежьим позабавиться. В таком настроении он в лесу и дуги гнёт: гнёт - не парит, переломит - не тужит. Сочная рябина от него под осень немало намается, а медведю до того заботы никакой: он её аромат зимой вдыхает, снами рябиновыми утешается.

Спит медведь и видит свой любимый пригорок, ягодами желанными рдеющий, а ещё лакомство своё неизменное - муравейники. Как вырастают они под древними елями невообразимыми кучами: замерли в себе, будто ждут чьего-либо внимания неизвестного. Медведь его на свой интерес принаравливает.

Эдак запустит лапу неуклюжую, напустит страху на царство муравьиное и потешается. Любо ему, недотёпе, возбуждение махонькое наблюдать, кисленьким закусывая. Оттого, наверное, он всю зиму лапу в берлоге и сосёт, что на неё во снах муравьев с мёдом намазывает.

За зиму, бывает, целый воз сладостей поедает да ещё корову стрескает. Мало, что сало с осени запасает. Так до весны в сытости и живёт.

В народе говорят, что одну половину зимы медведь спит на одном боку, другую - на другом, а когда просыпается и с боку на бок переворачивается, то только палец пососёт и опять засыпает. Старики даже уверяют, что медведь потому так долго может спать, что ест особый «сонный корешок». Одна баба будто бы случайно нашла и съела такой корешок, после чего тоже на всю зиму заснула.

Всё это, конечно, замечательные сказки, без которых и медведь, и зима не были бы так интересны. Созданный Богом для дремучего звериного обаяния и неспешности внутренней лесной жизни, он им же в зиму от холода и голода оберегается: хоть и силен медведь, а воли в нём нет, она выкована в волке. Потому косолапый и спать ложится, что не одолеть ему, даже со своими запасами, суровую зиму. Легче медведю перележать её в берлоге, чем преуменьшать со своим весом в гибельных сугробах.

В самых глухих уголках леса устраивает медведь себе на зиму логовище. Непроходимый валежник и бурелом спасают его от непрошеного гостя. Правда, иной раз залегает зверь, чтобы было не так скучно, поближе к деревне и слушает, как петухи распевают. Лежит, дышит на свои стоптанные лапы да сквозь сон чему-то улыбается. Хорошо ему в берлоге, уютно, шуба и жир греют.

Лежит медведь зиму в берлоге, не умываясь, и дела ему никакого нет до чистоты. Талая вода весной всю грязь со шкуры вымоет, травы молодые её очистят, а ветерок просушит. Только бы не помешал никто сну сладкому прерваться.

Горазды бить забывшегося в берлоге зверя жадные до острых ощущений охотники. Никак им не унять разошедшегося в сердце желания, во что бы то ни стало, добыть его шкуру. С осени замечают они медвежьи тропы, что протаптывает медведь в поисках убежища на зиму.

Но без оглядки будить медведя опасно. С медведем, поговаривают бывалые люди, дружись, а за топор держись. Вставший из берлоги зверь космат и чёрен, и может разъяриться до неузнаваемости. Горе тогда нерадивому охотнику, вознамерившемуся нарушить покой лесного воеводы!

Трудно обнаружить берлогу зимой, но равнодушно к лесу человеку, хоть однажды, да выпадет такое счастье. Не ждёт и не ведает он этой встречи, неспешно бредёт по краешку какого-нибудь глухого лога. Лыжи глубоко проваливаются в рыхлом снегу, обильная испарина выступает на лбу и спине, а вяжущий воздух обволакивает всё тело. Тихо вокруг, затаенно, непробудно.

Отчего-то выбираешь на своём пути густой островок ёлок. Притягивает то ли его неглубокий снежный покров, то ли таинственная темнота хвои, но ты жаждешь поскорее с ним соединиться. Когда рука касается шероховатого смолистого ствола, что-то входит в тебя вместе с укромной еловой темью, каким-то особым потаённым пространством.

Некоторое время ты ещё не в силах постигнуть того, что произошло: только отверстие в снегу, обильно затянутое куржавиной, неотрывно приковывает всё твоё внимание. С подступающей в груди дурнотой вдруг понимаешь: это - чело. Здесь, в каких-нибудь пяти-шести шагах от тебя, мирно лежит и дышит под снегом грозный лесной исполин.

Медведь - лешему родной брат, верили в народе, вместе они по лесам до зимы скитаются. С весны по осень часто можно со зверем встретиться, но не дай Бог разбудить его зимой! Ведь по медвежьему хотению и зима студёная длится: как повернётся он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась. Чуток должен быть человек к Всевышнему волеизъявлению, что проявляется и в зимних снах.

Барсук

В сладком сне пребывает всю зиму и барсук. Основательно поработал он для этого летом и осенью: на случай бегства от врагов нарыл множество боковых проходов с оставленными в них земляными перемычками, аккуратно расчистил жилую камеру и натаскал в неё пахучей травы и мха. Толстые стены укрывают зверька от лютых морозов и ветров, загодя накопленный слой жира уберегает от голода.

Прочен и неспешен распорядок барсучьей жизни в своём замечательном лесном истечении. Это хорошо понимаешь, когда стоишь где-нибудь в январе, над его засыпанной снегом норой... Стоишь, замерев, и ощущаешь под ногами неприхотливый звериный уют. На душе отчего-то становится хорошо и покойно.

В какой-то миг даже почудится, что не видит барсук никаких зимних снов: впал до самой весны в сладкое оцепенение, ничто его не беспокоит. Но вспомнится потом вдруг, каким зверь был неутомимым и работающим всё лето, и сразу представляешь его наполненную делами лесную жизнь, в которой он, наверное, ничего не забывает. Лёгкими ненавязчивыми облачками всплывает посреди зимы то, что он видел когда-то, и так оно незамысловатыми картинками и витает в замысловатых проходах норы, убажывая барсука своим присутствием.

Может быть, видится ему знойный день, когда маленькие барсучата мило переворачиваются у норы, играют и гоняются за мелкими насекомыми, а взрослые внимательно охраняют их покой. Слышится барсуку сквозь крепкий сон вольное щебетание птиц над головой, их бесконечное порхание, и как внезапно налетает неведомо откуда августовский ветерок, что приятно ворошит на спине мех. Чудится ему вкус родниковой воды, к которой он пробил за лето приметную тропку, и запах осенних грибов, и сочность лесных кореньев.

Воспоминаний, слагающих сновидения зверя, наверное, больше спокойных и мирных. Сама размеренность барсучьей жизни и её оседлость предполагают их.

Барсук - это сокровенная лесная озабоченность и, может быть, даже некоторая отрешённость от жизни остальных зверей. Он всегда сосредоточен на собственной жизни и, наверное, поэтому зимой отдыхает. Ему нет дела до других, до пустого времяпрепровождения: он - маленький упрямый хозяйчик, между тем обладающий удивительной сметливостью.

Взять хотя бы его бесчисленные отнорки, которые он тщательно и без усталости прокапывает всё свободное время. Однажды столкнувшись с ними, ты убедишься, что барсук сидит в своей норе не зря. За исключением тех, что зверь постоянно использует, он оставляет во всех остальных земляные перемычки, которые с внешней стороны не сможет осилить ни один его враг, но сам он преодолевает в считанные минуты. Оттого и спится ему сладко в своей норе зимой, что не пробраться никому под глубокую толщу земли и снега.

Внешний вид барсука хорошо всем известен. У него короткое приземистое туловище с широкой спиной и толстым круглым задом. Именно из-за него воспоминания о звере всегда вызывают улыбку и добродушное настроение. Голова же у барсука узкая, с белыми запоминающимися полосками и слабо выдающимися ушами. Соединяется она с туловищем неожиданно тонкой и, весьма, подвижной шеей.

Из-за своего ночного образа жизни барсук редко встречается человеку в лесу, и потому о нём существует некое превратное представление: иногда его даже причисляют к медведям из-за неуклюжей приземистой фигуры, лап, напоминающих медвежьи, и густого шерстного покрова. Но только на первый взгляд барсук кажется грузным и неповоротливым. На самом деле он очень подвижен, особенно когда его подстерегает опасность. За зиму он хорошо отдохнул, выспался, и тяжелые видения не обременяют его движений.

Ещё несведущие люди иногда представляют себе барсука себялюбивым, недоверчивым и угрюмым существом, живущим как будто во вражде со всеми. Мнение это неверно. Барсук, скорее, добродушное существо, быть может, как никто в лесу занятое обустройством собственной жизни: более безупречного в этом отношении зверя трудно найти.

Затворник, избегающий людей и других животных, имеет на то свои основания. Не вызывающий ни у кого в лесу особой симпатии, зверь, между тем, никому не приносит зла. Он удивительно простодушен в своём замкнутом образе жизни, и хлопочет только о том, чтобы окружить себя и своих близких полнейшей безопасностью.

Увидишь, бывало, в конце зимы отпечатки голых ступней на снегу и удивишься: что за зверь отыскился в лесу? Забудешь за долгой зимой о существовании барсука. Внимание твое одолевали волки, зайцы и лисы.

Только им ты отдавал предпочтение, и ещё - неуловимым рысям, и скрытным глухарям.

Ранней весной по грязным следам барсука видно, что у него за зиму отросли огромные и острые когти. Самый когтистый след у барсука, но мал, к тому же, отпечаток задней ступни отчасти напоминает след босой ножки ребенка, оттого при встрече с ним не пугаешься, а недоумеваешь. Вроде ходит какой-то зверь по снегу и ищет, что бы выкопать. А уж если найдёт, то и съест, потому как барсук - зверь всеядный.

Если зима к концу пошла, барсуку не ложится: то сходит к ключу водицы испить, размяться, то к чуть дымящейся проталине забредёт. Хочется ему поскорее зимние сны в реальность превратить, и барсук, наверное, боится пропустить лето. Убедившись, что лето ещё не настало, он опять обращается к нему во снах, досыпая остатки зимы. Скоро ему придётся много работать, и последний сон ублажает исстрадавшуюся по лету звериную душу.

Барсук на редкость чистоплотное и опрятное животное. Проснувшись, он сразу же начинает приводить себя в порядок, стараясь стряхнуть остатки зимних сновидений. Зверь за ними даже не ощущает сильного голода, и только осторожно внюхивается в живительный весенний воздух.

В самые первые дни, после зимнего сна, барсук не уходит далеко от норы, и откапывает где-нибудь поблизости пахучие корешки растений или дождевых червей. Он весь пока находится в плену затянувшейся зимней отрешённости, и пройдёт еще немало времени, прежде чем мех зверя опять начнет приятно лосниться, а движения его приобретут плавную неторопливость.

Полная неповторимостей жизнь леса вновь захватит барсука в свой круговорот, и на целое лето он забудет про зиму. Собственно, она для него и так не показалась бесконечной - зверь проживал её незаметно во снах. В них тоже было лето, и барсука, наверное, иногда одолевало недоумение: что это за холодная пора, ежегодно приходящая на землю, и зачем она? Он достойно преодолевал её во снах, и был им за это очень признателен.

Ему, должно быть, нравилось почти целый год чувствовать себя полным сил, и он даже не догадывался о том, как нужна ему зима. Зима ублаживала душу зверя, а барсук послушно отдавал себя на её волю, зная: рано или поздно сладкие оковы зимнего сна спадают, и долгожданная весна вновь выйдет к нему навстречу!

Белка

Удобно обернувшись пушистым хвостом, крепко спит почти всю зиму в своём гайно белка. Так и хочется запустить руку к ней в гнездо и ощутить это укромное тепло. Но не дано этого человеку: ему остаётся лишь недоумевать

и восхищаться жизненным обустройством зверя, домысливая его зимний уют.

Видит белка свои дымчато-голубоватые, зеленые и рыжие сны, с дерева на дерево в них летает, и нет ей ни до кого дела. Такому красивому пушистому зверьку незачем кому-либо завидовать. Одним своим появлением она оживляет безмолвие угрюмых диких лесов.

Не зря белка упоминается в старинных русских сказках, где она распевает свои незамысловатые весёлые песенки, а сама, знай, грызёт орешки: скорлупа у них из чистого золота, ядрышки же - «чистый изумруд»! Стремительно скачет белка с ветки на ветку, ловко карабкается по стволам, а замрёт - не отыщешь! Хвост у неё вместо руля, передние зубы-резцы никогда не снашиваются. Сильные задние лапы подбрасывают белку с дерева на дерево - только держись!

Несправедливо, должно быть, связывали в народе появление белки на деревне с чем-то худым. Старики примечали, что если белки скачут по макушкам, жди великого морового поветрия, либо какой другой напасти. Про неё и загадки сложили: «Вертява, а не бес!», «Не мышь, не птица - в лесу резвится!», или ещё такая поговорка: «Белку ловить — ножки отбить».

Но не может белочка совладать сама с собою, да и не хочет. Угодно ей предаваться ловким забавам, быть неудержимою, лёгкою и вольною. Особенно оживлённо белка ведёт себя перед тем, как залечь основательно на зиму. Суется, не переставая, в мохнатом пологе леса, будущие сны свои слагая.

Поспевает белка заготовить больше грибов и орешков, чтобы слаще ей спалось в холодную зиму. Меха у неё, как и у многих других животных, становится пушистым, густым для лучшего предохранения от зимней стужи. К тому же, он бусеет, постепенно меняя бурый цвет на тёмно-дымчатый, с синеватым отливом.

Ведает белка, что, значит, в морозную пору без корма остаться, трудится без усталости всю прогорклую от ароматов осень. Запахи её потом тоже будут зверьку сниться, убажывая его лесной покой.

Когда белке не хватает пищи, сны её становятся сумбурны и коротки. С неохотой поднимается она со своего убежища и находит еду в ёлках, отъедая у них мягкие цветочные почки - «еловые шейки». Ещё белка выкапывает из-под снега шишки, сожалея, должно быть, о беспечном летнем существовании. Иногда голодные зверьки даже обглаживают сброшенные лосиные рога: где уж тут до безмятежных сновидений!

Забудется белка на денёк-другой, вспоминая сквозь тревожный сон, куда ещё припрятала осенью запасы. Много их у неё по лесу разбросано - под корой деревьев, в пнях и поваленных колодах. Разве всё в глубоких снегах отыщешь!

Гулко стучит в груди маленькое сердечко, с трудом преодолевая случившееся в зиму отсутствие корма. Необыкновенно подвижное и весёлое

животное как будто затихает в себе, и вот тогда ему начинает мерещиться что-то стремительное и большое.

Как случилась однажды у всех белок беда, и пошли они в дальние земли за лучшей жизнью. Нескончаемое пушистое полчище двигалось упорно и день, и два, не останавливаясь, стирая в кровь лапки. Преодолевая на своем пути бескрайние поля, деревни и реки, белки все вместе представляли собой какое-то огромное отчаяние. Горе, охватившее животных, казалось непомерным, и им никак нельзя было помочь.

Или всплывала из глубины осеннего леса великая непогода. Сорвавшийся с небес ветер ломал древние деревья, вырывал их с корнем и метался в диком исступлении. Бесконечные потоки холодной влаги низвергались сверху, и от всего этого белке становилось жутко.

Маленькое гнездышко, служившее ей укрытием, казалось ненадёжным, белке хотелось выскочить из него и бежать, но она не знала куда. Покачиваясь на дереве в такт ураганным порывам, белка в оцепенении замирала. Зимой, во сне, страх этот возникал каким-то омертвелым воспоминанием.

Иногда белке виделись вкусные маслянистые орешки кедра, когда-то в изобилии ею поедаемые. Их в тот год было много, и белка жила припеваючи. Орешки всегда были сочные и сытные, и никогда ей не надоедали.

Ещё белочка часто летала во снах с дерева на дерево, выбирая самые высокие и мохнатые верхушки. Заходящее летнее солнце большим красным кругом приближалось к ней, и было очень приятно переноситься в этом затихающем мягком воздухе, на секунды в нём повисая. Белка будто купалась в солнечных лучах, и они оведали её шкурку ласковым теплом. Лето во снах появлялось чаще всего, его хотелось пить жадными маленькими глотками, оставаясь независимой и кроткой.

Нравилось белке видеть себя во сне чутким, умным и уживчивым зверьком. Лёгким и весёлым со своими друзьями, непугливым и, в то же время, осторожным. Без особых претензий на свою лесную жизнь, белке хотелось уютнее и более надёжно её обставить. Сладкий зимний сон как-то радостно возвеличивал её, и белка, наверное, мечтала вовсе не просыпаться.

Хорошо было лежать всю бесконечную зиму, свернувшись клубочком в сухом и тёплом дупле, испытывая гордость за свой домашний уют. В нём она когда-то произвела на свет своих милых детёнышей, и они тоже виделись ей во сне. Снилось белке, как она славно играет с ними, учит чему-либо важному и нужному. И ещё - как предостерегает от грозящей опасности и изо всех сил заботится, чтобы они прожили своё детство безоблачно. Зима воскрешала в сердце белки забытую любовь, и ей опять хотелось ухаживать за своим выводком, оберегая его для будущей лесной жизни.

Не только наяву, но и во сне приходится остерегаться белке своего злейшего врага - куницы. Этот ловкий хищник лазает по деревьям почти так же хорошо, как и белка, он преследует её успешно на земле, и даже залезает в дупла деревьев. Только отчаянными прыжками с высоты на землю может

спасти свою шкуру зверек, но горе ему, если куница застанет его спящим. Оглашая зимнюю тишину пугливым цоканьем, белка отдаётся в лапы неумолимого преследователя, и такие тревожные воспоминания будят её порой собственным сонным вскрикиванием.

А то вдруг приснится ей сама зима... Спит зверёк и видит вокруг такое же сонное царство, так что не разобрать, настоящая это зима или только её отражение. Занимаемая этой загадкой, решается белка покинуть свое гайно, чтобы отыскать припрятанную с осени шишку, а заодно удостовериться: в самом ли деле это ещё сон?

Пробежав же по сыпучему снегу и обжегшись морозом, она с удовольствием забирается опять в укрытие и, устроившись удобнее, замирает до первой оттепели. Смотрит белка свои спутанные сны, и зимняя жизнь уже несколько её не пугает.

Ёж

В куче листвы и мха, свернувшись, как и белка, в клубочек, неподвижно коротает зиму ёж. Он ничего не чувствует, пока находится в спячке, и не просыпается, если его потревожить. Замерев под покровом зимы тугим колючим мячом, ёж излучает меньше тепла, и спит очень крепко.

Про ежа в русском народе существует много разных сказок, в которых он предстает, по большей части, добродушным зверьком. Ёж в них всегда очень смелый, никого не боится и всем помогает. При этом он сохраняет удивительное простодушие, несмотря на то, что обладает обострённым чувством собственного достоинства. Но гордость не мешает ему жить: она только более поднимает его в глазах зверей и человека, и ежу оттого все доверяют.

Ежа не без основания считают умным зверем, полагая, что никто лучше его не может обустроить свою жизнь. А между тем происходит это у ежа довольно-таки бесхитростно и просто. Кто хоть раз натыкался в лесу на его зимнее убежище, несомненно, поймёт, о чём идет речь.

Выбрав место для норки где-нибудь под корнями старой ели, ёж заботливо утепляет её осеннею листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Затем он постепенно впадает в беспамятство зимней ночи, и уже ничего не желает. Ничто не мешает ежу сладко утихомириться в подступающем к нему покое. За этим безмятежным сном куда-то улетает и его душа, как будто несостоявшееся вдохновение отложило до следующего года своё неподражаемое появление.

Порой ёж залегает уж совсем открыто, так что его без труда можно обнаружить в лесу осенью или весной, когда он ещё окончательно не заснул или не проснулся. Из-под какой-либо древесной расщелины заметишь вдруг смешно выставившийся круглый зад ежа, и тотчас захочется потрогать его,

несмотря на острые иголки. Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкнет и зароется головой ещё глубже. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представишь, как он рассердился.

Принято думать, что ёж очень ловко использует свои иголки, натыкая на них грибы и яблоки. Затем он будто бы несёт их в свою нору, и ест там всю зиму. Трудно представить такое просторное обиталище, которое могло бы вместить все его запасы, в сравнении с обычным закапыванием в листья. Но то, что ёжик спасается иглами от бесчисленных врагов, бесспорно.

Несмотря на видимую медлительность, зверёк этот очень шустрый. При подступившей опасности ёж быстро бежит, а значит, так же молниеносно принимает решения. Ни от кого не зависящий и смелый, ёжик делает всё так, как хочет, и его не обуревают сомнения. Сны его, если они вообще его посещают, должны быть самыми обыкновенными.

Про то, как он однажды боролся со змеей, и ничуть не дрогнул. Ёж, наверное, вовсе не боялся её и был просто непримирим. Змея могла быть его едой, и ёжик не желал отступить. Он сражался с присущей ему отвагой и нестигаемостью и, конечно, победил.

Воспоминания об этом зимой были никакими, как что-то само собой разумеющееся. Может быть, именно из-за такой его отрешённости многие всегда считали ежа забавным чудачком, вызывающим, между тем, полное сочувствие и широкое покровительство людей.

Все запоминающиеся потрясения ежа были связаны с его недругами, и потому зверёк мог видеть во снах рыжего лиса, повадившегося одно время к нему. Очень неприятным для ежа оставалось ощущение воды, в которую его сбросил хитрый зверь лапой. Ёжик, должно быть, фыркал оттого во сне и готов был проснуться, чтобы проучить обидчика. Ему тогда пришлось нелегко, и он чудом избежал расправы.

Ещё ежу снились ночные шорохи, когда он выходил на охоту. Спавшие листья и трава тогда будто оживали, и ёжик неустрашимо прокладывал себе в них дорогу, время от времени останавливаясь и приносясь. Мелкие пазухи его тоже отзывались в ночи, а цепляющиеся за ветки иголки замечательно позвякивали. Звуки ночного леса с чьими-то завываниями и вскрикиваниями часто посещали память ежа в глубокую зиму, когда всё вокруг было объято белой тишиной.

Несметное количество сверчащих кузнечиков, лениво ворочающихся навозных жуков и сочных дождевых червей обрушивалось на воображение ежа во сне. Слизни, лесные мыши и даже птенцы не укладывались у него в голове: так их было много. Со всеми ними ёж ловко расправлялся, даже не успевая восхищаться собственным искусством. А может быть, сны его были беззаботны, и все эти насекомые не вызывали у ежа какого-либо восторга. В своих видениях он поедал их ровно столько, чтобы удовлетворить посреди зимы чувство голода.

Так, в мирном забвении, перебивается ёжик в своих снах, и замкнутость эта, по-видимому, ему по душе. Оттого и одиночество зимних снов его не

пугает, ёж забывается в них, к своей незатейливой радости, и ничего другого не желает.

Пчёлы

Интересно зимуют пчёлы... Одинокaя пчелa погиблa бы, а вместе они выносят очень большие холода. Сбившись плотно в клубок, пчёлы в течение зимы находятся в непрерывном движении - этим и спасаются.

Трудолюбие пчелы не знает границ. Вынужденная длительное время зимовать, она и тогда, наверное, представляет, как наполняет мёдом свои соты. Пчелa и для себя мёд на зиму скапливает, и людям его отдаёт. Богу, говорят в народе, она тоже в угоду: из выделанного ею воска свечи церковные готовят. Так что без пчелы и поп обедни не служит.

Деток, что уродила, водит, людей питает, Богу дары приносит, а между тем она ни девка, ни вдова, ни мужняя жена. И хоть пчелa, что даже Богу угождает, ни на кого не похожа, она особой святостью не отличается. Правда, как мотылёк, не щеголяет, да и белоручкой её не назовешь: трудится без усталости, к зиме суровой себя обустраивает.

Пчёлы, конечно, между собою дружны, но нелегко им зимой приходится. Зато имеют они своих покровителей, которыми на Руси считались святые Зосима и Савватий. Иконы этих святых на пасеках обычно ставили, служили им молебны, веря в заступничество их за пчёл: что у пчелы в сотах, то Зосима с Савватием дали.

Без занесённого снегом омшаника не так сказочно представлять себе русскую зиму. Длинный и таинственный сруб, замерший где-нибудь в глухом сосновом или еловом лесу, на заснеженной пасеке, необыкновенно притягивает таящейся в себе таинственной жизнью. Сидя подле печки, ввечеру, захочется вдруг причаститься к этому невидимому пчелиному копошению.

Выйдя из избы, взглянешь сразу в морозное небо и обомлеешь: всё оно усеяно посверкивающими звёздами, которые, словно золотистые пчёлки, весело роятся в вышине, к себе лететь зовут. Сладостно, как мёд, это их золотое кружение, забываемый яркий блеск.

Гулко позвякивая старым холодным замком, с лёгким скрипом отворишь широкую дверь, и на мгновение замрёшь у порога. Фонарь в вытянутой руке осветит какую-то особенную тишину и благодать, а уж потом увидишь молчаливые ряды ульев. В узких проходах между ними будто залегло неясное движение...

Осторожно ступая, остановишься у какого-нибудь улья на выбор и, приставив резиновую трубочку к летку, с затаенным сердцем прислушаешься к тому, что происходит внутри. Поначалу даже ничего не поймёшь, но, успокоившись, приятно обнаружишь чуть ощутимый гул. Обрадуешься тут неизвестно чему, опять не на шутку разволнуешься и начнешь подходить к каждому улью. Везде пчёлы ведут себя по-разному.

По одному старинному поверью, так они празднуют в Рождественскую ночь рождение нашего Христа Спасителя. Или происходит это под Новый год, когда пчёлы отмечают его приход особенно громким жужжанием. Пчеловоды с суеверным старанием ходят подслушивать пчёл, моля Всевышнего о том, чтобы позаботился об их добром здравии.

Необычно и удивительно покажется тебе среди зимы это проявление жизни, и почувствуешь ты к ней огромную признательность, что, несмотря на силу свою и суровость, хранит зима такое тонкое тепло, от самой себя оберегает. Особой милостью своей препоручает зима пчёлам никогда не болеть и быть на мёд богатыми.

Пчёлы в своих неровных снах её еле слышно за это благодарят. Нелегко им, должно быть, сдерживать трудолюбивые порывы, жаждут они, чтобы поскорее лето наступило. Видится оно пчёлам жарким и разомлевшим, с буйством цветов и красок. Как полетят они над благоухающей землёй, и будут пить с неё волшебный нектар. Станут пчёлы опять озабоченными и неутомимыми, какими могут быть только они.

Впитывая с цветов краски неба, рек и облаков, пчёлы понесут в себе для человека дивный природный дар. Они не станут на человека злиться, даже если он порой окажется до мёда жадным. Пчёлы всё ему простят, тем более, во снах, на худой конец, лишь изжалив на благо руки...

Захватит пчёл во сне чудесный майский ветерок, овеет после долгой зимы своей чистотой их тонкие крылышки, нежно обласкает...

Дивные первоцветы наполнят до краёв истосковавшееся по ним пчелиное восприятие, и пчёлы воздадут тем дань Богу. Будет Господь их от всякой напасти оберегать, так что даже Илья-пророк не сможет ударить громом-молнией в пчелиный улей.

Благочестивыми окажутся пчелиные сны, полные восторженной радости и света. Будут пчёлы в них пить весь аромат солнца, щедро взлелеявшего плоть земли. Утопая в волнах липового и малинового духа, они так одуреют от этого сладостного бремени, что вознесутся, даже для пчёл, высоко и беззаботно.

Слившись с бесподобным солнечным светом, пчёлы никогда не умрут, бесконечно сменяя друг друга. Их золотистое движение, по которому человек определяет незабываемую макушку лета, вовек не истает. Что за восторг переживают пчелы при жизни, знают лишь они, с таким же восхищением вспоминая о нём в зиму.

Но не теряют пчёлы головы, обеспечивая людям обильный медосбор. Густой пряностью пахнет от них лето, течёт несравненное медовое богатство. Пчёлы - его настоящие хозяева и покровители.

Забытые всеми зимой, пчёлы терпеливо ожидают своего часа. Чуть слышно дают о себе знать зимними ночами лишь досужему до них человеку. Изредка, по праздникам, усиливают гул, как бы радуясь исходу зимы, и опять засыпают. Всё в них соразмерно незатихающей жизни.

Много в жизни пчелы мудрости, коей не грешно поучиться и человеку. Ни змее подколодной, ни зверю какому лютому её не перещеголять. Ей эту науку Бог с роду открыл, и потому пчеле завидовать кому-либо не приходится. Трудится она на пользу Богу и людям, и всякий ей за это спасибо скажет.

Пчела оттого никогда не возгордится, ношу, что она на себя взвалила, нипочём не сбросит. Несёт её безропотно, в зимних снах даже не выпуская. Честно и преданно относится пчела к своему роду-племени, добродетели не теряя.

Сама достоинствами такими наделённая, она и людей, подобных себе, почитает. Не выносит же зла и порочности. Недаром в народе примечали, что у праведного рой за роем роится, у грешного последняя пчёлка переводится.

Окунаясь в зимнее забытие, пчела, наверное, только добрых людей вспоминает, и благодарит их летом, за кроткое да прилежное к себе обращение. Именно оно потом успех душистый слагает, и здоровье человеку целый год хранит. Доброе предзнаменование хозяину, если пчёлы у него благополучно перезимовали.

Крепко спят у такого человека зимой пчёлы, и ни о чем не тужат. В охватившем всю землю белом спокойствии ждут они лета, понапрасну не тревожатся. Чуть не каждый день наступает оно для них во снах, и пчёлы радуются его цвету и поклоняются теплу.

Муравьи

Незаметно спят всю зиму под снегом наши неизменные лесные труженики – муравьи. К середине зимы выюги да метели почти сравняли их дома с высокими сугробами, так что не отличишь, где снег, а где муравейник! Тихо вокруг, безропотно, сонно.

Заметив ещё не присыпанную до конца снегом верхушечку безмолвного холма, остановишься неподалеку, и вспомнится вдруг лето. Как собирал в тенисто-хвойном аромате крепкие боровики и в восхищении просил у неба долгожданной влаги, чтобы не прекращался рост пахучей грибной благодати до поздней осени. При этом сразу оживала в памяти старинная народная примета, связанная с появлением дождя. Верным средством для вызывания его было разорение муравьиной кучи.

Но, замерев рядом с жилищем оживлённых насекомых, призадумывался: стоят ли того эти необузданные желания? Не столько боясь накликать на лесных жителей беду, скорее засовестишься чего-то в собственной душе. Взглянув же пристальней на муравьёв, поймёшь: не поднять тебе руку на такое хрупкое и грандиозное строение.

С виду дом у муравьёв - терем-теремок, на деле же - настоящая пирамида Хеопса. В ней существует множество ходов и переходов, коридоров и галерей, и даже есть подземные этажи. Все они ведут в

комнаты-пещеры, что растут с каждым годом: в них муравьи сохраняют свои яйца.

От муравьиного терема бегут во все стороны их тропы, по которым муравьи тянут в крепких челюстях разный мусор, пригодный для строительства жилья. Часто груз бывает тяжелее самого муравья, но он упорно тащит его на себе. Порой целой гурьбой муравьи стараются дотащить до своего дома какую-нибудь приглянувшуюся добычу: гусеницу, бабочку или слизняка. Радуются при этом, суетятся, но не бестолково - с какой-то только им известной целью.

Все обязанности между муравьями разделены: кто-то неутомимо работает, а кто-то откладывает яйца. Муравьи очень заботливы по отношению к ним: утром перетаскивают вверх, к теплу, раскладывая на солнце, а к вечеру тащат обратно. Отправившись в июльский тёплый день в лес по малину, где-нибудь на вырубке заметишь толстенную полую колоду, по которой муравьи разложили свои продолговато-молочные яйца, и удивишься заботливости насекомых. Пуще человека они потомство своё обхаживают: честь им за это и хвала!

Огромные муравьиные кучи в любое время года придают лесу удивительную тайну и сказочность. Заметив их, сразу ощутишь чьё-то живое присутствие: неугомонное, тёплое, большое... Захочется подойти и долго смотреть на строго однообразные муравьиные перемещения, пытаюсь проникнуть взглядом в самую глубь этого непостижимого царства. С благоговейным трепетом охраняют его муравьи: им там, должно быть, хорошо и покойно.

Когда на землю ложится снег, муравьи и вовсе засыпают, вспоминая во сне, как сладко пахнет летней хвоей и смолой. Домики свои они чаще всего устраивают именно в хвойном лесу.

Над спящими муравьями, наверное, всю зиму шумят зеленой листвой деревья и травы. Память их убажает сочная медвяная роса - самая желанная и сладкая. Сущий рай для муравьёв - летнее раздолье, его непревзойденные кладовые!

Какая сила живёт в этих неприметных насекомых, если они способны пробыть под снегом многие месяцы и затем вновь проснуться, неукоснительно продляя жизнь рода?! «Не велик муравей, а горы копает», - поговаривают о нём в народе. И ещё недаром распространяют слух о его мудрости: оттого он всё молчит, работает и слушает больше.

Но та же народная молва уличила муравья из-за его трудолюбия в корысти: на себя, мол, только насекомое неутомимо работает, и ни до кого ему дела нет! И зря, потому как пользу муравей огромную приносит.

Чудится ему, как собирает он по лесу растительные и животные останки, тут же в муравейник их тащит и тем самым почву облагораживает. Ни одна птица столько вредных насекомых не уничтожает, как вездесущий муравей! К тому же, лечит он своей кислотой зверей, птиц и человека. Правда, последнее ему порой с большими хлопотами обходится...

Во сне муравью видится, наверное, что к нему в конце зимы медведь в гости является. Разроет всё косолапый, разворошит и устроит себе лечебную ванну. Муравьев от этого недовольство большое одолевает, а сколько их ещё медведь подавит! Сердятся муравьи, норовят неуклюжего зверя больнее укусить, а ему того и надобно. Сильно медведь муравьев допекает, и они его во сне забыть не могут.

Кажется им, что медведь опять их муравейник разрыл, вершушек еловых туда насовал и, как ни в чем не бывало, улёгся. Шибко беспокоит это сон муравьев, и они оттого очень переживают. Ненавистен им лесной исполин, что так безжалостно с ними обращается.

Вспомнится вдруг муравью посреди зимы куча сухих листьев, которую ему непременно следует преодолеть. Для муравья этот путь полон пропастей, обрывов и запутанных ущелий. Но он всё же карабкается, падает и лезет вверх снова. Ничто не может остановить муравья в его стремлении достичь желаемого!

Хорошо ему требуется отдохнуть под снегом, чтобы, находя потом пищу для себя, отдавать её собратям. Эта достойная подражания щедрость свойственна только муравьям. Не позволяя муравьям вконец истощиться, зима спасает их во имя всеобщего семейного блага.

А может, муравей и вовсе не знает зимы, потому как не видит никогда снега. Инстинктивно залегает он, когда приходят холода, и спит себе без тревог до тех пор, пока солнце не растопит остатки зимы. Странно ему видеть их, но работы невпроворот, и потому не задумывается серьезно муравей, когда натолкнётся на что-то поскрипывающее и холодное. Без страха преодолевает, может быть, чуть недоумевая, и вновь с головой окунается в нескончаемую заботу.

Не ведает, наверное, муравей и о том, что зима о нём, не покладая рук, хлопочет, создавая свой непревзойдённый уют. Укрывает пуховым одеялом, песенки колыбельные поёт, да сказки рассказывает. А муравей спит себе крепко в её тепле, думая, что это лето настало.

Но зима на него за это не в обиде, поскольку люб ей муравей и дорог. Экая малость, смекает она про себя, а и та терпение великое для жизни имеет. За терпение же даёт Бог спасение, воздам и я.

К весне солнце ласково обогреет землю и разбудит муравьёв, что залегли ближе других кверху. Выберутся они сонные, отогреются на оживающей земле и поспешат принести весть о тепле своим товарищам. Почувяв его, те тоже зашевелиятся, и начнётся для муравьиного царства новый день удивительных подвигов и свершений. Зима же только скромно улыбнётся им и пожелает успеха.

Змеи

С приближением холодов пропадают в лесах и змеи, впадая в зимнее оцепенение, а просыпаются только с пробуждением весны, когда и в их потаённом убежище повеет первым теплом. Меньше всего думают о них зимой люди, полагая происхождение всех гадов от Господнего плевка на землю.

По единодушному народному поверью, змеи на зиму сползаются со всего света в мрачное подземелье, где живёт змеиная мать-царица, осуждённая навечно пребывать под землею за то, что соблазнила в раю Адама и Еву. В подземелье этом змеи якобы остаются всю зиму, и вылезают из него весною, когда прогремит первый гром.

Выезжая однажды на охоту по октябрьской пороше, бредёшь в воцарившейся лесной тиши, где каждый корень или затянута льдом ямка отдаются в тебе каким-то неясным гулом, и отчего-то задумаешься о замолкшей земле. Сразу при этом подумаешь о тех, кто вынужден спасаться в ней, о самых непривлекательных и непонятных обитателях леса.

Как происходит это всеобщее змеиное сползание, и каким образом складывается между ними зимнее житьё-бытьё? Что чувствуют змеи во мраке зимней ночи, и сплетаются ли в их воображении, представляющемся липучим, какие-либо видения?

Как бы ни было неприятно это наваждение, ты не торопишься избавиться от него. Тугим змеиным шаром, виденным когда-то по весне в скалистом ущелье, подкатывается оно к тебе, распадаясь на глазах. Жуткие мысли-змеи настырно лезут из отвратительного кома в разные стороны, ещё с зимы вялые и одеревеневшие, но неукоснительно их приближение. Не в силах бежать от этого случившегося лесного откровения, стоишь, как вкопанный, и смотришь на пробуждение гадов. И почему-то не можешь отвести взгляд: так притягивает тайна этого змеиного воскрешения...

Где-то там, в заснеженной земле, лежат и дышат змеи друг на друга улаждающим теплом, и нет меж ними разногласий. В глубоких рывтинах, под гнилыми пнями хранят они все вместе летнее тепло. Ни стыдно им, ни гадко - хорошо. Хорошо неведомо ни для кого, по змеиному, для всех чужому. В клубке сплетенных тонких тел таятся неясные змеиные согрешения.

Так, вместе, им сподручней миновать лихолетье мороза и разудалые метели. Зимний век медленно течёт для них большой змеёю и, убаюкивая, шипит: всем нужно спать, спать, и видеть в этом застылом омертвлении диковинные сны...

О чём они, эти сны, что, по-змеиному, украдкой подползая, клубятся и липнут друг к другу голым откровением? Может быть, о принадлежности к змеиному исчадию или обладанию чудодейственной черной силой? Среди всех звериных снов особенно худым кажется людям истечение снов змеи...

Всё мягкое, сырое проникает в мысли человека именно из-под земли, чего, наверное, не вообразить, пока ты сам не обернёшься змеем. Не поползёшь росистой травой, не схватишь лягушатины кусок. Околева с раннего мороза, не заберёшься под древнюю корягу и не утратишь ко всему живому интерес. Заснёшь или задремлешь отрешённо, но зашипишь, коль сунется к тебе чужой.

Змеёю жить в зиме непросто, если ты один. Вот оттого все гады и тянутся друг к другу, предупреждая собственную гибель. Безошибочно находят то, что нужно, чувствуют его очень чутко и всё предугадывают. В тесном сонном сплетении им зимой не страшно, и только копошатся жала тёмных змеиных мыслей.

Эти сонные мысли, должно быть, о том, как выползают змеи из состарившейся кожи, готовые опять жить в сырости лесов. Перебираясь же из мрака к свету, они постепенно обретают способность слышать голоса животных, понимать и постигать целебное значение растений. Копя сатанинскую мудрость, все змеи готовят себя к соблазнению неправедных. Не миновать их сладостного шипа тем, кто без оглядки горд и мелочно расчётлив.

Все змеи, вместе с их нетронутыми снами, почему-то вызывают в человеке боязнь. Но какое ему, впрочем, дело до гадюк, ужей и медянок?! До их слепых видений, что тащатся противно и пахуче в утробе убаюканной зимой земли. И всё же исстари каждому, кто встретит гада, было наказано убить его, тем отпустив пред божеством своё грехопадение. И люди не щадили змей...

Лихого человека, злого, которому не в радость был родимый брат, сравнивали с гадом. А на деревне его прозывали «шишком червивым», и не общались, обходили стороной. По мнению людей, змей раньше жалил именно того, кто проявлял к нему внимание. Но разве русский мог не отогреть за пазухой худого?!

Так в сердце человека незаметно западал комок обнявшихся змеиных снов, распутывать которые, казалось, жутко, но страшно интересно. В змеиных скользких помутнениях перед ним открывалась суть природы, её невообразимая мощь и неистребимость. Змеи привносили в неё своё таинственное тепло, копившееся всю зиму, и ещё яд, что излечивает болезни.

Змеиное присутствие полезно жизни леса и неотвратимо для человека. Оно - как его незатихающая совесть, напоминающая шёпотом о главном. Свернувшись в глубине души, вдруг так больно ужалит, что навсегда лишит покоя. Вот отчего змеиное соседство важно: расслабившись, жди, тотчас, наказания.

Зима хранит пристрастие змей к правде, к великой истине, которой тоже требуются сновидения. Чтобы отмякли, отдохнули жала, и змеи не растратили бы свою силу, опустившись до презрения к человеку.

Надобно внимательно взглядеться в зимний сон природы, не погнушавшись, может быть, как раз змеиным, а увидев в нём

необыкновенную лесную тайну, которая помогает между делом выжить, воздать благодарение Богу, породившему всех этих тварей.

И ещё следует отвесить особый поклон зиме, продолжая любить её со всею страстью, какой способен одарить только друга или гада. Змеиный сон тогда становится всем понятным, и каждому живущему во благо.

Птицы

Бывает такая тишина в зимнем лесу, что кажется, будто свистят рябчики. Но нет, птицы находятся под снегом, а тебе почему-то трудно обойтись без них. Неспешно идёшь на лыжах и знаешь: даже за короткий зимний день обязательно встретишь аккуратные лунки, углубленно голубеющие в снегу.

Птицы вдруг взвывают из-под ног упруго, напористо, испугают на миг и тотчас очаруют своим стремительным исчезновением. Некоторое время смотришь потом в просвет ветвей, где исчезли птицы, и думаешь о том, какие они по-настоящему красивые, придающие обаяние нашему лесу, и в то же время укромные, с чудесным дымчатым окрасом, подобно маленьким живым облачкам, затерявшимся в глухом зимнем лесу.

Спят в заснеженном лесу и рябчики, и глухари, и тетерева, и так это сказочно у них получается, что захочется разгадать тайну этих зимних снов. Правда, иногда зима как будто не желает, чтобы человек проникал в её загадки, и за ночь переметает их. Хорошо спать птицам под снегом, уютно.

Человеку же становится завидно, что он не глухарь или тетерев. А как было бы сладко забыться, подобно птицам, и уснуть в снежном тепле где-нибудь у молчаливо синеющей кромки елового леса. Чтобы не тревожили тебя ни филин, ни рысь, и спал бы ты крепко-крепко.

Нет, наверное, большей радости в зимнем лесу, чем ночевать так в глубоком снегу, под ярко мерцающими звездами. Деревья от мороза глухо потрескивают вокруг, и слышно, как изредка вскрикивает сова. Но ты знаешь, что ей тебя сейчас не достать: пухлый снег спасает.

Вот крадётся у края опушки хитрая лиса, то и дело принохивается, пристально всматривается, замирает. Дивное украшение леса её зимняя шуба, но коварны замыслы. Рыщет она в поисках желанного глухаря или тетерева, не погнушается и рябчиком. Твоё сердце, если ты птица, замирает от испуга, вот-вот готово вырваться на волю, да лесное чутьё не позволяет. Не шелохнувшись, сидишь ты и вслушиваешься в подбирающиеся звуки, а лиса поскрипывает когтями и подбирается все ближе, ближе.

Не прочь полакомиться боровой дичью и могучая лесная кошка - рысь. Ей не занимать смекалки, как добыть себе пропитание. Всю ночь, и даже днём бродит она по заснеженным полянам и просекам в надежде выхватить из-под снега сладостный кусок. И хоть вся зима для глухаря, тетерева и

рябчика превращается в одну ночь, но страха они в себе не теряют. Спят и видят сквозь сон все звериные ухищрения, в себе непрестанно их переживая.

Все эти птицы крепко привязаны к зиме. Что-то исчезнет без них бесследно, если отнять у леса стремительный взлет птиц, тихое бдение на соснах в метель, бормотание в ясные морозные дни. А ещё - их красоту и силу, обаяние и неожиданность, с которой они вырываются из-под снега. В конце концов, ту тайну, что уносят птицы от тебя на своих крыльях, а ты смотришь им вслед и не можешь понять, отчего так безудержно бьётся в твоей груди сердце.

Что-то удивительно сокровенное и в то же время доступное каждому любознательному человеку таится в глухаринной, тетеревиной и рябчиковой лунке. Какой-то сонный и уютный комок лесных чувств, готовый всегда раскрыться и поразить. Птица просто перенесётся из одного своего сна в другой, поменяв лунку, и вновь затихнет. Так добра к ним великая зима и так справедлива. Тёплыми и мягкими снегами, задушевными выюгами и бодрящими морозами оберегает она глухарей, тетеревов и рябчиков, потому как любит их всех, примечает и лелеет, никуда от себя не отпуская.

Да птицам того и надо: лес всегда немалую заботу о них имеет. В просветах между снами сосны угощают глухарей душистой хвоей. Застывшие березы на всю зиму заготовили тетеревам ароматные почки. Лесная чаща сберегла для рябчиков подслащённую морозами рябину. Ешь вдоволь и опять окунайся с головой в снежный сон, что уносит к сладостным весенним, летним и осенним воспоминаниям!

Но вспугнутые кем-либо, сны птиц не перемешиваются, потому как просты и бесхитростны. В простоте этой - вся мудрость лесной жизни птицы, её дикий страх, тихая радость и восторженный полёт с проникновенной песней.

А как удивительно падение птиц с ветвей в сугробы! Снега синеют в сумерках, и только короткое хлопанье крыльев нарушает воцаряющуюся в лесу тишину. Стремительными и лёгкими плодами срываются птицы с деревьев, и тотчас исчезают, унося за собой под снег невысказанную тайну. Попробуй, отгадай её, когда всё казалось ясным и доступным во время их кормежки на деревьях, и вдруг - птицы пропали!

В первую очередь очаровывает та отрешённость, в какую впадают скрывающиеся из виду птицы, и их слияние с зимой. Но главное же - способность продолжать свою жизнь под снегом, закаляя и без того отменное лесное здоровье. Вот это и пленяет всего сильнее!

Ты стоишь, замерев, смотришь на таинственно зияющие в голубеющем снегу лунки, и что-то вдруг переносит тебя вместе с птицами под полог древнего нетронутого леса, когда нетронутость всего живого составляла суть лесной жизни. Дикость её была, наверное, удивительно приятна, и древние леса сразу начинают представляться какими-то диковинными и сказочными, а жизнь в них - удивительно волшебной.

С тех незапамятных времён минула бесчисленная череда зим, в которых птицы незаметно мужали и становились красивыми. Всё требовалось пройти и увидеть им, переболев суровой жизнью леса, чтобы, в конце концов, обратиться в настоящую птицу.

Студёная зима повергала птиц в жуткое оцепенение и, наверное, им часто не хватало сил выбраться из её жестоких объятий. Зима сковывала свободолюбивые крылья ледяной коркой, бушевала лютой стужей и первобытным ветром. А сколько птиц погибло в зубах зверя, прежде, чем они научились ускользать от него! Но вопреки всему глухари, тетерева и рябчики выжили, обретая в этих зимах своё имя.

Имя так же, как тело и душа птицы, выпестованное веками, подходило ей как нельзя лучше. Со временем осталась лишь прекрасная и простая суть: любовная страсть глухаря повергала его в слепую околдовывающую глухоту; рябщая в глазах и мерцающая меж ветвей дымчатая пестрота рябчика спасала его от врагов; забавное квохтание тетерева, одиноко сидящего на березе и ничего не замечающего вокруг, необыкновенно оживляло унылый зимний пейзаж. Разве можно было обойтись тут без убаюкивающих зим и снов, в которых птицы забывались и копили свою будущую силу, обаятельную пегую окраску и завораживающее бормотание?

Лежат птицы под снегом большую часть зимнего времени, вылетая только на утреннюю или вечернюю кормёжку. Иногда захочется им промяться, и они выбирают на свет, но никуда не улетают, а бродят поблизости от лунки. Радуются птицы, наверное, свежему зимнему воздуху и возможности опять залечь в свою тёплую снежную постель.

В предвкушении скорых снов птицы неторопливо обходят родную опушку, изредка склёвывают снег и при малейшем шорохе настораживаются, чуть приподнимая лапу. Успокоившись, вновь неспешно продолжают свою прогулку. Сны ещё не совсем покинули их разыгравшееся за ночь воображение, и птицы тихо переживают увиденное про себя.

А бывает, ты сам окажешься виновником их внезапного пробуждения. Натолкнувшись на взлетевших из-под снега птиц, вдруг ощутишь всю радугу чувств, так невидимо живущих в твоей душе, преданной природе. И будешь благодарен и птицам, и лесу, и зиме, что бережно сохранила их в своих сказочных чертогах.

РАЗНЫЕ ЗВЕРИ И ПТИЦЫ

При общей схожести жизни, звери и птицы, между тем, значительно различаются... Без назойливости настойчиво кычет в ночной чаще сова. Отрешённо-задумчивый, ходит по окраинам затягивающихся мелколесьем вырубок лось. Неотступно преследуя кого-то, пакостливо шляется по лесам росомаха. Медведь неторопливо ступает. Озорно метнётся в высоких ветвях

белка. Тронет по полю лёгким галопцем весь подобранный в себе заяц. Кажущийся понурый, бредёт пробитой в глубоком снегу тропой нестигаемый волк. Крадучись, тянется под утро к деревенским задкам след рыскающей лисицы...

Всем им суждено в близком соседстве друг с другом просуществовать свои неповторимые жизни, не отдаляясь и, в тоже время, не мешая друг другу своим присутствием. А человеку надлежит разгадать эту скрывающуюся под тёмным еловым пологом разнообразную звериную тайну, от которой его безнадежно отдаляет собственное невежество и отсутствие терпения.

Почему зайчиху плохой матерью зовут?

Не повезло зайчихе с потомством, из-за которого за ней худая слава повелась. Не успеет ещё мартовское солнышко, как следует, сугробы сахарные подточить, только-только праздником света в воздухе повеет, а у неё уже зайчата первые появляются. Несладко им, должно быть, морозными ночами приходится, неуютно и зябко, а ничего не поделаешь: знаменитая заячья неприхотливость от самого рождения, как видно, ведётся и ко многому обязывает. В народе этих зайчат настовиками прозвали, потому что свои первые прыжочки они совершают по искрящейся снеговой корочке, как бы опробывая её на крепость.

После появления зайчат на свет зайчиха кормит их вкусным молоком, гораздо превышающим по жирности коровье, и, не задерживаясь надолго, убегает. Мамино молоко зайчатам хватает на несколько дней, и они сидят, не двигаясь, тесной кучкой, греются и сохнут. Так проходит несколько дней в робком ожидании её первого прихода.

Когда зайчиха возвращается, она кормит малышей вновь, и вскоре опять их покидает. На сей раз, зайчата ведут себя смелей, и разбегаются неподалёку, припадая к каким-нибудь кустикам или ямке. Первую неделю-две они ещё остаются малоподвижными, и всё больше вслушиваются в окружающую их непостижимую жизнь.

К тому времени, как в полях начинают засеять рожь и пшеницу, зайчиха приносит следующий помёт – яровиков, что затаиваются уже в траве, и ведут себя более вольготно. Земля открылась от снега, появились первые всходы и насекомые, и зайчата в ожидании матери не разбегаются далеко, а выедают зелень вокруг себя, не оставляя следа. Двух-трёхнедельного зайчонка и поймать-то бывает очень трудно, так он быстро бежит, ловко уворачивается и скачет.

Что и говорить, не балует зайчиха своих детей вниманием. Оттого её, должно быть, и прозвали бессердечной. Но только в природе не всё так

просто, и, может быть, зайчиха не такая уж плохая мать, как многие привыкли о ней думать.

Оказывается, шкурка у зайца почти не пахнет, в ней нет потовых желез. Все они расположены на подошвах ног, и потому сидящего зайца с прижатыми к земле лапками никто не чует: ни волк, ни рысь, ни лисица. След зайца, только что вскочившего с лёжки, гончая собака почувствует много хуже, нежели долго бегущего, уже уставшего.

Оставляя зайчат, мать скорее заботится о том, чтобы не привести к ним по своему запаху хищника. Тяжело покидать ей своих несмышлёнышей, да ничего не поделаешь. Но не выносит беспокойное сердце тоски ожидания, и зайчиха заводит себе других детёнышей, возвращаясь затем не один раз к первым. А ведь есть ещё и травники, появляющиеся в пору летнего изобилия и довольства!

Так всё лето и проходит у зайчихи в делах праведных: одних – провожает, других – встречает, третьих – обхаживает, и не видать конца её усердным хлопотам. Даже под осень, когда многие птицы уже собрались на юг, а некоторые и вовсе отлетели, сердобольная зайчиха приносит на свет своих последышей, ласково прозванных в народе листопадниками. Непутёвые и славные, они особо любимы в народе, и, примечая их, неторопливо ковыляющих через распутицу-дорогу, всякий с радостью восклицает что-нибудь весёлое и приветное.

Вот и выходит, что забот у зайчихи полон рот, и со всеми ей самой справляться надобно. Но плохо жить без забот, хуже – без доброго слова, которого ей от добрых людей не хватает. А добрые ли мы с вами после того, как зайчиху плохой матерью величаем?!

Чувства-птицы

Что-то необъяснимое остановило меня однажды посреди майской дороги. Заставило поднять голову и, скорее, не увидеть, а сперва почувствовать тревогу. И только потом услышать пронзительные вскрикивания кружащей над головой птицы, угадав в ней ширококрылого взбудораженного чем-то чибиса, с напряжённой суетливостью снижающегося к земле. А через несколько мгновений витающая над головой тревога удвоилась: ещё один чибис с тоскливым криком, как бы ниоткуда, взмыл над землёй и озабоченно запетлял над поляной.

И тут я увидел, как впереди по дороге, у самой её обочины, выбежала хохлатая самочка. На секунду замерев, будто прислушиваясь, она покосилась в мою сторону и, смешно переваливаясь, перебежала подальше. Чуть приподняв лапку, опять замерла и, как-то скособочившись, припустила по самому краешку, явно пытаясь увести меня от гнезда.

Но я оставался на месте, и птица застыла, повернулась ко мне и тихонечко простонала, в нетерпении поведя перышками. Я сделал несколько

шагов в сторону от дороги, туда, где поначалу показалась птичка, и она вдруг бросилась ко мне наискосок, через дорогу, неприметно семеня своими тоненькими лапками. Я тут же остановился, а птичка возбуждённо закрутилась на месте, издавая всхлипывающие попискивания. Она была самоотчаяние.

Не без муки представляя, как бьётся сейчас в маленькой груди бесстрашное сердечко, я всё же попытался поискать гнездо. Раньше мне не приводилось встречать в лесу чибисовых яиц. Поиски мои не увенчались успехом, и всё это время две птицы, не переставая, кружили над головой, изредка оглашая округу своим неизъяснимо-вкрадчивым криком: «Чьи вы, чьи вы, чьи-вы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чив-чивы, чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Потом птицы куда-то исчезли. Вероятно, они просто устали надирать свои сердца и в бессилии удалились, а я остался стоять посреди разнеженного майского дня, не в силах двигаться дальше.

Постепенно вокруг опять воцарилась лёгкая дремотная тишина, и я подумал, что, может, никакого гнезда здесь у чибисов вовсе нет, а птицы, возбуждённые скорым выводением птенцов, вдруг увидели одиноко ступающего по дороге человека, и это вызвало у них короткий приступ эмоционального раскрепощения. Чибисы по-своему разрядили свою озабоченность, и вскоре забыли о моём существовании. Я иду дальше по дороге, думаю о них, и мне больше не хочется доставлять птицам переживания.

Но незаметно, с исчезновением чибисов, в моей голове тоже начинают рождаться всякие тревожные мысли. Например, о том, что не меня птицы боялись в этот майский полдень, а искали своих разбежавшихся по траве малых деток, которых я всё же по неосторожности разогнал. И тогда уже мои непутёвые чувства поднимаются ширококрылыми чибисами к небу, бесприютно выются в отрешённо замершей синеве, и тоскливо плачут:»Чьи вы, чьи вы, чьи вы?»

Бесстрашный заяц

Порой звери объявляют себя совершенно открыто, вроде бы, даже не замечая человека. Так, однажды, выскочил мне навстречу заяц, когда я переходил огромную поляну, окружённую маленькими ёлочками... Заяц, конечно, видел меня, но почему-то не свернул и мчался во всю прыть прямо мне под ноги.

Остановившись, я стал наблюдать, чем всё это закончится. Заяц тоже замер, чуть приподнявшись на задних лапах. Когда я шевельнулся, зверёк как-то играючи ударил передними лапами о землю, распрямился и припустил наворачивать кругами по поляне, словно бы и не замечая моего присутствия.

Так он бегал минут пять, с каждым кругом оказываясь ко мне всё ближе и ближе, иногда затаивался, прижимаясь к молодой травке... Казалось, он

даже поглядывает в мою сторону, ровно желая обратиться. Заяц, при этом, не пытался улизнуть в лес, время от времени то и дело приостанавливался и, в возбуждении подпрыгнув, вновь принимался без усталости носиться, а я никак не мог постичь: что вынуждает зайца вести себя совершенно свободно, и почему он меня не боится?!

Ворон

Как-то раз, ближе к вечеру, подглядел я в лесу загадочную птицу...

Птица сидела на вершине ели и издавала странные, не слышанные мною раньше звуки. Чуть подаваясь вперёд и осторожно отодвигая крылья от туловища, она как бы хрипела в себя, причём, очень ровно и долго, пытаюсь, будто бы, донести до кого-то какие-то сокровенные вести, а в следующий момент раздавался утробный клёкот и крылья делали небольшой взмах, с замиранием звука возвращаясь в прежнее положение. Птица околдовывала таким необычным поведением, и хотелось идти на этот kloкочущий голос, ни о чём не думая и просто зачарованно наслаждаясь её диковинным присутствием.

Проделав порядка двадцати необычных возгласов, птица сорвалась и улетела, а разбуженные верхушки елей скрыли её тревожащий полёт. Размером она была чуть ли не с доброго глухаря, только вытянутая. Оперение тёмное, гладкое и ещё какое-то неопределённое, разглядеть его более тщательно тогда не представлялось возможным из-за морозной туманной дымки, повисшей над лесом.

Позже я убедился, что это был ворон. Птица, как утверждают народные поверья, наделённая таинственной способностью перевоплощаться. Тайна перевоплощения заключается в её изобретательности: она не только безукоризненно копирует поведение и возгласы других птиц, зверей, поскрипывание старого дерева или завывание ветра, но и придумывает нечто не существующее, ранее не слыханное. Отчего-то ей необходимо вести себя таким образом, и тайна птицы зачаровывает. Принято думать, что ворон даже понимает речь человека, тем более, легко разгадывая его думы...

Ворон в лесном мире – само воплощение его древности и тайны, той глубины, которая незаметно уводит за собой и часто даже убивает. Верно хранит ворон лесную тайну, лишь изредка вскрикивая, не в силах долго сдерживать себя, но, спохватившись, опять замолкает. Тайные помыслы леса ведомы, наверное, и волку, и медведю, и старому лисовину, но только ворону подвластно владеть ими в полной мере, и иногда напоминать о них всем. Распахнув мощные чёрные крылья, ворон будто приоткрывает свою связь с таинственными силами, на миг овеивая скрытой в себе темнотой...

Сразу чувствуется, что ворон – серьёзная птица... Не в пример нашей вездесущей вороне, у него даже свой подклювный мешок имеется... Ворона, своровав оставленные человеком без присмотра монетки, зеркальце или

пугови, утаскивает их в гнездо, а ворон прячет все доставшиеся ему драгоценности в свой потаённый кармашек. Потом вырывает где-нибудь ямку, аккуратно зарывает, и маскирует пучком травы или листочками. Может поэтому обыкновенные серые вороны не любят ворона, что он ведёт жизнь на особинку, и держится всегда в одиночку...

Зорко вглядывается ворон в окружающую жизнь, ничто не проходит мимо его внимания, но никогда не тяготит это пристальное присутствие необычной птицы. Всё замечает ворон, сам оставаясь больше невидимым, а показавшись, зачем-то перевоплощается, чтобы, наверное, не переставали им восхищаться, постоянно думали о нём, удивлялись и, немножко, побаивались.

Ворон несёт в себе эту удивительную возможность перевоплощения и никому не открывает своего древнего знания, то и дело наполняя лес чудесами. Благодаря долгой птичьей памяти, чудеса негаданно выплывают по её пытливым, сокровенным волнам из глухой непостижимой древности, и лес как будто оживает в такие моменты, возвращаясь к временам своей далёкой молодости. Может быть, именно поэтому я тогда и не разглядел эту птицу, а только засмотрелся на неё, позабыв обо всём.

Крапивник

Редко, кто видит махонького крапивника, чья мелодичная песенка то и дело доносится из густых зарослей крапивы у изгороди. Только на миг прошмыгнёт он рыжевато-бурым мышонком среди ветвей, у самой земли, и опять его не видать. Нужно немало терпения, чтобы хорошо разглядеть крохотного певца.

Но при всей своей осторожности и скрытности крапивнику не занимать совершенно бесшабашной повадки, когда он низко склоняет головку, а рыжеватый хвостик залихватски топорщится кверху: вот-вот, кажется, перевернётся и упадёт. По этой позе его можно безошибочно отличить от других птиц, если, конечно, удалось подкараулить бравого удальца, которому по удали и его имя: не всякая птица способна в крапиву садиться, а только этот маленький молодец, и потому глядеть на него всегда любо!

Изобретательная сорока

Завидев в лесу какого-либо зверя, сорока неумоимо преследует его, перелетая с сучка на сучок, и громко стрекочет, предупреждая всех о происходящем. По сорочьему стрёкоту можно безошибочно угадать, куда направляется степенный лось, хитрая лисица или перепуганный заяц...

А однажды мне довелось наблюдать сороку, не на шутку раззадоренную появлением гончей собаки, которая увлечённо шла по лисьему следу, не обращая внимания на надоедливую сорочью трескотню. Сорока просто неистовствовала, рискуя вот-вот сорваться с макушки осины от переполняющего её волнения. Она беспрестанно крутилась во все стороны, наклоняясь при этом так, что длинный хвост торчал почти вертикально, озабоченно подпрыгивала, вздрагивая всем телом, и, взahlёб, оглашала округу возбуждённым стрёкотом. Сорока была так увлечена, что ничего вокруг не замечала.

И тут я вдруг поймал себя на мысли, что в разносящихся над деревьями звуках, роняемых неугомонной птицей, угадываю нечто очень знакомое, что не раз уже слышал и переживал в лесу. К моему немалому удивлению, этими звуками оказалась ... глухарина песня, вернее, её поразительно точное подобие, с присущими глухарю переходами, непередаваемо возбуждённым пощёлкиванием и самозабвенным точением. Сорока, охваченная страстью преследования, произвольно, может быть, даже под воздействием этого самого волнения, передавала когда-то уже услышанные в лесу звуки, причём, хорошо ею усвоенные, с невероятной точностью во всех паузах и всплесках.

И в какой-то миг показалось: это сам глухарь огласил округу неподражаемой трелью, холод куда-то постепенно отступил и ноябрьский лес по-весеннему ожил и засветился.

Белки

Милые пушистые белки, лишь изредка доводящие себя до озорства, в апреле просто преображаются, когда затевают брачные схватки. Их гибкие тельца неумолимо сталкиваются, хвосты переплетаются, летят по воздуху клочья шерсти... Взметаясь упругими комочками к самым вершинам высоких елей, белки тотчас скатываются вниз, на снег, ошалело бегают между валёжин и возбуждённо цокают. А потом – короткая возня, жалобный писк и – вновь, стремглав, вверх, где победителя уже встречает другой разъярённый соперник.

Белки так забываются в этой схватке, что ничего не замечают. Маленькие бусинки глаз грозно горят, тельце то и дело вздрагивает, а хвост бессильно бьёт по веткам, так что вниз сыплется мелкая шелуха. Где уж тут, кажется, до самки, которая сидит тихонечко на нижнем суку, почти у самой земли, и даже не решается принять какую-либо сторону. Бесшумно переживает она бой самцов, лишь изредка издавая протяжный ласковый звук, как будто призывая их прекратить всякие распри, и, наконец, обратить на неё внимание...

Взгляд из окна

Нелегко отыскать в лесу такого зверя или птицу, чтобы они долгое время не подозревали, что на них смотрит человек. Встречи со зверями сами по себе не часты и, как правило, кратковременны. Что же касается птиц, то они скоро улетают, словно чувствуя чьё-то незримое присутствие. Так бывало не раз, когда я наблюдал за ними через оконное стекло лесного домика.

Подкравшись тихо к окошку, замрёшь, бывало, и смотришь на расстоянии вытянутой руки, чем занимаются птицы – сороки, вороны, снегири или горихвостки, какое им свойственно поведение, или разбираешь яркое оперение, запоминая его всевозможные оттенки. Уже через несколько секунд птицы начинают выказывать тревогу, подхлестывают себя ею, разжигают и, доведя своё обострённое восприятие до накала, улетают в возбуждении, тогда как ты всё это время, затаив дыхание, оставался недвижим. Значит, что-то они угадывают сквозь свою видимую раскрепощённость, какой-то механизм предусмотрительности, заложенный в них природой, надёжно срабатывает, быть может, даже независимо от их воли.

Так, однажды, обнаружил я за окном избушки обыкновенного осоеда, птицу в наших лесах довольно редкую. В каких-нибудь десяти шагах от дома сарыч/так ещё называют осоеда/ с нетерпеливым клёкотом переминался с ноги на ногу, рыл под собой землю в густой траве, а как только я подошёл к окну поближе, чтобы разглядеть его лучше, он тут же улетел.

Осоед, как выяснилось позже, раскапывал осиное гнездо, не боясь при этом быть ужаленным. Осы – главная часть его обеда, но есть он только тех, которые не совсем развились, и не могут повредить его своим ядовитым жалом.

Осоед был красив, вёл себя, в отличие от других хищных птиц, как-то раскованно, и очень свободно передвигался по земле. Но более всего поразила меня его внезапная, совершенно неожиданная настороженность, поскольку следил я за ним с подсолнечной стороны, и видеть меня за двойным стеклом он никак не мог. Не мог он меня и услышать, потому как подобрался я к окну, закрываясь от птицы стеной, не делая резких движений.

Какие-то мгновения он ещё находился в полной отрешённости, был начисто раскрепощён в своём увлечении добычей осиных яичек, но затем молниеносно насторожился, беспокойно закрутился на месте и, слегка махнув мощными крыльями, улетел. Звук его голоса – торопливое, часто повторяемое «ки-кви-квик» ещё долгое время разносился над лесом, а я подумал о том, что поводом для беспокойства осоеда послужил только мой взгляд, может быть, моё пристальное внимание к нему, и птица, несомненно, почувствовала это.

Старая волчица

Исхудавшая волчица, понуро опустив голову и хвост, неспешно семенила у края дороги мне навстречу и, казалось, её ничто не тревожит. В каких-нибудь двадцати шагах, даже не глядя в мою сторону, она резко повернула в лес, и исчезла. Я стоял опешивший от ощущения близости такого редкого зверя, и почему-то был уверен, что ещё увижу его.

И действительно, волчица, обогнув меня сквозь чащу, бесшумно выскользнула из-за деревьев чуть поодаль, и заглянула в лицо. Не отводя взгляда и не мигая, она с минуту холодно смотрела мне прямо в глаза, пока я стоял, не шелохнувшись, а затем, так же понуро повернувшись и не произнося ни звука, удалилась.

Трясогузкины причуды

Весь июньский день проходил я в лесу, собирая грибы с ягодами, и из-за сильного дождя опоздал на электричку. Вымок весь до нитки, промёрз, а до следующего поезда ещё два с половиной часа. Чем занять себя?

Вскоре дождь закончился, в воздухе сразу посветлело и стало тепло. Из круглого чердачного окна станционного домика молниеносно вылетали черноголовые ласточки, взмывали на тёплых потоках воздуха вверх, то и дело переворачиваясь, ложились в головокружительное пике, а у самой земли ловко выходили из него и, кувыряясь, влетали через несколько секунд обратно в окно. Некоторые из ласточек, прижимаясь к земле, выхватывали еле приметные в их клювах травинки и тут же возвращались на чердак. Другие же, взмывая в небо, охотились за невидимыми насекомыми, находясь в воздухе гораздо дольше в отличие от тех, которые просто собирали материал для гнёзд.

С равным интервалом выпархивая из станционного окна, ласточки через какой-то промежуток времени возвращались. Без боязни ошибиться, по ним можно было сверять часы. Но более занимало другое...

Неподалёку от круглого окошка проходили телеграфные провода, на которых, беспрестанно взлетая и вновь присаживаясь, располагались вёрткие белые трясогузки. Нетерпеливо покачивая хвостиками, они время от времени поглядывали в круглое окно чердака, как бы чего-то ожидая. Как только ласточки выпархивали оттуда, трясогузки бросались вслед за ними и, преследуя их клювом в самый хвост, не отпускали до тех самых пор, пока ласточки не залетали к себе обратно.

Далее трясогузки следовать почему-то остерегались и, усаживаясь на провода, вновь дожидались вылета ласточек, чтобы сломя голову броситься за ними в очередное преследование. Выделявая в нагретом воздухе сложные пируэты, они точь-в-точь копировали их волнительное парение.

Ласточки словно не замечали своих преследователей, но иногда отвечали трясогузкам лёгким уколom, прямо на лету повернувшись к ним маленьким клювом. Это как будто ещё более распаляло юрких белых птичек, и они с усиленным рвением гонялись за недостижимыми ласточками. Случается, что во время охоты ласточки и сами часто сопровождают идущего человека, собаку или лошадь, ловя облепивших их насекомых.

До боли в глазах наблюдая за этой воздушной эквилибристикой, я никак не мог понять: играют трясогузки с ласточками или попросту задирают их? Рядом, на самом карнизе, как будто совершенно равнодушные ко всему, сидели нахохлившиеся воробьи. Выглядели они для солнечного дня очень смехотворно, с озабоченным видом наблюдая за происходящим, и было неясно, почему трясогузки никак не донимают воробьёв, оставаясь к ним безразличными.

Их маленькие сердца, наверное, переполняла радость от ощущения тёплого летнего дня, с обилием воды и вкусного корма, и взволнованным от всего этого трясогузкам не доставало чего-то увлекательного, вот они и предлагали себя ласточкам, только в них находя достойных для игры приятелей. Или, может быть, непоседливых птиц задевала та озабоченность, с которой ласточки ухаживали за птенцами и устраивали свои гнёзда?

Что бы там ни было, но трясогузки не оставляли свои причуды, и я, позабыв обо всём, отрешённо следил за их стремительными перемещениями, и никак не мог найти ответа на мучающий меня вопрос. А что думаете вы?..

Дятлова кузня

Бродя целый день по лесу, и привыкнув к однообразию ходьбы и лесных пейзажей, всегда с удовольствием отметишь гору сосновых или еловых шишек, заботливо натасканную дятлом в небольшую впадинку с корневым выступом, либо к пеньку на краю опушки, чем-то привлёкшему птицу. Приверженность дятла к какому-то одному месту давно известна.

Бывает, годами остаётся привязан к нему дятел, по несколько сотен шишек выбивает за зиму, но места не переменяет. Хороша именно эта «кузня», а вернее – «верстачок», где он защемляет шишку и выколачивает из неё семена.

Может быть, эта приверженность – из-за неприхотливости дятла, его несравненной работоспособности? Некогда дятлу искать более подходящую «наковаленку», и, повстречав более-менее подходящую, он ударяется в свою бесперебойную стукотню... Всю зиму настукивает, несмотря на вьюги и метели, с утра до вечера, с осени до весны...

И что ещё интересно: порой встречаются «кузни» всего лишь с несколькими шишками, тогда как однажды я насчитал даже до тысячи. Устав перебирать шишки, помнится, стал их десятками отбрасывать в сторону, а они всё не кончались... Видно, любимое то было место у дятла, и бросать его

старательная птица не желала. Пристрастие дятла к какой-то одной избранной им «кузнице» отличает в нём не только старание и основательность, но и вкус, увлечённость. Всё бы стучал да стучал, а шишки росли горой, всем на удивление!

Интересная особенность

Заяц – удивительно обаятельный зверёк. Даже добытый на охоте, он восхищает налитой тяжестью вытянувшейся тушки, когда держишь его за задние лапы. Всё кажется, будто он вот-вот вырвется из рук и убежит... Отчего-то вспоминается такая интересная особенность из заячьей жизни, как способность рыть в мартовском, порядком уплотнившемся снегу глубокие норки...

Где-нибудь под охорашивающейся ёлочкой, в глубине леса, выбирает косою приглянувшееся ему место. Роет старательно, то и дело замирая и озираясь, смешно шевеля розовым влажным носом. Прислушавшись и ничего подозрительного не заметив, вновь принимается усердно выбрасывать из-под себя передними лапками зернистый снег, чуть ли не ложась на живот и прижимая длинные уши к спине.

Часто в такой ямке можно обнаружить обгрызенный им бок осинового поленца, до которого заяц удачливо докопался. Норки эти, должно быть, заменяют зверькам рыхлый снег, что к весне сменяется на прочный наст. В них можно укрыться от наступивших в природе крепких утренников, которые откровенно оголяют и без того мало защищённую заячью жизнь.

Смышлёная ворона

Как-то затопил я в деревне баню, а дрова в печь подбросил старенькие, худые. Дым из трубы повалил густой, едкий, и тотчас на крышу уселась ворона. Отчего-то завертелась беспокойно, заходила по коньку взад-вперёд. Ворону явно что-то заинтересовало. Спрятавшись в дровянике, я решил понаблюдать за ней, понимая, что смышлёная птица появилась на крыше не случайно.

И вот, когда дым чуть развеялся, а жар, по-видимому, спал, ворона воровато взгромоздилась на трубу, как-то неловко раскорячилась и замерла. Таким образом, птица, вероятно, намеревалась вывести досаждающих её паразитов – перьевых клещей, и меня поразила её сообразительность. Ведь очутилась ворона у трубы сразу, как только из неё повалил дым: значит, она моментально среагировала и оценила возникшую ситуацию. Конечно, ворона могла проделывать подобное и раньше, но это никак не умаляет её способности быть поразительно смышлёной.

Сорокопут

Только дважды довелось мне увидеть в лесу синицу и мышь, нанизанных сорокопутом на сучки, и я сразу подумал: отчего он так безжалостен, этот сравнительно небольшой жулан, что своим загадочным поведением как будто на самом деле плетёт сорок пут?! Ведь если есть хотя бы один глаз, который зорек, тогда не надо и сорок, а сорокопуту зачем-то надо. Может быть, только затем, чтобы постоянно устрашать потенциальную жертву, заранее угнетая её этой боязнью жестокой расправы? Но сорок пут хоть кого на чистую воду выведут, как бы ты мудрёно их ни плёл, потому что они, скорее, для того и предназначены, чтобы запутать и увести от истины, и сколько ни путай, говорят в народе, а концы выйдут наружу.

Когда-то на Руси слово «сорок» означало много. Но как это относится к маленькой птице, вес которой не достигает и ста граммов? Скорее всего, из-за тех ухищрений, к которым она прибегает...

Сорокопут имеет способность подражать голосам многих птиц, чем, видимо, вносит достаточно сумятицы в их отношения, и, взбудораженные, они становятся его лёгкой добычей. Затем, схватив птицу, ящерицу или мышь, он не сразу её съедает, а накалывает на какую-нибудь колючку. Так ему, имеющему небольшие размеры, во-первых, легче управиться с жертвой, к тому же, сорокопут очень хищен по натуре, хоть и ростом не вышел, и оттого вовсю свирепствует, наводя страх на мелких обитателей леса. Таким же образом маленький разбойник хранит и свои запасы, и если даже он сыт, то всё равно ловит, накалывает на ветки и, мало того, обрывает у своих жертв головы!

Однажды я наблюдал, как самка сорокопута кормила двух молодых птиц... Какие они были прожорливые и капризные, как горланили, требуя пищи! Уже достаточно взрослые, сорокопуты сидели на проводах, почти прижавшись друг к другу, и с первого взгляда на них было видно, что им ни до кого нет дела. А ведь была уже почти осенняя пора, середина августа, давно покраснела рябина, и птицам надо было скоро улетать, но молодые сорокопуты до сих пор чувствовали себя птенцами. В этой небольшой детали проявляется характер птицы, которой ничего не стоит угнетать, обманывая, другую, только чтобы удовлетворить свой каприз...

Взрослый сорокопут обычно устраивается на каком-нибудь возвышении – дереве или кусте, и цепко высматривает добычу. Сидит он всегда ссутулившись и как бы сонно насупившись, голову поворачивает медленно. Но вся сонливость его – опять же, только видимая, запутывающая. На самом деле сорокопут зорко глядит по сторонам и, как только замечает мышь, мгновенно бросается вниз, не присаживаясь, хватает её и, пролетев низко над землёй, крутой дугой взлетает на вершину рядом стоящего дерева. Всё это происходит в считанные мгновения.

Да, у сорокопута не без умысла путается дело. Но зачем природе такая изощрённость? Ей достаточно просто убить, чтобы поддержать свои силы

или накормить птенцов, а сорокопут именно изощряется, когда это совсем не нужно. Напутает так, что никто не распутает, даже, кажется, самого себя вокруг пальца обведёт и оставит всех в полном неведении. Как говорится, сварила бы баба путаницу, да спрягла бы глазунью!

Нет, видимо, птицу эту сам Бог попутал, и дал другим в назидание, чтобы не дремали!

Утки

Случается, весной поднимешь неизвестно зачем голову к небу и к неожиданной радости заметишь торжественные косяки уток... Выстроившись строгими рядами и еле слышно переговариваясь в недостижимой вышине, утки летят с юга на север...

Всегда кажущиеся суматошными и глупыми, то и дело суетливо перелетающие, утки в этих стройных косяках представляются совсем иными. Даже крыльями они взмахивают размеренно, вынужденные, по-видимому, подстраиваться под общий такт полёта стаи.

Утки преисполнены стремления достичь родимых мест, и природа в этот ответственный для них момент не допускает какие-либо вольности, которые птицы могут себе позволить в беззаботную пору летнего изобилия. Почуввав малейшие, одним им известные и неуловимые признаки наступления на родине весны, утки незамедлительно оставляют жаркие страны, отдавая предпочтение недолговечному северному теплу.

Бродки

Охотиться по «бродкам» - значит, находить росистым утром следы птиц на траве и по ним добирать, как собака, схоронившуюся дичь. Но вот одним июльским утром, собирая на знакомом покосе землянику, мне привелось наткнуться на подобные бродки ... медведицы с медвежатами.

Сначала я обратил внимание только на аккуратный следок, напоминающий детскую ножку, и очень удивился: час был довольно ранний, да и от деревни изрядно, а тут ребёнок... Откуда бы ему взяться? След убегал в глухой, непролазный ельник, и это меня насторожило...

Чуть поодаль пролегал ещё один, точно такой же след, и у меня подспудно, но без уверенности, зашевелилась догадка: это, должно быть, медвежата, которые не могут сейчас оставаться без матери одни, и она тоже где-то поблизости, значит, следует быть внимательнее. И только я об этом подумал, как взгляд мой упал на крупные продолговатые отметины в траве, напоминающие отпечатки лаптей... Будто деревенская баба с двумя малыми детьми отправилась рано поутру по ягоды, невольно заплутала, но не

растерялась и вывела своих малышей к дому... Такая в этих следах чувствовалась уверенность и забота, хотя они и не пересекались.

Оглянулся я вокруг, присел в растерянности на пенёк и, глядя на быстро растворяющиеся под солнцем полосы в траве, вдруг с необыкновенной ясностью ощутил, как неизмеримы запасы нежности в природе...

Ласточки

Думал о том, почему ласточки более других птиц пользуются человеческой симпатией, особенно – среди женщин. Приходили на ум и их внешняя красота, облачённая в белоснежную манишку и чёрный сюртучок, и трепетная забота о птенцах, ради которых вездесущие птички готовы неутомимо трудиться весь день, и стремительность завораживающего полёта, когда они львиную долю светлого дня свободно витают над землёй, ни на секунду не присаживаясь на неё. А ещё умение строить такие аккуратные и надёжные гнёзда под карнизами наших домов, не говоря уже о таинственных береговых норках, из которых, если потопать ногами, ласточки стрелой вырываются и долгое время носятся над водой, не в силах успокоить растревоженное маленькое сердце. Но все эти достоинства почему-то не удовлетворяли, в них недоставало чего-то самого главного, за что ласточками можно было восхищаться и любить.

И тут я вдруг остановил себя на ласковости их имени, с какой в народе величали этих обаятельных птиц: любезная касатушка... И сразу вспомнилось ласковое деревенское утро, которое невозможно представить без их стремительного полёта, и ласковое тепло солнечных лучей, и что-то ещё очень нежное, без чего ласточкино утро никогда не будет таким добрым и дорогим. Милые, любимые Богом птицы, скорее всего, вселяют в сердца людей трогательную признательность за своё очаровательное добродушие, с каким они воспринимают жизнь: одновременно и божественно, и просто. И кому, как не женщинам наиболее приятно представлять себя в тёплых струях живительного летнего воздуха именно ласточками, а не горихвостками или овсянками!

Косой

Бывало, забредёшь зимой в густой ольховник и неожиданно поднимешь зайца. Сначала послышится еле угадываемый хруст, потом мелькнёт между стволами размытый силуэт, и, выскочив через мгновение на открытое пространство, зверёк полетит живой пружиной: весь настороже, наостря уши.

При этом чёрный глаз его будет косить самому себе вслед, и заяц станет различим так отчётливо, что подумаешь: белее снега его шкурка. Причиной тому - чёрные маслины глаз зайца, мятущиеся в перепуге, и кажущиеся от этого большими и заметными.

Но так ли труслив заяц, как ходит о нём молва? С трусливым умом не наделаешь таких смекалистых петель и скидок, которыми он норовит запутать охотников до зайчатинки. Неторопливо плетёт заяц на снегу замысловатые кружева, основательно, с усердием. Негоже ему торопиться: что, если распутает след хитрая лисонька, и тогда не миновать беды!

Заяц всегда готов предупредить беду, он ни на минуту не забывает вслушиваться и всматриваться в окружающий мир. Даже, когда уносит ноги, глаза его беспрестанно косят назад, словно всматриваются: как там обстоят делишки? Не зря заяц получил в народе своё самое известное прозвище - «косой»!

Чомги

Случается, что чомги, спокойно плавая и кормясь, вдруг взмываются над водой вытянутыми столбиками, чуть выгибаются и, вспенивая воду, будто бегут по ней, не теряя при этом равновесия и какой-то необыкновенной грации, которая, как и поза птицы, сперва, остаётся непонятной...

Немного подумав, относишь подобное поведение к строению тела этих птиц, у которых лапы значительно отнесены назад, и это не позволяет им двигаться по земле. Но в период брачных игр, когда самец преподносит самке в клюве пучок травинки для гнезда, он в порыве чувств занимает такое положение и, не имея возможности ходить по суше, бежит по воде, восполняя тем свой природный недостаток. В этом желании понравиться столько приподнятости и восторга, что, глядя на охваченных страстью чомг, и сам невольно приподнимешься на цыпочки, но спохватишься — и улыбнёшься.

Енотка

Водится в наших лесах довольно странный, совершенно неприхотливый и будто забывшийся в непонятной для самого себя жизни зверёк - енотовидная собака. Охотники ещё называют его «еноткой». Целый год зверь этот не показывается на глаза, и вряд ли кто вспомнит о его существовании. Но с началом зимы, пока снежный покров не установился, вдруг повстречаешь в лесу блуждающий след и задумаешься: кто бы это мог быть?

След обычно неожиданно вывернется из-под какой-нибудь корчажки, и петляет между деревьями, тычется ко всякой, мало-мальски приметной, валежине. Неведомый зверь словно ищет, сам не зная что, но найти никак не

может, и всё плутает, плутает по лесу. После хорошо знакомых следов куницы, рябчика и зайца натолкнёшься на этот непонятный, теряющийся в снегах след, пойдёшь по нему, да незаметно увлечёшься и тоже немножко заплутаешь. Долго потом не можешь опомниться: отчего ты так же, как и этот зверь, чего-то ищешь в лесу и не всегда находишь?

А зверь, между тем, ищет для себя на зиму пристанище: это может быть старый пенёк, выворотень или своеобразный хвойный шатёр, что образовался из нижних разлапистых веток ёлки, придавленных к земле снегом. В таком незатейливом домике енотовидная собака может провести всю холодную пору, пока её кто-либо не потревожит или не случится оттепель. Убежище зверька на самом деле очень неприхотливо.

Чаще всего он просто нагребает ворох сухих листьев и мха, вытаптывает в нём гнёздышко, вот и вся нора. Рыть себе логово в земле, как это заведено у барсука, енотке отчего-то затруднительно, и иногда она устраивает себе лежбище прямо в стожке сена. А если не успевает обзавестись на зиму своим домиком, нередко занимает чужую нору, залегая порой вместе с барсуком, в одном из его запасных ходов, что он оставляет до конца не прорытыми, на случай вынужденного бегства.

Даже линька у енотки происходит ни как у всех животных, на особинку: осенью она линяет от хвоста к голове, а весной наоборот. Снежные и морозные зимы енотке тоже противопоказаны: у неё короткие лапы. Чёрные, кожистые, они будто вырастают из густой, с кофейным отливом шубы, и смотрятся как-то неестественно, даже - смехотворно.

Да и обличье у енотки всегда такое, будто она порядком где-то нашкодила, и опасается, что расплата её вот-вот настигнет. Во всём её облике проглядывает какая-то, почти не скрываемая, несуразица: и не барсук, и не лиса, и уж, тем более, не росомаха, даже - не заяц, а нечто именно непутёвое, неизвестно зачем существующее в лесу. Лес, бывает, и забавой берёт, не даёт скучать.

Ходит, бродит енотка по лесу неприкаянно, ровно, действительно, ищет в лесу чего-то, но отыскать не в силах. Ведёт себя тихо, неприметно, будто понимая, что лучше не высовываться, не попадаться никому на глаза. Недоброжелателей у енотки хоть отбавляй: это и неясить с филином, и росомаха, и волк с лисой, а уж про человека с его ярыми до зверя собаками да капканами и говорить не приходится.

Защищена енотка природой слабо, и единственное её оружие - скрытность. Не сладко приходится енотке в лесу, где она должна быть очень осмотрительна, а с осторожкою - можно жить! Оттого, наверное, и имеет интересную повадку: попадая в безвыходное положение - притворяется «мёртвой», как это порой проделывает и барсук. Но при любом удобном случае «оживает», и старается тихонечко улизнуть.

Может быть, поэтому голос у енотки - тихое повизгивание, даже - скуление, что отчасти напоминает вскрикивания желны. Будто зверёк

жалуется на свою судьбу, время от времени жалобно подвывая, да только никто её не слушает.

И всё-таки, мордочка у енотки симпатичная, хоть и вечно потерянная. Енотка как будто постоянно извиняется за своё существование, и глядя на её смущённую физиономию, невольно пожалеешь зверька, тебе станет как-то неловко от того, что ты думал про этого незадачливого зверька безрадостно. Ведь как не крути, а есть в этом зверьке и своё, незатейливое обаяние: и не красиво, как говорится, да мило, а в милом, известное дело, нет ничего постылого!

Буровато-серая маленькая птичка

Соловей прилетает к нам, в отличие от других певчих птиц, когда уже можно напиться воды с берёзового листа, и сразу, по прилёту, занимает густые ольховые поросли по опушкам и берегам рек. В деревнях же выбирает, чаще всего, черёмуху и сирень. Буровато-серая маленькая птичка, почти невидимая в ветвях, среди фиолетово-лиловых нежных султанов и вовсе остаётся незамеченной, но именно благодаря сиреневому одурманивающему кипению, наверное, и поёт всю ночь.

Не будучи ночной птицей, соловей превращается весной в неё, чтобы непревзойдённой по красоте песней извещать и приманивать самочек, что возвращаются с юга только ночами. Людям и невдомёк, что восхищённый певец всю ночь напролёт провозглашает не только любовь, но и сообщает всему миру о долгожданной встрече. В природе всё подчинено продлению жизни, а значит – работе, но с каким очаровательным восторгом она воспринимается маленькой серенькой птичкой с умными чёрными глазами!

Общеизвестно, что соловей – знатный певец, он не похож в своём природном умении ни на одну певчую птицу. Соловей не просто свищет и щёлкает, как обычно, не без восторга, принято упоминать среди людей о его непревзойдённом таланте, он именно поёт, издавая голосом восхитительные звуки. Охотники до соловьёв различают все колена его песни, и даже дали им названия: бульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачёк, юлиная-стукотня, почин, оттолчка, свисты, трели. Соловей поёт, говорят, себя тешит, но разве для всех нас по весне его песня не великая радость?!

Сколько раз мне приходилось слышать соловья, а всё было недосуг подглядеть, как выглядит эта птица. Однажды я всё же набрался терпения, долго и медленно подбирался к густому кусту сирени у себя в деревне, силясь рассмотреть знаменитого певца, а когда обнаружил его в сплетении ветвей, то поначалу даже не поверил: соловей был уж какой-то совсем маленький, худосочный, и одет в неприглядное серенькое перо, будто накинул сюртучок не со своего плеча... Но вот глаза птицы поразили:

большие, чёрные, как две спелые смородинки, и до того трогательные и проникновенные, что я сразу почувствовал – в них вся весна!

Поразительный тетерев

Каждая птица чудесна по-своему. Особенность тетерева – в его взрывчатости и стремительном напоре. Одинаково оглушительно режет он воздух зимой, неожиданно взрываясь из-под снега, и осенью, когда в умиротворённой мёртвой тишине вдруг взмывается свечой над частым осинником, бьётся исступлённо в его скрестившихся ветвях.

Сердце замирает, подкатывая прямо к горлу, а потом словно срывается от невозможности вытерпеть эту паузу, и разухабисто ударяет в виски. Короток миг тетеревиного порыва, но ещё долго стоит он в ушах, мешая на чём-либо сосредоточиться.

Когда же всё проходит, и первозданная лесная тишина вновь обволакивает твой слух, тебе начинает казаться, что ничего не происходило: так стремителен был этот поразительный взрыв энергии, неизвестно зачем скрытой ото всех в чёрно-синем, отливающим воронёной сталью оперении...

Выдра

Есть у меня одно место на лесной реке, где я однажды застал катающуюся с горки выдру... Был ясный мартовский полдень, и выдра на солнце казалась неугомонным ребёнком. Она неумоимо забиралась на самую вершину склона, скатывалась на животе, растопырив лапы, и шлёпала опять наверх, чтобы насладиться завораживающим скольжением. Было очевидно, что ей эта забава по душе, и выдра использовала горку неоднократно, потому как от вершины склона до самой воды протянулась узкая наледь...

С тех пор прошло немало лет, многое изменилось в моей жизни и в лесу, но я неизменно, по дороге на глухариный ток, захожу туда каждую весну и, прежде, чем выйти на берег, осторожно выглядываю из-за деревьев: а вдруг выдра опять там?!

Цапли

Бывает, из-за своей неловкой голенастости, по излишнему любопытству или неосторожности, птенец цапли вываливается из гнезда... Родители, что было не раз замечено, не проявляют при этом какого-либо беспокойства, и

оттого представляются невменяемыми, почти равнодушными. Трудно поверить, будто они трезво воспринимают утерю малыша только как неминуемый природный отсев, и не пытаются ему ничем помочь. Холодность птиц так обескураживает, что ты просто не в силах постигнуть их поведение...

Оправдать видимое равнодушие птиц имеет право сама природа, в которой оказывается место и для вполне объяснимой удручённости. Упавшие птенцы достаточно крупны, чтобы родители могли вернуть их обратно в гнездо, и последние, наверное, свыкаются со своей судьбой, и их давно уже ничего не тревожит. Как не тревожит журавлей неминуемая гибель одного из детей, менее развитого и слабого. Всю свою любовь они отдают самому выносливому.

И всё же, становится не по себе от этой вынужденной смерти родившегося на свет существа... Как будто кто-то предал его и остался незамеченным, а тебе надлежит к этому привыкнуть. Если такая привычка станет обычной, когда-нибудь ты не досчитаешься и своих детей.

Витютень

Редко удаётся близко увидеть лесного голубя-витютня. Он нелюдим и постоянно скрывается по весне в разлапистых ветвях ёлки. Бывало, неожиданно послышится из глубины леса постанывающее, даже печальное воркование, и ты, остановившись, долго не можешь уразуметь: что это за диковинная птица подаёт голос? Так проникновенно разносится это грудное воркование, чем-то непонятным очаровывая и завлекая...

Потихоньку начинаешь подкрадываться к нему, а звук то удаляется, то слышится совсем рядом. И вдруг, в каких-нибудь двух-трёх шагах, заметишь в ветвях дымчато-розовое оперение голубя, его раздувшуюся от напряжения гордую грудку, и поразишься неброской красоте птицы, которая большую часть жизни держится над раздольными полями, а силу черпает в густом лесу...

Носогрейка

Увидел однажды лису и сразу подумал: зачем у неё такой красивый и, вроде бы, совсем не нужный ей хвост? Уж, конечно, не для того, чтобы следы замечать, которые, если кому понадобится, и без того разберут. Да и с красотой не всё так просто: не призвана она в лесу в глаза бросаться...

А как-то зимой поднял с дневной спячки хитрого зверя и подошёл к тому месту, где он лежал, свернувшись калачиком. На снегу осталась вмятина, наполовину обвитая неглубокой бороздкой. И тут я понял: хвост

позволяет лисе не застудить лёгкие в сильные морозы, когда она, оборачиваясь им, утыкает в него нос, а холодный воздух, вдыхаемый через густой мех, успевает согреться.

Вальдшнепиная любовь

Под вечер неожиданно вскрапнул тёплый дождик, и откуда ни возьмись выполз густой туман, который стелился от низкорослых кустов до верхушек высоких елей: он и прибил вальдшнепиную тягу вниз...

Птицы в полёте прижимались к земле, самки вскрикивали, увлекая за собой самцов, и те налетали на них с ходу прямо на дорогах, вырвавшись навстречу друг другу из молочной туманной пелены, быстро спаривались и тотчас разлетались... Вместо них, тут же, появлялись другие птицы, и всё в точности повторялось.

Туман, кажется, внёс в поведение вальдшнепов непривычную для них нервозность: птицы будто боялись упустить этот вечер, а с ним – всю весну, и торопились любить, что со стороны выглядело до невозможности оголено и грубовато, но в то же время – как-то необыкновенно притягательно. Охваченные страстью, птицы были так возбуждены, что будто не понимали: туман скоро рассеется, закат опять будет нежно-розовый, а воздух прозрачный, тёплый и спокойный... Но бывает, следующий вечер выдаётся чудесным и тихим, а вальдшнепы почему-то не тянут...

Про сыча

Недавно я узнал, как поёт сыч. Глуховатый, по несколько раз повторяющийся свист наподобие того, когда ветер порывами задувает в дуле ружейного ствола. Свист, начинаясь на высокой ноте, концу выдоха идёт на понижение. Как будто неведомая насупленная птица, спрятавшись в укромном уголке леса, высказывает кому-то свою не разделённую обиду, не видя ничего, кроме своего маленького загнутаго носа.

Сыч подаёт голос обычно в ветреную, дождливую погоду, словно желает подладиться под неё. Почему-то сразу хочется улыбнуться, представляя себе, как он это делает. Сидит нахохленный, сердитый, будто ничего, кроме его заунывного дудуканья, не существует. Недаром говорят про недовольного чем-то человека: «Сычом смотрит».

Отчего волки воют?

Отчего волки воют? Наверное, не оттого, что им страшно и одиноко, а по той же вековой причине, из-за которой мучается над смыслом своей жизни человек. Волк понимает это только по-волчьи и, угадывая в вое волков голос своих предков, собственным голосом вступает в нелёгкую звериную жизнь.

Вой – это сигнал наступления зрелости, приобщения к стае. Это знак причащения волка к его будущей неутомимой жизни, кажущейся людям совершенно неустроенной, но для самого волка остающейся единственно доступной и по-звериному святой.

Протяжно отзываясь в бесконечность ушедших времён, волк, несмотря ни на что, продолжает в себе жизнь рода. Живя дл природы, платя дань неподкупному звериному богу, он, должно быть, приобретает нечто большее, чем свой постоянный непокой, хотя иногда печаль безысходности и сквозит в его выразительной песне.

Но на самом деле в волчьем вое чувствуется проявление ума животного, постигшего предел собственной ограниченности. Вернее, невозможности идти дальше того, чего он уже достиг.

Ночной барашек

Идя ночной порой на глухариный ток, задумаешься, бывало, о чём-нибудь, что давно не давало покоя, а окружающая парная темень жарко дышит в лицо и ещё более сгущает тяжкое настроение: радость равнодушно покинула твоё сердце... Запинаясь о невидимые кочки, бредёшь в липкой темноте и всё думаешь о чём-то тревожном, на душе беспокойно и сумрачно.

Вот уже затемнели верхушки тальника на чуть светлеющем небе, утробно вздыхают по лужам разбуженные моими шагами лягушки и, пустив несколько пузырей, умиротворённо замирают... Тяжело идти, тяжело дышать, нелегко думать!

И вот, крик случайного бекаса над самой головой выведет из охватившего оцепенения, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от невесёлых дум. Куличок стремительно падает в необозримой вышине, перышки на его крыльях вибрируют, и, кажется, будто совсем рядом блеет барашек...

Вглядываясь в прозрачное небо, какое-то время стоишь в приятной растерянности, вслушиваешься и ощущаешь только удары разгорячённого от ходьбы сердца... Такой же крохотной птичкой бьётся оно в груди, трепещет невидимыми крылышками, а ты и не ведаешь, что незаметно, благодаря маленькому бекасу, в тебе уже пробудилась утерянная радость.

Лосиный волк

За последнее время в наших лесах всё чаще стали попадаться лоси, у которых вместо лопатообразных рогов растут одинокие, очень заострённые пики. Подобные рога в природе опасны, особенно у таких агрессивных зверей, как сохатые, какими они бывают осенью, во время гона, когда устраивают между собой отчаянные турниры за самку. Случайно какой-либо самец может поранить своего соперника, порой очень тяжело, и это приводит к нежелательной гибели красивого зверя.

Среди охотников нередко можно услышать рассказы о таком «лосином волке», как его называют в народе. Но отчего, всё-таки, «волк»? Если уж говорить о каком-либо наносимом вреде, имея в виду, что этот необычный лось обладает таким жутким «оружием», то под «волчью» характеристику подходит, скорее, какой-нибудь бык или, на худой конец, носорог, но в наших лесах эти звери не водятся.

И всё же, лося с устрашающими рогами нарекли не иначе, как «волком», по-видимому, только по причине того, что именно этот зверь в среднерусской стороне способен нагнать страху на кого угодно. Поэтому в народе и причислили хорошо известного всем сохатого, к тому же, наделённого от природы невиданными пиками-рогами, к волчьему племени.

Не зря многие охотники считают достойным поступком застрелить этого лося-убийцу. Мне и самому однажды привелось участвовать в охоте на этого необычного зверя, но сам по себе он не выглядел угрожающим, и только невиданные рога, неизвестно для чего доставшиеся ему от природы, вызывали содрогание.

Лось, конечно, не сознавал себя «волком», но выглядел таким в глазах людей. И хотя он лежал уже повергнутый, с неестественно задранной головой и вывернутыми копытами, его саблевидные рога как будто вонзались в тебя, и ты почему-то ощущал от этого не страх, а вину... Виноватого же, говорят в народе, Бог рано или поздно отыщет. Но и то верно, что коли и был рог, так не сломил его Бог: правда всегда рогатиной торчит.

Тёмная звериная душа

Думая об отражающейся в глазах душе, я часто вспоминаю животных.

У медведя, судя по взгляду, душа глубоко скрытая, может быть, непонятная ему самому. Он тихо изливает её сквозь маленькие глазщелочки, и такой же не понятый никем бесцельно шатается по лесу. Самому ему эта душа, наверное, не доставляет ничего, кроме недоумённых снов, в которые он с головой погружается долгою зимою.

Медвежья душа неприкаянна в большом сильном теле, и от её неприкаянности зависит непоследовательность его поведения: из

обаятельного косолапного недотёпы он может через мгновение превратиться в разъярённого хищника.

У волка тело как будто создано для бездушья, но и в нём душа теплится и не даёт ему покоя. Гонимый не изведанным им природным смыслом, волк неумоимо преодолевает бескрайние снега и вновь отупело зарывается в них. Ему, конечно, не до бессмысленных размышлений о своей волчьей сути, и он с холодной мудростью принимает только необходимость обыденной скитальческой жизни.

Независимо от оболочки, душа, должно быть, существует по своим законам. У человека более, чем у животного, она тянется к свету. Перебрав же многих зверей, понимаешь, что светлых глаз ни у одного из них не сыскать...

Только что-то глубоко забитое и невыразимое, скорее, неприступное, чем страшное. Словно и жива душа, но удручена чем-то непонятным и очень строгим.

И всё же, темнота зверя притягивает своей неисчерпаемостью, и начинает незаметно казаться, что именно из неё однажды родилось начало всего. И тогда светла становится звериная неприкаянность, которую звери, ни о чём не ведая, несут в себе всю жизнь.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Сказать, что зимний вид великолепен, значит, просто неумело оговориться: он сплетён из невероятного числа еле ощутимых, но удивительно жизненных построений. Все они слагаются, как ни странно, из снега, то отражающего, то скрывающего их.

Медленно кружась, плавно опускается снег на землю, как будто чему-то радостно улыбаясь. Час от часу он становится гуще, приятно околдовывает, но не утомляет. Наверное, ему хочется достичь в самом себе всеобщего умиротворения, и это у него, несомненно, получается.

Всегда интересно смотреть на тихое падение снега. Небеса будто переполнены сказочным пухом, воздух весь дышит невидимым движением, и слух поражает необыкновенная тишина. И вдруг, с какой-то томительной, но приятной болью, постигаешь, что наступают бесконечно длинные снежные сумерки, способные застить от тебя суть земной жизни. Но ты не боишься ничего, а только сопереживаешь этому умиротворяющему желанию природы.

По-своему снег хорош для всякого времени года. От него избавлено только лето...

Ближе к весне снег превращается в настоящую укатанную дорогу. Эта надёжность пусть кратковременной, но кажущейся бездонной под ногами

опоры очень приятна. Уже основательно просев, и гулко ухая в разбуженной лесной глуши, он сладко пугает взбудораженное весной сердце.

Любопытна ещё подвижность снега, какую он порой создаёт в апреле, когда, кажется, плывут над землёй целые поляны вместе с застывшими от счастья берёзками... А как чудесна радость переживания от его нарождающегося повсюду необыкновенного света!

Осенью снег – Божья благодать. С каждым днём укутывая землю пуховым покрывалом, он оберегает её от замерзания, а животных и птиц – от голода. Доступность вкрадчивого проникновения снега в любые уголки леса кажется удивительной.

Весь засыпанный снегом, теперь зимний мир становится удивительной картой скрытой лесной жизни. Зайцу, белой куропатке и горностаю снег даёт ощущение безопасности. Его используют для укрытия необыкновенные лесные птицы - рябчики, тетерева и глухари. Холодный на ощупь, он обогревает их всех, даря укромное тепло, покой и благо.

Для человека же снег - особое знамение, порождающее в душе предощущение чего-то значительного. Всегда невероятно близкий ему, он в то же время остаётся пришельцем из иных далёких времен. Снег приносит с собой мудрую, какую-то нужную правду, и окутывает собой всю русскую землю, оберегая её от одолевающих сомнений.

По мере того как исчезают под снегом земля, кусты и деревья, всё больше появляется следов птиц и животных. Следы оживляют однообразную зимнюю картину и зовут за собой.

Трудно удержаться, чтобы не отправиться в эту пору в лес, разгадывая скрывающуюся за следами тайну. Следы несут в себе много интересного и увлекательного, они открывают человеку то, что он никогда бы не увидел осенью или летом.

С началом зимы всегда чудится, что всё живое исчезло из леса. Заметив же следы, ты приятно удивишься и обрадуешься, словно встретил давно забытое, но такое родное. Оказывается, следы жили в твоей памяти, и ты только ждал случая встретиться с ними. Зима великодушно предоставила его...

Опомнившись, поспешишь разглядеть их пристальнее, всё ещё не веря в реальность существующей поблизости сказки. Какой зверь и куда пробежал, и что он тут делал? С замиранием сердца оглядываешься: может, зверь затаился где-то здесь и вот-вот выскочит из чащи?

Но нет, осталась только снежная память, истаявший запах меха и обаяние зверя. Его нарисовало тебе живое воображение, освежённое зимой. В долгий путь отправилась она, и ты с головой отдался её следам, и ничего тебе стало не страшно.

С каким-то безоглядным восхищением окунаешься ты в эти неизвестно куда уводящие хороводы зимы, превращаясь то в лису, то в волка, то в мохнатого филина. Сказки леса неотвратимо подступают к тебе, влекут и не отпускают. Они западают в твою душу следами невидимых животных.

Первая страница зимы открывается с первой порошей, и автор этой белой книги - природа. Как много в ней записей, и сколько удовольствия доставит она любознательному читателю! Испещряющие снег строчки – это знаки удивительной жизни леса, что непреклонно увлекают за собой, открывая секреты существования его обитателей.

Выпадет снег за ночь, а под утро всё стихает. За окном покойно, светло, уже по-зимнему мягко тикают в доме часы. На противоположной стороне лога ребятишки скатываются на досках, и их восторженные крики вязнут в завороченной тишине. Зато слышно, как перелетают на большой берёзе сороки, осыпая снег с её ветвей.

В снежное морозное утро хорошеют замершие поля, леса, и даже птицы. Всё кажется ухоженным и уютным, так что не хочется ничего делать. Только взирать на то, что происходит в природе, и быть очарованным ей.

Пороша - это ещё одна зимняя благодать, когда так хорошо и весело бродить по снегу, разгадывая свежие звериные следы. В порошу свежо и холодно бьётся сердце, и хочется объять весь мир, словно ты идёшь навстречу своей свободе, чтобы творить только радость.

Медленно и незаметно входит в тебя чистейшая снежная тишина, и нет никаких плохих мыслей. Всё дело в пороше, её ровном, ненавязчивом свете. Чуть волнуясь, идёшь и не боишься, что радость исчезнет.

Вся эта чистота белеет так нетронуто, что страшно ступать по ней. Страшно нарушать её невинность. До боли приятно пронизывает она затаившееся в преддверии зимы сердце.

Ты идёшь, думаешь обо всём этом, и ещё о том, как сейчас светло и покойно в лесу. Что набегали там за ночь зайцы и белки, где рыскала лиса и отчего на окраине старой большой поляны изрыт в грязь весь снег. Ведь следы на снегу - это не только примета или признак угасшего прошлого, но и отпечаток проскользнувшей мимо тебя жизни. Зимой в лесу не пропадёшь из-за множества следов на снегу. Пойдёт снег, говорят, оставишь и след, а снегу нет - и следа нет.

По следу до всякого зверя можно дойти, и всякий след в народе имеет своё имя. Заячий - малик, лисий - нарыск, волчий - сакма, медвежий - переступы, след такого мелкого зверька, как горностай или ласка, побежка, а хорошо заметные кресты, уводящие в заснеженную хвойную глушь, принадлежат глухарям. Торный же след выдры или ондатры, протянувшийся сплошной полосой от одной излучины реки к другой, зовётся лазом. Все они друг на друга не похожи, как и звери, что оставляют о себе на снегу хрупкую память, и всю зиму безуспешно от неё убегают.

Для домашних животных зима начинается с заботы о них человека, с заботы о их сытости и тепле, потому что от этого зависит добро хозяина. Тёмно-синими вечерами скот спокойно дремлет под неторопливые женские разговоры во время их привычной вечерней работы. В уютном тепле замкнутого парного хлева животные чувствуют себя до дурноты

безропотными, какими-то очень близкими, родными. В них сосредоточены доморощенность зимней деревни, её сирое обаяние и крепкий быт.

Лесным же обитателям приходится позаботиться о себе самим, и с того, как это делают многие из них, начинается главная сказка русской лесной жизни.

Наступает на лес трескучий холод, земля ещё больше покрывается снегом, и мороз надёжно скрепляет её белые одежды. Незаметно подкрадываются бесноватые силы тьмы, ночи становятся длиннее, а свет короче. Зима залегает всё глуше и глуше.

Замирает повсюду лесная жизнь: для многих птиц и зверей она на неопределенное время отступает, потому что не может быть ещё между ними любви, как у человека. Но не все лесные жители забывают в эту глухую пору о продлении рода и жизни. Зима для них оказывается богатой на труды, что предшествуют приходу весны: это время невидимо зарождающихся для человека лесных свадеб, как это происходит у воронов или клестов, а у медведицы в январе появляются в берлоге медвежата.

Неслышно течёт зима для кого-то из зверей в предвкушении будущего рождения, а для других, что пока и не мечтают о продолжении рода, она холодна и страшна неумолимым инстинктом выживания. В этом заключается её сокровенный смысл: белёсое солнце и горячая кровь, напрягшиеся от мороза звёзды и закипающее в остервенелом беге зимы дыхание... Всем и каждому, в меру отпущенных природой сил.

Так, видно, угодно невидимому лесному богу, круглый год правившему зверьми и стерегущему их. Не боится он, что снег зверям беду накличет, а наоборот, сбережёт и успокоит. Следы же на снегу - утеха тем, кто без сказки жизнь свою не представляет, находя удовольствие в том, чтобы бесконечно распутывать клубок неизгладимых лесных впечатлений.

Переступы

Движения медведя всегда выглядят неторопливыми, даже с виду подавляющими. В этой ленивой поступи лесного исполина сразу угадывается его громоздкость и неповоротливость. Нехотя переваливаясь, медведь как будто тотчас забывает о том, что минуло на его жизненном пути, и ни о чём, кажется, не заботится.

Медведь и не шагает, как лось, и не бредёт, как волк, и не рыщет наподобие того, как это делает лисица с росмахой, а именно размеренно ступает, неприхотливо, но с достоинством неся своё могучее тело. Вернее даже — переступает, потому как косолапый, и так ему удобнее всего переставлять лапы, передвигаясь по лесу. Ступает медведь неуклюже, будто ему берестяные лапти на лапы надели, а он никак не может к ним приноровиться.

Идёт себе неспешно куда-то, словно утопая в своей безмерной звериной мощи. Некого ему страшиться в лесу, и оттого медведь горя не знает. Обременённый силой, он безбоязненно ходит неслышно ночами, а на день залегает в разрытый им муравейник.

Ни с чьим другим следом в лесу отпечатки медвежьих лап спутать нельзя. Пухлую, широкую ступню с мякишами пальцев разберёт всякий. К тому же след медведя очень большой, а подобные ему звери в наших лесах не водятся.

Иногда следы медведя вызывают улыбку, такими они кажутся непутёвыми и косолапыми. Просто какой-то неловкий недотёпа проковылял без всякой цели по лесной дороге, и затерялся в чаще. Ровно зверь и сам не ведает, для чего он родился и что ему надлежит в жизни делать. Бестолково мотается по лесу, веселя всех своим неподражаемым обаянием.

Внутренняя лесная жизнь лучше всего отражена именно в том, как осторожно медведь переставляет лапы, неся в своей неторопливой поступи истинную сокровенность леса и его дремучесть. И тут немудрено напугаться, неожиданно натолкнувшись на недавнее присутствие зверя. Особенно когда заметишь провалившиеся в сыром снегу следы медведя после зимней спячки. Следы утопают до самой земли, и ты невольно насторожишься и присядешь перед ними, чтобы разглядеть.

Ощутимая потаённость медвежьей поступи наиболее цельно возникает именно ранней весной, когда снегу ещё много, и зверь только поднялся из берлоги. В этих зияющих снежных пустотах затаилась непредсказуемость медведя, его неограниченная свобода. Истратив за зиму часть запасов, медведь бродит по ещё не проснувшемуся лесу злой и голодный.

Любого могут устрасить такие следы, грозно исчезающие в глубине леса. За каждым вывороченным бурей корнем видится опасность, а тяжёлый пасмурный воздух только усугубляет это неприятное впечатление. Вмиг разыгравшееся воображение живо рисует яростного и хищного зверя, поднимающегося перед тобой на дыбы. Не сравнить его с тем косолапым недотёпой, что впопыхах улепётывает от человека, столкнувшись с ним летом в малиннике.

И всё же хочется идти по этим следам, ступая прямо в них мокрыми сапогами. Крошащийся снег приятно холодит ноги, и в ноздри ударяет запах сырой хвои. Идти сообразно медведю очень сложно, и вскоре ты сбиваешься с ритма его шагов, а затея идти по медвежьему следу представляется пустой.

С бьющимся сердцем вглядываешься в неспешно удаляющиеся в снегу провалы, и на душе отчего-то становится хорошо и грустно, что не увидел ты медведя, но он существует. Шёл прямо вот тут глухой чащей лесной воевода, и в ней же сгинул: как будто его и не было. А следы остались приятным воспоминанием о величественном звере, в котором так много тёмного и неповоротливого, но очень милого.

Любящему лес человеку много радости приносят увиденные следы медведя. Редок этот зверь, не всякому даже умелому следопыту доступен. Да

и тайга, в которую ты забрался, уже не кажется такой пустячной. Лесной архимандрит словно освящает её своим добрым присутствием, привнося и крепость духа, и невысказанную тайну.

Но человеку на него молиться не пристало. Надлежит лишь не трогать зверя, восхищаться его силой и остерегаться встреч, осторожно постигая все секреты косолапого. Медведь тогда ответит тебе своим лесным расположением, даже - интересом, и назовёшь его с почтением - Михайло Потапыч.

Сакма

Всё в медведе кажется соизмеримым, и даже при всей его темноте как-то без страха воспринимаешь существование зверя и вероятность столкновения с ним в лесу. Силён, говорят, медведь, да воли нет: она выкована в волке, который хищник по природе, а не по зависти. И хоть известно, что всякий год волк линяет, но нрава своего при этом не переменяет.

Волка ноги кормят, и не боится он след за собой оставить. Бывает, волчья стая глубокую тропу набьёт, но с пути своего не отворотит, если добыча им дорога. Не умеет волк не прожить – и не добыть: только дураки о добыче спорят, а серые разбойники её делят.

Одиному путнику встреча с волком не сулит ничего хорошего. Ничто несравнимо с неожиданно восставшим в тебе чувством страха, когда ненароком оказываешься в зимнем лесу один на один со зверем, и обмякаешь: нахлынувшее помутнение равносильно приходящему весной теплу... Хорошо, если выскочивший перед тобой зверь напугался ещё больше, и тогда всё случившееся обретает радостный смысл.

Но вокруг залегла зима, и ты понимаешь, как восприимчив теперь волк. Зима торит ему тропку наглуую, когда волк берёт внезапностью и силой, сразу замечая, как человек относится к нему. В отличие от собаки, он более выдержан и умен: волк точно знает, кого ему следует опасаться, а кого нет.

Взгляд зверя тотчас холодеет, растворяясь в тебе тоненькой струйкой страха, и отбрасывает к чему-то давно забытому, далёкому и дикому. Когда ты не боялся увидеть чёрного ворона или встретиться в лесу с каким-либо хищником. Ты сам родился им в утробе природы и не верил, что когда-нибудь тебе суждено стать человеком. А кто-то до сих пор воет волком за свою овечью простоту, не зная, что удача нахрап любит.

И, конечно, не дай Бог встретить на своём пути голодный выводок во главе с волчицей и матёрым!

Волков у нас никогда не любили и боялись настолько, что местами волком называть избегали, дабы встречу с ним не накликать. Оттого, наверное, в народе к нему и привилось прозвище – «серый». «Волком» же на Руси прозывали вконец посрамленного, проворовавшегося человека, которого водили по деревне в шкуре украденной им скотины, сопровождая бранью, побоями и хохотом. После того человек тот навек был опозорен.

Благодаря особой свирепости и силе, какой-то непостижимой волчьей сути, народная молва приписывала этому зверю почти колдовские чары. Зверь-оборотень, вурдалак, мог обойти любого человека, и не уйти тогда тому живым. Растворившись в серых сумерках, волк возникал там, где его не ждали, и исчезал так же незаметно, как и появлялся.

Неприхотливый, выносливый и умный, волк никогда не был прямолинеен и, кажется, хранил в себе всю звериную волю. Неутомимо и нестигаемо преодолевая бескрайние снега, он нёс для обитателей леса здоровье, прося за то совсем недорогую плату. «Упрямая овца - волку корысть», - всегда примечали умные люди, и это было мудро, потому как, по той же народной примете, добычу в зубы зверю сам Георгий давал.

Что и говорить, не про волка растут красные яблоки, и создан он таким всем на благо. Неуловимой серой тенью, существуя где-то рядом, волк учит многому, остерегая становиться равнодушным к жизни. Собаке - не ступать на волчий след: оглянется, ан тут её и нет! Человеку - не ставить недруга овцою, представляя его самым собою. Не в меру суетливому, да приткному всегда с лихвой заметят: не суйся в волки, когда хвост тёлкин!

Кое-кому через волка следует усвоить добрый ум, скромность и честность. Если пастухи воруют, а на волка поклёп идёт, не забывают ли они о собственной душе?! И на самом ли деле ненасытный человек смирнее сытого зверя?! Всякий должен задуматься про себя: отчего он не заметил, как волк носит, а только волка понесли - сразу разглядел?

Всегда человеку было удобно свои грехи на волка списывать, вот оттого он и приучился верить зверю в тороках. Мёртвым, а не живым предпочитал видеть человек волка, не подозревая о том, что сам его к себе своим страхом привязывает. Не зря говорят: где про волка дума и речь, там он тебе и навстречь.

Но несподручно волку сеном брюхо набивать, так уж он устроен. Бояться же его зимой потому, что он больше голодом её проживает, в отличие от лисы-лакомки. И разве не поверишь тогда горьким волчьим слезам, что проливает он под ясным морозным небом?! Вот старики и считали встречу с ним к добру, как если бы то была девица с полными ведрами, жид или медведь.

Твёрдо и целенаправленно тянется через всю зиму волчий след: выдержан ход у стаи, несуетлив. Не сворачивая и не останавливаясь на мелочах, движется она в поиске желанной добычи. Кажется иногда, что и не нужна она волкам вовсе, а влечёт их какое-то неясное им самим беспокойство.

Нет в том ненасытности или какой-либо безудержной страсти, а только терпение, достоинство и воля. Так её у зверя много, что, кажется, он даже не знает, куда её девать. Может он в ней захлебнуться, как в снегах и метелях, а может, благодаря этой природной правде, спастись.

Не зря в народе поговорка ведётся: у спесивого – волчья шея, то есть – не гнётся. Но волк не глуп, и не надменен, он удивительно гибок. Оттого, наверное, неудержимо манит к себе волчья тропа, и пугает.

Обычно волки идут рысью, к поживе – шагом. От опасности же бросаются в карьер, что на них совсем не похоже. Но, как ни поворачивай судьба, а волку роль убегающего не подходит: привык он к лесу особняком держаться, как будто не замечая ни рыси, ни кабана, ни медведя. Дела волку нет до чужой силы, если она попытается дорогу ему перейти, даже если она в лесу рождена: гордо и независимо несёт он своё звериное звание.

Следы у волка, как у лисицы, ложатся ровной цепочкой. Расстояние между следами одинаковое, в отличие от собаки. К тому же у собаки след разбросан, а у волка – прямолинейен, собран.

Перед тем как лечь, он скидывается по ветру и укладывается через несколько сот метров. И всегда маскирует свой след, выбирая при этом старые следы и дороги.

Нельзя сказать, что след волка – большая редкость, но иной раз проходит половина зимы, а ты его так и не встретишь. За своими интересами о зайцах, белках и глухарях начисто забудешь о существовании зверя. Натолкнувшись же на его след, как-то необыкновенно обомлеешь и глядишь на него с замороженным интересом. Сразу готов всё бросить и идти по следу, чтобы угадывать, читать, впитывать: ведь это волк, самый красивый и удивительный зверь!

Но не угнаться тебе за стаей – волки прекрасные ходоки. Недаром говорят: волка ноги кормят. Вся жизнь зверей проходит в непрерывающемся движении, и в этом заключён смысл их жизни, приемлемый и для человека. Десятки километров преодолевают волки за сутки, оставляя за собой глубокую борозду. Кажется, что даже снег почтительно расступается под их крепко сбитыми грудными клетками, так волки в своём зверином устремлении свободны.

Ум волка хорошо виден там, где он использует в снежные зимы дороги: по ним удобно передвигаться и охотиться. Зверю есть, отчего не доверять людям, но он не упустит возможности пройти и по лыжне. Понимает серый свою прямую выгоду так, что даже страх ему не помеха: ведь уплотнённый снег не только его самого выдерживает, но и зайцами помогает при случае поживиться.

При всей своей скрытности, волк немало интересного на снегу оставляет, если ты, подобно ему, неутомим. Вот у самой опушки березового леса два голодных зверя загнали бедного зайца. Весь снег здесь изрыт, истоптан и усыпан клюквой смерзшейся крови. Солнце высвечивает её так неожиданно на белом фоне, что закрываешь глаза и сразу представляешь, как всё это происходило...

А где-то в глухом и завьюженном метелями декабре вдруг упрёшься во взбитую стаей тропу, и войдёт она в тебя осиновым колом. Дыхание тотчас перехватит, кровь горячо ударит в виски и сердце томительно замрёт в груди,

так что не в силах охватить всего увиденного. Чудятся тебе волки где-то совсем рядом, вон за тем синеющим у лога ельничком...

Впереди волчица, за ней - прибылые, а замыкает цепь матерый зверь. И будто замер он у самой кромки леса и оглянулся, вперив в тебя холодный взгляд, но не повернул, а растворился в мгновение, ровно его и не было. Страшно и хорошо становится на душе, а низовая позёмка быстро замечает волчий след, будто всё это тебе приснилось.

Когда долгожданный март гостеприимно распахнёт перед тобой синие объятия и примет тебя в свое уютное лоно, ты отдаёшься ему с головой, и обо всём забываешь. Без памяти окунаешься в это пьянящее царство света. Все живое сейчас живет по его законам, а волки оставляют в нём свои следы. Это вытоптанные в глуши леса поляны, где совершаются скрытые от посторонних глаз волчьи свадьбы.

На них волки отрешённо предаются своей любви, и вся страсть их совокупления остаётся на снегу. Лес, кажется, расступается от присутствия возбуждённых животных. Снег у кустов окроплён мочевиной волчицы, и желтизна её сливается с солнцем и слепит. Всё увиденное поражает и повергает, и хочется жить волчьей жизнью: так же страстно и отрешённо.

Разгадывая все эти волчьи заботы, ты испытываешь незабываемые чувства, и всякий раз дивишься звериной смекалке. Хладнокровная нестигаемость ощущается в ней, каким бы волк ни был усталым. И ещё зверь без обиняков даёт понять: коли волком родился, лисой ни за что не бывать!

Волк - воплощение настоящей тайны, подаренной человеку лесом, а следы на снегу - это его незамерзающая душа. В них зверь бредёт неустрашимо через всю зиму, наверное, не очень переживая за уготованную ему судьбу. Свыкнувшись с постоянным преодолением своего жизненного неустройства, волк как будто забывается в зиме, и она его не пугает. Он удостоен такой нелегкой участи как избранный: волк очень многое пережил и знает.

Постоянно гонимый людьми, волк по натуре своей всё же не является исключительно злобным хищником. «Двуногий волк опаснее четвероногого, - не без оснований замечают в народе.— А иной раз и то бывает, что овца волка съедает». Вот и сказочный волк говорит человеческим голосом и одарен необычайной мудростью. Его даже наделяют крыльями: быстрее ветра переносит он царевича из одной стороны света в другую, помогая ему добыть чудесную жар-птицу. Да только в сказке волку праздник!

Видно, вовек не отыскать ему в лесу своей правды, а у человека тем более! Вынужден волк любить за то темноту зимнюю да долгую: в ней ему беду свою ненавистную миновать сподручнее. Воет он от голода и холода на бледнолицую луну, так что в жуть людей бросает. И только Богом бережённый при этом не перекрестится, потому как знает: волк его не тронет.

Оконца

Трудно увидеть зимой лося. В густой еловой тени, на фоне тёмных стволов деревьев, звери стоят такие же тёмные и неприметные. Стоят неподвижно, чуть шевеля ушами и мягкими губами.

Скупое зимнее солнце с трудом проникает в этот хвойный мрак, и лоси почти невидимы. Нужны наметанный глаз и хорошее знание леса, чтобы сразу различить этих крупных животных. Только лёгкие облачка прозрачного пара выдают зверей.

Любят лоси зимой держаться в потаённых ложках, у какой-нибудь неприметной лесной реки. Очутившись после нетронутой белизны полей в этом укромном царстве, зачарованно разглядываешь глубоко темнеющие в снегу наброды, горки шоколадного помёта, чуть подтаявшие и гладкие лежевины. Где-то здесь, рядом, слагается неторопливая звериная жизнь, и лоси представляются совершенно безобидными. В глубине зимы пыл их осенних сражений как будто начисто угасает, уступая место добродушной размеренности и покою.

В сильный мороз бывает, будто от старых берёз и елей стоит стон, и тогда лоси вздрагивают и настораживаются. Но никто их здесь не беспокоит, и они быстро успокаиваются. Получается это у них очень занятно, может быть, чуточку угрюмо, и звери опять размеренно поводят своими вытянутыми мордами, как будто недоумевая: чем ещё может удивить их зимний лес?

Не всегда удаётся встретить зверей в нём, и ты часто просто представляешь силуэты двух лосей, неторопливо удаляющихся по заснеженному взгорью твоего лесного прошлого. Лоси то останавливаются и настороженно поворачивают головы к тебе, то, вздрагивая шкурой и неловко мотнув мощно вылепленными рогами, медленно растворяются в чёрном лесу, а потом опять появляются и замирают. Нахождение этих величественных зверей в заснеженном лесу представляется каким-то волшебством, присущим только зимней поре.

Оконца их следов в подмороженном с утра снегу слегка голубеют и тоже завораживают своей глубиной. Тотчас представляются сухие, как палки, ноги лосей, очень стройные и крепкие, с массивными копытами, чуть вытянутыми в отличие от тех, что мы встречаем у лошадей. Хочется даже дотронуться до их глянцевой прохладной поверхности, и ощутить необоримую звериную силу.

Близость зверей, их совсем не кажущаяся доступность очень приятны. Чувствуешь, как и лосям приятно переживать всё то, что происходит с ними в эту непростую пору, которая и обыденна, и чудесна, включая все их нехитрые лесные заботы. Длинные ноги с узловатыми коленками, голенасто перемахивающие через синие сугробы, представляются почему-то чаще всего. Но сейчас лоси покойны: глубокие снега не позволяют им совершать

значительные перемещения, и они стоят или лежат неподвижно в глубине лесной чащи.

Несмотря на то, что из всех лесных жителей лоси - самые крупные животные, они, в тоже время, самые милые существа. Это понимаешь именно зимой. Следы их тянутся без разбору от одного деревца к другому, и только ободранная кора свидетельствует о зверином желании. Оно неизменно: лишь бы не переводилась сочная осинка да прочая молодая поросль. Лосю она - за милое дело!

Лось, вообще, во всех отношениях замечательное животное. Какой-то по-своему восприимчивый и тихий, он ничем особенным в лесу не выделяется. Живет себе мирно, ни о чём не тужит, но и радости никакой не выявляет. О чём лосю тужить, коли есть чем жить, а лосю живётся привольно среди сосенок и осин, в закрытой от ветров лесной низине, где по дну струится незамерзающий ручей. Мерно и умиротворённо протекают его лесные годы, особенно – зимой.

В синих снежных сумерках увидишь однажды понурые тени застывших у опушки леса зверей, и отчего-то умилишься. Ровно встретил старых, давно утерянных добрых знакомых, что, кажутся такими же молодыми, и ничуть не изменились. Радость случившегося откровения просто обуревают тебя, привнося в твою жизнь приподнятое настроение, и всё – благодаря милым лосям.

А звери по-прежнему стоят, молчаливо поглядывая в твою сторону, и только мягкие губы выдают напряжение. Губы изредка вздрагивают, словно звери не знают: бежать им или оставаться на месте. Забавны эти их нерешительность и простодушие!

Бывает, следы зверя говорят о нём больше, чем он сам. О его незатейливой жизни или же чрезмерной свободе. Порой они негодуют, кричат, просят пощады и милосердия. Следы вызывают, скорей всего, к человеку, к его горькому опыту и воле. Но не внимает человек безмолвному призыву зверей, а в азарте охоты бросается по их следам за ними в погоню.

Такая горькая участь уготована лосю поздней осенью, когда устанавливается снежный покров. И всё из-за того, что лось оставляет кровавые следы, по которым его несложно отыскать. С первым выпавшим снегом для лося наступает пора отчуждения: нет ему в лесу покоя. Собственные следы оказывают зверю медвежью услугу.

«Сочат» охотники сохатого по крови, оставшейся на снегу, безжалостно добирают, не думая, каково зверю уходить от такой напасти. Как несуразно для него это преследование, когда за ним пластаются, скрадывают, мытарят. Огромный и сильный зверь в агонии теряет голову, беснуется и, в конце концов, затихает. Не стоять ему больше мирно на вырубке, не подпирать собой потаённый лесной пейзаж, не обдирать чуткими губами сочную осиновую кору. Свои следы привели лося к этой обрушившейся на него кончине, и окропил он снег остатками былой красоты и силы.

Всё это налагает на лося тяжелые думы, и с ними бродит он по заснеженному лесу. Угрюмой безысходностью веет тогда от его следов, какой-то удручённостью и горем. Будто неприкаянна его судьба в лесу, им самим непостижимая.

Тянутся лосиные поволоки, как бесконечная строка в истории леса, обескураживают и почему-то не манят, даже когда лось просто бредёт по заснеженной вырубке. Бросив на них взгляд, с удовлетворением почувствуешь себя человеком, а не зверем, но непонятная тяжесть остаётся. Долго потом несёшь ее в себе, пока она постепенно не истает.

В следующий раз лосиный след уже встречаешь без интереса, даже - с неохотой, и всё же постепенно к нему привыкаешь, начинаешь опять вглядываться, изучая: куда лось шёл и зачем, какого он возраста, самец или корова? В лесу всё кажется значительным, каким-то особым.

Иногда след лося в глубоком снегу вводит тебя в необъяснимое оцепенение. Как лось, бредёшь ты по нему, утопая в зиме, ничего, кроме него, не замечая. Белый снег, белая пустота обтекают твою душу, и она начинает казаться тебе неживой, навечно уснувшей. Столкнувшись же с каким-либо ярким проявлением жизни – тетерева стремительно выпорхнули прямо перед тобой из-под снега, ты оживаешь, и заснеженный лес вновь обретает своё лицо.

Ты приободряешься и уже пытаешься взглянуть на лес глазами лося - печальными, большими. И тогда нечто загадочное начинает снедать тебя, и ты забываешься в белом безмолвии, воображая, как непостижимо и бездонно лосиное существование. Оно, должно быть, такое нелёгкое, безысходное, тупое...

Вокруг молчаливо стоит лес, и как будто ждёт от тебя чего-то. Словно не понимает, что ты не его житель: ни лось, ни медведь, ни выдра. А может, он принимает тебя за зверя, только что обрётшего свободу, и заботливо склоняет над тобой свои дремучие мысли. Ты же не знаешь: хочется ли тебе быть лосем или следует оставаться человеком?

Так, благодаря глубокому лосиному следу, оставленному зверем в муках, ты как будто заглядываешь через него в распахнутое им природное оконце, и постигаешь что-то неизмеримо большее, нежели лосиная жизнь. Может быть, это синие сумерки, что втекают в тебя холодным зимним цветком, а может, ты сам, как лось, начинаешь плыть в белом воздухе, переживая уже не боящимся сердцем всю эту занемелую зимнюю стужу. Её открывающийся безудержный простор вмиг охватывает тебя, и, к твоему небывалому удивлению, согревает.

Спасибо «оконцам», голубеющим проёмам в снегу, оставленным неторопливо бредущим по лесу лосем человеку. Они неизвестно зачем зовут за собой, будто открывая возможность заглянуть в ещё одну тайну природы, и, быть может, увидеть то, чего ты ещё не изведal.

Это укромное «оконце» в природу не сразу и заметишь: оно, вроде бы, маленькое, и всего свету в него, конечно, не оглянешь. Но если раскрыть ему

свою душу, то можно многое увидеть, и если Бог даст, то Он и в это «оконце» подаст, ибо сокровенное всегда рядом, когда ты добр к жизни и неутомим.

Нарыск

Лиса всегда считалась воплощением хитрости, но хитрость, как гласит народная мудрость, есть ум слепого, а лисичку слепой не назовёшь. Скорее, лиса по-настоящему умна, и обладает догадливостью, какой бы позавидовал любой человек. Где лисой, где волком норовит проскользнуть она, а то и семерых волков проведёт.

Весь её нрав - на свою особую статью, из-за которой лису в народе «кумушкой» зовут. «Лисой пройти» - в его устах значит сначала обворожить, а затем вокруг пальца обвести. И льстит, и манит лисье племя, не позволяя никому вовремя опомниться.

Благодаря своей повадке лиса всё равно курятины себе добудет, как ни стереги собака от неё двор. Спит лиса, а во сне кур щиплет. Видит, наверное, как нанялась на птичник беречь их от коршуна да ястреба. Что из этого получится - всякий знает.

Хитрая, проворная лисица не забывает свой хвост хвалить, потому, как он её следы замечает. Увёртливая даже в чистом поле, лиса всё хвостом прикроет и никогда на него не сядет. Оттого она всегда сытей волка и бывает, что держит свои ушки на макушке.

След лисы даёт довольно полную картину жизни зверя. Без особого труда можно судить по нему о возрасте, поле животного, где лиса была и что делала, какое у неё настроение, голодна она, в конце концов, или сыта. Даже не похоже это на изворотливого зверя, казалось бы, постоянно скрывающего свои повадки. Да только бывалый в лесу человек знает, что когда ищешь лису впереди, то она у тебя позади.

Её овальный, чуть удлинённый след знатоки называют между собой «лодочкой». Мягкость ему придаёт пяточная мозоль в форме червонного туза, выраженная не очень ясно. Да и ходить лиса предпочитает там, где мягко, в отличие от собаки, которая тупит когти о твёрдый грунт. Следы лисы легки, ажурны, словно бисер на ниточке стелются они по снежному покрову.

Обычный ход лисы - спокойная трусца, с равным расстоянием между следами, когда она неторопливо передвигается в поисках поживы. Зимой лиса быстро примечает, что ненадежно ей ловить рябчиков да тетеревов. Куда добычливей разыскивать мышей.

Бежит Патрикеевна по белой скатерти и прислушивается - не пискнет лимышь. Если следы её сближаются, значит, она перешла на шаг, сулящий скорое нападение. Заслышит лиса слабый звук - замрёт, затем подпрыгивает и крепко ударяет передними лапами по снегу. Аккуратная ямка, мгновенно

истаявшее в воздухе облачко искрящейся пыли и две капельки крови - всё, что осталось от бедной мышки.

След в гору, похожий на заячий, когда тот идёт на махах, лисица оставляет, поднимаясь наверх галопом. Так стремительно уходит она от преследования или неожиданной опасности. Вся подбирается в огненный шар - и бросается в спасительную чащу. За просто так лиса никому в ловушку не дастся: мордочкой снег роет, хвостом след замечает, только её и видели!

А ещё бывает у лисы такой ход, который не встречается у других зверей. Его можно сравнить только с куницей, но отпечатки лап у лисы расположены ближе друг к другу. Как говорят охотники, лисица идет «намётом», где-то поблизости почуяв ничего не подозревающего зайца. Словно заправская швея, намечает она неукоснительную строчку своих стежков: вот-вот несдобровать незадачливому косому.

Старая лиса, говорят, даже от свирепых собак огрызается, однако и молодой тоже доверять нельзя. Обещает лиса под конец жизни в монахи поступить, да только когда это будет! Столько коварства кума за свою жизнь хвостом наметёт, что проделки её каждому оскомину набьют, а ничему не научат. Лиса всё равно любого объегорит, и на звание не поглядит!

Изворотливость лисы простирается так далеко, что она старается по своему собственному следу передвигаться, чтобы лишних следов за собой не оставлять. Чувствует рыжая, где её меньшая беда ждёт, и старой пяты не гнушается. Облюбует какой-нибудь лесок, и живёт в нём барыней: хитрее её в округе никого не отыскать.

Меньше медведя, волка и рыси, лиса как будто замыкает в себе лесную хищность, но, не в силах сдерживать её, вынуждена маскироваться. Густой рыжий мех, симпатичная мордочка и неподражаемый хвост даны ей для красоты и изящества изощрённой природой, способной позволить себе обман ради постоянного процветания. Лиса не в состоянии быть доброй, она - разрушительница всех устоев!

Столько ухищрённого лукавства может быть заключено лишь в лисьей красоте, её никем непревзойдённых и тонких повадках. Поступь её, подобно роковой женщине, грациозна и нетороплива, а поступки чарующи и необъяснимы. Всякого околдует лиса, но при этом куска своего не упустит. Порой даже кажется, что ей самой себя опасаться приходится, до того она противоречива.

И всё же лесной дух берёт в ней верх. Возникая в самые крайние моменты, он всё-таки урезонивает своевольного зверя, и как будто ограничивает его вседозволенность. При всей своей разнузданности лиса начинает относиться к жизни с должным уважением.

Следы лисы зимой всегда попадутся тебе на глаза. Не в пример волку, лисица часто не боится подходить вплотную к деревне. Совсем близко подкрадётся, рыская лунными ночами по задворкам, накуролесит, наплетёт

свою премудрую вязь, так что плюнешь в сердцах, разбирая её следы: опять связался ты с блудной кумой, позабыв обо всём!

А лиса, хоть и в азарте охоты, идёт очень экономно. Так бережно ступает она, стараясь меньше вязнуть в снегу, что не только брюхом, даже хвостом не счертит никогда. След её аккуратен, чист: как не позавидуешь тут звериной выдержке и сноровке!

Лисичка довольно-таки коротконога, и по рыхлому снегу ступать ей несладко. В такую пору следок её тянется от ёлочки к ёлочке, где под навесом густых еловых лап снег оказывается не такой глубокий. Заметив поваленные ветром деревья, лиса устремляется к ним, идёт, насколько возможно, по стволу, а затем прыгает с его конца к подвернувшемуся опять укрытию.

Проведя всю ночь, а то и утро на охоте, лиса выбирает место для днёвки где-нибудь на возвышении. Отправляется она туда без особых предосторожностей. Хитроумных смёток и петель, как заяц, лиса не делает, а лишь иногда, сбросившись с тропы, ложится так, чтобы видеть свой след.

Свернувшись калачиком, лежит она обычно на боку, подобрав к животу передние и задние лапы, закрыв их пушистым хвостом. Хвост её от простуды предохраняет, через него она вдыхает уже отогревшийся сквозь мех воздух.

Лисьи лёжки встречаются в лесу редко, и ты с удовольствием рассматриваешь их, представляя, как лиса лежала тут, свернувшись, изредка поглядывая, да подслушивая. Кому-то такие простые днёвки, на открытом месте, покажутся простыми и неприхотливыми. Но не резон лисе устраивать в зиму меховую лавку в глубокой норе, где, застав её, мужик посмеётся. Заботится лиса о своей шкуре, которая составляет лучшее, что она имеет.

Зимой налёт всех ухищрений и безнаказанности как бы спадает с лисы, и она предстаёт просто одиноким зверем, вынужденным, по мере сил, перебиваться в уснувшем лесу. Может, оттого она и тянется поближе к деревне, где есть поля и дороги, и какое-то пропитание. Неспроста переселилась лисонька и в сказки, потому как хорошо знакома и близка русскому народу.

Никто не думает смотреть на лису в сказках с ненавистью: её находят приятной и даже красивой. Скорее, радуются в них люди ловкости, которую обнаруживает плутовка, чем негодуют, и потешаются над теми, кого она оставляет в дураках. Лиса своим присутствием и следами возбуждает в народе тонкое понимание леса и равнодушное отношение к собственной жизни и лесу.

Так однажды ночью придёт лиса и к твоему лесному дому, неторопливо обойдёт его и сядет. Затем, наверное, долго смотрит в оттаявшие стёкла маленького окна, как будто чего-то ожидая. Избушка спит, но всё в ней уже разбужено: ты чувствуешь присутствие зверя, и это не даёт тебе покоя.

Глаза лисы посверкивают в темноте холодным блеском. Чуть-чуть посвистывает позёмка, шерсть изредка вздрагивает на загровке, и скрип плохо закреплённой ставни выводит зверя из его застывшей

настороженности. Лиса так же тихо, как и появилась, исчезает, а снег глухо замывает следы, будто её и не было.

И всё же присутствие зверя остаётся... Вернее, его ночной призрак, который вернул к жизни тихий рассвет, а ещё – занесённые снегом следы лисы. Так приятно было переживание радости от ощущения близости зверя, и в тоже время – лёгкой печали оттого, что зверя этого тебе никогда не достичь и не постигнуть.

Иногда следы на снегу оживляют в памяти давно забытое, связанное с лисой... Как когда-то заколол её дед вилами на конюшне, ты был ещё совсем маленький, и стояла зима. Дедушка караулил лису три дня, а её всё не было. В последнюю ночь он задремал, и она пришла...

Это случилось за два часа до рассвета. мех остался лежать на соломе рыжими клоками, а потом дедушка с фонарём перетащил лису в дом. Запах снега и морозного воздуха принесли с собой зашедшие соседи, полюбоваться на зверя. Лиса же, казалось, заснула: она была как живая.

О многом может рассказать след, что оставила на снегу лиса - мягкий, нацеленный, не похожий ни на кого. В народе его прозвали «нарыск»: цепко тянется он по зимнему лесу, сворачивая только по надобности. Нелегко человеку угнаться за ловким зверем, которому лес оказывается родным домом.

И человек читает следы и восхищается звериным лукавством: ай да лиска-лиса, подбрюшьё лазоревое, хребет бобром! И по траве она ползком, и по воде плавком, а умом и вовсе сударыня: век ищи, а хитрее зверя в лесу не сыщешь!

Малик

Всю зиму петляет по лесу наш вездесущий заяц. Вдоль лесных дорог разыскивает осинки, что моложе и слаще, днём по балкам да оврагам скрывается, а как сумерки - отправляется к селеньям поближе: не уронил ли кто клок сена, не осталась ли беспризорной яблонька?

Похаживает зайчика по ельничкам, погуливает серенький по осинничкам, вроде бы, и горя ему мало. И хоть складывают про него в народе загадку: «По лесу-лесу лисье жаркое в шубейке бежит», - он оттого не унывает. Заячий малик, бодрящий и пряткий, вьётся себе через всю зиму, словно позёмка в полях, и никогда не истаивает. «Малик» - так прозвали охотники след на снегу, оставленный зайцем.

Следы зайца из всех зверей, пожалуй, самые запоминающиеся. Аккуратные, будто капля на каплю похожи заячьи поскоки: всякий их видал и хорошо знает. В них проглядывает скорее уверенная осмотрительность косоного, нежели издавна приписываемая ему трусость, которая, впрочем, не мешает зайцу и на свой промысел ходить.

Пуще воли своей, должно быть, любит заяц погрызть осиновую кору. Там, где лось осенью побывал, повалив рогами небольшие деревца, зимою заяц себе обеденный стол налаживает. Вытопчет снег - что танцевать впору, а уж веточки сладкие до белизны снега источит. Чуть ли не сахарными они от этого становятся, и так безжизненно в сугроб уткнутся, что пожалеешь их даже за такое обращение. Заяц же все эти переживания невдомек!

Сил ему зимой надобно прибавлять, чтобы от опасности невредимым уйти. Рысь с лисой ему всю жизнь на зады так и насаждают, передохнуть не дают. А уж о человеке и говорить не стоит: недаром большинство поговорок о зайце сложили охотники. Заяц в них выглядит отнюдь не каким-нибудь простофилей или бедолагой, а всё больше ловким, сметливым зверьком, за которым гнаться далече, и куда его достанешь - с пару зайдёшься!

И вот любо охотникам целыми часами тягаться с косым, да только пока они зайца убьют, целого вола съесть можно. А если за двумя зайцами погонишься, и вовсе ни одного не поймаешь!

«Коня положили, а зайца уходили!» — вот как говорят о нехитрой, казалось бы, добыче. Но не дорог охотнику конь - дорог заяц! А ведь только рубль бежит, когда его сто догоняют, и как ещё пятьсот споткнутся, да какой-нибудь неоценённый убьётся?!

Что с того, что заяц мал, храбр он, видать, по-своему и удал. Живёт он в лесу на слуху - попробуй его стронь в узёрку! Задолго тебя косой угадает - и айда петлять через овражки. Вот и получается, что собака за зайцем, а заяц за волей.

В народе и с именами зайца не было никакого сладу! Покорности, какой-то смирённости со своей незавидной судьбой ни за что в них не услышишь. То его прозовут непристойно для поста, отчего пахнет не раз содеянным грешком, «скоромча», а то, хоть и не без улыбки, но с внутренним восхищением, вперемешку с добродушной уважительностью, «ушкан». Особых «профессоров», выписывающих на снегу замысловатые и недоступные строки, обозначали «кривнем», с оборотнем же, поразившим своей изворотливой изобретательностью, обходились в речах как с «выторопнем».

Всем заяц взял, и без potreбы ему быть больше, чем он есть на самом деле. В меру благоразумен, осмотрителен и быстр, он любим в народе, несмотря на то, что раньше зайчатину считали неуютной пищей. Встреча с ним якобы даже предвещала несчастье, и зайцу, перебежавшему путь, надобно было через плечо обронить: «Пень тебе да колода, нам путь да дорога!»

Всё белое, связанное с зимой, именовали не иначе как «зайцем». Так окрестили клуб белого пара, выходящего зимой из жилого тёплого строения. Это название относится в народе и к синим огонькам, перебегающим по горящим угольям. Промёрзлые, покрытые клубами инея места в углах избы обозначали тоже его прозвищем. «Зайчиком» обернулся и беглый отблеск морозного солнца в зеркале...

В самом имени зайца сразу представляется зима, которая стелет ему постельку пуховую. Мягче заячьей шубы она, чище месяца. Заяц в неё с головой забирается, да ещё раскопает под собой осиновое поленце, и грызёт его чуть ли не всю зиму. Сладко ему коротать её в сугробе, душевно.

Заяц и летом зиму, наверное, ждёт, и осенью, чтобы спасительной белизной её укрыться. И так ему хорошо в ней, спокойно живётся, что не боится он следы за собой оставлять. Семь потов с тебя сойдёт, пока ты его петли да сметки распутываешь, а порой и хвоста не увидишь! Но и по заячьему следу иной раз доходят до медведя.

Вся сила у зайца в лапах, которые у него зимою словно лыжи. Заяц на них тихонько ковыляет, присаживаясь возле торчащих из снега веточек, и ничуть не проваливается. Страшней рыси с лисой для него в эту пору только филин да неясить, которым с воздуха сподручней за лопоухим охотиться. Тут уж не спасут ни лапы, ни белая шкура, и заяц поневоле бежит, если лететь не на чем.

Бег зайца, благодаря тому, что у него передние лапы много короче задних, совсем особенный, с прыском. По той же причине он на гору бежит гораздо легче, нежели под неё. Со стороны все эти передвижения представляются очень забавными, даже смешными...

Но если зайца выгнать с опушки в чистое поле, от кажущейся хромоты его и следа не останется. Так припустит косою по вольно раскинувшейся снежной пелене, что диву даешься - и это с лапами-то его колченогими! Чует заяц простор родимый: ни пулей, ни посвистом его не остановишь.

Бегают заяц всю зиму по лесу, ёлочки своих следов повсюду оставляя, и веселья ничуть не утрачивает. Даже отсутствие хвоста его не особо трогает: не дал Бог ему такого дара, и не надо! За то его, наверное, куцым в народе и прозвали... И даже если зайца всё-таки поймали и съели, мех его носят да похваливают.

Побежка

Когда уже изрядно уляжется в лесах снег, начинает попадаться след куницы, которая печатает парные продолговатые ямки, расположенные наискосок друг от друга. Словно в меховых башмачках ступает куница по снегу, аккуратно ставя задние лапы в лунку, проделанную передними. Но часто она «троит», вынося одну из лап слегка наперёд.

Кунице в начале зимы передвигаться по рыхлому снегу довольно убротно, и потому она использует верхний ярус леса. По деревьям она лазить и скакать мастерица. Идёт «грядой» - с одной верхушки дерева на другую, не спастись от неё даже более легковесной белке: в зимнем лесу ей тут и дом, и пожива.

Выбрав себе гнездо где-нибудь в полости старой липы, куница держит его в чистоте и порядке. Строгая и основательная хозяйка, она так же

строго следует всему в отыскании добычи. Не зря в старину говаривали про неё: «Кунь да соболь бежит, а баранья шуба в саях дрожит».

Всё в облике куницы соответствует её охотничьей сути. Туловище тонко и изворотливо, широкая голова на короткой шее необыкновенно подвижна. Низкие и крепкие лапы подбиты волнистой шерстью, что создает им волшебную мягкость. Хвост длиной с половину тела, густой и пушистый, служит великолепным рулём при погоне за белкой. Куница - вкрадчивый лесной хищник, призванный лесным богом беспощадно настигать.

Кунья мордочка - хитрая, цепкая, никогда своего не упустит. На любое проявление жизни в зимнем лесу она реагирует мгновенно и хватко: в охоте куница сама безукоризненность. Ни глухарю, ни рябчику от её острых зубов не будет никогда спасения: куница в лесу самочинно и властно верховодит.

Знатным зверем она завсегда на Руси почиталась, дорога и богата была с неё пушнина. Куньи, беличьи, да собольи меха заменяли собой деньги. Товар этот был ценнее всех иных, и чтобы умиловить кого-либо, одаривали его куницею.

Куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина просили обычно за выкуп невесты. При её сватанье дружки приговаривали так: «Повар, повар-батюшка, повариха-матушка, встань на куньи лапки, на собольи пятки, отдай, ради Бога, за куницу красну девицу!» Слово «куничное» так и считалось исстари откупом за невесту родителям.

Именно со слова «куница» о пушных зверях, при входе их в возраст, принято было говорить - выкуниться. То есть - вступить в зрелость, перебраться в должную шерсть. Соответствовало это и возмужанию, складыванию во что-то целостное и дорогое. «Кунеть» раньше имело ещё одно значение - поправиться, выздороветь.

Сама куница - удивительно живой зверь, вынуждающий своим существованием других обитателей леса быть осмотрительнее в своей жизни. Всякому желающему продлить свой род надлежит держать с ней ухо остро, ни на минуту не теряя бдительности. Держа многих птиц и зверей в страхе, куница закаляет в них лесную волю, благодаря которой они, как и человек, выздоравливают и ещё более крепнут духом.

Вот таким безжалостным манером радуется куница из года в год за всё живое, проворство своё драгоценное попусту не исстрачивая. Имеется у неё не всегда видная примета, что неожиданно показавшись, может поразить: это большое пятно на горле и на нижней стороне шеи, имеющее ярко-лимонный или даже оранжевый цвет. Куница им как будто завлекает и околдовывает, сама, наверное, не зная, для чего ей дарована такая красота.

Имея эту необыкновенную душу, куница, конечно, может собой заслуженно гордиться. Она и неотразима, и восхитительно неповторима, и чарующе коварна. Пустое желание просто нравиться – куницу, видимо, не удовлетворяет. Именно из-за способности грациозно собрать всю свою силу и довести затеянное ею коварство до конца, куницу и уважают в народе.

Лесная куница невероятно чутка, и просто так к ней не подкрадёшься. Всё новое она тотчас берёт себе на ум. Преодолевают открытые пространства только в самых узких местах, и зачастую оставляет себе заметку для памяти: мол, можно ходить тут без опаски, коли я уже побывала.

Тянется след куницы через перелески да овражки, западая в валёжнике и завалах, и вновь впереди возникает. Меряет куница им чистые снега, километр за километром преодолевая. Редко кому удаётся вживую углядеть её непрекращающийся поиск, и если уж посчастливилось - радости с восторгом тут не оберёшься!

Но как бы человек остро не желал встречи с куницей, она соседства такого не принимает. Ей гораздо вольготнее там, где тишина да глухомань, здесь куница чувствует себя полноправной хозяйкой. Неторопливо прокладывает она цепочку своих лёгких следов, ни один ложок не пропустит. Тянет её к таким местам, которые можно с удовольствием прослеживать и тут же хорониться. Кунице, по её неприхотливости, кажется, очень нравится жить, и получается это у неё с большим вкусом.

Это хорошо видно по мягкости её следов, какой-то необыкновенно уютной линии, которую она за собой на снегу оставляет. Сразу представляешь, как она передвигается вприпрыжку, пристально вглядываясь вокруг, то и дело внюхиваясь. Вроде бы, даже и сама зима ей нипочём.

Когда куница устаёт от своих вкрадчивых разбойных дел, то забирается в брошенное белкой гнездо, и, свернувшись в нём тёплым клубком, сладко забывается на время. Метель поёт ей свои заунывные песни, а мороз позвякивает волшебным колокольчиком. Куница же спит себе спокойно, ни о чём не заботясь, и, наверное, видит какие-то необыкновенные лесные сны.

Наброды

Принято думать, что большую часть своей жизни рысь таится на суку. Так и видишь, как замерла она там, ушки её наострены, и только кисточки подрагивают. Широкие баки застыли в зловещем оскале, лапы подобраны - вот-вот рысь совершит прыжок.

Но зимой можно часто обнаружить её след в лесу: рысь не прочь прогуляться по снегу в поисках добычи. Ни с каким другим зверем не спутаешь её кошачьи разлапистые следы. Вылеплены они как-то особенно красиво, легко и мощно.словно дикой лесной кошке нравится ступать вот так, и она любит сама собою.

Взволнованно бьётся сердце при мысли о том, какой это необычный и загадочный зверь. Может, оттого, что таится она более других, существуя как-то мягко и незаметно. Рысь, кажется, соединяет в себе черты многих зверей, скрывая собственные.

Шаг у рыси всегда спокойный, размеренный, будто она никуда не торопится, избегая в своей жизни всякой суеты. Хищник редко бегает, чаще

крадётся, мягко ступая крупными лапами со спрятанными когтями. Судя по следу, чувствуется, как ей это приятно, рысь полна скрытой силы и коварства, а на уме одна корысть - как бы где порысить.

Рыщет рысь по полям, по лесам – что-нибудь да раздобудет себе на пропитание, на то она и рысь. Лиска охотится по мышам, рысь же ищет себе поживу крупнее: то придавит лапой ночующего в лунке рябчика, то скрадёт зазевавшегося косача, отбившегося от стаи, на худой конец отобедает яйцами куропатки или поймает не пришедшую в себя со сна белку. А бывает, нападёт на рысь спесь, так не хочет и с дерева слезть. Лежит, вольно развалившись в удобной развилке дерева, да щерится в рыжие бакенбарды: кажется, от гордости своей звериной и при виде опасности не вскочит.

Часто рысь затаивается на ветке над звериной тропой или у водопоя, и бросается на жертву сверху. Несдобровать зайцу, если он попадает в когти этой кошке! Правда, долго его рысь преследовать не может: имея маленькое сердце, она быстро задыхается и всякое преследование скоро прекращает. И на её век ещё зайцев осталось!

Неторопливо бродит она всю зиму в поисках тетеревов и рябчиков, которые составляют её любимую пищу. Подобравшись неслышно к самой лунке, рысь молниеносно бросается к спящей птице: не миновать рябчику её хищных зубов.

Ещё рысь пестра шкурой, так, что не сразу заметишь посреди заснеженного бурелома её гибкое тело. Слившейся с корой деревьев тенью мгновенно проскользнёт она и тотчас истает. Будто её тут и не было. Рысь избегает попадаться на глаза человеку, и оттого поступь её бесшумна, а чутьё невероятно восприимчиво.

След рыси дышит её матёростью, какой-то спокойной хитрецей. Словно зверь наперёд знает всё, что может с ним случиться, и ничего не боится. В этом ровном и покойном поведении, рысь не похожа ни на какое другое животное: она одновременно невероятно обособленная сила и непознанная тайна.

Овальные мякиши её следов приятно вырисовываются в недавно выпавшем снеге, выдавая в звере какую-то притягательную кротость. Зверь этот, конечно, ни на кого не похож и по-особенному красив. Он замечателен в своём почти невидимом образе жизни.

Чрезвычайно осмотрительная и хитрая, рысь никогда не теряет присутствия духа. Из всякого, даже невыгодного для неё положения она старается и умеет извлечь пользу. И при этом всегда ведёт себя сдержанно, спокойно.

Зоркие глаза и острый слух позволяют ей заранее избирать необходимое поведение. Своего врага или жертву рысь встречает бодрой и собранной. Застыв, как изваяние, всматривается она в окружающие предметы и не пропустит ни единой мелочи. Замечательно восприимчива рысь к чужой слабости и силе, и невероятно сложно её саму чем-либо огорошить.

Это происходит потому, что рысь никогда не разрешает себе расслабиться, она постоянно готова к нападению, и беззаботность ей не присуща. Ей, должно быть, очень нравится всякий раз красться, как будто заигрывая с жертвой, и она беспрестанно подогревает в душе азарт охоты. Плохо скрываемой кровожадностью пышат её расплывающиеся в злобном оскале бакенбарды, а уши с кисточками так завораживающе вздрагивают, что неприятно начинает посасывать под ложечкой. Всё в облике рыси будто наставляет: держись от меня подальше, я же буду стараться застигнуть тебя врасплох!

Любовь к охоте и прирождённая сметливость не зря снискали ей заслуженную славу, но это, кажется, ничуть не трогает рысь, и она не перестаёт преумножать в себе терпение с упорством. Рысь как будто даже становится нездоровой в этом стремлении, впрочем, бесспорно, восхитительном. Вот уж кто, наверное, не переносит неволи, обнаруживая при этом чувства, ей не свойственные. Только обаяние дикой природы пленяет рысь.

Если ты на самом деле предан лесу, то хоть раз да посчастливится тебе встретиться с рысью. Как всегда, ты не ожидаешь этого и пробираешься сквозь глухую сосновую чащу к дорогим твоему сердцу глухарям. Тут, на заснеженных верхушках мощных великанов, что успокоились между собой в глухую зиму, коротают птицы январские и февральские ночи, а сосновая хвоя в эту пору – их хлеб. Ты думаешь о глухарях, о соснах, и беспamięтно погружаешься в зиму, даже не предполагая о встрече с каким-либо лесным зверем.

И вот, когда сердце твоё совершенно забылось в этом отрешённом заснеженном мире, оно вдруг вынуждено было вострепнуться... Сначала снег тонким облачком осыпался откуда-то сверху, и ты скорее почувствовал, нежели увидел, какое-то лёгкое движение. По старому, поваленному бурей стволу, зацепившемуся верхушкой в переплетении ветвей соседних деревьев, медленно ступала крупная рыжая кошка.

Она наверняка заметила твоё присутствие, но почему-то не торопилась исчезнуть, словно знала, что ты не причинишь ей никакого вреда, а только будешь любоваться её непревзойдённой лесной красотой, теша своё разыгравшееся воображение. И действительно, ты был поражён этой завораживающей силой и негой.

Рысь ступала уверенно и осторожно, не поворачивая в твою сторону головы, и ты чувствовал её напряжённое внимание и желал одного: чтобы она остановилась и посмотрела тебе в глаза. Пусть хотя бы так, мимоходом. Тебе бы этого хватило.

И кошка обернулась, и ты понял, как дорого тебе её нахождение в этом загадочном лесу, и был ей благодарен. Она растворилась так же неслышно, как и появилась, под пологом заснеженного леса, а ты стоял, оцепенело, и смотрел ей вслед. Идти за ней было бесполезно: она уже оделила тебя своим

волшебным появлением, какое-то время находилась рядом, и, конечно, оставалась к человеку равнодушной.

Рыси было достаточно своего соседства с лакомыми глухарями, о них ты совсем забыл. Забыл и о зиме, и о великих деревьях, и об этой замершей белой тишине. Рысь оставила в ней о себе только зыбкие следы и мимолетную память, которую ты будешь бережно и долго хранить. Может быть, кому-нибудь расскажешь и чуть приукрасишь, но никогда не забудешь.

Вместе с другими зверями, оставившими в твоей душе след, рысь будет приходить к тебе всю жизнь, и всегда это разбудит приятные воспоминания. Незьяснимая печаль отчего-то коснётся твоего сердца, когда ты оживишь в памяти этот зимний день, но не расстроишься при этом, а в который раз восхитишься. Чего бы тебе это ни стоило, вновь постарайся отправиться в зимний лес, в надежде всё же увидеть мягкие кошачьи следы. А может быть, если повезёт, заглянуть великолепному зверю в глаза, и пожелать ему долгой лесной жизни.

Оглавление

УГОЖЕЕ ПОМЕСТЬЕ	1
ЗНАМЕНΙΑ	18
ОТЕЦ-ЛЕС	31
Приветственная.....	35
Благодарственная.....	36
ДЕРЕВА	36
САМЫЙ ЛУЧШИЙ ДЕНЬ	43
ОДИНОЧЕСТВО	44
ПЕРЕЛЕСКИ.....	48
СВОЯ ВЕСНА.....	53
ВЕСНА - ТВОЯ СУДЬБА.....	55
СОЛНЦЕ В ДУШЕ	57
ШЕЛЕСТ ЖИЗНИ	58
ВОЛЧЬЕ ЛЫКО	61
РОДНИЧОК.....	65
ОБЫКНОВЕННОЕ ТЕРПЕНИЕ	69
ВЕРБА	69
ГНЕЗДО	70
ГДЕ-ТО ТАМ?!	72
БАБОЧКИ.....	73
СТАРАЯ ПРИМЕТА	74
ЛИСИЧКИ	75
НАГРАДА.....	76
ТРАУРНИЦЫ	77
ЁЛОЧКА ВРЕМЕНИ.....	77
ДОБЫЧА	79
ЛЕСНАЯ ЗАГАДКА	79
ОТМЕТИНЫ	80
ЦВЕТOK	81
ПРЕДЗИМЬЕ.....	82
ПЕРВЫЙ СНЕГ	83
НОЧНАЯ ЭЛЕКТРИЧКА	85
ВОЙДЯ В МОРОЗНЫЙ, ЗИМНИЙ ЛЕС... ..	86
ПОД РОЖДЕСТВО	91
СИНИЙ ВЕЧЕР.....	92
ФЕВРАЛЬ-БОКОГРЕЙ.....	96
БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА	104

ЛИНИИ ЛЕСА	111
ВЕСЕННИМ ДНЁМ	114
ПЕРВЫЙ ТОК.....	117
ЖИЗНЬ В ЛЕСУ	120
ГОЛОС ПРИРОДЫ	123
КОСТЁР ЖИЗНИ.....	125
ЗАВИСТЬ	129
ЛЕСНОЙ БОГ	130
КАК Я УЗНАЛ, ЧТО БУДУ ЖИТЬ ВЕЧНО	136
ПРЕДВКУШЕНИЕ ТАЙНЫ	137
СТАРАЯ БЕРЁЗА	139
СНЫ	140
ПНИ И ВЕТЕР	142
ПАУТИНА.....	143
ЧЕРНИКА.....	143
ЗАПОВЕДЬ КОРНЕЙ	145
АВГУСТОВСКИЙ ЛЕС.....	146
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ.....	150
ПОСОРКА	151
РАЗ СТОРОЖКА, ДВА СТОРОЖКА.....	155
ОСЕННЯЯ ЛУНА.....	168
СТРАХ	171
ЭТОТ ВЕТЕР.....	171
СНЫ ЛЕСА.....	178
Медведь	180
Барсук.....	183
Белка.....	185
Ёж	188
Пчёлы	190
Муравьи	192
Змеи	195
Птицы.....	197
РАЗНЫЕ ЗВЕРИ И ПТИЦЫ	199
Почему зайчиху плохой матерью зовут?.....	200
Чувства-птицы	201
Бесстрашный заяц.....	202
Ворон.....	203
Крапивник	204

Изобретательная сорока.....	204
Белки	205
Взгляд из окна	206
Старая волчица	207
Трясогузкины причуды.....	207
Дятлова кузня.....	208
Интересная особенность	209
Смышлёная ворона.....	209
Сорокопут.....	210
Утки.....	211
Бродки.....	211
Ласточки	212
Косой.....	212
Чомги	213
Енотка	213
Буровато-серая маленькая птичка	215
Поразительный тетерев.....	216
Выдра	216
Цапли	216
Витютень	217
Носогрейка	217
Вальдшнепиная любовь	218
Про сыча	218
Отчего волки воют?.....	218
Ночной барашек.....	219
Лосиный волк.....	220
Тёмная звериная душа.....	220
СЛЕДЫ НА СНЕГУ	221
Переступы.....	224
Сакма.....	226
Оконца	230
Нарыск	233
Малик	236
Побежка	238
Наброды.....	240